

ЮРИЙ ДРУЖНИКОВ

5

ЮРИЙ
ДРУЖНИКОВ

5

Юрий Дружников
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том 5

YURI DRUZHNIKOV

**Collected Works
in Six Volumes**

Volume Five

**Prose and Plays
for Children**

**Baltimore
1998**

ЮРИЙ ДРУЖНИКОВ

**Собрание сочинений
в шести томах**

Том пятый

**Проза и пьесы
для детей**

**Балтимор
1998**

YURI DRUZHNIKOV
COLLECTED WORKS IN SIX VOLUMES

Volume Five

Russian edition

Copyright © Yuri Druzhnikov
All rights reserved under International and Pan-American Copyright Conventions.

Library of Congress Cataloging-in-Publication Data

Druzhnikov, Yuri, 1933 — Collected Works in Six Volumes
Sobranie sochinenii v shesti tomakh / Yuri Druzhnikov

Volume One. Micronovels and Short Stories.
Volume Two. Angels on the Head of a Pin.
Volume Three. Prisoner of Russia (Pushkin).
Volume Four. Literary Criticism. Informer 001.
Volume Five. Prose and Plays for Children.
Volume Six. Essays. Memoirs.
p. cm.

Includes an Introduction (Volume One), bibliographical references and index.

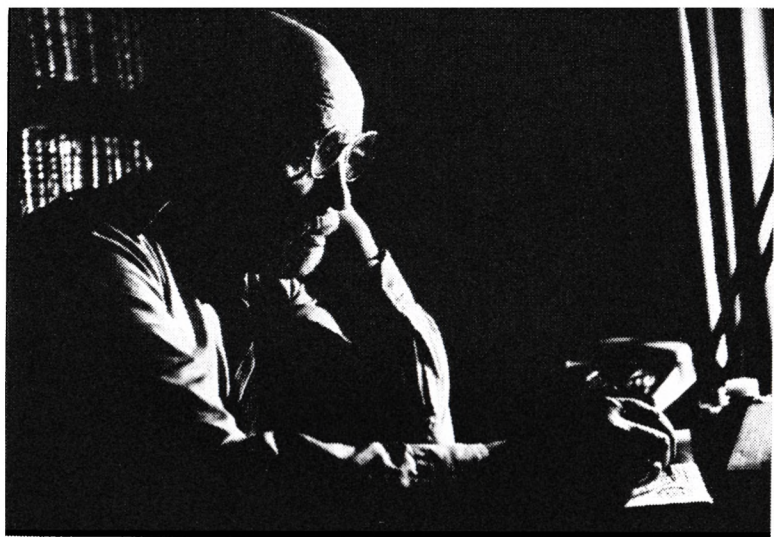
ISBN 1-885563-16-7 (set)
ISBN 1-885563-14-0 (v.5)

1. Russian literature—Fiction. 2. Russia—XIX–XX century History.
3. Russian writers—Literary criticism.
I. Title. II. Title: Sobranie Sochinenii.

PG3350.5.J68D78 1998
891.71'44--dc20 98-60549
CIP

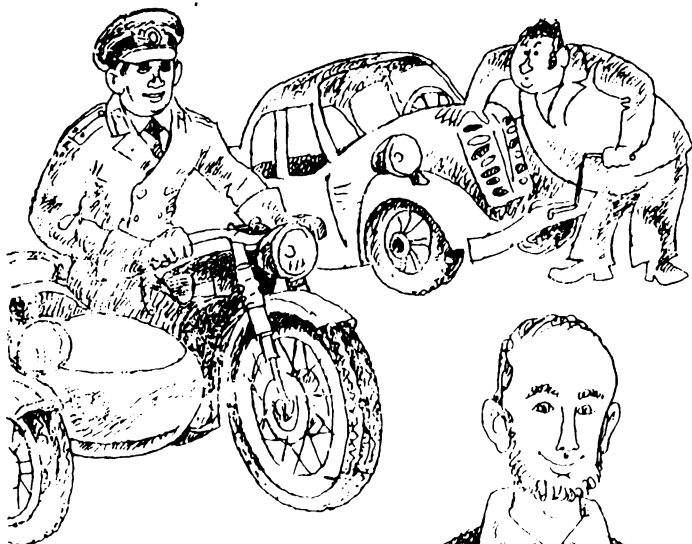
Published by VIA Press
6100 Park Heights Ave
Baltimore, MD 21215
tel.(410) 358-0900

Manufactured in the United States of America

КАНИКУЛЫ ПО-ЧЕЛОВЕЧЕСКИ

Роман

Позвольте представить:
вот герои романа с приключениями.
Его сочинил для вас писатель

ЮРИЙ ДРУЖНИКОВ

Посредине Олина мама Наталья, которая работает на кондитерской фабрике, и папа — астроном Павел Кольцов.

Сбоку инженер Виктор, Наташин брат, и, стало быть, Олин дядя.

В углу красавица машинистка Розочка Николаевна, которая, говоря по секрету, собирается выйти за Виктора замуж.

Слева верхом на своем верном мотоцикле лейтенант милиции Кислица.

Рисунки
С.Калачева.

Недалеко от него маэстро Жора, специалист ниже нуля, заводит свой автомобиль породы «Драндулет».

Справа сосед Кольцовых Дима, по кличке Таксист, с уникальным черным псом марки «Такса» и по имени Мракобес.

А еще в романе автору помогают и мешают:

носильщик,
стюардесса,

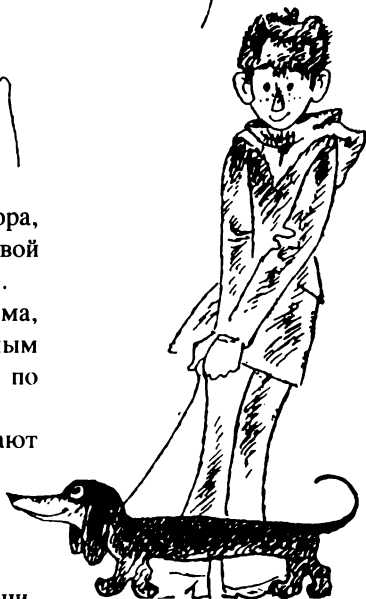
клоуны братья Сидоровы,

фотограф, говорящий исключительно стихами,

редактор газеты,

Старый Мудрый Орангутанг,

артисты кукольного театра и некоторые другие люди, звери и пресмыкающиеся.

Да! Чуть-чуть не забыли про подающую большие надежды обезьяну и, наконец, обыкновенную московскую девочку Олю Кольцову, самую распренаиглавнейшую героиню этих почти невероятных происшествий, в которых абсолютно все, кроме выдумки, чистая правда.

Итак —

КАНИКУЛЫ ПО-ЧЕЛОВЕЧЕСКИ

Первая история ДЯДЯ ВИТЯ СОСКУЧИЛСЯ

Один инженер, знакомый моих знакомых, а, значит, и мой знакомый тоже, долго работал в Индии. Целых два года. И за это время ни разу не был в Москве.

В Индии он привык ко всему удивительному. Привык к тому, что там не бывает зимы, всегда жара и часто льют проливные дожди. Привык, что его окружают люди со смуглой кожей, которые говорят на разных языках, и что по мостовым рядом с автомобилями шествуют слоны, а по тротуарам вместе с людьми шагают дрессированные коровы. И у светофоров все послушно останавливаются на красный свет.

Но, привыкнув к удивительному, мой знакомый инженер (звали его Виктором) стал скучать по обыкновенному.

Грустил Виктор по лесу с березами и елками, по морозу, от которого стынут уши и горят щеки, по катку в парке, где он катался мальчишкой на коньках, по веселому снегу, вдруг превращающему черные тротуары, красные крыши и вообще все разноцветное во все белое.

Соскучился Виктор по московским друзьям и особенно по Розочке Николаевне, с которой познакомился перед отъездом и которая ему очень понравилась. Виктор часто вспоминал, какие у Розочки длинные ресницы, и мечтал скорее с ней встретиться.

А еще Виктору хотелось быстрее увидеть Олю, дочку своей старшей сестры. Он помнил племянницу маленькой – в пеленках, помнил пятилетней. Однажды Оля спросила:

– Дядя Витя, а ты знаешь, от кого люди произошли?

– От обезьян.

– А я? Я тоже была сперва обезьяной?! Смотри!

И она протянула ему альбом с фотографиями.

– Здесь мне пять дней. Здесь – месяц. Видишь? И я никакая не обезьяна, а просто девочка. По-моему, люди ни от кого не произошли!

Виктор растерялся, не знал что ответить. И сказал то, что часто в таких случаях говорят взрослые:

– Вырастешь – поймешь!..

Но все же ему было неловко от такого унылого ответа.

Теперь, судя по письмам, которые Виктор получал от сестры, Оля уже ходила в первый класс. Она выросла – целых два года они не виделись! Интересно, знает ли она теперь, от кого произошли люди?

Вообще-то Виктор был парнем неунывающим, а в последние дни перед отъездом стало ему не по себе. Хорошо, что завод, который инженер строил, был уже почти готов и командировка кончилась. И взят билет на самолет, вылетающий завтра в Москву.

Билет билетом, но разве можно вернуться из далеких стран без подарков?

– Эх, ты! – скажут. – Был, понимаешь, в стране чудес, а ничего особенного не достал. Ну и растяпа!

Виктор тут же представил себе Олю. Она увидит, что он ей ничего не привез, и глаза у нее наполнятся слезами.

Отправился Виктор на улицу и целый день ходил по магазинам и лавочкам. Все раздумывал, что бы купить не очень дорогое и вместе с тем – необыкновенное.

В одной лавочке на рынке сидел, скрестив ноги, старик-звездочет с длинной белой бородой и продавал кусочки небесного камня.

– Это что же за штука такая? – спросил Виктор по-английски.

– Как?! – старик затряс белой бородой. – Вы не знаете, сэр, что такое камень, упавший прямо с неба?!

– Неужели метеорит?

– Да! Это так!

– Настоящий?

- Конечно, самый настоящий, сэр! – воскликнул старик.
- А зачем он?
- Он спасает от голода и болезней!..

Виктор не очень-то поверил, что это настоящий метеорит, и тем более, что он спасает от голода и болезней. Но на всякий случай решил купить небесный камень Олиному отцу: ведь тот, как уверяет его жена Наталья, живет на небесах. Уж астроном Павел Кольцов наверняка разберется, метеорит это или нет!

В другой лавке на полке Виктор высмотрел змею. Глаза ее сверкали, в открытой пасти шевелился длинный раздвоенный язык.

Хозяин заметил, что покупатель смотрит на змею, схватил ее и мгновенно перевязал узлом у Виктора на поясе. Инженер изобразил испуг и поднял руки, будто змея вот-вот укусит его. Но змея оказалась ненастоящей. Просто она была очень похожа на живую. Олина мама невероятно обрадуется, если надеет такой пояс из змеи.

И Виктор купил этот пояс сестре Наташе.

Для Розочки Николаевны Виктор в лавочках ничего не искал и отправился в большой магазин.

Продавцы сразу сообразили, что явился покупатель, который желает приобрести нечто не совсем обычное. Ему предложили новинку сезона: шляпку из крокодиловой кожи, сумочку, перчатки и туфли – все тоже из крокодиловой кожи, искусственной, конечно. Живых крокодилов осталось так мало, что на всех модниц их не хватит. Виктор подумал, что Розочке Николаевне очень пойдет, если она будет ходить вся в крокодиле, хотя бы и в искусственном.

– Заверните! – велел Виктор. – И тип-топ.

Один продавец посмотрел на другого, другой на третьего, третий побежал за управляющим. Вышел управляющий, худой и длинный, согнулся перед Виктором:

– Извините, сэр, но у нас сейчас нет товара под названием тип-топ. Не могли бы вы описать, как он выглядит. Мы найдем и доставим вам домой.

– Не беспокойтесь, – засмеялся Виктор. – Это поговорка такая: все будет тип-топ!

– Поговорка? – удивился управляющий.

Виктор кивнул и вышел из магазина. У него словно гора с плеч свалилась. Теперь оставалось найти только один сувенир – Оле.

Шагал инженер по улице и никак не мог придумать, что привезти племяннице. Что ему ни предлагали – все не нравится. Хочется раздобыть Ольге такое, чтобы она была счастлива и все знакомые удивлялись:

Вот это да! Мы и представить себе не могли!

Ох и трудное дело – придумывать подарки! Даже в такой диковинной стране, как Индия.

А тут еще 29 декабря. Ведь Виктор спешил, чтобы успеть попасть домой в Москву к встрече Нового года. Индийцам-то хорошо, у них Новый год празднуют, когда у нас весна, в марте.

Ничего толкового Виктор не придумал. Добрел до гостиницы и сложил покупки в чемодан. Он так устал, что не раздеваясь бросился на кровать. Вспомнил, как в магазине обещали ему достать «тип-топ», и усмехнулся.

Может, завтра повезет и он раздобудет что-нибудь для Оли? Хорошо бы во сне что-нибудь приснилось!

С этой мыслью Виктор уснул.

Вторая история РАНО УТРОМ В АЭРОПОРТУ

Во сне инженеру Виктору ничего не приснилось. Никогда не снится, если надо.

Виктор встал с постели, сорвал с календаря вчерашний листок. Сегодня было 30 декабря.

Он подошел к окну. Солнце только поднималось, а уже становилось жарко. Полицейский на углу, сняв пробковый шлем, вытирал пот со лба. Босоногий дворник поливал шлангом улицу из бочки на колесах.

Инженер вздохнул и вынул из шкафа пальто на меховой подкладке, которое провисело без работы два года. Надевать пальто он не стал, чтобы не приняли его за сумасшедшего, и перекинул через руку. Не станешь же всем встречным объяснять, что в Москве, между прочим, зима.

Виктор поднял тяжелый чемодан и сумку. Спустился в холл, кивнул хозяину гостиницы. Швейцар побежал впереди Виктора на улицу – подзвать для него такси.

Такси рядом не оказалось. Зато вдоль тротуара сидели и стояли рикши. А рядом с ними коляски, похожие на трехколесные велосипеды. Ко всему привык Виктор, но вот с тем, что люди людей возят на себе, никак не мог свыкнуться. Когда ему говорили, что это просто такой обычай, он соглашался, но ездить на рикше отказывался.

А сейчас, если долго будешь мешкать, на самолет опоздаешь. Виктор поманил пальцем одного молодого рикшу, подмигнул ему и попросил:

– Слушай, друг! Выручи меня...

– Пожалуйста, сэр, куда прикажете?

– А ты мою просьбу выполнишь?

– Хоть на край света, сэр!

– Тогда садись в свою тележку...

– Нет, сэр!

– Садись, садись! А теперь держи-ка мой чемодан, пальто и сумку. Не бойся, заплачу!..

Рикша разинул рот, чтобы возразить, а Виктор уже вскочил в седло и стал крутить педали.

Повозка катилась легко, но инженер спешил и запыхался. Пот лил с него в три ручья. Он не замечал, что прохожие останавливаются и с удивлением смотрят на странного рикшу в костюме и при галстукe.

Виктору хотелось поскорее попасть домой в Москву. Он крутил педали слишком быстро, будто самолет отправится раньше, не по расписанию, если кто-нибудь сильно соскучился по дому.

В аэропорт они приехали рано.

Инженер расплатился и отпустил рикшу, который без конца кланялся чужаку-иностранцу.

На зеленой площади перед аэровокзалом стоял шум, как на базаре. Виктор отошел в сторону и сел на скамейку под пальмой. Здесь, в тенёчке, дышалось легче. Поставил он чемодан, сумку, положил пальто и стал смотреть, как подкатывают к аэровокзалу автомобили. Солидные, как пароходы, и коротышки, на которые глядеть смешно. И вылезают из машин

разные люди, разлетающиеся во все концы белого света: бедные и богатые, целиком одетые или только на одну четверть. И не разберешь, кому одежду не на что купить, а у кого мода такая.

Тут Виктору стало обидно, что племяннице Оле он так ничего и не купил. Хоть отъезд еще на день откладывает. И отложил бы, если бы не Новый год. Мой знакомый инженер, как я уже говорил, только собирался жениться, и своих детей у него не было. И машины тоже – ездил он в Москве на трамвае и в метро. Из мебели в его квартире, которую он получил перед отъездом, имелись тахта, кофеварка и логарифмическая линейка. Эта линейка помогает считать тем, кто и без нее хорошо считает.

Виктор был человеком вечно занятым, марки и значки не коллекционировал. И рад был бы потратить сейчас деньги, да не знал на что.

Солнце поднялось еще выше, и стало совсем жарко. Виктор посмотрел на часы и вскочил. Ничего не попишешь. Пора сдавать багаж, скоро объявят посадку в самолет.

Инженер щелкнул пальцами, подзывая носильщика. Тот мигом подбежал, довольный, что можно заработать.

Виктор взглянул на носильщика и заулыбался. Он прошептал сам себе:

– Я знаю, что привезти Оле в подарок из Индии! Все будет тип-топ! Но как договориться с носильщиком?

Третья история НОСИТЕ НА ЗДОРОВЬЕ!

Носильщик ловко подхватил чемодан, портфель и бумажную сумку и побежал. Человек он был немолодой, изрядно поседевший, а мчался с чемоданом так быстро, что Виктор еле за ним поспевал.

На носильщике красовались засаленные замшевые шорты и рваные сандалии, которые непонятно как держались на ногах и не терялись. Голову покрывал белый тюрбан, а шею облегал цепочка с талисманом, охраняющим от заговоров и злых духов.

Все это Виктора не удивило. Он не сводил глаз с плеча носильщика. На плече сидела обезьяна.

Она была светло-рыжая, будто выгорела на солнце, с круглыми ушами и большими губами. Держалась одной лапой за ухо хозяина, а другой – за цепочку талисмана. При каждом шаге носильщика обезьяна привставала и балансировала на плече, точно канатоходец. Она вертела головой во все стороны и еще успевала строить гримасы инженеру, который бежал позади.

На бегу Виктор погладил любознательную обезьяну и подмигнул ей. Она тоже ему подмигнула и показала кулак. Но не сердито.

– А ты симпатичная! – сказал Виктор.

Обезьяна хмыкнула, произнеся звук, которого ни в русском, ни в английском языке не значит. Английский Виктор тоже знал неплохо и поэтому удивился. Что-то среднее между «ага» и «эге», но больше похоже на «угу». Что бы это могло значить? А обезьяна опять скорчила рожу, да такую, что Виктор расхохотался.

В это время по радио прозвучал вежливый голос:

– Дамы и господа! Минуту внимания! Начинается посадка на самолет авиакомпании «Эйр Индия», следующий рейсом Дели – Москва. Пассажиров просим пройти к самолету. Благодарю вас!

Носильщик еще больше заторопился.

Обезьяна тоже все поняла и стала дергать носильщика за цепочку: а ну, дескать, давайте, дамы и господа, пошевеливайтесь! И поскольку инженер отставал, обезьяна хлопнула носильщика по затылку, оттолкнулась, прыгнула и оказалась на плече у инженера.

Несколько минут назад Виктор только подумал: хорошо бы привезти ее в Москву! Теперь, когда обезьяна прыгнула к нему на плечо и обеими руками вцепилась в лохматую белобрысую шевелюру, он загорелся. Оля спрашивала, от кого люди произошли, – пусть сама убедится.

Носильщик поставил чемодан на весы. И обезьяна, опять подмигнув Виктору, села на весы. Служащий в голубой фуражке с надписью «Эйр Индия» быстро привязал к чемодану бирку.

Виктор повернулся к носильщику и спросил по-английски, не уступит ли он свою спутницу.

– Ноу, сэр, ай бег ёр пардн!

Не продается, дескать, извини, дорогуша. Разве можно продавать? Это ведь священное животное!

И носильщик добавил:

– Тэйк ит, плииз, сэр!

Это означало: берите просто так! И носите обезьяну на здоровье, сэр!

Сэр поколебался. Но раздумывать долго было некогда. Он протянул носильщику руку. Тот крепко пожал ее и не заметил, как другой рукой инженер засунул ему в карман шорт все деньги, которые у него остались.

Носильщик сложил ладонь к ладони и поднес их ко лбу в знак уважения. Обезьяна с весов прыгнула на плечо Виктору и ласково похлопала его по макушке. Когда Виктор помахал носильщику, она тоже помахала.

Они сели в открытый вагончик, и длинный автопоезд медленно пополз к самолету. Инженер не привык к тому, что на плече у него кто-то висит, и все время проверял, не сваливается ли этот живой рюкзак. Но обезьяна вовсе и не думала падать. Сидя верхом на Викторе, она чувствовала себя как дома.

Автопоезд подкатил к трапу.

Инженер кивнул стюардессе и стал подниматься по лестнице в самолет. Обезьяна заволновалась, запрыгала у него на плече. Пришлось ее погладить, успокоить. Все волнуются, когда первый раз летят.

Он очутился в самолете, и Москва сразу стала близко, а Индия далеко, хотя они еще не взлетели.

Четвертая история САМЫЙ СЛАДКИЙ РЕЙС

Никто в самолете не удивился, что рядом с пассажиром уселась обезьяна. Все-таки самолет летел из Индии, а там обезьян гораздо больше, чем в Москве собак и кошек вместе взятых.

Обезьяне в самолете не понравилось. Душно, бананами и не пахнет, пахнет туалетным мылом. Совсем нет деревьев. Нельзя прыгнуть и сделать на ветке сальто.

Но вскоре рыжая пассажирка переменяла свое мнение. Даже подтолкнула Виктора: чего, мол, зеваешь? Перед ней появилась стюардесса в голубом костюме и фуражке с надписью «Эйр Индия», держа поднос с целой горой конфет.

Все пассажиры брали по одной конфетке, и обезьяна сперва скромно взяла одну. Потом осторожно еще одну и с любопытством посмотрела на стюардессу. Но та не рассердилась, а, наоборот, улыбнулась. Тогда обезьяна стала быстро-быстро хватать с подноса конфеты горстями и засовывать Виктору в карманы пиджака.

Инженер не выдержал и погрозил пальцем.

– Это же просто ограбление компании «Эйр Индия», – усмехнулся он.

– Компании «Эйр Индия», сэр, очень приятно, что мы можем доставить удовольствие вашей обезьяне...

И стюардесса ушла за новой порцией леденцов.

Где-то рядом раздался рев, будто разом зарычали десять тигров. Самолет покачался, побежал по дорожке, взлетел и помчался к облакам с невероятной скоростью. Обезьяна тоже покачалась и с невероятной скоростью стала поглощать леденцы.

Долго они летели. Обезьяна захотела спать. Она прыгнула инженеру на колени и заснула.

Потом они обедали, и обезьяна ловко попользовалась вилок. Она втыкала вилку в мясо, а другой рукой снимала мясо с вилки и отправляла в рот.

Когда Виктор стал читать индийские газеты, обезьяна тоже взяла газету, только вверх ногами.

Наконец лететь совсем надоело, а запас конфет иссяк. Тут самолет приземлился. Стюардесса обратилась к пассажирам:

– Дамы и господа! Наш самолет совершил посадку в аэропорту Шереметьево. В Москве пять градусов мороза, идет снег. Наденьте, пожалуйста, пальто, не забудьте зонты. Благодарю за внимание!

Виктор разволновался: еще чуть-чуть, и он будет дома! Да еще на Новый год!

В самолете стало тихо. Подъехала лестница, дверь открылась. Обезьяна сама прыгнула Виктору на плечо, словно боялась, что ее забудут в самолете.

Из двери дохнуло холодом, от которого Виктор совсем отвык. Он осторожно снял обезьяну с плеча, бережно спрятал за пазуху, чтобы она не замерзла и не простудилась. Она то и дело выглядывала из-за пазухи и снова пряталась.

На аэродроме мела метель, дул ветер, а деревья стояли такие странные, каких в Индии никогда не увидишь: голые, без единого зеленого листика. Обезьяна напряженно думала о том, что это такое белое летит вокруг. И решила, что землю посыпали сахарным песком. Да ведь если вокруг все в сахаре, это настоящий рай!

Виктор забрался в автобус. Затолкнул чемодан, сумку, и они поехали в город.

В автобусе было тепло, и обезьяна высунула нос из-под пальто. Она никак не могла понять, для чего на стеклах нарисованы белые узоры. Из-за них не видно, что происходит на улице. Виктор подышал на замерзшее стекло, протер в нем дырочку и смотрел сквозь нее. Обезьяна тоже посопела и кулачком протерла стекло. Она облизала руку – белый иней оказался совсем невкусным. Он растаял на языке и превратился в обыкновенную воду.

Через час автобус остановился у кафе-мороженого «Снеговик». В доме напротив у Виктора в маленькой однокомнатной квартире имелись свои собственные тахта, кофеварка и логарифмическая линейка.

Пятая история ВОТ МЫ И ДОМА

Едва они поднялись по лестнице, обезьяна почувствовала тепло и выбралась из-за пазухи к Виктору на плечо.

Он открыл дверь.

– Вот мы и дома!

Обезьяна прыгнула с плеча на дверь, прокатилась на ней немножко и шлепнулась на тахту. Тахта оказалась мягкой. Обезьяна так долго сидела без движения в самолете и автобу-

се, что ей просто необходимо было слегка размяться. Она стала подпрыгивать, выделявая в воздухе такие сальто, которые не снились ни одному акробату.

Хозяин снял пальто и подошел к окну. На полу возле окна стоял телефон. Виктор присел на корточки, стал набирать номер.

Обезьяна подбежала к телефону и прислонила ухо к трубке. По телефону происходил такой разговор:

– Наташа?

– Ой, Витя! Братец мой родной! Наконец-то! Мы тебя совсем заждались! Ольга так соскучилась! Только о тебе и говорит...

– Я по ней соскучился и кое-что привез.

– Что привез?

– Не скажу!.. Ольга, наверно, большая?

– Не уверена, – ответила сестра. – Но уже в первом классе. Ее не узнаешь. А вообще, Виктор, я твоя старшая сестра и вот что скажу: тебе самому давно пора жениться и иметь своих детей!

Олина мама точно знала, кому жениться, а кому не жениться.

– Пора, – вежливо согласился брат.

– Ну, ладно. Об этом еще поговорим, – решила Наталья. – А теперь слушай: Новый год ты встретишь у нас. Елку наряжаем, а торт испечем. Мы все будем тебя ждать. Приедешь?

– Обязательно!

– Если хочешь, можешь с Розочкой.

– Там видно будет, – неопределенно протянул Виктор.

Он положил трубку и задумчиво походил по квартире, от которой отвык за два года.

Уезжая, он оставил ключи своей знакомой Розочке Николаевне, чтобы она хоть изредка вытирала пыль. Он провел пальцем вдоль подоконника. На палец налип толстенный слой пыли. И на полу валялся мусор. Надо хоть чуть-чуть прибраться, решил хозяин. Он предложил обезьяне:

– Давай-ка наведем чистоту!

– Угу, – согласилась она.

Вдвоем они немедленно принялись за дело: сперва переставили тахту на новое место. Обезьяна, подпрыгивая, ехала, а

Виктор подталкивал тахту сзади. Он подмел пол, а пыль с подоконника вытерла тряпкой обезьяна.

Инженер убежал на работу, и обезьяна осталась одна.

На службе Виктор закрутился, завертелся. Всем пожал руки. Всем рассказал, что вернулся благополучно и завод в Индии почти построил.

Он поздравил своего начальника с Новым годом, и тот отпустил сотрудников домой.

В спешке Виктор совсем забыл про обезьяну. А когда вспомнил о ней – забеспокоился. Он даже позвонил домой.

Трубку кто-то снял, подышал в нее, но сколько Виктор ни спрашивал и ни кричал, ответа не было.

Он помчался домой.

Шестая история **СПЕЦИАЛИСТ НИЖЕ НУЛЯ**

В кафе-мороженом «Снеговик» посетителей было полным-полно, потому что зимние каникулы из мечты превратились в реальность.

Возле стойки в кафе скопилась очередь. Мороженщик Жора быстро ставил на весы алюминиевую вазочку, бросал в нее шарик мороженого, а иногда, по заказу, два шарика и еще быстрее снимал вазочку с весов. Он кидал в ящик деньги и кричал:

– Свежее горячее мороженое! Налетай, маэстро, подешевело! Следующий!

Очередь смеялась, а мороженщик подмигивал очередному посетителю.

Жора радовался каникулам. Детей будет много. Он продаст много мороженого и получит больше денег.

Гости были всех возрастов. Они брали вазочки и бежали занимать место за столиком. Жора сгребал со стойки деньги и кричал:

– Пломбир, крем-брюле, шоколадное! Одни сплошные витаминны! Следующий!

Время от времени он поглядывал на дверь. Маленькие глазки на одутловатом Жорином лице становились узкими. Он

словно ждал кого-то и очень не хотел, чтобы этот кто-то вошел.

Маэстро Жора был в кафе и буфетчиком, и официантом, и судомойкой, и кассиром, и директором. Он не желал, чтобы кто-нибудь ему помогал. Всем знакомым Жора говорил, что он работает в области холода, что он труженик низких температур и специалист ниже нуля.

Когда Жора был маленьким, он очень любил поесть, и его дразнили Жора-обжора. Так он и остался на всю жизнь толстым. Теперь Жора ходит, задевая животом за предметы, попадающиеся на пути.

Мороженщик любит поесть, но еще больше он любит деньги. Добывает он их при температуре ниже нуля. Как добывает – это никому не известно. Если станет известно, температура может стать весьма высокой. Вот почему мороженщик радуется каникулам, но время от времени с опаской поглядывает на дверь.

– Сле... – начал было Жора и замолчал.

Следующего клиента не было.

Очередь у стойки исчезла. А те, кто сидели, оставили свои вазочки с недоеденным пломбиром, крем-брюле и шоколадным и бросились к окнам.

Жора удивился и от удивления положил шарик пломбира вместо вазочки себе в рот, облизал ложку и швырнул ее в бак с мороженым. Он тоже подошел к окну и стал смотреть туда, куда клиенты показывали пальцами, – на балкон дома напротив.

Происходившее на балконе так его заинтересовало, что он выскочил на улицу. Жора был толстокожим, не простуживался без пальто. Он перебежал на другую сторону улицы и стал глядеть вверх.

Там на перилах балкона кто-то медленно прохаживался то в одну сторону, то в другую, время от времени закутываясь с головой в одеяло. Дойдя до середины, этот кто-то поворачивался, делал стойку на руках и приветливо помахивал ногой зрителям, которые награждали воздушного гимнаста громом аплодисментов.

Жора тоже зааплодировал. Но тут услышал сзади треск мотоцикла. Маэстро оглянулся.

Возле самого входа в кафе «Снеговик» остановился желтый мотоцикл с коляской и двумя фарами, которые то и дело перемигивались. С мотоцикла слез лейтенант милиции Кислица. Он пересек улицу и направился к толпе. Жора ухмыльнулся и на всякий случай стал пробираться поглубже в толпу, чтобы не попасться на глаза лейтенанту.

– В чем дело, граждане? – осведомился лейтенант. – Кто там нарушает?

– Сами посмотрите и увидите!

Приставив ко лбу ладонь, Кислица поглядел вверх.

– Так ведь это обезьяна!

– Точно, обезьяна! – сказали в толпе.

– Смотрите, что вытворяет!

Обезьяна ухватила за бельевую веревку и стала вращаться. Повертелась и снова скрылась с головой в одеяле.

– Это чья же? – спросил Кислица.

– Может, из зоопарка сбежала? – предположили в толпе.

– А то из цирка. Вполне может убежать из цирка...

Виктор очень спешил домой. Он будто чувствовал: что-то там произошло.

Так и есть! Перед домом собрались зеваки. И все показывают пальцами вверх, как будто там пожар. Не забыл ли он, уходя на работу, выключить кофеварку?

Инженер подбежал поближе к дому и увидел, что все показывают пальцами на седьмой этаж – на его собственный балкон.

Там, на балконе, не было ни огня, ни дыма, а без этого пожаров не бывает. На перилах ходило его одеяло. Виктор прислушался к разговорам в толпе. Все говорили про обезьяну.

– Не из цирка! – обиделся он. – Обезьяна моя!

– Извиняюсь, гражданин! – лейтенант Кислица взял под козырек. – А вы кто же будете? Простой дрессировщик? Или, может, профессор по обезьяньей линии?

– Что вы – смутился Виктор. – Никакой я не дрессировщик и тем более не профессор. Обезьяну я привез для Оли.

– Для какой такой Оли? – строго спросил Кислица.

– Для Оли, моей племянницы. К Новому году.

– А где вы достали живую обезьяну?

– Я же говорю: привез. Из Индии.

– Все ясно, граждане! – объявил Кислица. – Поздравляю всех с наступающим Новым годом и прошу расходиться. А обезьяне вашей передайте, что у нас в Москве по перилам на балконах ходить не положено.

Мотоцикл взревел, лейтенант закрутил усы и умчался.

– Обязательно передам! – крикнул ему вслед Виктор и побежал домой.

Чего доброго, обезьяна сорвется и упадет с седьмого этажа.

Толпа стала потихоньку расходиться.

Маэстро Жора остался на улице один. Он почесал затылок и засмеялся, довольный собственной мыслью. Ну, конечно! Таковую обезьяну хорошо бы завести ему. Он посадит ее в клетку, а клетку поставит в кафе-мороженом рядом с весами. Обезьяна станет кувыряться в клетке, и посетители будут смотреть не на весы, а на обезьяну. Все окажутся довольны: и клиенты и он, специалист ниже нуля. В общем, это надо обмозговать.

Седьмая история НАЧИНАЮТСЯ НЕПРИЯТНОСТИ

Войдя в квартиру, Виктор хотел как следует отругать обезьяну. Она уже качалась на самодельном абажуре, скрученном из газеты. Оттуда перескочила к инженеру на плечо и погладила его по голове.

Виктор оглянулся.

– Появился, наконец, а молчишь, знать о себе не даешь!.. Нет чтобы скорей бежать ко мне! Пришлось самой к тебе ехать...

Из кухни вышла Розочка Николаевна.

Она вошла, напевая, когда Виктора не было, увидела обезьяну и на всякий случай спряталась от нее на кухне.

Розочка давно решила выйти за инженера замуж и поэтому кокетливо хлопала длинными ресницами.

Ей хотелось жить так, чтобы никогда ничего не делать, лежать на диване и смотреть телевизор с дистанционным управлением. Ну, а если лежать надоест, сходить в кино или в цирк. Когда она выйдет замуж за Виктора, он будет работать, а она проводить время на диване и в кино.

Улыбаясь, Розочка Николаевна то и дело поправляла волосы, но они торчали во все стороны. Все равно Виктору показалось, что Розочка Николаевна стала еще красивее, чем раньше.

– Ты без меня очень соскучился? – спросила она.

– Конечно, очень!

Она захохотала и бросилась обнимать Виктора.

– Ну, как там, в Индии? – спросила она.

Виктор уже собрался ответить, но Розочка Николаевна его прервала:

– Что там в магазинах-то выбрасывают?

Едва Виктор открыл рот, как Розочка Николаевна опять его перебила:

– Что за уродину ты приволок?

– А ты как думаешь?

– По-моему, это что-то вроде обезьяны.

– Верно!

– На что она нам?

Он собрался объяснить, что обезьяну скоро отдаст, ведь он привез ее для Оли. Хотел объяснить, но раздумал.

– По-моему, тебе пора стать солидным, как все люди, и жениться, – проговорила Розочка Николаевна. – А ты играешь с обезьянами. И придумываешь мне заботы. Когда мы поженимся, мы немедленно ее продадим, правда, Витя?

– Скажи, что тут без меня произошло? – спросил он.

– Ты еще спрашиваешь! Я сидела на кухне, расчесывала парик и пела. Ты же знаешь, у меня почти совсем колоратурное сопрано. «Какой обе-е-е-ед нам подава-а-а-али! Каким вино-о-о-о-ом нас угоща-а-а-а-ли!» – прохрипела Розочка. – Это отвратительное животное не стало слушать, выхватило парик у меня из рук и надело себе на голову!

– Она бы померила и вернула...

– Я взяла ремень и говорю ей: «Отдай по-хорошему, а то хуже будет!» А эта невоспитанная тварь показывает мне язык!

Обезьяна сидела на подоконнике, склонив голову набок, и внимательно слушала.

Розочка Николаевна забралась на тахту и поджала под себя ноги.

– Как же обезьяна очутилась на балконе? – спросил Виктор.

– Хлестанула ее разок-другой ремнем, она спряталась под одеяло, и я вытолкнула ее на балкон. Пускай, думаю, проветрится! Она тут же бросила парик. Видишь, какой он растрепанный? А что она вытворяла на балконе!..

– Она кувыркалась, чтобы согреться...

Виктор посмотрел на часы.

– Ты собираешься встречать Новый год? – спросила Розочка Николаевна. – Я с тобой.

– Конечно! Я сбегаю вниз в гастроном за бутылкой вина, и сразу двинем к Кольцовым. Тут недалеко, но времени – в обрез. Надеюсь, вы тут без меня снова не поссоритесь?..

Виктор исчез.

Розочка Николаевна погрозила пальцем обезьяне, встала и пошла в ванную. Оттуда донесся ее вкрадчивый голос:

– Иди сюда, макака! Я тебе что-то покажу...

Обезьяна прыгнула с подоконника и побежала. Но едва она показалась в ванной, Розочка Николаевна с силой захлопнула дверь, заперла ее на задвижку и погасила в ванной свет.

– Вот так-то будет лучше! – воскликнула она. – Отсюда ты никуда не денешься. Мне спокойней и тебе.

Она прилегла на диван отдохнуть.

Обезьяна сидела в темноте на краешке ванны. Ей было очень обидно.

Восьмая история ЕЛКА-ПАЛКА

Теперь, не откладывая больше, я должен рассказать про Олю, племянницу моего знакомого инженера. Ту самую Олю Кольцову, к которой торопился Виктор.

– Новый год на носу! – воскликнула мама Наталья, поговорив по телефону с Виктором.

Оля захлопала в ладоши.

– Давайте, – предложила мама, – распределим обязанности. Я покупала продукты, я убирала квартиру, я готовлю: пеку, варю, жарю...

– А мы? – спросили Оля и папа Павел дуэтом.

– Вы будете мне помогать.

– А елка? – напомнила Оля.

– Действительно, про елку-то чуть не забыли! – поддержал Павел.

Мама задумалась.

– Дотянули до самого Нового года, а перед ним елку достать невероятно трудно. Может, обойдемся без елки? Главное то, что на столе. Оля уже большая: первый класс и все елка!.

– Без елки?! – глаза у Оли округлились. – Лучше без стола, чем без елки...

– Без стола, но с елкой – эта идея! – поддержал Павел. – Если елки не будет, Новый год может не наступить. Так и станем жить всегда в старом году...

Олин отец был астрономом. Уж в чем-чем, а в этих вопросах он разбирался основательно. Поэтому Наталья спорить не стала.

– Тогда елка – твое дело, – постановила она.

– И мое! – присоединилась Ольга.

– Где вы будете доставать елку, не представляю. Их едва привезут, сразу расхватывают. Очереди за елками такие, что в конце не видно начала.

– Достанем, – уверенно изрек отец. – Я знаю один секрет.

– Какой, пап? – осведомилась Оля.

Но отец не стал объяснять.

– Если секрет раскрыть раньше времени, он перестает быть тайной. Наберись терпения хотя бы ненадолго!..

Павел Кольцов с дочкой отправились за елкой.

Пустырь позади домов, где давно собирались что-то строить, за несколько дней до Нового года огородили забором. Вдоль забора повесили гирлянду разноцветных лампочек. У ворот толпились люди.

Все ждали, когда привезут елки. Одни подходили, другие уходили, а машины все не было. Ольга расстроилась.

– Где же твой секрет, пап? Елок-то нету!

– погоди, сейчас увидишь.

Кольцов пригладил свою бородку. Он недавно ее отрастил и стал похож на капитана дальнего плавания, который забыл дома бритву. Отец взял Олю за руку, чтобы не потерять, и стал пробираться через толпу. Их нехотя пропускали.

Постепенно они добрались до ворот.

– Нету елок, нету! Разве не видите?.. – сразу, не ожидая вопроса, выпалил человек в ватнике, ватных брюках и в валенках с калошами.

Он загородил руками проход.

– Вчера две машины привезли – всё расхватали, одни палки остались...

– А где эти палки?

– Да вон, все надо сжечь!

Павел поднял одну палку с земли – она оказалась елкой. Высокая – метра два с половиной длиной, и на ней ровно две ветки: одна внизу, мохнатая и наполовину обломанная, другая вверху, целая, но маленькая.

– Вот тебе и секрет, – заметил отец. – Брать ту елку, которую никто не берет. Замечательная елка, живая, целых две ветки есть. Она ведь не виновата, что ее обломали. А пахнет! Ты понюхай, как она пахнет! Лесом, смолой, шишками и еще чем-то необыкновенным.

Оля поняла, что отец уговаривает не столько ее, сколько себя, и согласилась. Кольцов расплатился, они пошли к выходу.

– Знаешь, как наш Виктор обрадуется, когда увидит елку! – говорил по дороге отец. – В Индии елок нет, и он страшно соскучился.

– А он узнает, что это елка? – осторожно спросила Оля.

– Наверняка узнает! – уверил Павел. – На всякий случай можем написать на дощечке: «Это елка». Уж тогда точно никаких сомнений не останется. Придем домой и займемся украшением.

– У нас мало игрушек.

– Не беда! Даже хорошо, что мало игрушек. Они нам не понадобятся.

– Потому что на елке мало веток?

– Потому что я знаю еще один секрет!

Они внесли елку в коридор, и мама застонала.

– Это елка? – спросила она с ужасом.

– Елка, елка, – успокоил ее папа.

– Слышишь, как пахнет? – утешила Оля.

– Слышу. Но не вижу. Одна палка.

– А вот ветки – целых две.

- Ну, уж если быть точным – полторы. Одна поломана!
- Поставим елку поближе к стене, чтобы было не так заметно, – придумал Павел.
- И задвинем шкафом, – изрекла Наташа. – Делайте что хотите! Я умываю руки. Ухожу на кухню, чтобы не нервничать.
- Погоди, – проговорил Павел, – руки у тебя чистые. Пожалуйста, помоги нам ее поставить. В конце концов кто у нас в доме мужчина? Ты или я?
- Я, – покорно согласилась мама.

Девятая история МАМА РАБОТАЕТ ПАПОЙ

Это была правда.

Павел Кольцов был хорошим астрономом, человеком веселым и добрым, но совершенно непрактичным.

– Ничего наш папка сделать не может! – говорила мама. – Руки у него подвешены не тем концом. Он умеет только звезды на небе считать...

Наталья Кольцова работала в лаборатории на кондитерской фабрике. Весь день она сидела в белом халате и в очках за столом, на котором длинными рядами стояли пробирки и колбы. Из порошков и жидкостей в этих колбах, если знаешь, как правильно перемешать, можно сделать шоколад. Олина мама придумывала новые сорта шоколада, а придумав, пробовала и угощала других. Если всем нравилось, в том числе директору, кондитерская фабрика начинала выпускать новый шоколад.

Дома все хозяйственные дела Наталья делала сама. Забывала гвозди, чинила пробки, если гас свет. Словом, мама работала папой. А Павел стоял рядом и давал маме советы, как она должна делать то или иное дело. И Наташа, надо отдать ей должное, не сердилась, а слушалась. Ведь Кольцов был теоретиком, а теория, как пишут в книгах, всегда руководит практикой. Возможно, именно благодаря папиным советам у мамы так послушно забивались гвозди, и снова загорался свет, и даже придумывался новый шоколад.

Вот и теперь, когда до двенадцати часов оставалось всего-ничего, а елка лежала в коридоре, мама отложила кухонные дела и спросила:

– Что делать, Павел?

– Елку надо укрепить, – объяснил он. – Лучше всего ее поставить в ведро с водой и привязать веревкой или проволокой.

Наталья послушно принесла ведро и, стоя на коленях, привязывала елку, а Оля и папа вдвоем держали елку за ствол. Елка оказалась ростом до самого потолка.

– Теперь налей, пожалуйста, в ведро воды, – дал указание папа, – и положи немножко лимонной кислоты, чтобы не сыпались иголки.

– А где иголки? – спросила Наташа.

Но Павел сделал вид, что не понимает иронии. И мама поступила, как он велел.

– Всё! – она вытерла руки о передник. – Украшайте сами, у меня на кухне горит.

– А секрет? – прошептала Оля.

– Сейчас, сейчас...

Павел пошел к холодильнику, вынул из него сыр, кусок копченой колбасы, яблоки.

Он нарезал сыр и колбасу ломтиками и велел дочке привязывать к ломтикам нитки. А сам открыл буфет, достал конфеты, печенье и грецкие орехи.

Когда Ольга привязала нитки, они начали украшать елку.

Наталья вернулась через полчаса в комнату. Она так и осталась стоять у порога с разведенными руками.

На обеих ветках елки висели рядами ломтики колбасы и сыра, яблоки, конфеты, печенье, грецкие орехи. Поскольку веток было мало, Павел с Олей привязывали нитки прямо к стволу, и вдоль него тоже свисали от макушки до самого низу конфеты вперемешку с ломтиками колбасы.

– Ну, вот что! Хватит вам заниматься всякой чепухой. Вот-вот придет Виктор. Помогите мне накрыть стол.

– Зачем стол? – удивился Павел.

Мама внимательно посмотрела на папу.

– Зачем стол? – повторил Павел. – Еда на елке.

– Это твой секрет? – уточнила Оля.

– Именно!

– Может, и курицу, которая только что поджарилась, повесим? – предложила Наталья. – И салат, и шпроты...

– И сядем вокруг елки с вилками! – обрадовалась Оля.

– А для чего вилки? – не поняла мама. – Будем едú ловить ртом и срывать прямо с веток, будто обезьяны. Впрочем, как хотите. Я на все согласна. Кстати, тебе, Ольга, предстоит еще очень важное дело. Ступай-ка на кухню!

– Веток действительно почти не видно, – задумчиво сказал сам себе Кольцов.

Он взял кусок картона, написал на нем что-то и повесил на елку. Когда Оля заглянула в комнату, она прочитала надпись:

Это елка

Папа очень любил вешать в квартире различные мудрые и не очень мудрые изречения.

Десятая история «НАПОЛЕОН» С ПРИВЕТОМ

Пока ходили за елкой-палкой, пока украшали ее, Оля все время повторяла:

– Когда приедет дядя Витя?

Вот и теперь, придя на кухню, она то и дело спрашивала:

– Ну, когда же, наконец, он приедет, мой дядечка Витечка?

– Погоди, – отвечала мама. – Вот приготовим все, и он приедет. Никуда не денется.

– Тогда давай скорей готовить, чтобы он быстрее приехал!

– Дядя Витя всегда приходит, когда стол уже накрыт. Наверно, он приедет вместе со своей Розочкой. По-моему, он на ней женится.

– А она красивая?

– Очень. Первая красавица в районе.

– Откуда это известно? Разве были соревнования?

– Нет, соревнований не было. Так она сама считает.

Оля не поняла, серьезно говорит мать или шутит, но не стала переспрашивать. Она сама посмотрит на Розочку Николаевну и сама решит, красивая та или нет.

На кухонном столе красовалась стопа больших и плоских, как блины, коржей. Рядом стояла миска с кремом. Мама велела Оле взять корж и густо намазать кремом, при этом не обливать ложку и не совать в миску пальцы. На крем Оля положила второй корж и тоже намазала его кремом.

Постепенно стал получаться торт «наполеон». Он становился все толще и толще. Последний корж мама растолкла, и корж превратился в крошку. Этой крошкой Оля посыпала «наполеон» сверху.

– Всё? – спросила она.

– Нет, не всё. Осталось самое главное: сделать на торте надпись.

Наташа достала толстый шприц и наполнила его шоколадным кремом.

– А какую надпись?

– Какую хочешь. Например, «С Новым годом!».

Но Оля не стала писать «С Новым годом!» – это и так ясно. Она выдавила тонкую струйку коричневого крема так, чтобы получилась буква «Д», потом «я». Постепенно она написала на торте целую фразу и осталась очень довольна.

Мама надела очки, прочитала надпись, хихикнула и закрычала:

– Павел, скорей сюда!

Прибежал папа, прочитал и тоже засмеялся.

На торте было написано:

ДЯДЯ ВИТЯ С ПРИВЕТОМ!

– Чего же смешного? – обиделась Оля.

– А то, что «с приветом», – это когда у человека не хватает шариков.

И Павел покрутил пальцем возле виска.

– Выходит, наш Витя – с приветом! – продолжала смеяться Наташа.

Им смешно, а у Оли надулись губы.

– Не плачь, – утешил Павел. – Я знаю, как помочь беде.
Вот смотри-ка!

Отец велел Оле взять шприц и выдавить закорючку из крема в том месте, где кончалось слово «Витя».

Получилось так:

ДЯДЯ ВИТЯ, С ПРИВЕТОМ!

– Совсем другое дело! – Наташа перестала смеяться. – Теперь Виктор стал нормальным, а «наполеон» с приветом. Поставьте его на стол.

– На стол?! – возмутился папа. – Мы же сядем с вилками вокруг елки! Значит, торт – под елку!

Наташа вздохнула и велела Оле поставить торт туда, куда указал пальцем Павел.

На улице давно уже стало темно. Мама зажгла свет и задернула шторы. Оля то и дело отодвигала их и выглядывала в окно на кухне. Оттуда был виден кусочек двора и тропинка в снегу к их подъезду.

– Ну когда же он появится? Когда?

– Наберись тер-пе-ния! – отчеканила мама.

– Я жду его два года!

– Подожди еще немножко. Совсем чуть-чуть!

Одиннадцатая история ВОЛГА ВПАДАЕТ НЕ ТУДА

В гастрономе, куда спустился Виктор, ко всем продавцам стояли длинные очереди, а в кассу – еще длиннее. Все спешили: и продавцы, и покупатели, будто стрелки часов перед самым Новым годом начали вращаться быстрее.

Инженер постоял в одной очереди, потом перебежал в другую. Ему показалось, та очередь двигается скорее. Но вышло наоборот. Он нервничал. Как бы обезьяна в его отсутствие не натворила еще чего-нибудь и Розочка не обиделась.

Наконец Виктор, прыгая через четыре ступеньки сразу, бежал на седьмой этаж и открыл дверь в квартиру. Быстрой переодеться – не то опоздать можно!

Но едва Виктор вошел в коридор, он почувствовал, что у него под ногами булькает. Пока дошагал до выключателя, ноги стали мокрыми.

Он зажег свет и увидел: в коридоре течет река Волга. К его ногам, извиваясь, подплыл галстук.

Виктор открыл дверь в ванную, и на него обрушился водопад. Ванна оказалась полной до краев, вода, журча, лилась на пол.

Раковина тоже была полна, оттуда весело бежали на пол струи. Краны свистели и гудели, открытые до отказа.

У потолка кто-то хмыкнул, и Виктор посмотрел вверх. На трубе душа, обхватив ее руками и ногами, висела обезьяна. Она то и дело сдвигала брови и моргала своими маленькими глазками.

Виктор покачал головой и спросил:

– Ты в своем уме?

Она кивнула:

– Угу.

Обезьяна снова сдвинула брови, моргнула, перевернулась вокруг трубы, отчего душ закачался, и Виктора с ног до головы окатило дождем. Инженер бросился закрывать краны.

– Ты совершенно не знаешь географии! – упрекнул он обезьяну. – Ну, скажи: куда впадает Волга? Думаешь, в Каспийское море? Нет! Волга впадает в кухню к соседям, которые живут этажом ниже.

– Помогите! – донеслось из комнаты.

Шлепая по лужам, Виктор побежал туда.

На подоконнике, прижавшись спиной к стеклам, стояла бледная Розочка Николаевна. Вся мокрая, она прижимала к груди туфли и дрожала. От этого туфли выбивали дробь подошва о подошву.

– Розочка?! Что произошло? Как ты там очутилась?..

– Я... Я хотела, – всхлипывая, объясняла она, – я хотела посмотреть, что она делает в ванной, а эта уродина прижала кран снизу рукой, и струя ударила в меня!..

Двенадцатая история Я ИЛИ ОНА?

Виктор поднял Розочку Николаевну на руки. Она оказалась довольно тяжелой. Он поспешил посадить ее на тахту, накрыл теплым одеялом. А сам стянул с себя мокрый пиджак и бросил в ванну. Схватил ведро, тряпку и начал собирать на полу воду. Он ползал по всей квартире и относил в ванную полные ведра.

Обезьяне стало стыдно. Она съехала по трубе с верхушки душа, взяла тряпку, принялась возить ею по полу и отжимать тряпку над ведром.

Когда, наконец, они собрали воду и тахта превратилась из острова в обыкновенную тахту, обезьяна стала отряхиваться.

Виктор умылся, вытерся, переделся и снова стал похож не на утопающего, а на обыкновенного инженера.

Он посмотрел на часы, приложил их к уху. Они тоже были мокрыми, но почему-то пока еще шли. Стрелки показывали пять минут двенадцатого.

– Скорей! Мы же опаздываем!

Он взял на руки обезьяну.

– Витя, радость моя, – изумилась Розочка Николаевна, – разве животное тоже поедет с нами?

Виктор погладил обезьяну и, вынув носовой платок, вытер ей лицо.

– Конечно!

Розочка Николаевна откинула одеяло и встала во весь рост на тахте.

Виктор подошел к тахте и сказал:

– Розочка! Успокойся, пожалуйста! Все будет тип-топ...

– Ты ничего не понимаешь! – всплеснула руками Розочка Николаевна. – Мы не виделись два года! Целых два! А ты не обращаешь на меня никакого внимания из-за этой паршивой макаки!

– Она не макака, а мартышкообразная, только точно неизвестно, какого вида. Но она примат, а значит наша родственница. Мы с тобой тоже приматы.

– Не выражайся, пожалуйста! Не знаю, как ты, а лично я не примат! И приматом никогда не буду – назло тебе! Я нормальная женщина!

– Ты не любишь животных?

– Ненавижу! И не потерплю, чтобы моему счастью с тобой помешала эта макакообразина!

– Мартышкообразная, – поправил Виктор.

– Пусть какая угодно! Выбирай: я или она?!

Виктор хотел объяснить, но Розочка Николаевна не стала слушать. Она соскочила с тахты, надела туфли, пальто, схватила сумочку и хлопнула дверь.

Обезьяна прыгнула на плечо растерявшемуся инженеру и погладила его по голове.

Раздался звонок – Виктор повернул запор. В дверях стояла Розочка Николаевна. Она вернулась.

– А как же подарок? – напомнила она. – Неужели ты мне ничего не привез из Индии?

Виктор хлопнул себя по лбу. О подарке-то он в суматохе забыл! Обезьяна тоже постучала ему по лбу.

Виктор раскрыл чемодан и вынул шляпку, перчатки, туфли и сумочку – все из крокодила.

Розочка Николаевна тут же надела на себя шляпку, перчатки, а туфли и сумку сунула под мышку. Она повертелась перед Виктором.

– Мне идет?

Она оглядела себя в маленькое зеркальце и сама ответила:

– По-моему, блеск! А ты что строишь гримасы, мак... мартышкообразная?! Я еще с тобой сведу счеты!

Розочка Николаевна, обняв подарки, исчезла за дверью.

– Вот так тип-топ! – вздохнул Виктор.

– Угу, – согласилась обезьяна.

– Что ты все – угу да угу! – в сердцах крикнул Виктор. – Мало того, что ты устроила представление на балконе, мало того, что из-за тебя я поссорился с Розочкой. Посмотри: пиджак у меня мокрый, брюки тоже. В чем я поеду встречать Новый год? В шортах? Ведь зима! Это тебе не Индия! У меня колени отмерзнут! Удивляюсь, как ты не додумалась сварить логарифмическую линейку в кофеварке или что-нибудь в таком роде...

Виктор хлопнул кулаком по тахте так, что пружины внутри нее возмущенно заурчали.

Обезьяна тихо сидела, смотрела на Виктора виноватыми глазами и внимательно слушала.

– Хорошо, что я тебя сегодня отвезу, – снова заговорил он. – Ты удивительно невоспитанная! Просто не верится, что мы, люди, в основном такие умники, произошли от обезьян! Пускай Ольга тебя воспитывает! Не представляю только, как она с тобой справится. Ты не понимаешь самых элементарных вещей!

Инженер надел пальто, но не застегнул. Он посадил обезьяну себе на грудь, и всеми четырьмя лапами она вцепилась ему в рубашку.

– Поехали, горе ты мое!

Вместо шапки-ушанки он надел на голову белую чалму, которую привез из Индии.

Казалось, весь город опаздывает. Все бежали, махали руками, хотели ехать на такси. Но для всех такси не хватало.

Кольцовы жили недалеко, и Виктор просто пошел пешком.

Хотя на улице всем было некогда, на него все оглядывались и пожимали плечами. Из-под пальто у этого подозрительного гражданина в белой чалме свисал длинный извивающийся хвост.

Тринадцатая история У КОЛЬЦОВЫХ ГОСТИ

– Это он!..

Оля помчалась в коридор открывать дверь. Она открыла и смутилась: вошел индеец в белой чалме.

– Ух, как выросла! – изумился дядя.

– Разве это ты? – не поверила Оля.

– Честное слово, я!

Дядя поцеловал племянницу сперва в одну щеку, потом в другую. Третьей щеки у Оли не было, и он поцеловал ее в лоб.

– Наконец-то! – Наташа выбежала из кухни и повисла на шее брата. – И совсем Ольга не выросла! Она самая маленькая в классе.

– Это она в тебя, – промолвил брат и снял чалму.

После этого Ольга перестала его бояться.

– Некогда разговаривать, – заторопила брата Наталья. – Раздевайся, курица стынет!

– Виктор! – закричал, выходя из комнаты, Павел. – Как там у вас в Индии едят: на столе или как-нибудь иначе?

– Под столом, – сказал Виктор.

Дядя торжественно вытащил из одного кармана пальто сверток и из другого тоже сверток. Первый протянул Наташе, второй – Павлу.

– Боже, змея! – воскликнула, развернув, Наташа. – Со всем как живая, но с застежкой. Да это самый настоящий пояс! Вот умница, Витя... Правда, носить я его не буду, получится очень крикливо. Но все равно чудесно!

– Это что за штука? – промолвил Павел, разворачивая бумагу.

– Один мудрец на рынке объяснил, что это небесный камень. Можешь убедиться сам.

– Метеорит?! – Павел повертел кусочек в руках и усмехнулся. – Нет, Витенька, никакой это не метеорит! Просто кусочек железной руды.

– Так я и знал!

– Не горюй! Руда – тоже полезная вещь. Можно ее переплавить в доменной печи и сделать гвоздь. А лучше мы повесим твой небесный камень на елку, и он будет блестеть и переливаться ярче самой красивой игрушки.

– А вот – общий подарок для всех.

И Виктор извлек из кармана пальто большую, ярко раскрашенную коробку с настоящим индийским чаем.

– Такой коробки нам хватит на целый год! – уверила Наталья.

Дядя все еще стоял посреди коридора, не снимая пальто.

– Из кухни пахнет паленым, – заметил Павел.

– Ой, у меня опять горит! – вспомнила мама. – Бегу на кухню... Павел, поставь вокруг елки стулья!

Папа не сдвинулся с места. Он давно заметил, что из-под пальто у Виктора свисает хвост. Но ждал и ничего не спрашивал.

– Снимай быстрее пальто! – торопила Оля. – А то Новый год прозеваем.

И, не выдержав, она обняла дядю за шею. Тихо, чтобы не слышали и не рассердились мама с папой, она прошептала ему в самое ухо:

– А мне что ты привез?

Наверное, этого-то вопроса Виктор и ждал.

– Помнишь, Ольга, ты спрашивала, от кого люди произошли? И не верила, что от обезьяны.

– Забыла, – смутилась девочка.

– Вообще-то человеку не мешает помнить, от кого он произошел, чтобы не слишком воображать, – вмешался в разговор Павел.

– Вот, – торжественно произнес Виктор. – Смотрите и помните!

Он медленно расстегнул пуговицы пальто.

Оля увидела, что на рубашке у дяди висит рыжий меховой мешок.

– Бери!

Девочка робко шагнула вперед, но едва она протянула руки, мешок упал на пол. Он прокатился по комнате и исчез под елкой.

– Мама! Павел! Смотрите! Заводная обезьяна!

– По-моему, она вовсе не заводная, – заметил папа.

– Нет, заводная, заводная! – твердила дочь. – С пружиной. Заведешь ее ключом – и она прыгает, да?

– Что там у вас за шум? – выскочила из кухни мама.

Оля влезла на четвереньках под елку, туда, где стоял торт. Она протянула руку, но обезьяна прошмыгнула мимо, прыгнула на подоконник, вскарабкалась на форточку и повисла вниз головой.

– А ведь папа, как всегда, прав, – промолвила Наташа. – Конечно, она живая. Просто не верится: настоящая обезьяна. Да, Витя?

И она посмотрела на брата. Тот молчал и улыбался. Тогда сестра подошла к нему поближе и тихо, так, чтобы Ольга не слышала, сказала:

– Ты в своем уме? Только обезьяны нам не хватало!

– Понимаешь, Наташа, я подумал: животных полезно воспитывать с детьми. То есть я хотел сказать, детей с животными... Они становятся лучше...

– Кто становится лучше? – поинтересовалась Наташа.
– Они.
– Кто – они?
– Дети... И животные тоже.
– А тебе не жалко отдавать обезьяну? Может, лучше пускай живет у тебя?

– Жалко, – согласился брат. – Но я хотел, чтобы Оля играла с ней и занялась ее воспитанием.

Наталья посмотрела на него пристально.

– Тебе пора жениться! – изрекла она.

Все-таки она была старшей сестрой.

– Же-нить-ся, понимаешь? – отчеканила она. – А ты? Почему ты пришел один?

– Как же один? Я вдвоем!..

– Я имею в виду не обезьяну, а ты знаешь кого – Розочку.

– Видишь ли, мы только что с ней поссорились.

– Из-за чего?

– Из-за обезьяны.

– Ужас! – проговорила сестра. – Ну, ладно! Снимай быстрее пальто. А то так и простоим возле вешалки весь Новый год...

Оля ничего не слышала. Она, не отрываясь, смотрела на обезьяну. Наконец Оля произнесла:

– Ты мне очень нравишься. А я тебе?

Обезьяна все еще висела вниз головой, слегка покачиваясь. Она внимательно смотрела на Олю, будто пыталась понять, нравится ли ей эта девочка.

– Обезьяны любят висеть вверх тормашками! – произнес Виктор.

– Вверх кармашками, – поправила Оля.

Гостя перестала раскачиваться и подмигнула Оле. Видимо, все-таки девочка ей понравилась.

– Ее надо одеть, – решила Оля.

– Верно, – поддержал Виктор. – Она замерзла.

– Я на нее надену свой красный лыжный костюм. Мне он уже мал, а ей подойдет.

Виктор взял обезьяну на руки, и они вдвоем с Олей надели на нее куртку и брючки. Для хвоста прорезали ножницами дырку.

Оля не отходила от обезьяны ни на шаг. Тогда мама подошла к дочери, взяла ее за плечи и повернула к себе.

– Раз уж Витя привез обезьяну, она никуда не денется, а Новый год денется.

– Я хочу, чтобы она встретила Новый год, как люди! – воскликнула Оля.

– Обезьяна – как люди, а мы наоборот! Усади к елке дядю, папу и помоги мне. А то Павла не допросишься...

Оля все поняла, но шла в кухню спиной вперед, не сводя глаз с обезьяны. И вошла не в кухню, а в стенной шкаф, который отец забыл закрыть.

Четырнадцатая история СТРАННЫЙ НОВЫЙ ГОД

– Между прочим, Витя, – спросила Наташа, – ты елку есть будешь?

– Хм... А я не поперхнусь?

– Что ты! Оля с Павлом так старались! Весь стол повесили на елку...

Елка была приставлена к стене, чтобы не бросалось в глаза отсутствие веток. Павел велел всем расставить полукругом стулья.

– Еще две минуты, и прозеваем Новый год, – суежилась мама, раздавая в руки каждому по вилке.

Оля села и посадила рядом обезьяну. Та хотела тут же схватить яблоко, висящее на елке. Но Оля успела вставить ей в руку вилку.

– Люди не едят руками! – объяснила Оля.

– Точно! – согласился Виктор, нагибаясь к елке и запуская пальцы в банку за соленым огурцом.

– Дядя Витя! – строго проговорила Оля. – Для этого есть вилка. Какой пример ты подаешь обезьяне?

– Я больше не буду! – извинился Виктор, отправляя огурец в рот.

– Друзья! – воскликнул Павел. – Скорей наполняйте бокалы!

Оле налили лимонада. И обезьяне поставили рюмку с лимонадом. Не дожидаясь, пока все по обычаю чокнутся, обезьяна схватила рюмку, понюхала и выпила.

Старинные бабушкины часы закрипели, дверца открылась.

– Ку-ку! – произнесла кукушка.

Обезьяна с недоумением уставилась на нее и внимательно слушала, как она прокуковала двенадцать раз.

– Ура-а-а!.. – закричали все.

Обезьяна испуганно втянула голову в плечи.

– С Новым годом! – вместе сказали папа маме и мама папе.

– С Новым! – кивнул дядя.

– Все стали срывать с веток ломтики колбасы, сыра и доставать из-под елки еду.

– Это вы здорово придумали, – похвалил Виктор. – Елка первый сорт! И стола не нужно.

Обезьяна отпила еще лимонаду, а остаток вылила на пол. Она почесала себе спину, но девочка схватила ее за руку.

– Нельзя чесаться за едой!

Тогда обезьяна решила немного размяться и стала подпрыгивать на стуле.

– Нельзя! Нельзя! Нельзя! – повторяла Оля и усадила ее на место.

До чего же плохо быть людьми, подумала, наверное, обезьяна. Все-то им нельзя! То ли дело быть обыкновенным животным: все можно. Делай что хочешь!

– Послушайте! – взмолилась мама. – Может, хотя бы пить чай мы сядем, как нормальные люди, – за стол? Между прочим, Витя, Ольга тоже сделала тебе подарок.

– Ну, показывай! – подмигнул дядя.

– А где обезьяна? – спросила Оля, поставив бокал с лимонадом. – Она только что сидела рядом со мной на стуле...

Виктор бросился искать обезьяну.

– Да вот она! – крикнул Павел.

Обезьяна сидела под елкой, срывала одну за другой конфеты и уничтожала их.

– За нее не беспокойтесь! – сказал Виктор. – Показывайте ваш подарок!

Оля нагнулась, вытащила из-под елки «наполеон» и держала перед дядей на руках. Посредине виднелась надпись, выведенная кремом.

– Целых два года мечтал в Индии о таком «наполеоне». Ай да Олька!

Девочка поставила торт на стол.

Вдруг улыбка исчезла с маминого лица.

– Да что же это творится?! Почитайте, как на нем написано?!

– Действительно, странно, – пробурчал Павел.

ДЯ ВИ С ПРИВЕ

– А где остальное? Слизано?

– Это я виноват, – раскаялся Виктор. – Обезьяна была голодная. Я не кормил ее полдня. А мне «наполеон» попробовать можно?

– Ешь хоть весь, – позволила Оля.

– Ну, весь – это, пожалуй, слишком. А вот кусочек...

Виктор вонзил нож в самое сердце «наполеона» и отрезал солидный кусок.

– Ты ешь с таким аппетитом, что и мне захотелось.

Павел взял себе кусок поменьше.

– Пейте чай! – приказала Наташа.

– Кто хочет стать образованным, должен съесть оставшиеся буквы, – провозгласил Виктор. – А ну, Ольга!

– Пусть обезьяна образовывается! – тут же вмешалась Наташа. – Оле нельзя шоколадного крема ни крошки! У нее диатез.

– А у обезьян диатез бывает? – спросила Оля.

Пятнадцатая история КАПУША

– А теперь, – твердо заявила мама, – Ольге пора спать. И, пожалуйста, никаких возражений!

– Я сегодня не лягу спать, – твердо заявила Оля. – Я хочу посмотреть, как обезьяна превратится в человека.

– Но это же невозможно! – засмеялся папа.

– Почему? Дядя Витя сказал, что люди произошли от обезьян.

- Произошли. Это сказал не дядя Витя, а Дарвин. Но произошли они целых два миллиона лет назад. Те, кто остались обезьянами, теперь никогда не станут людьми!
- Нет, станут, станут! – упрямо повторяла Оля. – Ты сам говорил, что теперь прогресс! Надо только постараться. Я буду ее воспитывать и превращу в человека!
- Что ж, попробуй, – усмехнулся Павел.
- Мама отнеслась к идее скептически:
- Скорей не обезьяна превратиться в человека, а Оля в обезьяну!
- Это мы еще посмотрим! – возразила дочь.
- Оля не ушла спать, хотя была уже ночь и глаза у девочки слипались.
- А как ее зовут? – вдруг спросила она.
- Да пока никак ее не зовут. Просто обезьяна, и все, – сказал дядя.
- Никак не зовут? Так не бывает! – не унималась Оля. – Давайте придумаем обезьяне имя!
- Только имя человеческое! А то она превратится в человека, а имя будет обезьянье, – заметил Павел.
- Имя-то придумать легко, а вот произойти... – промолвил Виктор.
- Может, назвать обезьяну Розой? – подумала Оля.
- Ну уж нет! – мгновенно возразил дядя. – Роза не подходит.
- Давайте назовем ее Инда, – предложил папа.
- Почему Инда? – мама строго посмотрела на папу.
- Просто Инда похожа на Индию.
- Нет, Павел! Надо необычно назвать. Например, я читала, есть такое имя Дрепанальда.
- А что это значит?
- Ясно что: дрейф папанинцев на льдине.
- При чем тут льдина? Обезьяна ведь не с Северного полюса!
- Я знаю, как обезьяну зовут, – тихо проговорила Оля. – Ее зовут Обезьяна, Которая Хочет Произойти в Человека.
- Вот уж! – поморщилась Наташа. – А длиннее ты придумать не могла?.. Нужно всего одно слово!
- Пожалуйста: Обезьянакотораяхочетпроизойтивчеловека, – скороговоркой выпалила Ольга.

– Если бы тебя звали не Оля, а, к примеру, Девочка, Которая Хочет Превратить Обезьяну в Человека? – поинтересовался Павел. – Мама тебе говорит: «Пойди умойся, Девочкакотораяхочетпревратитьобезьянувчеловека». Нравится?

– Неплохо! Пока учительница произнесет, звонок прозвонит... У меня есть имя, отчество и фамилия: Ольга Павловна Кольцова. А у нее – Обезьяна – фамилия, Которая – имя, Хочет Произойти в Человека – отчество.

– Слишком длинно.

– Ну, хорошо! Тогда просто Которая, и все!

– Которая – тоже не имя! Что – Которая, куда – Которая, зачем – Которая?

Спор прервался звонком в дверь. Позвонили раз, другой, третий. Почтальон принес телеграмму.

Ольга схватила ее, разорвала бумажную ленточку и прочитала:

ЖЕЛАЮ ВСЕМ СЧАСТЬЯ ЗПТ ОЛЕНЬКЕ ВЕСЕЛЫХ КАНИКУЛ ЗПТ ЖДУ ЕЕ В ГОСТИ ТЧК БАБУШКА КАПИТОЛИНА

– Хочу в Ярославль к бабушке! – заявила Оля.

– Если хочешь, пожалуйста, – ответила Наташа. – Папа тебя отвезет.

Оля поглядела на обезьяну и попросила:

– Пап, отвези меня в Ярославль в конце каникул. Сейчас я не могу ехать: я должна превратить обезьяну...

– Будет сделано! – подчинился отец.

Оля еще раз заглянула в телеграмму, которая лежала на столе, и закричала:

– Знаю! Знаю, как назвать обезьяну! Давайте назовем ее Капитолиной – в честь бабушки Капы...

Мама с папой и Виктором переглянулись.

– А что? Мысль! – произнес Павел.

– Твоя мама обидится, – заметила Наталья.

– Она у меня мудрая и поэтому не обидится.

– Капитолина! Капитолина! Капа, Капочка, Капуша! – закричала Оля и обратилась к обезьяне. – Хочешь, чтобы тебя звали Капушей?

– Угу, – ответила та.

Но в данный момент больше ее занимало то, что здесь на деревьях с зелеными колючками растут конфеты.

– Вот видите?! – торжественно изрекла Оля. – Значит, решено. Пускай Капуша проводит каникулы по-человечески!

– Наташа! – воскликнул отец. – Кстати: ребенок прав! У дочери впереди целые каникулы, а мы даже не подумали, как будем их проводить...

– Самое время начать размышлять об этом посреди ночи, – проворчала мама. – Если уж серьезно, то надо провести семейный совет.

– Начнем семейный совет, – согласился Павел.

Виктор торжественно встал и постучал вилкой о бутылку.

– На повестке дня, – солидно изрек он, – один важный вопрос: как организовать каникулы?

– А если не организовать, они не состоятся? – спросила Оля.

Она любила задавать каверзные вопросы.

– Состоятся, – уверенно ответил Виктор. – Но не так, как надо.

– А как? – спросила Оля.

– Не-ор-га-ни-зо-ван-но!

– Может, и хорошо, что неорганизованно? – заявил папа.
– Будут неожиданности.

– Говори, чего ты хочешь? – Павел обратился к Оле.

– Я хотела бы поваляться в снегу и поиграть в снежки...

Всем известно: больше всего на свете всегда хочется сделать именно то, что нельзя. Когда Оля была маленькой, у нее часто болели уши.

Кольцову тоже очень хотелось поваляться в снегу и поиграть в снежки, но он знал, что Оле этого никак нельзя делать, и только хмыкнул. Мама схватила папу за бороду и потрясла.

– Вот что вы называете неожиданностями! – воскликнула Наталья. – Ну уж нет! Никаких валяний!

Всегда мама хватала папу за бороду, и на этом семейный совет заканчивался.

– На каникулах я буду воспитывать Капушу! – заявила Оля.

– Воспитывай, – Виктор обнял племянницу. – Может, она и вправду возьмет да и произойдет в человека!..

Павел поглядел в окно и с грустью заметил:

– Смотрите, какая звездная ночь! На небе ни облачка!

Больше всего на свете астроном Кольцов любил чистые звездные ночи. В отличие от всех прочих людей, он радовался, когда днем было пасмурно, шел дождь или снег.

– Если уж все равно должен пройти дождь, так пусть он льет днем, – говорил Павел. – Авось к ночи весь выльется, и небо прояснится...

– Послушай, Павел! – предложил вдруг Виктор. – Ты давно обещал мне показать звезды. Я никогда не видел, как они выглядят в телескоп. Начнем с этого Олины каникулы! Сейчас снег перестал, небо чистое. Рванем в твою обсерваторию, а?

– Здорово придумано! – воскликнул папа.

– Здорово! Поедем смотреть звезды! – закричала Оля.

– Угу, – сказала Капуша.

Ей тоже хотелось увидеть звезды.

– И вовсе не здорово, – холодно заметила Наталья. – Вы поедете, а мы с обезьяной останемся, да?

– Почему же? Поедем все вместе! На полчасака...

– Ну уж нет! Оле пора спать, да и я очень устала.

– Раз в жизни ребенок может и не поспать! – проговорил папа.

– Новый год длинный, не обязательно все успеть сделать в первую ночь, – резонно возразила мама. – Звезды от вас никуда не убегут. Видите, даже у Капуши глаза слипаются...

Тут Виктор поднялся.

– Пожалуй, я еще заеду к друзьям.

Оля посадила Капитолину на диван и стала ее баюкать.

– Ты не будешь скучать без обезьяны? – с надеждой спросила Наташа. – Может, возьмешь ее обратно?

– Не будет, не будет! – успокоила маму Оля.

Виктор вышел в коридор и стал надевать пальто и чалму. Потом вернулся. Он хотел попрощаться с Олей, но оказалось, что она уже спит, свернувшись на диване калачиком и обняв обеими руками обезьяну.

Павел посоветовал Наташе отнести в кухню грязную посуду.

– Ты расстроилась? – спросил он.

– Из-за чего? – зевнула мама.

– Из-за обезьяны. Капа нам заменит кошку, собаку, черепаху и попугаев, которых Олька давно просит купить. И нам будет легче и веселей.

– Я так устала, Павел, – сказала Наташа, – что не хочу веселей. У меня даже нет сил тебе возразить. Какой-то сумасшедший Новый год. Посмотрим, что будет завтра утром. То есть теперь уже сегодня.

Кукушка вылезла из старых бабушкиных часов и прокуковала два раза.

Мама осторожно накрыла Олю и Капушу одеялом, поцеловала дочь в щеку, погладила обезьяну и вздохнула.

Шестнадцатая история МОРОЖЕНОЕ ДЛЯ ЛЕЙТЕНАНТА КИСЛИЦЫ

Накануне Нового года лейтенант Кислица совсем уж было собрался уйти на пенсию. Но тут ему поручили одно дело.

Для того чтобы в нем разобраться, Кислице необходимо было поесть мороженого. Вообще-то ничего страшного. Бывают задания и потрудней. Беда в том, что лейтенант сладкого не любил, и лучше бы ему поручили есть соленые огурцы, кислую капусту или холодец – тоже холодное блюдо.

Но приказ есть приказ. Лейтенант переделся в серый костюм и надел вместо шинели обыкновенное пальто.

Вечером мотоцикл с двумя желтыми глазами затормозил у двери кафе-мороженого «Снеговик».

Маэстро Жора сразу узнал переодетого лейтенанта и сделал вид, что невероятно рад новому гостю.

– Желаете мороженого? Пломбир, крем-брюле, шоколадное? В один момент, вне очереди...

И Кислице пришлось притвориться, что он очень любит мороженое. Хотя лицо его горело от ледяного ветра, он сказал:

– Что-то жарко сегодня, решил вот охладиться... Но вы не беспокойтесь, я в порядке очереди.

Лейтенанту хотелось посмотреть, как работает Жора. Маэстро действовал быстро, всем накладывал полные вазочки пломбира, крем-брюле и шоколадного так, что мороженое стекало через край клиентам на руки.

– Кушайте на здоровье! – приговаривал Жора. – Следующий!

Переодетому Кислице мороженщик положил такую порцию, что ее можно было бы разместить в трех вазочках. Лейтенанту сразу стало очень грустно от того, что ему предстоит съесть столько мороженого. И очень быстро, пока не растеклось.

Он сел за крайний столик, чтобы видеть все столы.

Когда Кислица пододвинул стул, у него под ногами что-то скрипнуло. Кислица глянул под ноги – это скрипнула дощечка паркета.

Ничего подозрительного в вазочке лейтенант не обнаружил. Мороженое было вкусным, и всем – и малышам, и взрослым, и старичкам со старушками – Жора накладывал полные порции. Но, может быть, слишком большие порции, это тоже подозрительно? Кислица доел мороженое до конца и понял, что долг велит ему посидеть в кафе и понаблюдать еще. Он заказал вторую порцию и заставил себя съесть и ее.

Наконец, лейтенант тяжело вздохнул и направился к выходу.

– Как мороженое? Понравилось? – крикнул Жора. – Заходите почаще!

– Спасибо! – ответил Кислица. – На будущий год увидимся.

Жора подумал: только тебя, лейтенант, здесь не хватало! Ишь хитер – на будущий год! А будущий год – завтра...

Кислица поднял воротник, завел мотоцикл и отъехал от кафе. Никаких улик он не обнаружил. Лейтенант, однако, усмехнулся и произнес свою любимую поговорку:

– Сколько веревочке ни виться, концу ее явиться!..

Жора был парень не промах. Он прекрасно понял, что Кислица ничего не заметил. Но Жора и не в таких переделках бывал. Выкрутится.

Маэстро посмотрел на часы. До Нового года совсем немного времени. В кафе никого не осталось! По радио передавали музыку. Жора выключил радио, чтобы музыка не отвлекала его от предстоящего дела. Он запер дверь, погасил в зале свет, сел за стойку и высыпал из ящика деньги.

На стойке лежала целая гора бумажек и мелочи. Он начал их считать. Денег получалось столько, будто все мороженое продано, а в действительности половина еще осталась.

В одну кучу Жора сложил деньги для себя, а в другую те, которые придется отнести в банк. Но отдавать деньги очень не хотелось. Лучше все оставить себе и спрятать.

Маэстро завернул деньги в газету и, не зажигая света, отправился в конец зала, к крайнему столику, тому самому, за которым еще недавно сидел лейтенант Кислица.

Жора отодвинул столик и начал осторожно ходить по паркету, наступая на все дощечки по очереди. Он ходил до тех пор, пока одна из них не заскрипела.

Жора, кряхтя, опустился на колени и потянул эту дощечку. Она послушно отделилась. Под ней лежал конец проволоки. Жора потянул за нее, и соседние паркетины одна за другой зашевелились, стали выпадать из ряда.

Под паркетом оказалась яма. В ней стоял голубой деревянный ящик с длинным ремнем. Жора потянул за ремень и вытащил этот ящик. На боку его было написано: «Мороженое». Маэстро открыл крышку: ящик был наполовину полон деньгами.

Труженик низких температур запустил руки внутрь, и они по локоть утонули в деньгах.

– Кр-р-расота! – прошептал Жора. – Ах вы, мои денежки, денежки мои!

И он высыпал в ящик все деньги, что собрал сегодня. Даже те, которые сперва собирался отнести в банк.

Пока Жора пересчитывал деньги и прятал их, время бежало вперед.

– С Новым годом! – крикнули на улице.

Мороженщик посмотрел на часы. Новый год наступил.

Жора быстро поставил ящик в яму, нанизал на проволоку дощечки, уложил их на место и вдавил каблуком последнюю паркетину. После этого он задвинул тайник столом. Теперь все шито-крыто. Комар носа не подточит!

Вдруг Жора вспомнил последние слова лейтенанта: «На будущий год увидимся!» А год этот уже наступил. Когда, где и зачем хочет увидиться с мороженщиком лейтенант Кислица? Может, в милиции догадываются, что Жора делал из одной порции две? Как бы продать все мороженое, которое привезли на каникулы, а деньги забрать себе?

Можно сказать, что мороженое съели мыши. Но где их взять – мышей? И как они прогрызли железные бидоны?

Лучше устроить пожар. И сказать, что мороженое сгорело. Жалко, что оно не горит!

Жора сел за стойку, обхватил голову руками, стал думать.

Просто необходимо на кого-то свалить вину. Кто-то должен быть виноват в том, что он, бедный, несчастный мороженщик, остался без мороженого. Воры! Воры залезли и объелись мороженого!

Семнадцатая история ЭТО ПРОСТО БЕЗОБРАЗИЕ!

Утром Оля проснулась рано, потому что спать, свернувшись калачиком на диване, неудобно. За окнами было темно.

Она любила просыпаться первой и тихо ходить по квартире. Ты сама себе хозяйка, никто не говорит, что нужно делать и что не нужно.

Это было самое первое утро в Новом году. Девочка вспомнила события минувшей ночи и встревожилась. А где же Капуша?

В темноте Оля встала на пол и чуть не упала. Ей под ноги попался шарик, который покатился в сторону. Оля шагнула, и задела ногой другой шарик, а потом третий. Тогда она зажгла свет.

Весь пол оказался в красных мячиках – одни побольше, другие поменьше. Со шкафа свешивалась бахрома из красных ниток.

– Капитолина! – шепотом позвала Оля. – Капуша, ты где?

– Угу! – отозвалось со шкафа.

Оля раздвинула бахрому красных ниток и видит: на шкафу рядом с чемоданом сидит Капуша и быстро-быстро перебирает руками. А перед ней мамина шерстяная кофта. Вернее, бывшая кофта. От нее осталась узкая полоска. Все остальное превратилось в нитки. Нитки превратились в красные шерстяные шарики, что катаются по полу. Распустит обезьяна кусок кофты и нитку на палец наматывает. Вот и летит на пол новый шарик.

– Ох, и натворила же ты дел! – испугалась Оля.

– Что там случилось?

Из другой комнаты, на ходу запахивая халат, вышла мама.

Она глянула на шкаф и тут же спросила:

– Где моя кофта?

– Вот она!

Оля забрала у Капуши остаток – узкую длинную полоску.

– Где? – упрямо воскликнула Наташа. – Не вижу.

– Вот твоя кофта!

Оля примерила остаток на себя.

– А это что? – мама указала на пол.

– Это... – Оля пожала плечами, – это клубки шерстяных ниток.

– Сама знаю, что клубки. Чья это работа?!

– Моя, – заявила Оля. – Я распустила. Случайно...

Оле показалось, что обезьяна ей подмигнула. Но Наталья сама увидела Капушу. Та, сидя на шкафу, продолжала работать. Собирала свесившиеся нитки, наматывала, а шарики сбрасывала вниз.

– Не морочь мне голову, Ольга! И не защищай обезьяну! Эту кофту мне Павел подарил ко дню рождения. Зачем она это сделала?

– Ей скучно, – сказала Оля. – У нее тоже зимние каникулы. Надо же чем-нибудь заниматься, когда скучно.

– Видали? Ей скучно... А если завтра ей опять станет скучно, она снимет крышу с дома?

– Ей скучно, потому что все только и делают, что ее стыдят и ругают.

– А пускай она поступает по-человечески!

– По-человечески она еще не умеет. Я научу.

– Научишь?.. А ну, Капа, отдавай немедленно!

Наташа, сердясь, приставила к шкафу стул, влезла на него и протянула руки к Капуше. Та послушно отдала остатки ниток, то, что осталось от кофты, которая еще вчера была почти совсем новой.

– Прости ее, – попросила Оля.

– Такие вещи не прощают! Павел, Павел, ты слышишь?! Вставай немедленно!

– Чего шумите, полуночники? – послышался сонный голос папы. – Новый год, если не ошибаюсь, бывает всего раз в году. Дайте поспать!

– Пожалуйста, спи, если семейные проблемы тебя не волнуют! Я сама знаю, что делать.

Мама решительно направилась к телефону. Она набрала номер, но там трубку долго никто не снимал.

– Алло! Виктор? – заговорила, наконец, Наталья. – Да проснись, ради бога! Проснулся? То-то! Ну и подарочек ты нам привез! Как это – что?! Ночью Капуша распустила мою новую кофту. Что? Бывает?! Нет, мы с Олей просто требуем, чтобы ты забрал свою обезьяну, да! Понял?! На днях заедешь? Ладно!

Оля не выдержала и выхватила у мамы трубку:

– Не надо! Не забирай, пожалуйста! Это моя обезьяна, я ее люблю!

– Ладно, Витя, – трубку взяла опять Наталья. – Видишь, какие сложности. Спи дальше... Уже выпался? Тогда с добрым утром!

Она повесила трубку.

Так началось новогоднее утро в квартире Кольцовых.

Капуша перепрыгнула со шкафа на форточку и стала кататься от стены до окна и обратно.

Поднялся и вышел, протирая глаза и потягиваясь, папа.

– С Новым годом! – сказал он, зевая.

– На весь год настроение испорчено, – бросила ему Наташа.

– Ты, как всегда, преувеличиваешь, – ответил он.

– Что за животное? – не слушала его Наташа. – Никакой пользы, только безобразничает.

– Мама! – предложила Оля. – Я же умею вязать и ее научу. Она свяжет тебе из этих ниток кофту лучше старой. Вот увидишь!

– Ай, ну вас! – усмехнулась Наташа. – Ладно уж, садитесь завтракать. Зови за стол свою Капушу!

Восемнадцатая история ДЕВОЧКА С РЕБЕНКОМ

– Тебе надо подышать свежим воздухом, – напомнила мама Оле. – Заодно сходишь в магазин, купишь хлеба, молока и сушек к чаю. Только обязательно с маком.

– Пускай Капуша тоже подышит свежим воздухом! – решила Оля.

Она посмотрела на градусник за окном. На нем было два градуса мороза.

Девочка сразу стала думать, как Капитолину укутать, чтобы она не простудилась.

Оля взяла одеяло, расстелила на диване, положила Капу на одеяло, как маленького ребенка, который еще не умеет ходить. Она запеленала обезьяну и взяла на руки. Тяжелая получилась ноша. Наташа вручила Оле еще и сумку с пустыми бутылками.

Вошла Оля в магазин – там очередь. Все после Нового года попроспались поздно, и все вспомнили про обыкновенную пищу – про хлеб и молоко.

Встала Оля в очередь и осторожно заглянула под одеяло. Капа лежала тихо, не возилась и не пыталась выбраться.

– Тебе удобно? – спросила девочка.

– Угу, – ответила Капуша.

И захлопала рыжими ресницами.

Тут Оля услышала, как старушка, которая заняла очередь позади Оли, говорила, ни к кому не обращаясь, но так громко, чтобы все слышали:

– Что за народ такой пошел? Никого не уважают. Хоть бы девочку с ребенком без очереди вперед пропустили...

– И правда, – заговорила очередь. – Пропустите. Пропустите!..

– Ничего, я постою, – промолвила Оля. – Не беспокойтесь!

– Как это – не беспокойтесь? – произнес старичок. – Дети – цветы жизни. Все должны о них беспокоиться. Так что проходи вперед, пока у тебя ребенок плакать не начал, а мы постоим.

Оля начала объяснять, что у нее вовсе не ребенок, но все решили, что она стесняется, стали ее подталкивать. Она подошла к прилавку, и очередь расступилась.

Продавщица сама стала вынимать из Олиной сумки пустые бутылки. Она положила на их место полбатона черного хлеба, батон белого, как просила Оля, и две бутылки молока. Сушки с маком продавщица надела на веревочку и тоже положила на весы. Сушек оказалось много, целая гирлянда. Продавщица

подняла их с весов и хотела опустить в Олину сумку вслед за хлебом и молоком.

В этот момент край одеяла приподнялся, и из него высунулась мохнатая рука с розовой ладошкой и тонкими пальцами. Рука ухватила сушку с маком и хотела быстро спрятать ее под одеяло. Но сушка, за которую ухватилась рука, потянула все остальные.

– Ой! – продавщица вскрикнула и обняла весы, будто они тоже сейчас уедут.

Одеяло открылось, показался ребенок: большие уши, две дырочки на том месте, где должен быть нос, и огромный рот.

– Батюшки светы, – запричитала продавщица. – Это что же за ребенок такой волосатый?

– Обезьяна.

– Обезьяна?! – зашумела очередь. – Что же нас обманывать? Разве есть такой порядок, чтобы с обезьянами без очереди?

– Ай да девочка! – покачал головой старичок, который пропустил Олю. – Специально завернула обезьяну, чтобы нас обмануть...

– Ничего не специально! – возразила Оля. – У нее пальто нету, пришлось ее завернуть.

Девочка поправила одеяло, связку сушек положила в сумку.

– Вот как бывает, граждане, – заметил старичок. – Растим цветы жизни, а вырастают сорняки.

Оля вышла из магазина расстроенная. Она еле несла полную сумку и мохнатого ребенка.

Девятнадцатая история ВО ДВОРЕ ЗЛАЯ СОБАКА

Едва Оля вошла во двор, у самых ее ног раздался радостный лай. Лай умолк, и девочка почувствовала, что руку, в которой у нее зажата сумка, кто-то старательно облизывает.

– Мракобес, здравствуй! – обрадовалась девочка. – С Новым годом! Мне очень хочется тебя погладить и пощекотать за ухом, но не могу: видишь, руки заняты...

Мракобес, такса, черная, как все самое черное на свете, был темнее ночи, сажи и ваксы, вместе взятых. Он внимательно

но обнюхал Олю. Если бы он умел говорить, он обязательно заметил бы вслух, что от одеяла пахнет кем-то неизвестным. Но он только хмыкнул и поглядел назад. На тротуаре оказался его хозяин Дима.

Собака с Димой жили на одной лестничной площадке с Олей – дверь в дверь. Дмитрий тоже учился в первом классе, только не в Олиной школе, а в специальной английской. Он очень этим гордился и постоянно вставлял в разговор английские слова.

– Хау ду ю ду? – спросил Дима.

У них в спецшколе это означало «как дела?».

– Знаешь, таксист, у меня есть...

Таксистом Оля стала звать Диму с тех пор, как у него появилась такса. Сколько мама ни объясняла, что таксист это совсем другое и Дима вовсе не таксист, Оля стояла на своем. Она отдала Диме сумку и приподняла краешек одеяла.

– Манки! – воскликнул Дима. – Настоящая манки! Или по-русски просто обезьяна.

Мракобес залился лаем. Но, увидев обезьяну, тут же замолчал и завил хвостом. Все умные собаки любят детей и никогда на них не злятся. Если уж в магазине Капушу приняли за ребенка, что же говорить о Мракобесе?

Дима хотел расспросить Олю подробнее об обезьяне, но в этот момент совсем рядом раздалось рычание. Из соседнего подъезда выскочил громадный рыжий боксер, которого боялись все во дворе, в том числе собаки. Увидев злого боксера, Дима хотел поднять таксу на руки, но боксер в два прыжка очутился рядом. Мракобес взвизгнул и пустился бежать вокруг Оли.

– Ррр-разор-р-рву! – прохрипел боксер и открыл громадную пасть, из которой капали слюни.

Он бросился на таксу.

Вдруг Капитолина завопилась в одеяле и выскользнула.

– Мама! – закричала Оля.

А Капуша уже сидела верхом на боксере и мчалась на нем вокруг Димы.

Боксер скакал все медленнее, потом остановился и стал изо всех сил мотать головой, пытаясь освободиться. Не тут-то было! Капуша крепко держалась на нем тремя лапами. А паль-

цем четвертой нажимала боксеру на нос. Боксеру стало так больно и обидно, что из глаз его закапали слезы.

Оля бросилась на выручку. Она подняла обезьяну на руки, но тут боксер подпрыгнул и укусил Капу за ногу. А сам бросился бежать.

Капуша тихо скулила.

– Не плачь! – погладила ее Оля. – Думаешь, дружить легко? Тебя кусают, а ты не сдавайся!

Двадцатая история ЖОРА ЗАГОРЕЛСЯ

– Свежее горячее мороженое! – крикнул Жора.

– Нам одну порцию, – попросила девочка.

– Сделаем, – охотно согласился маэстро.

Он бросил вазочку на весы так, что стрелка переметнулась через весь циферблат, как будто в вазочке мороженого было больше килограмма.

Жора протянул пухлую ладонь, чтобы получить деньги. В этот момент из-за прилавка высунулась мохнатая рука и схватила вазочку с мороженым.

– Спасибо! – девочка положила деньги на стойку и пошла к столику.

Мороженщик перегнулся, насколько позволил ему живот, и с изумлением смотрел вслед обезьяне. Та важно прошествовала по залу, поставила вазочку с мороженым на стол и забралась с ногами в кресло.

Все посетители кафе перестали есть, следя за тем, как обезьяна взяла ложечку и стала пробовать мороженое.

Капуша тотчас убедилась, что этот снег очень вкусный, вазочка быстро опустела.

Маэстро работал, как автомат: вазочка, мороженое, деньги, деньги, вазочка, мороженое. Он почти не смотрел на весы. Все его внимание было приковано к обезьяне. Это была та самая обезьяна, что кувыркалась на балконе напротив кафе «Снеговик». Жора еще подумал тогда: посадить бы ее в клетку. Все посетители станут смотреть на обезьяну, а не на весы. Вот и сейчас все на нее глазуют.

Жора стал класть в каждую вазочку еще меньше мороженого. И вообще перестал ставить вазочки на весы.

– Следующий!

– Еще одну порцию, пожалуйста!

Это снова подошла девочка, которая привела обезьяну. Опять она взяла порцию Капе, а сама сидела рядом и глядела, как мороженое исчезало у обезьяны во рту.

Оле тоже хотелось мороженого. Но мама его строго-настрого запрещала. Оле оставалось только получать удовольствие от того, что она смотрела, как мороженое ест Капуша.

Ничего не ускользнуло от внимания Жоры. Эта обезьяна очень любит мороженое. Мне бы такую обезьяну! Меня спрашивают:

– Где мороженое?

А я в ответ:

– Видите, обезьяна ночью открыла холодильник и все съела. Бедные дети на зимние каникулы остались из-за нее без мороженого.

Выходит, я ни при чем – во всем виновата обезьяна!

– Жора, ты самый обыкновенный гений! – сказал он сам себе.

Маэстро вышел из-за стойки и присел к столику, за которым сидели Оля с Капушей.

– Несчастливая, – пожалел Жора. – Что это у нее с ногой?

– Ее собака покусала.

– Приходится лечиться мороженым? Слушай, девочка, – ласково улыбнулся Жора. – Где ты достала обезьяну?

– Я не доставала, – ответила Оля. – Мне дядя привез ее из Индии.

– Из Индии? Оттуда, где не счесть алмазов в каменных пещерах?

– Про алмазы дядя ничего не говорил...

– Дядя? Так это же в Большом театре поют!.. Послушай, зачем тебе обезьяна? Оставь ее в кафе! Я ее буду мороженым кормить вволю... Так сказать, питать...

Оля замахала руками.

– Как оставь? Что вы! Она – моя подруга и живет у нас дома!

– А может, твои родители согласятся ее продать?

– Не согласятся. И вообще, нам пора домой, а то мама рассердится.

Оля посадила Капитолину в одеяло, и они вышли на улицу.

Мороженщик тихо выскользнул за дверь и зашагал по тротуару в том направлении, куда двигались девочка с обезьяной. Их не было видно. Тогда маэстро, тяжело дыша и топая, побежал вперед. Он то и дело толкал прохожих, они останавливались и ворчали.

Жора пробежал два квартала и, наконец, на другой стороне улицы заметил Олю. Он ухмыльнулся и, пыхтя, перешел улицу, прячась за стоявшими автомобилями, чтобы девочка его не увидела.

Крался он вдоль стены, задерживаясь у дверей подъездов.

Оля свернула во двор, и Жора тоже повернул во двор. Он встал за деревом, но живот торчал, как Жора ни старался втянуть его.

Девочка с обезьяной скрылась в подъезде. Жора долго стоял, разглядывая окна квартиры Кольцовых на четвертом этаже.

Маэстро уже собрался вернуться в кафе «Снеговик», как вдруг дверь на балконе у Кольцовых открылась. Там случилось такое, что Жора даже присвистнул.

Двадцать первая история КЛЮЧ

А в квартире у Кольцовых происходило вот что.

Сначала раздался звонок, и Павел открыл дверь. На пороге стоял Дима, держа на поводке Мракобеса. Пес махал хвостом, а хозяин изо всех сил старался не расплакаться.

– Что случилось, Дмитрий? – спросил Павел.

– Я... – Дима всхлипнул, – по... пошел гулять с Мракобесом... Потерял... ключ и не могу... домой...

– Подумаешь, беда какая! Позвони!

– Папы с мамой нету.

Тут в коридоре показались Оля с мамой. Наташа спросила:

– Вспомни, где ты потерял ключ?

– Он у тебя всегда на шее висел, – напомнила Оля. – На веревочке, чтобы не потерялся.

– Висел... Я снял и повесил на шею Мракобесу, а он потерял ключ в снегу...

– В снегу?.. – Павел задумался. – Если в снегу, найдешь только весной, когда снег растает.

– Весной? А мне домой сейчас надо... Весной будет поздно. Дима опять всхлипнул.

– Знаете что? – предложила Наташа. – Не будем закрывать дверь. Когда Димины родители придут, мы сразу услышим. Дима, заходи и раздевайся!

Скоро на лестнице послышались шаги. Внизу показались Димины отец и мать.

– Димуля! – обрадовался отец.

– Ты не дома? – удивилась мать.

Дима часто терял ключ. И каждый раз, когда это случилось, отец сердился, а мама переставала с ним разговаривать.

– Чего же вы так долго не идете? – вытирая слезы, спросил Дима.

– Идем! Спешим и думаем: жалко, что тебя придется будить. Дело в том, что мы ключ от квартиры забыли.

– Как вам не повезло! – посочувствовала Наташа. – У Димы тоже нет ключа!

– Ой! – произнесла Димина мама.

Растерявшись, она села на ступеньку.

– Атмосфера становится горячей, как на Венере, – заметил Павел.

– Вам легко шутить, вы дома, – проговорила Димина мама. – А нам что делать? Ночевать на лестнице?

Мракобес встал на задние лапы, пытаясь отворить дверь, но из этого ничего не вышло.

– Что же делать? Что делать?..

Димина мама обняла заплаканного сына и положила его голову себе на колени. Дима успокоился.

Оба папы стояли и молчали. Наталья думала о том, как разместить соседей на ночлег. И только Оля исчезла.

Она бесшумно подошла к вешалке, надела шубку и шапочку, позвала Капушу, которая уже устраивалась спать в уголке дивана, взяла ее на руки. Девочка укутала обезьяну шарфом, открыла дверь на балкон и вышла.

Балкон занесло снегом, от ног оставались глубокие следы. Капитолине сразу стало холодно, и она прижалась к Оле. Девочка подошла к краю балкона и осторожно поставила обезьяну на карниз.

– Ну, пожалуйста... Ты же понимаешь!.. Будь умницей, очень тебя прошу!

Она показала пальцем на форточку в окне, выходящем на соседний балкон.

Маэстро Жора, не дыша, стоял во дворе и не сводил глаз с балкона.

Капуша пошла по узкому карнизу, прижимаясь к стене. Вот она добралась до соседнего балкона, прыгнула в форточку и оттуда помахала Оле кончиком хвоста.

– Забирайся, забирайся в комнату! – крикнула Оля.

И девочка со всех ног помчалась на лестничную клетку, чуть не сбив с ног собственную маму.

Оля подбежала к Диминой двери, прижалась к замочной скважине и зашептала:

– Капуша, Капуша, иди сюда! Сюда!..

– Угу, – слышалось из-за двери.

Оля хотела посмотреть через скважину, что происходит в Диминой квартире, но увидела только глаз, который ей подмигивал. Капуша тоже решила посмотреть в замочную скважину – с другой стороны.

– Открой! – попросила Капушу Ольга. – Это же очень просто: на замке есть колесико, возьми за это колесико и поверни.

На шум у двери стали собираться обитатели лестничной клетки. Жора разглядывал их в окно. Они были в пижамах, ночных рубашках, пальто, в шлепанцах.

Мракобес лаял, становился на задние лапы, звал обезьяну. Замок не открывался.

– Ну постарайся, Капуша, сообрази! – умоляла Оля. – Надо только повернуть ручку. Понимаешь, – по-вер-нуть...

Замок покряхтел, щелкнул. Дверь открылась.

– Наконец-то! – вздохнула лестничная клетка.

Капуша бросилась на шею Оле.

Мама и папа увели Диму. Он спал на ходу. Через минуту лестница опустела.

– Как же я сразу не сообразил? – упрекнул себя Жора, возвращаясь в кафе «Снеговик». – Ну, конечно! Обезьяна сама вылезет из форточки и прибежит ко мне за мороженым. Не будь я специалистом ниже нуля, если не заманю обезьяну к себе! А тогда...

Двадцать вторая история ОШИБКА КЛОУНОВ

Билеты были куплены еще до каникул. В этот день Ольга, проснувшись, прошептала одно слово:

– Цирк...

Павел с Олей одевались.

– Мама, – спросила Оля, – а где шуба, которая мне стала мала?

– Для Капуши? – догадалась Наташа.

– Конечно! У нее ведь тоже каникулы, и она никогда в жизни не была в цирке.

– А ее пустят без билета?

– Пустят! – заявил папа, несмотря на возражения мамы.

Наталья порылась в шкафу и извлекла оттуда шубку, шапочку с помпоном и валенки, оставшиеся от тех времен, когда Оля была маленькой.

Обезьяна надела старую Олину шубку, из которой Оля выросла, и сразу стала обыкновенной девочкой, только немножко волосатой и с хвостом. Нос и рот ей Оля закутала шарфиком, чтобы Капитолина не дышала холодным воздухом.

– Конечно, этот ребенок одет не очень модно, – сказала Наташа. – Но, может, так даже лучше, потому что от моды до простуды – один шаг. Идите!

Оля с папой и Капушей пришли первыми.

Зал потихоньку заполнялся публикой.

На арене еще было полутемно, когда появился мороженщик.

На плече у маэстро висел ящик с надписью «Мороженое». Нет, не тот ящик, набитый деньгами, что лежал у Жоры в кафе «Снеговик», в тайнике. Это был другой ящик, как две капли воды похожий на спрятанный под полом.

Мороженщика с ящиком пропустили без билета. Но он не торговал. Он поставил ящик возле барьера и стал ждать, когда начнется представление.

Капитолине надоело долго сидеть на одном месте. Чтобы размяться, она начала раскачивать кресло, отчего закачался весь ряд. Те, кто сидели вокруг, обратили внимание на обезьяну. Они стали показывать на Капушу пальцами и шептаться.

Засветились прожектора. Музыка грянула так громко, что Капа от страха съежилась и закрыла глаза. А когда открыла, увидела на сцене собачек, которые танцевали, прыгали через кольцо и катили друг друга на тележке. И после каждого номера дрессировщик давал им лакомство.

За собачками выступали дрессированные лошади, потом канатоходцы, фокусник, жонглер, икарийцы, которые крутят ногами разные предметы и друг друга. А между номерами выбегали на арену четыре клоуна Сидоровы: Бам, Бим, Бом и Бум.

Кто из них кто, разобрать было совершенно невозможно. Они были братьями-близнецами и похожи друг на друга так, что в детстве их путала родная мама. Клоуны кувыркались, разговаривали со зрителями, пели. Ребята кричали изо всех сил. И Оля кричала. Капуша удивленно поглядывала, не понимая, почему кричат все, а кувыркаются только на арене.

Но вот весь зал замер. На арену вышли люди в серебристых костюмах. Они уцепились за канаты и полезли вверх, к куполу. Там они уселись на трапеции и стали раскачиваться.

Свет потух. Оркестр умолк. Серебристые костюмы воздушных гимнастов засветились, заискрились в темноте. Казалось, купол начал вращаться, а вместе с ним гимнасты. От этого мелькания у Оли закружилась голова.

Прожектора снова осветили арену. Гимнасты по канатам спустились вниз. На сцену опять выскочили клоуны Сидоровы – Бам, Бим, Бом и Бум. Они стали подбрасывать клетчатые кепки и кричать.

– Подумаешь, воздушные гимнасты! – передразнил Бам.

– Я тоже так могу! – заявил Бим.

– И я! – подтвердил Бом.

– Даже еще лучше! – крикнул Бум.

Они полезли по канатам вверх. Но тут же Бум упал на ковер, на него Бом, а на них Бим с Бамом.

– А кто из вас хочет попробовать? – спросили клоуны, и все четверо хитро прищурились.

Этот вопрос клоуны задавали всегда, и ни у кого из зрителей никогда не возникало желания выйти на арену. Зрители только смеялись.

Но на этот раз Сидоровы ошиблись.

Из пятого ряда на арену выскочила девочка не девочка, мальчик не мальчик в красном лыжном костюме – Капитолина. Пробежав по ступеням, она прыгнула на арену.

– Капуша, ты куда?

Ольга прижала руки к груди и не знала, что делать.

Клоуны тоже растерялись.

– Капа, назад! – крикнул Павел и бросился на арену вслед за обезьяной.

Капуша ухватилась за канат и стала взбираться вверх.

– Капа, умоляю, вернись! – кричал Павел, стоя посреди арены и протягивая руки вверх.

– Во дает! – кричали в зале.

– Да он никакой не зритель, это подставной артист! Он специально сидел, я сразу догадался!

– Капа, вернись! – кричали Бам, Бим, Бом и Бум, совсем забыв о том, что они должны смешить публику.

Клоуны боялись, что сорвется представление.

Капуша забралась под самый купол, так что люди внизу сделались маленькими.

Жора встал, от волнения вытащил порцию мороженого и собрался ее съесть.

Капитолина прыгнула вниз.

– Ах! – раздалось в зале.

Оля закрыла глаза.

Обезьяна пролетела по воздуху и ухватилась за трапецию. Она раскачалась, ногами зацепилась за другую трапецию и полетела над самыми головами зрителей, выхватив у Жоры из рук мороженое.

– Ох! – вздохнул зал, засмеялся и зааплодировал.

Под самым куполом Капуша развернула мороженое и съела.

Чтобы зрители не подумали, что срывается представление, заиграла музыка.

Под музыку Капуша начала вытворять нечто немислимое. Она крутила в воздухе тройное сальто, опускалась почти до самого ковра и снова улетаала вверх.

Зал награждал ее оглушительными аплодисментами.

Специалист ниже нуля вытащил из ящика еще порцию мороженого и подбросил вверх. Капа ловко ее поймала. Жора подмигнул ей. Дескать, давай, крутись, получишь еще!

Только одна женщина, в девятом ряду партера, хмуро смотрела на происходящее. Она не хлопала, не улыбалась, а нервно ерзала в кресле. Это была Розочка Николаевна.

Она пришла отдохнуть и насладиться, и тут опять ей попала эта противная обезьяна, которая поссорила ее с Виктором. Сейчас Розочка с ней рассчитается раз и навсегда.

Она встала, открыла сумку из крокодиловой кожи и вытащила оттуда пульверизатор с большим флаконом духов. Розочка Николаевна обхватила рукой резиновую грушу и нацелила пульверизатор вверх.

– Сядьте, девушка! Вы же не прозрачная! – посоветовали ей.

Но Розочка Николаевна даже не ответила.

Капуша раскачивалась под музыку на трапеции и готовилась зацепиться за другую трапецию хвостом. Она прыгнула и пролетела над самыми головами зрителей. Тут Розочка Николаевна изо всех сил нажала пульверизатор.

«Пш-ши-к!» – раздалось в воздухе.

Над партером поплыло облако духов.

У Капуши защипало глаза, и ей захотелось немедленно чихнуть. Внизу зрители тоже начали чихать.

Обезьяна зажмурилась и почувствовала, что летит неизвестно куда и очень долго. Летит, а зацепиться лапами или хотя бы хвостом не за что.

– Она разобьется! – крикнула Оля.

Розочка Николаевна усмехнулась и спрятала пульверизатор в сумку.

– Ах! – снова разнеслось по залу.

Капитолина перевернулась в воздухе, чтобы упасть не на спину, а на ноги. Она ударилась обо что-то и открыла глаза.

На манеже лежал астроном Павел Кольцов. Капуша сидела у него на спине. Павел увидел, что обезьяна падает. Он

бросился к ней, но споткнулся. Он упал на опилки, а Капуша на него.

– Апчхи! – сказала Капитолина.

– О'кей! – закричала Оля, вспомнив, как кричит Дима.

– Bravo! – орал зал. – Бис! Еще!..

– Хорошенького понемножку! – проворчал Павел.

Он поднялся, отряхнул с себя опилки, поднял на руки Капушу и отправился на свое место в зрительном зале, рядом с дочкой.

Мороженщик подхватил ящик и двинулся к их креслам. Он протянул Кольцовым по мороженому. Павел мороженого не любил, а Ольге было нельзя. За их здоровье съела Капуша.

– Приходи ко мне в кафе, очаровательная обезьяна! – прошептал маэстро. – И получишь мороженого, сколько захочешь.

– Угу, – ответила Капа.

Жора ухмыльнулся.

Розочка Николаевна не стала ждать конца. Наступая на ноги сидящим, она стала пробираться к выходу.

Представление окончилось. Кольцовы с Капушей отправились домой.

Клоуны Сидоровы, Бам, Бим, Бом и Бум, еще долго стояли на арене.

– Вот это обезьяна! – сказал Бам Сидоров.

– Ее вместе с хозяином надо пригласить работать в цирк! – прибавил Бим Сидоров.

– С ней было бы гораздо веселее, – заметил Бом Сидоров.

Сидоров Бум подумал и согласился:

– Не позвали – это большая ошибка!

Двадцать третья история РУКИ, НОГИ, ГОЛОВА

Ольга села за стол и рядом посадила Капушу. Она положила перед ней книгу с картинками и строго сказала:

– Учти: баловаться с книжкой нельзя!

– Угу! – поняла Капуша.

Она закрыла книжку, положила на стул и села на нее. Папа лежал на диване.

– Оля! – строго напомнил он. – Мама просила тебя вымыть посуду.

– А если обезьяна научится мыть посуду, она станет человеком?

– Это первый шаг, – усмехнулась Наташа.

– Слышишь? – спросила Оля у Капы. – Пошли-ка!

Девочка направилась на кухню. Обезьяна за ней.

– Делай вот так!

Оля стала учить Капушу мыть чашки.

Трах! Вымытая чашка полетела на пол и разлетелась на части.

– О, боже! – воскликнула мама.

– Ничего! – успокоила ее Оля. – Капуша, ты не жонглер в цирке. Не подбрасывай, пожалуйста, чашки и не катай по столу тарелки.

Вскоре вся посуда была вымыта, кроме двух чашек, трех тарелок и одного блюда, которые случайно разбились.

Девочка вернулась в комнату и решила читать обезьяне вслух.

Капитолина не умела слушать, вертелась и никак не хотела сидеть на месте.

Тогда Оля взяла нитки и начала вязать.

Бабушка давно научила Олю вязать. Клубки, в которые превратилась бывшая любимая мамина кофта, теперь пошли в дело...

Капуша забралась с ногами на стол, и глаза ее бегали вслед за быстро двигающимися спицами. Она хотела сообразить, что это за игра такая: сперва можно превратить кофту в шарики, а потом шарики опять в кофту.

Капа взяла моток красной шерсти. Она села напротив Оли и стала делать непонятные движения пальцами.

– Ты чего дразнишься? – возмутилась Оля. – Если тебе скучно, пожалуйста: никто тебя не держит! Садись на форточку и катайся!

Но Капуше не хотелось кататься на форточке. Она продолжала шевелить руками, будто вяжет, хмыкала, подбрасывала клубки и крутила пальцем у виска.

Оля встала, порылась в тумбочке у мамы и извлекла оттуда спицы.

Едва Капитолина увидела спицы, она выхватила их из Олиных рук. Оля сделала петлю, взяла Капины лапы и стала ей показывать, как правильно вязать.

– Самое простое, – объясняла Оля, – это связать варежку. Вот так!..

Сперва петли у Капуши получались неровные, но Оля помнила, как учила ее бабушка. У Оли тоже раньше получались неровные петли.

– Не затягивай туго! Смотри, как я держу спицы...

Пальцы у Капы мелькали все быстрее. Оля едва успевала считать петли. Девочка моргнуть не успела – целый ряд связан. За ним другой, третий...

Пока Капитолина училась вязать руками, она начала ногой дергать девочку за рукав. И пальцем ноги вертела у виска. Дескать, как ты не можешь понять? Что у тебя – не все дома?

Оля снова порылась в маминой тумбочке, вытащила еще одни спицы и взяла со стола второй моток.

Капуша стала вязать ногами. И делала это так же быстро, как руками.

Глядит Оля – уже красная варежка получается. Капитолина обвязала край, и варежка упала на диван. Оля ее надела – как раз по руке!

– Ай да ученица! Капуша-отличница!

Оля захлопала в ладоши в одной варежке, схватила обезьяну и хотела с ней станцевать. Капа нехотя сошла на пол, походила немного на руках, потому что ноги у нее были заняты вязаньем, и снова забралась на диван.

Когда пришла мама, была готова вторая варежка, связанная ногами.

– Не может быть! – воскликнула Наташа. – Вы меня разыгрываете! Наверное, это Оля связала?

– Вовсе не я! – обиделась Оля. – Это она.

– Из кофты получились варежки. Завтра она распустит варежки и свяжет шнурок, – сказала Наташа.

А Павел заметил:

– У Капуши золотые руки, золотые ноги и золотая голова. Ей стало стыдно, что она распустила твою кофту. И вот...

Капитолина вязала, не обращая внимания на разговоры, руками шапочку, а ногами шарф для Оли.

Мама достала шерстяные нитки, которые покупала, когда училась вязать, и протянула Капе.

Капуша принялась за дело.

Она сидела на диване, окруженная шерстяными клубками. Руки и ноги у нее мелькали так, что их почти не было видно.

– А еще зовем ее Капушей, – промолвила Ольга. – Да она вяжет быстрее вязальной машины!

Вечером мама надела новую кофту. Она долго вертелась перед зеркалом, кофта ей понравилась. Папа критически оглядел маму и остался, видимо, доволен. Правда, Капитолину вовремя не остановили, и кофта получилась немного длинноватой, похожей на короткое шерстяное платье. Но Наташа даже обрадовалась.

Она тут же начала составлять список:

– Срочно необходимо купить разноцветной шерсти – желтой, коричневой, синей, и серой, и цвета морской волны, и еще неизвестно какого цвета. Капитолина должна связать мне кофточку или лучше две, Ольге – юбочку, Павлу – безрукавку (а то в обсерватории ночью холодно), Виктору – пуловер (вдруг у него следующая командировка будет в какую-нибудь северную страну?), бабушке нашей в подарок кофту. И что-то еще, забыла что...

Наташа не удержалась и стала звонить подруге.

– Знаешь, у нас теперь есть обезьяна! Она нас всех обвязывает!

– Хвастаться рано, – заметил Павел. – Капа еще не научила Олю вязать ногами. Как ты думаешь, Ольга, у тебя ногами получится?

Двадцать четвертая история

5:3 В ПОЛЬЗУ ОБЕЗЬЯНЫ

На другой день из-за крыш, посеребренных инеем, выползло солнце, похожее на яичницу-глазунью. Снег падать перестал. Все кругом было нарядно, чисто и весело.

Оля стала собираться гулять.

Капитолина оделась сама. Оля взяла ее за руку, а другой рукой поволокла за собой санки.

Когда Оля с Капушей спустились по лестнице, Оля немножко зазевалась. Обезьяна вынула свою руку из Олиной, вскочила на перила и поехала вниз.

– Папа и мама не разрешают кататься на перилах! – закричала Оля.

Она побежала вниз, прыгая через три ступени. Капа уже стояла на крыльце и ждала ее.

Оля поставила санки на снег и взялась за веревку.

– Садись, я тебя прокачу!

– Угу! – согласилась Капуша.

Она подхватила горсть снега, и не успела Оля схватить ее, как снег оказался у обезьяны во рту. Капа облизалась, точно это был не снег, а сливочное мороженое.

На площадке, огороженной деревянными щитами и покрытой льдом, стоял невероятный шум. Ребята играли в хоккей. Оля хотела пройти мимо, но обезьяна вскарабкалась на барьер, чтобы посмотреть, что там происходит.

Посреди катка стоял таксист Дима с клюшкой. У него на ногах были надеты взрослые щитки, и от этого он выглядел косолапым и смешным. Но Диме было не до смеха. Вокруг него столпились ребята, и он им что-то доказывал, размахивая руками.

– Как же без вратаря? – кричал Дима. – Было три-ноль, стало три-три. Без вратаря точно продуем!

Вратаря увела домой мама. А другого не было.

У противоположных ворот ребята с соседнего двора, обхватив друг друга за плечи, о чем-то шушукались. Потом вдруг закричали и затопали на месте:

– Га-га-га!

Капуша вздрогнула. Хоккеисты разъехались и стали гонять шайбу.

– Ну, вы! Скоро что ли? – заорал капитан гостей.

И увидел Олю.

– Смотрите-ка, девчонка с мартышкой!.. Ха-ха!

В этот миг все лицо у него залепило снежком. Это Капитолине не понравилось, что над Олей смеются.

Капитан вытер снег и показал Оле кулак.

– Слушай, – сказал Ольге Дима. – Есть предложение. Раз у тебя Капуша такая ловкая, может, она на воротах постоит?

– Не знаю, – пожалала плечами Оля.

– Эй, вы! – крикнул Дима противникам. – За нас вратарем обезьяна будет, не бойтесь?

– Мы боимся?! Да мы твою обезьяну под орех разделаем! – захохотал капитан. – Согласны! Только если руки-ноги ей переломаем, не отвечаем!

Капуше дали клюшку. Она прыгнула на лед, но тут же поскользнулась и приехала к воротам на спине. Никогда в жизни она не видела такой скользкой земли.

– Макака! Стоять на ногах не умеет. Сейчас мы вам!..

Игра началась.

Соседний двор сразу рванулся в атаку. Шайба летала из конца в конец. Но Капушу не надо было учить, как хватать на лету. Удар! Она поймала шайбу. Еще удар – снова поймала. Конечно, лучше бы вместо шайбы кидали ей бананы. Но тут уж приходится ловить что летит.

– Молодец! – кричал Дима.

Капе это занятие понравилось. Она забралась на верхнюю штангу и прыгала оттуда вниз. Едва игроки подводили шайбу к воротам, обезьяна ловко хватала ее, и нападающему ничего не оставалось, как убраться восвояси.

Однажды капитан размахнулся и хотел ударить обезьяну клюшкой. Оля даже глаза закрыла от страха. А Капуша подскочила и повисла на воротах. Капитан поскользнулся и сам въехал в ворота на животе.

Но вот шайбу захватил Дима. Он рванулся вперед, обошел одного защитника, потом второго и ударил по воротам. Гол! Четыре-три!

Никто не заметил, как во дворе появился маэстро Жора с ящиком мороженого. Он сел на свой ящик и внимательно наблюдал за игрой.

Было очень шумно. На балконах собралось много болельщиков.

Капитолина ни на кого не обращала внимания. Она висела на верхней штанге, следила только за шайбой и не отвлекалась. Когда ей было плохо видно, она садилась верхом на ворота и сидела там, помахивая клюшкой. А как только шайба приближалась, прыгала вниз.

– Время! Время истекло! – закричал кто-то с балкона.

Дима засвистел. Капуша схватила шайбу и погнала ее к пустым воротам противника.

– О-го-го! – закричал Дима и замахал клюшкой.

– О-го-го! – закричала Оля.

Шайба влетела в ворота.

– Пять-три в нашу пользу!

Только мальчишки с соседнего двора не хотели с этим соглашаться.

– Игра не считается, мы ее опротестуем! В хоккей должны играть только люди!

– Нет такого закона! Может, обезьянам даже удобнее играть в хоккей!

– Пускай играют за сборную зоопарка!

– Да вы же сами согласились!

– Согласились!.. Мы думали...

Хоккеисты стали расходиться.

– Ай да обезьяна! Ай да молодец! – приговаривал Жора. – Вообще-то за каждый гол ей полагается по мороженому. Но у меня, ах как жаль, осталась всего одна-единственная порция... Держи!..

Мороженщик протянул Капе эскимо. И тихо, чтобы не слышала Оля, прошептал:

– Придешь ко мне в кафе – еще получишь!

– Угу, – доверчиво протянула Капуша.

Двадцать пятая история ПОХОД

Мама разбудила Олю, Оля разбудила Капу. Последним поднялся папа. Он часто работал ночами и утром очень любил спать.

Пока Павел доставал из чулана лыжи, Оля отправилась в соседнюю квартиру к Диме. Дмитрий решил взять с собой Мракобеса. Получалась очень теплая компания.

– Таксе лыжи не нужны, это ясно, – размышляла вслух Оля, вернувшись. – А Капушу обязательно надо научить кататься на лыжах, ведь она уже почти человек! Но где взять для нее лыжи? Вот вопрос!

Девочка с удовольствием отдала бы свои, но они были обезьяне слишком велики. И вдруг Оля вспомнила.

– Пап! Мои лыжки? Где они?

– А ведь и верно: где твои лыжки?

Павел снова забрался в чулан, почертыхался там, наглотался пыли и наконец вылез с маленькими лыжами, совсем маленькими, меньше которых будут уже, пожалуй, карандаши. Это были самые первые Олины лыжи, которые к тому же мама еще отпилила, прилаживая их для трехлетней дочки.

Олины, мамины, свои лыжи и теперь еще обезьяньи лыжики папа связал двумя веревками вместе. Он помог маме надеть рюкзак с термосом. Оля тепло одела и замотала шарфом Капушу. Они позвонили в дверь к Диме, и таксист вышел с лыжами и таксой на поводке.

Вдоль по улице компания растянулась длинной вереницей. Так начался туристский поход, или турецкий поход, как говорила, бывало, Оля, когда числилась маленькой.

До вокзала доехали в трамвае, причем обезьяну пришлось взять на руки, и она снова сошла за маленького ребенка. А Мракобес проскользнул под ногами незамеченным. Ведь в трамвай с животными, даже человекообразными, даже воспитанными и умными, почему-то не пускают. Зато в поезде может ехать хоть свинья, лишь бы у нее был персональный билет.

На всякий случай Капу и Мракобеса в поезде усадили на пол, в ногах. Им обоим хотелось поглядеть в окно. Капитолина начала подпрыгивать, а Мракобес вставал на задние лапы, но тоже не мог дотянуться. Тогда обезьяна забралась на шею Мракобесу, и ей сразу все стало видно. Руками она схватилась за его длинные уши. Когда за окном происходило что-то интересное, Капуша дергала Мракобеса за уши. Таким образом он, хотя ничего не видел, тоже был в курсе дел.

Они слезли на станции с непонятным названием Опалиха. То ли листья тут опадают, то ли деревья опалены. Сразу от платформы начинался лес, и просеки вели к оврагу, в котором каждому могла найтись гора по силам.

Вокруг стояли елки, но почему-то на них еще не выросли конфеты.

Все надели лыжи и дружно тронулись по самой широкой просеке к оврагу. Мракобес бежал впереди, утопая в снегу с

головой и лая так весело и громко, что от его лая сыпался снег с еловых веток.

Обезьяну не научили надевать лыжи, забыли.

Оля оглянулась – Капуша бежит сзади, держа в каждой руке по лыже, и палки в зубах. Проваливается в снег, вылезает, опираясь на лыжи, и снова проваливается.

– Необразованная! – воскликнула Оля. – Тебе никто не объяснил!

Она помогла Капуше вставить валенки в ремешки, а в руки Капе дала палки.

– Ехать надо вот так, смотри! Сперва на одной лыже, потом на другой...

И сама заскользила вперед. Лыжня наклонилась и пошла под гору. Оля мчалась все быстрее, пока не упала в сугроб.

– Вылезай скорей, отряхивайся! – захохотал папа.

Наталья стояла наверху и боялась съехать. Дима уже забирался в гору, чтобы съехать снова. Мракобес вился у него под ногами, проваливаясь в снег по уши.

В это время Капа летела с горы прямо на Олю. Шарф развевался, как флаг. Но что это? Она всунула в валенки руки, а палки взяла ногами. Вот, оказывается, как удобнее всего ездить с горы на лыжах!

Капуша остановилась возле сугроба, вытерла ногой нос и как ни в чем не бывало стала снова карабкаться в гору.

Все, кто катался в овраге, и взрослые, и дети, во все глаза смотрели, как скользит Капуша. Один мальчик тоже вдел руки в лыжи и попробовал съехать. Но сразу свалился.

– Тебе до обезьяны еще далеко! – сказала ему Оля.

Капуше очень понравилось на лыжах. Плохо только, что приходится опять на гору взбираться. Тогда обезьяна приспособилась: она хватала за ошейник Мракобеса, он тащил ее в гору. А вниз Капуша мчалась сама.

Мама все стояла на горе. Она так ни разу и не съехала.

Когда все устали, мама открыла рюкзак, достав оттуда термос. Кольцовы, и Дима, и Капуша пили горячий чай с печеньем и конфетами. Один только Мракобес отказался от чая: печенье и конфеты он предпочитал заедать снегом.

Потом компания двинулась к станции. Все так накатались, что по дороге домой еле волочили ноги. А Капитолина – руки.

В кафе «Снеговик» еще светились окна.

Капуша увидела в окне мороженое.

– Пожалуйста! – радостно воскликнул мороженщик и бросился навстречу обезьяне.

– Капа!

– Капуша!

Это Павел и Оля бежали по улице. Послышался собачий лай. Мракобес обшаривал улицу.

Мама с Димой стояли посреди тротуара, держа лыжи.

– Куда ты пропала? Мы с ног сбились!

Оля подбежала и взяла Капушу на руки.

Обезьяна молчала и только облизывалась.

Жора глядел им вслед, потирая пухлые руки.

Двадцать шестая история ФОТО НА ПАМЯТЬ

Ольга давно не гостила у бабушки. Бабушка Кольцова была старая, ходить, а тем более ездить далеко ей было трудно. Жила она в древнем городе Ярославле, внучку видела редко и очень по ней скучала.

Давно решили, что на зимние каникулы Оля обязательно выберется к бабушке. Астроном Кольцов специально заранее отдежурил лишнюю ночь в обсерватории, чтобы потом ему дали день отгула.

Но теперь, когда каникулы шли к концу и надо было скорей ехать, возникло непредвиденное препятствие: Оля не знала, как быть с обезьяной.

– Я возьму ее с собой! – заявила она.

– Только этого не хватало, – возразила мама. – Бабушке с тобой трудно. А уж с вами обеими ей просто не справиться. Капа останется. Не будем на эту тему спорить!

– Кто ее будет воспитывать без меня? – спросила Оля.

– Уж как-нибудь, – усмехнулась Наташа. – Если с тобой справляюсь, с обезьяной – тем более.

– А бабушка? Она ведь тоже хочет посмотреть на обезьяну!

– Знаешь что, Ольга? – вдруг вмешался отец. – Ты просто расскажешь бабушке про нашу обезьяну. А покажем... пока-

жем ей фото. Пока мама собирает чемодан, сходите-ка к фотографу...

Неподалеку от кафе «Снеговик» даже днем мерцали четыре огромные оранжевые буквы: Ф-О-Т-О.

Маэстро Жора увидел через окно идущих мимо Олю с Капой и бросился к двери. Но девочка с обезьяной прошли мимо.

За стеклом фотоателье висели большие портреты улыбающихся красавиц и красавцев. «Мы были несчастны до тех пор, – говорили их лица, – пока нас не сфотографировали. Хотите быть такими же красивыми и радостными? Для этого вам нужно только открыть дверь да сесть на стул. Фотограф нажмет кнопку и...»

Оля открыла дверь, и они с Капушей вошли в комнату, часть которой была отгорожена зеленой шторой. Они подождали немного. Штора зашевелилась, отдернулась, как занавес в театре. Из-за нее показался человек маленького роста и неопределенного возраста. Казалось, он никогда в жизни не стригся.

Человек поднял руку и щелкнул пальцами:

– Прошу сюда! В один момент мы снимем вас на документ.

Оля отрицательно покачала головой:

– Не на документ, а для бабушки.

– Для бабушки? Ладушки! Снимем вас для бабушки!

Фотограф посмотрел на девочку и только тут заметил Капитолину.

– Хм... прекрасно! Вашу даму мы повесим как рекламу.

– Зачем?

– Даже обезьяна эта жить не может без портрета, – ответил фотограф. – Занимайте первый ряд! Вставляю пленку в аппарат!

Ольга села на скамейку перед трехногим аппаратом и посадила рядом Капушу.

– Не жмурьтесь! Глаза должны быть открыты. Смотрите вперед, зажигаю софиты!

Сильный свет ослепил обеих клиенток. Капитолина заморгала и отвернулась.

Фотограф оставил аппарат и побежал к скамейке, на которой сидели Оля с Капой.

– Как надо сидеть, я сейчас покажу: сажу, не моргая, и прямо гляжу...

Он сел на скамью рядом с девочкой и посмотрел прямо в аппарат.

Капуша прошмыгнула между тремя ногами фотоаппарата и прыгнула на стул. Фотограф не успел вскочить, как она схватила маленькую резиновую грушу и нажала. Затвор щелкнул. Капуша сфотографировала фотографа.

Он помчался за Капой, Оля – за ним, а Капитолина – за Олей. Они немножко побегали, пока фотограф не зацепил ногой аппарат. Тот стал падать, и фотограф поймал его на лету. Все остановились, аппарат снова был заряжен.

Оля с Капушей опять уселись на скамью. Фотограф занял свое место и быстро нажал резиновую грушу.

– Ура! Я вас снял. Я вас снял, это факт! А если б не снял, получил бы инфаркт.

– А теперь? – спросила Оля.

– Теперь подождите, проявим пластинки и напечатаем лучшие снимки. Только прошу, зная вашу натуру, больше не трогать аппаратуру!

И он задернул занавеску.

Через несколько минут фотограф появился и, жмурясь от света, протянул девочке снимок.

Оля взглянула: на фото она сидела рядом с лохматым фотографом.

– Наверное, вы ошиблись. А где Капитолина?

– Ах да! Фу ты, ну ты! Действительно странно: где вы, где я и где обезьяна? Возьмите-ка лучше вот этот портрет. Надеюсь, теперь уж все правильно. Нет?..

На этот раз в руках у Оли была фотография, с которой смотрели два жизнерадостных лица: Олино и Капитолинино. Они и в самом деле годились для витрины.

– Спасибо!

Оля хотела заплатить деньги.

Но фотограф денег не взял. Он пожал Оле руку и долго тряс мохнатую руку Капуше. Он вдруг стал очень грустным, этот маленький лохматый человек, ласково погладил обезьяну и произнес:

– Помощника мне завести бы охота. Несложная, в сущности, будет работа. Я говорю: «Спокойно, снимаю!» Он свет зажигает, а я нажимаю...

– Спасибо! – опять поблагодарила Оля. – Но Капуше нужно многому учиться.

И, чтобы утешить фотографа, Оля прибавила:

– Может, когда она выучится и станет человеком, она захочет сама фотографировать. А пока...

– Ну что ж, пусть придет. В атмосфере сердечности всегда остановим мгновение для вечности.

Лохматый фотограф распахнул перед ними дверь.

...Капуша брела домой следом за Олей. Едва они поровнялись с кафе «Снеговик», Капуша исчезла в кафе.

Оля побежала за ней.

– Добро пожаловать! – раскланялся мороженщик. – Я очень люблю эту обезьяну. И она меня...

– Нам надо спешить, – сказала Оля. – Я уезжаю к бабушке...

– А обезьяна?

– Мама не разрешила брать ее с собой...

– Очень хорошо! – обрадовался Жора. – То есть я хотел сказать, очень плохо!.. Это – угощение обезьяне!

Он протянул эскимо.

Капитолина взяла эскимо, и они вышли.

Едва Капуша скрылась за углом, Жора ухмыльнулся. Дресировка – великое дело! Девчонка уедет, а обезьяне обязательно захочется полакомиться.

Двадцать седьмая история **ОЛЯ УЕЗЖАЕТ**

Мама суетилась, бегала из комнаты на кухню и обратно. Она собирала в чемодан Ольгины вещи, приготовила бутерброды и термос в дорогу, положила подарки для бабушки. И при этом приговаривала:

– Ольга! Не садись в поезде у окна. Не выходи в тамбур – там холодно. Не пей холодной и сырой воды. Не приставай к отцу, когда он думает. Не...

– А когда не думает, можно приставать? – спросила Оля.

Наташа сделала вид, что не слышит. Она уже говорила с папой.

– Не задерживайся, а то на работу опоздаешь!

– Будь спокойна! – отвечал Павел. – Побуду день, оставлю Олю у бабушки и вернусь. После за ней съезжу.

Капуша сидела верхом на валике дивана и грустила.

– Ты не грусти! – промолвила Оля. – Я буду скучать без тебя и буду вспоминать тебя. И ты меня вспоминай. Ладно?

Капуша подпрыгнула. Казалось, ей хотелось сказать Оле:

– Я чувствую, что без тебя мне опять придется баловаться.

Но сказать она не могла, только повизжала тихонько и прыгнула с дивана к девочке на руки.

– Ох боюсь, твоя воспитанница натворит чего-нибудь! – воскликнула мама.

– Ничего страшного! – успокоила Оля. – Нет обезьян без изъянов.

– Надо говорить «без изъянов»!

– Пожалуйста! Без изъянов нет обезьянов!

– О боже! – воскликнула Наташа. – Слышала бы тебя бабушка Капитолина!

Наташа наполнила чемодан и защелкнула запоры. Она вынесла чемодан в коридор и пошла одеваться, чтобы проводить Павла с Олей до метро.

– Мам, ты не забыла, что мне нужно сшить костюм к празднику юных фигуристов?

– Не забыла! – ответила Наталья. – А ты придумала что будешь танцевать?

– Придумала! Вот и придумала! Я буду танцевать танец-обезьянец!

– Это что такое?

– Танец такой! Сшей мне костюм обезьяны!

– А что? – вмешался Павел, чтобы опередить мамино «нет».

– Это идея!

Он объявил голосом диктора:

– «А теперь, дорогие зрители, Ольга Кольцова исполнит танец-обезьянец». Звучит!..

– Ладно! – согласилась Наташа. – Вот останусь одна, у меня будет больше времени, и сошью...

Оля хотела обнять на прощание Капушу, но ее нигде не было. Все оделись, отец поднял чемодан, и Кольцовы стали спускаться по лестнице.

Выйдя на улицу, Павел поставил чемодан на крыльцо, снял шапку и вытер платком лоб.

– Мне кажется, Наташа, ты положила в чемодан кирпичи – такой он тяжелый!

– Не говори чепухи! – отрезала мама.

Папа, кряхтя, поставил чемодан на плечо, и они пошли к остановке. Но через полквартила Павел снова опустил чемодан на тротуар.

– До чего неудобно нести! – проворчал он. – То перевешивается вперед, то назад...

– Может, плохо уложено и болтается? – спросила Оля.

Павел положил чемодан на тротуар, мама отстегнула запыры. Вдвоем они подняли крышку. Между вещами, обхватив всеми четырьмя лапами теплый термос, свернувшись калачиком, лежала Капитолина. Она зажмурилась от яркого света и виновато хмыкнула.

– Дела... – вздохнул Павел. – Первый раз встречаю существо, которому удалось перехитрить маму.

– То есть как – перехитрить? – возмутилась мама. – Ничего не выйдет!

– Мам! Давай мы возьмем Капушу с собой, чтобы не возвращаться!

– И слышать не хочу! Вы поезжайте, а я заберу ее домой!

Наташа вынула из чемодана обезьяну и взяла на руки.

– Я дальше не пойду.

Они поцеловались. Капуша чмокнула Олю в щеку. Оля вздохнула и пошла по улице не оглядываясь. Папа подхватил чемодан и помчался за дочерью.

Наталья постояла, глядя им вслед, и, укрыв Капушу полкой пальто, вернулась домой.

Двадцать восьмая история КАК СТАТЬ КРАСИВОЙ

Мама освободилась от Павла и Оли на целых два дня.

Перво-наперво она стала прикидывать, какие дела она сумеет сделать в их отсутствие, когда не надо ни о чем думать и ни о ком заботиться.

Наташа стала загибать пальцы.

– Во-первых, я постираю грязное белье, во-вторых, уберу квартиру, в-третьих, сошью для Ольги костюм к празднику юных фигуристов, в-четвертых, схожу в гости к подруге, у которой тыщу лет не была, – она перевела дух и продолжала. – В-пятых, в кино, в-шестых, по магазинам, что делать в-седьмых – вспомню потом, в-восьмых, оставлю вечер про запас, на всякий случай, в-девятых, если останется время, покрашу волосы, чтобы стать из шатенки блондинкой и удивить Павла. Ну, а кроме того, мне придется, как всегда, ходить на работу. Хотя работа и сладкая, шоколадная, она все-таки работа...

Подумав еще немного, Наталья решила начать с девятого пункта. Она покрасит волосы, и все остальное будет делать уже не она, а блондинка.

Мама наполнила таз теплой водой, вынула флакон с краской и вылила его в таз. А сама пошла на кухню приготовить кофе. Наташа очень любила сушить волосы феном и пить при этом крепкий черный кофе, конечно, без сахара. Сладкого мама не любила.

Когда кофе вскипел, она накрыла его блюдечком, чтобы он чуть-чуть настоялся, потом перемешала ложечкой и налила в чашку. Теперь можно красить волосы, а потом сушить их и пить кофе.

Про Капушу Наташа забыла, а та сидела на диване и о себе не напоминала.

Без Оли Капе было грустно. Она вышла в коридор и заглянула в ванную. Там Наташа размешивала воду в тазу. Затем она вырвала у себя из головы несколько волосков и опустила их в таз. Точь-в-точь как звездочеты в Индии, которые гадают, принесет ветер дожди или нет.

Мама подержала волоски в воде, вынула, покачала головой и подлила еще бурой жидкости. Потом снова положила волоски и ушла на кухню.

Капуша тихо вошла в ванную, наклонилась над тазом, вырвала у себя на затылке несколько волосков и опустила их в таз. Она постояла, ожидая что будет. Но ничего не произошло. Тогда обезьяна покачала головой и вылила в таз весь флакон.

Оля купала Капу в этом тазу. Вода была теплая и очень приятная.

Капуша сняла с себя курточку, брючки и забралась в таз. Она очень любила купаться. Ногой она схватила губку, стала набирать воду и поливать себе на голову.

Скоро голова и плечи, а после живот и ноги из рыжих стали сначала желтыми, а потом белыми.

Капуша уже вытерлась мохнатым полотенцем, когда дверь открыла Наташа.

Мама подняла с пола мокрое полотенце, глянула на таз с водой и только теперь заметила обезьяну.

– Это уже нахальство! Я так мечтала перекраситься, а теперь? У меня больше нет краски! И вообще, надоело! Крашенная обезьяна – это неестественно! Ты творишь в доме, что тебе заблагорассудится! Оли и Павла нету, нянчиться с тобой у меня нет ни сил, ни времени! Я хочу сделать так много, а с тобой ничего не получится. Может, детей действительно полезно воспитывать с животными, а животных с детьми, как сказал Виктор. Но животные должны быть нормальные! Хватит! Больше так продолжаться не может. Ты сама-то понимаешь?

– Угу, – кивнула Капитолина.

Она чувствовала себя виноватой, только не могла понять, в чем конкретно.

Двадцать девятая история ОБЕЗЬЯНИЙ ВОПРОС

Рассердившись на Капушу, мама придвинула телефон, подумала немного и позвонила подруге, с которой года четыре не виделась.

– Здравствуй! – сказала Наташа. – Я хочу тебя обрадовать. Мой брат Виктор привез из Индии обезьяну, просто очарование...

– Поздравляю! – сказала подруга.

– Хочешь, она поживет у тебя некоторое время, пока нет Оли?

– У меня? – поперхнулась трубка.

– Да, у тебя! С ней ты будешь просто счастлива!
– А что с ней делать?
– Все, что захочешь. Играть, гулять, веселиться...
– Спасибо, – сказала подруга. – Мне и так весело. Подари
ее лучше Люсе. Целую тебя, милочка!

Мама позвонила Люсе, потом папиному однокласснику Костику, потом знакомым, с которыми они три года назад отдыхали в Крыму.

Никто не хотел, чтобы у них поселилась обезьяна. Никто не верил, что Капуша умеет вязать и помогает на кухне.

Может, позвонить в зоопарк, подумала Наташа. Но в зоопарке своих обезьян полно. И тут Наталья сообразила, кто возьмет обезьяну. Это Розочка Николаевна.

– Розочка, – позвонила она машинистке. – Ты, конечно, уже слышала, что Виктор привез обезьяну?

– Знаю, – сказала Розочка Николаевна. – Из-за нее мы поссорились.

– Вот и прекрасно!

– Что ж тут прекрасного? Теперь Виктор на мне не женится.

– Женится! – уверенно заявила Наталья. – Если ты на время возьмешь обезьяну.

– Я? Обезьяну?

– Да! Не забывай, что Оля научила ее вязать. Я бы ни за что не отдала обезьяну. Все колебалась, колебалась и решила. В конце концов нам она уже вязала, а тебе еще нет. Оля на несколько дней уехала, играть с ней некому. Используй этот случай!

– Когда можно приехать? – загорелась Розочка Николаевна.

– Да хоть сейчас!

Решив обезьяний вопрос, Наталья занялась стиркой.

Тридцатая история ШУТКИ В СТОРОНУ

– А, радость моя, старая знакомая! – произнесла Розочка Николаевна.

Она вошла в квартиру Кольцовых и первым делом погляделась в зеркало.

Розочка Николаевна приехала с большой коричневой сумкой, застегнутой на «молнию». Она поставила сумку рядом с диваном, на котором сидела Капуша.

– Значит, ты, Розочка, ее уже знаешь? – спросила мама.

– Само собой! Мы виделись у Вити. Там она вела себя иначе. Такое натворила! Только...

– Что – только?

– Она же была рыжая!

– Верно! Она немножко перекрасилась. И, по-моему, ей идет...

– Правда, что ее научили вязать? Это очень существенно.

– Конечно! Ей только нужно говорить, когда пора остановиться. А то она будет вязать без конца.

– Я поняла, радость моя! Когда надо будет, она остановится, не сомневайся!

– Виктор тебе не звонит? – поинтересовалась Наташа.

Ей хотелось, чтобы ее брат наконец женился.

– Иногда звонит, – уклончиво ответила Розочка Николаевна. – Он очень занят. На него взвалили много ответственной работы после того, как он приехал из Индии... Скажи, ошейник для обезьяны у вас есть?

– Нет, – ответила Наташа.

– Понятно! – сказала Розочка Николаевна. – Знаешь, я немедленно позвоню Вите, сообщу, что обезьяна живет у меня и приглашу его в гости. Он думает, что я совершенно бесчеловечная эгоистка, а я наоборот. Ты правильно решила отдать обезьяну именно мне. У тебя заботы, хозяйство, а я пока живу одна. С обезьяной мне будет даже веселее...

Едва Розочка Николаевна вошла, Капуша насторожилась. Она тихо сидела на диване и слушала разговоры.

Розочка Николаевна встала, подошла к дивану, открыла «молнию» на сумке и сказала обезьяне:

– Ну, а теперь шутки в сторону, радость моя! Садись в сумку!

Капуша зарычала. Шерсть у нее на шее поднялась. Она готова была укусить Розочку Николаевну и не укусила только потому, что это было бы не по-человечески.

Капа с тоской посмотрела на Наталью, будто хотела сказать: «Что же ты делаешь? Кому меня отдаешь?»

Маме стало неловко, и она отвернулась. Розочка Николаевна взяла обезьяну за шиворот, затолкнула в сумку, закрыла «молнию».

– Сиди тихо! – приказала она. – А то еще, чего доброго, вылезешь в трамвае, людей испугаешь. Ну, мне пора!

– Может, выпьешь чашечку кофе? – спросила Наталья. – Я быстро сварю.

– И не подумай! – ответила Розочка Николаевна. – Поеду домой, посажу обезьяну вязать. Сама знаешь, время – деньги... Чао!

Розочка Николаевна подняла тяжелую сумку и ушла, хлопнув дверью.

Наташа облегченно вздохнула. Теперь она спокойно займется домашними делами и сошьет Ольге костюм обезьянки для праздника юных фигуристов.

Розочка Николаевна по дороге заехала в охотничий магазин.

– Мне нужен, – потребовала она, – самый строгий ошейник, какой только есть.

– Вам? – переспросил продавец.

– Не задавайте глупых вопросов! – отрезала Розочка Николаевна. – У вас есть строгие ошейники? С цепью?

– Вот такой вас устроит?

Продавец положил перед Розочкой Николаевной блестящий ошейник, который усмирил бы любую овчарку.

– Допустим, устроит. Заверните! А намордники у вас есть?

– Бывают, но сейчас все распроданы. Большой спрос!

Розочка Николаевна решила, что намордник купит после. Она проверила, не отстегнулась ли «молния» на сумке, и вышла из магазина.

Сумка у Розочки оказалась тесной. В ней было темно и пахло селедкой.

Капитолина проткнула дырочку, чтобы посмотреть наружу. В дырку виднелись только туфли прохожих и больше ничего.

Тогда Капа начала раскачиваться в сумке, как на качелях.

Розочка Николаевна почувствовала, что сумка улетает то вперед, то назад, и ударила по сумке.

Капе осталось тихо сидеть и ждать, что будет.

Тридцать первая история МАЭСТРО ВЫХОДИТ НА ДЕЛО

– Дядь, почем мороженое?

– Эскимо есть?

– Нету! Нет! – рявкал мороженщик, которому до смерти надоели эти приставучие мальчишки.

– Дядя, дай фруктовое в стаканчике!

– Сказал же – нету!

Маэстро медленно шел по Старопесчаной улице. Он то и дело осторожно оглядывался. Но никому, кроме мальчишек, до него не было дела. Мальчишки приставали только потому, что на плече у Жоры висел голубой ящик с надписью «Мороженое».

Мороженого в ящике не было. Жора осторожно приоткрыл крышку и заглянул внутрь: не забыл ли он чего. Нет, отмычка, веревка, белые перчатки и пакет с особым порошком лежали в ящике.

У ворот дома Кольцовых Жора последний раз оглянулся и, проверив, что за ним никто не следит, направился к Олиному подъезду.

В подъезд он не вошел, прошел мимо. В тот самый момент, когда он хотел войти, из подъезда стремительно выскочила Наталья Кольцова. Она бежала на работу.

Когда женщина скрылась за воротами, Жора повернулся и, поправив ремень от ящика, вошел в Олино парадное.

Он думал только об одном. Заманить обезьяну не удастся. Осталось ее поймать. Поймать и все свалить на нее. Это она обокрала бедного труженика низких температур.

Жора каждый день заходил во двор и следил за окнами квартиры Кольцовых. Оля с отцом вчера уехали, мама ушла на работу. У Оли в квартире не осталось никого, кроме Капы. Теперь-то уж обезьяне от Жоры не уйти! Можно считать, что она уже связана веревкой и сидит в ящике с надписью «Мороженое». Ящик Жора поставит в кафе, останется только вызвать лейтенанта Кислицу, чтобы схватить вора.

На четвертый этаж маэстро ступил на цыпочках. Он подкрался к двери Олиной квартиры, радостно потер руки, тихо поставил ящик и открыл крышку.

Сперва он извлек из ящика белые перчатки и аккуратно натянул их. Потом вынул веревку и повесил на шею. Затем Жора вынул отмычку. Это была тонкая стальная планочка, которая влезала в любой чужой замок и открывала его.

Жора еще раз оглянулся: на лестнице никого. Он потерял руки в белых перчатках.

– Обезьяна! – шепотом позвал он. – Это я, Жорик.

– Ку-ку! – ответил ему кто-то из кухни.

– Ку-ку! – повторил Жора.

Но тут же спохватился и прикрыл ладонью рот.

– Ку-ку! – снова сказал кто-то на кухне.

– Это же часы! – догадался маэстро и успокоился.

Он вынул отмычку и начал осторожно вставлять ее в замочную скважину, когда внизу раздался собачий лай. Маэстро вздрогнул. Не иначе как лейтенант Кислица что-то пронюхал...

Жора вынул из своего ящика пакет с особым порошком и посыпал им дверь и лестничную клетку. Запах был неприятный, но зато уж теперь никакая собака не могла разыскать Жору по запаху.

Маэстро поспешно снял перчатки, спрятал веревку и отмычку, повесил ящик на плечо и поднялся на этаж выше. Оттуда он осторожно глянул вниз.

По лестнице подымался мальчик с маленькой, очень длинной и очень черной собакой. Мракобес лаял.

– Цыц, козявка! – крикнул маэстро.

Жора хотел плюнуть от обиды: зря испугался. Но сдержался. Он сошел вниз и остановил мальчика.

Собака перестала лаять и завилыла хвостом.

– Эй, друг! Тебя как зовут?

– Дима.

– Дима, ты не видел здесь обезьяны?

– Ну, видел... А вы, собственно, кто?

– Я, видишь ли, специалист ниже нуля и хочу с ней познакомиться.

– Значит, вы полярник?

– Приблизительно... Так где она?

– Дело в том, что Капы нету.

– Как нету?!

- А так. Ее отдали.
- Кому?
- Этого я не знаю.
- Тогда шагай домой, – велел Жора.

Прижав к груди ящик для мороженого, он стал спускаться по лестнице.

Таксист Дима оглянулся, пожал плечами и поднялся к своей квартире.

Мракобес натянул поводок и начал чихать, морщась от сильного запаха. Дмитрий увидел, что все посыпано белым порошком, и решил, что в доме делали дезинфекцию.

Специалист ниже нуля медленно шел по улице. Операция с захватом обезьяны не удалась. Если он в ближайшее время не придумает, на кого свалить вину, лейтенант Кислица нагрянет в кафе. Он обнаружит недостачу, и небо для Жоры станет похожим на листок из тетради в клеточку.

Тридцать вторая история НОВАЯ МОДА

Розочка Николаевна изо всех сил спешила домой. По дороге она уже представляла себе, как обезьяна с утра до вечера вяжет кофточки, а Розочка эти кофточки продает и на вырученные деньги с утра до вечера ходит в кино и в кафе-мороженое. Главное, быстрее посадить обезьяну за работу, чтобы не пропадало драгоценное время. Ведь Оля придет, обезьяну, чего доброго, заберут.

Дома Розочка Николаевна поставила сумку на пол и открыла «молнию». Капуша осторожно, одним глазком, глянула наружу.

Вся комната была заставлена мебелью, на мебели стояли вазочки, статуэтки, флакончики, словно это была не комната, а лавка на базаре в Дели. Между столом и буфетом надо было проходить боком. Между кроватью и шкафом вообще нельзя было пройти.

- Нечего бездельничать!

Хозяйка придвинула стул вплотную к столу, крепко схватила Капу за шиворот и посадила на стул.

Она размотала цепь со строгим ошейником, указательным пальцем приподняла обезьянке мордочку и надела ошейник.

Капуша тихо сидела и хлопала глазами, ничего не понимая. Ошейник мешал двигаться и, когда натягивался, делалось больно.

Розочка Николаевна примерила длину цепи так, чтобы обезьяна не могла слезть со стула, продела конец цепи через щель в спинке и крепко-накрепко застегнула защелку.

Она достала из шкафа два клубка фиолетовой шерсти, спицы и все положила на стол перед Капушей.

– Ну вот, радость моя! Теперь мы с тобой поработаем! Вяжи кофточку, да побыстрей. Свяжешь – я тебя покормлю, еще свяжешь – опять накормлю. А не будешь вязать, ты уж меня извини. Кто не вяжет, тот не кушает. Я тебе не Оля!..

Розочка взяла сумку и отправилась в магазин за шерстью.

В дверях она остановилась и пристально посмотрела на Капитолину. Та послушно взяла в руки одни спицы, в ноги – другие и принялась вязать кофточку.

Розочка ушла, а Капуша вязала, изредка поглядывая на дверь.

Часа через два хозяйка вернулась.

– Ну, радость моя, как дела? – поинтересовалась она.

Розочка Николаевна поставила сумку на пол и сразу схватила фиолетовую кофточку, лежащую на столе.

– Готово? Я и не сомневалась! Теперь я вижу, что от тебя есть польза. На-ка, перекуси немножко. Я сделаю из тебя человека!

Она поставила перед Капой миску с остатками позавчерашних щей.

Хозяйка стала примерять кофту. Радостно улыбаясь, она надевала ее медленно, поворачиваясь перед зеркалом то одним боком, то другим. Постепенно улыбка исчезла. Розочка вытянула шею, не веря своим глазам. Глаза стали злыми, она сжала губы, резко повернулась и крикнула:

– Это что такое? Кофта?!

– Угу.

Капуша на всякий случай втянула голову в плечи.

Вид у кофты был, надо сказать, действительно несколько необычный. Один рукав – до локтя, другой болтался до полу.

Отверстие для головы оказалось на спине. Спереди у кофты торчал карман, как у кенгуру, в который сажают детенышей. От пояса в разные стороны свисали длинные хвосты, будто перья у павлина.

– Это что?! Может, новая мода?!!

– Угу, – согласилась Капуша.

– Я тебе покажу новую моду! – крикнула Розочка Николаевна. – Ты у меня узнаешь, где раки зимуют!

Резкими движениями она стащила с себя кофту и замахнулась на Капу. Кофта зацепилась за край стола, рукав оторвался.

– Хорошо же! – прошипела Розочка Николаевна, выхватив из-под носа у Капы миску с позавчерашними щами. – Будешь голодать до тех пор, пока не свяжешь нормальную кофту... Чао!

Она ушла во двор проветриться и успокоить расшатанные нервы.

Тридцать третья история КАРАУЛ!

Когда Розочка Николаевна ушла, Капуша первым делом решила проверить, можно ли ходить по комнате, будучи привязанной к стулу. Оказалось, если подпрыгивать вместе со стулом, то двигаться можно. Стул послушно ходит по комнате на всех своих четырех ногах, а ты сидишь на нем и только подсакиваешь. Кто не верит, может сам попробовать.

Капа открыла сумку и вынула моток шерсти, купленный Розочкой Николаевной.

Сперва Капуша отыскала начало нитки и привязала ее к абажуру, висевшему над самым столом. Потом, подпрыгивая вместе со стулом, двинулась вперед.

На окне стоял горшок с фикусом. Капа привязала нитку к фикусу. От фикуса нитка протянулась к картине над кроватью. На картине плавали белые лебеди с красными клювами. Картина с лебедями привязалась к вазе с бумажными цветами на буфете. Оттуда Капитолина протянула нитку на кухню к ручке сковороды, висевшей на стене, затем к банке с ложками и вилка-

ми. От них нитка пошла к мокрому белью, которое сушилось над газовой плитой.

Моток все разматывался и разматывался. Вся комната опутывалась паутиной. Когда серый моток кончился, Капа взяла красный, привязала нитку к венуку, потом к ведру с водой. В комнате и на кухне стало трудно передвигаться.

Концы всех ниток Капуша собрала вместе и привязала к ручке входной двери.

Через час хозяйка в хорошем настроении вернулась с прогулки. Нервы ее успокоились. Весело напевая, она попыталась открыть дверь. Но дверь не открывалась.

Тогда Розочка Николаевна изо всех сил рванула ее.

Нитки, привязанные к ручке, потянули абажур над столом, фикус и картину с лебедями над кроватью. Картина потащила вазу с бумажными цветами, ваза – сковородку, та – кастрюлю, кастрюля – веник. Сковорода грохнулась на стол, ложки и вилки высыпались на пол. Абажур закачался, посыпалась пыль. Тут картина со стены упала на кровать, пружины в кровати застонали. Ваза с бумажными цветами перевернулась. Цветы взлетели и поднялись к абажуру. Веник, подпрыгивая, вошел в комнату и поклонился хозяйке.

Розочка Николаевна упала на колени.

– Господи, да что же это творится?!

Она зацепила еще одну нитку, которая вытянула из кухни мокрое белье. Нитка над головой Розочки Николаевны не выдержала и лопнула. Мокрое белье рухнуло, накрыв Розочку с головой.

– Караул! – закричала хозяйка и бросилась ничком на пол.
– Грабители! Меня убивают!!

Натянулась последняя нитка, которая потащила ведро с водой. Ведро опрокинулось, и Розочка Николаевна почувствовала, что уплывает в неизвестном направлении.

Она поплавала немного. Потом потрясла головой и высунулась из-под мокрого белья.

Кряхтя и озираясь по сторонам, Розочка попыталась раздвинуть нитки.

Вокруг было тихо. Но ей показалось, что все вещи переместились со своих мест и двинулись на хозяйку. Она прижалась к стене.

Только теперь Розочка обнаружила, что обезьяны нигде не видно. На том месте, где сидела Капа, на полу лежал стул, распиленный пополам. Точнее, два двуногих стула. Между ними покоилась гора опилок и валялась пила.

– Она изуродовала весь мой стульный гарнитур! – воскликнула Розочка Николаевна. – Этого я так не оставлю! Она еще пожалеет!

Она дотянулась до телефона, поставила его на пол, взяла телефонную трубку, набрала номер и сказала:

– Витя! Радость моя! Это ты? У меня большое несчастье. Приезжай!

Тридцать четвертая история РАЗБОЙНИК С БОЛЬШОЙ ДОРОГИ

Виктор хотел нажать на кнопку звонка, но дверь оказалась открытой. Он остановился на пороге.

На полу сидела Розочка Николаевна. Голова у нее была повязана мокрым полотенцем. Перед ней на стуле стояла пишущая машинка. Вокруг, в паутине из разноцветных ниток, валялись вещи.

– Что случилось, Розочка?

Виктор еще не отдышался. Она перестала печатать и повернулась.

– Несчастье, Витя! Твоя сестра упросила меня понять обезьяну, пока приедет Оля. Я по доброте душевной согласилась. Правда, обезьяна немного пошалила, видишь? Она еще недостаточно воспитана...

– Где она? – промолвил Виктор. – Я подарил ее Оле...

– Обезьяна? Если бы я знала! Я создала для нее все, понимаешь, буквально все условия, а она?! Я отлучилась на минутку, чтобы часок поболтать с соседками, прихожу и...

Розочка Николаевна обхватила голову руками.

– Ой, как болит голова! По-моему, у меня начинается мигрень.

– Может, вызвать врача? – спросил Виктор.

– Пустяки! Не обращай внимания... Посмотри: у меня был стульный гарнитур – только шесть штук. Я взяла и один стул распилила, чтобы стало ровно семь... Шутка... Правда смешно?

– Хм... очень!

– Ах, если бы я знала, где эта чудесная обезьяна! Я специально привязала ее к стулу, чтобы она была дисциплинированной...

– Постой-ка! Ты посадила ее на цепь?!

– Пришлось посадить, раз мне дали не такую обезьяну.

– Как это – не такую?

– Я думала, она станет вязать кофточки, и я буду их продавать. А тут...

– Капуша обиделась. Кому приятно сидеть на цепи?

– Ты, как всегда, прав! Помоги мне, Витя!

– Постараюсь, – вздохнул Виктор. – Сейчас мороз, ее нужно обязательно найти. Найти и вернуть Оле.

– Оли нет, она уехала, и все заботы об этом животном обрушились на меня.

– Ума не приложу, куда Капитолина могла убежать?

– Уж и не знаю! Форточка открыта, а там парк...

– Поднимайся, Розочка, и переоденься – ты вся мокрая. А я пойду ее искать.

Виктор выскочил из комнаты.

Тридцать пятая история ЗАЯВЛЕНИЕ В МИЛИЦИЮ

Едва Виктор убежал, Розочка Николаевна сняла с головы полотенце и швырнула на кровать. Она придвинула поближе стул с пишущей машинкой и прочитала уже напечатанное там большими буквами слово «ЗАЯВЛЕНИЕ».

Розочка оглядела комнату и решительно застучала.

Довожу до сведения милиции, что в нашем городе появилась обезьяна-хулиганка Капитолина, она же бандитка, она же агрессор и разбойник с большой дороги. Указанная выше обезьяна нападает на квартиры миролюбивых жителей и устраивает в них ковордак.

Розочка Николаевна подумала, зачеркнула слово «ковордак» и написала «кавордак». Потом еще немного подумала и, зачеркнув «кавордак», написала «ковардак». Потом она подня-

лась с пола, взяла с тумбочки орфографический словарь, полистала его и вместо слова «ковардак» написала «кавардак», а словарь швырнула на пол.

Все-таки она была машинистка, а машинистки должны писать грамотно.

И Розочка Николаевна застучала дальше.

Кроме того, сообщаю, что обезьяна пилит пополам стулья, столы, кровати, диваны, шкафы, серванты и другое имущество. В частности, она изуродовала мой любимый стульный гарнитур. И не хочет работать.

Прошу милицию срочно разыскать преступника. Особые приметы: цвет рыжий, перекрашенный в белый, имеет один хвост, на все вопросы отвечает «угу», хулиганит всеми четырьмя конечностями.

Пойманного преступника от имени всех честных людей прошу немедленно наказать и посадить в тюрьму. Чао!

Слова «наказать» и «посадить» машинистка подчеркнула двумя чертами и подписалась:

Добрая Фея

Добрая Фея снова поднялась с пола. Она схватила свою большую коричневую сумку с «молнией», положила в нее заявление, собрала веревки, на которых сушилось мокрое белье, лежавшее теперь на полу. Добрая Фея, хлопнув дверью, направилась на улицу.

На почте Розочка Николаевна купила конверт с маркой, села и левой рукой, чтобы никто не узнал ее почерка, написала короткий адрес:

Милиция! Срочно!!
Лично!!!

Добрая Фея вышла с почты с чувством исполненного долга перед домом, в котором она жила, и всем миролюбивым человечеством. Она была полна решимости во что бы то ни стало разыскать Капушу.

Тридцать шестая история ВИКТОР СПЕШИТ В ГАЗЕТУ

– Как же искать Капитолину в таком большом городе? – сам себя спрашивал Виктор, шагая по тротуару. – Одному это не под силу. А Оля приедет и, я знаю, будет переживать.

Инженер остановился на перекрестке, не зная куда идти. На углу расклейщик объявлений с ведром и кистью наклеивал свежий номер «Вечерней газеты». Виктор подошел поближе и стал рассеянно ее просматривать. Вся последняя страница газеты была в объявлениях: где что идет, кто что продает, меняет и хочет купить.

Виктор резко повернулся и быстро зашагал к метро.

Редакция «Вечерней газеты» помещалась в большом желтом здании, выходящем на бульвар. По этажам бегали сотрудники, на ходу сочиняя последние строчки, потому что номер газеты был почти готов.

Редактор уже собрался уходить. Он стоял в дверях своего кабинета в пальто и меховой шапке. Виктор сложил ладони и поднес их ко лбу, по индийскому обычаю. Редактор удивился.

– У меня, – сказал Виктор, – очень срочное объявление в вашу газету...

– У всех срочные объявления. Оставьте, пройдет в порядке очереди.

– А сколько ждать очереди?

– Месяца три, не больше.

– Месяца три?! Да вы знаете, какое у меня объявление? Чрезвычайной важности!

– Это что же за объявление?

– Видите ли, у меня есть племянница, Ольга. Очень хорошая, между прочим, девочка. Я привез ей из Индии обезьяну...

– Обезьяну? И что же?

– Оля очень хорошо с ней играла. Но вот беда: Оля уехала на несколько дней, обезьяну отдали знакомой, и она пропала, потерялась.

– Кто пропал? – спросил редактор. – Знакомая или племянница?

– Да нет же – обезьяна! Ольга приедет, будет плакать!

– Угу... – редактор почесал затылок. – Угу...

Виктор засмеялся.

– Вы чего смеетесь?

– Так, ничего... Обезьяна тоже говорит «угу»...

– Ладно! – согласился редактор. – Нельзя допустить, чтобы девочка плакала. Вот лист бумаги, пишите объявление. Только быстро, пока номер не начали печатать.

Виктор присел на край стула и написал:

**ПРОПАЛА ОБЕЗЬЯНА КАПИТОЛИНА,
КОТОРАЯ УМЕЕТ ВЯЗАТЬ.
КТО НАЙДЕТ И ПОЗВОНИТ ПО ТЕЛЕФОНУ 100-33-33,
БУДЕТ МОЛОДЕЦ.**

Розочка Николаевна

Редактор прочитал объявление.

– Seriously умеет вязать?

– Seriously! Оля ее научила.

– Угу, – сказал редактор. – Если б все вязали руками и ногами, настало бы изобилие. А кто это – Розочка Николаевна?

– Это моя знакомая, у которой убежала обезьяна...

– Уф-ф! – сказал редактор и вытер платком лоб. – У меня в кабинете жара хуже, чем в вашей Индии!

Он снял телефонную трубку:

– Оставьте на четвертой полосе место для объявления – четыре строки.

– Пять строк, – поправил Виктор.

– Нет, четыре! – возразил редактор. – «Которая умеет вязать» я вычеркнул. Этому ни я, ни другие не поверят. А если поверят, такое сокровище ни за что не отдадут. Все! Пускай Оля не плачет. Не может ее обезьяна пропасть даже в таком большом городе, как Москва.

Виктор крепко пожал редактору руку.

Тридцать седьмая история ЧЕЛОВЕКООБРАЗНЫЙ ЗАЯЦ

Капуша ухватилась за ветку дерева, спрыгнула на землю и огляделась.

Все вокруг было ей незнакомо... Розочка Николаевна специально посадила Капу в сумку, чтобы она не видела куда ее несут.

Но где бы ни была Оля, только она – настоящий друг, и ее надо во что бы то ни стало найти.

И Капитолина отправилась искать девочку.

Иногда ей казалось, что по улице идет Оля. Капуша забежала вперед, но это была не Оля, а девочка такого же роста, в такой же белой шубке.

На улице потеплело. Зажглись фонари, и заблестели сосульки на крышах. Снег на тротуарах стал превращаться в лужи. Капа прыгала через них и допрыгала до трамвайной остановки. Наверное, к Оле можно добраться на трамвае.

Подошел трамвай. Был он красный с желтым, светлый и нарядный. Капа вскочила на ступеньку, и двери захлопнулись.

Она огляделась. В вагоне было много народу. Наступил вечер, все спешили домой и все толкались.

– Граждане, не забывайте приобретать билеты, – прохрипел голос с потолка.

Капа посмотрела наверх, но на потолке никто не сидел.

На всякий случай она тоже решила приобрести билет.

У кассы была толкотня. Люди останавливались, бросали монеты и вытаскивали билеты. Обезьяна ухватилась руками за поручень, раскачалась, прыгнула и уселась верхом на кассу.

– Батюшки светые! – закричала старушка.

Она подняла на лоб очки и тихо прибавила:

– Это же обезьяна! Смотрите-ка, люди добрые... Что же она тут сидит, прямо на кассе? Я деньги опустила, а билет не взяла...

Капуша нагнулась: оторвала билет и протянула старушке.

– Во, что делает! Обезьяна-то дрессированная...

Старуха стала проталкиваться вперед, то и дело оглядываясь и что-то бормоча себе под нос.

– Ну-ка, милая, дай и мне билет! – человек протянул Капуше монету.

Капа оторвала еще билет, потом еще и еще. Все получили билеты.

– Ай да кондуктор! Просто золото!..

Всем в вагоне стало весело. Все смеялись так, что трамвай начал от смеха дрожать и чуть не сошел с рельсов.

– Граждане, приготовьте билеты! – раздался громкий голос.

В трамвай вошел контролер. Он стал пробираться по проходу, и ему протягивали билеты. Контролер подошел к кассе.

– Тут что за пассажир без билета? – спросил он. – Заяц?

– Не заяц! – возразил мужчина в полосатом свитере, держащий лыжи.

– Я и сам догадался! Но все равно это заяц, – заявил контролер. – Потому что без билета!

В вагоне зашумели:

– Где написано, что обезьяны должны брать билеты?

– Зачем ей? Она тут вместо кондуктора!

– Во все вагоны надо обезьян посадить!

– Тише, тише! Не шумите! Пускай едет на здоровье!.. А чья она?

– Ничья!

– Так не бывает. Чья-нибудь должна быть!

– Пойдите-ка! – воскликнул пожилой человек в очках. – Вот в газете объявление: потерялась обезьяна. Просят позвонить.

– Раз так, – проговорил контролер, я заберу ее с собой.

Трамвай остановился.

Контролер протянул руки к Капе, но не тут-то было. Капитолина повисла на поручне. С поручня она перепрыгнула на дверь и выскочила на улицу.

– Держите ее! – закричал контролер.

Он вынул свисток и засвистел.

Капуша быстро перебежала через улицу и вскочила в другой трамвай, который шел в противоположную сторону.

Пожилой человек с газетой вошел в автоматную будку и стал звонить Розочке Николаевне. Но из трубки доносились длинные гудки.

Встречный трамвай оказался пустым. Он катил в депо отдыхать. На всякий случай Капитолина забралась под скамейку, чтобы ее не было видно.

Вагон встал в депо на запасной путь. Выпуская воздух, зашипели тормоза, огни погасли. Водитель ушел домой.

Капитолина вылезла из-под скамейки, забралась на сиденье водителя.

Она хотела сама отправиться на трамвае искать Олю и стала дергать за рукоятку, как это делал водитель. Как хорошо было бы прокатиться сейчас по городу! Но вагон с места не сдвинулся, потому что выключили электричество.

В кабине было тепло, как в Индии. Капуша свернулась калачиком и сладко заснула.

Тридцать восьмая история ЖОРУ ОГРАБИЛИ

Утром мороженщик отправился в гараж и выкатил из него свой автомобиль породы «Драндулет». Маэстро долго крутил ручкой мотор, но тот никак не хотел заводиться.

Тогда Жора стал толкать машину сзади. Она покатилась, завелась, затрещала, из трубы повалил черный дым. Жора догнал машину и на ходу сел за руль.

Специалист ниже нуля подъехал к кафе «Снеговик» и снял с двери замок. Он прошелся по залу, заглянул под столик, где скрипела половица. Все было в порядке.

Кафе начало заполняться ребятами, у которых скоро кончались каникулы. Все хотели поесть мороженого.

В это время Капуша проснулась в трамвае оттого, что кто-то вошел в вагон. Это был водитель.

За окнами было еще темно. Даже выспаться Капе не дали.

Она вылезла из теплой кабины, спряталась в вагоне под скамейку, хотела еще поспать, но трамвай поехал и стало трясти – не заснешь.

Жить в трамвае надоело. На остановке вагон заполнился людьми. Заметив обезьяну, люди показывали на нее пальцами.

Как только дверь открылась, Капитолина вылезла. Она увидела знакомый дом и перебежала на другую сторону улицы. Ну, конечно! В этом доме жил Виктор. Она пойдет к нему, и он обязательно поможет найти Олю.

Дверь в квартиру инженера оказалась запертой. Капуша вернулась на улицу. Было холодно, и очень хотелось есть.

Капа заметила, что стоит напротив кафе «Снеговик», в котором работает добрый мороженщик Жора. Обезьяна прыгнула в форточку.

– Эврика! – закричал маэстро. – Так я и знал! Иди сюда, моя киса, моя мартышечка! Я ждал тебя, и ты пришла!..

Жора бросился к окну.

– Обезьяна! Глядите, обезьяна! – сказал один мальчик.

– Ее ищут – вчера в газете было объявление! – сказал другой.

– Надо позвонить! – сказал третий и отправился к телефону-автомату.

Он набрал номер и сказал:

– Вы ищите обезьяну?

– Ищу, – ответила ему Розочка Николаевна. – Где моя обезьяна?

– Она в кафе «Снеговик».

– Ясно! Я лечу туда на крыльях!

А Капуша двинулась туда, куда ее поманил Жора. Она была уверена, что он даст ей еще мороженого. Но едва она вошла в чулан, Жора захлопнул дверь и запер ее на ключ.

Он вышел в зал, радостно потирая руки.

– Граждане! Свежее горячее мороженое скоро будет! – крикнул он.

И специалист ниже нуля отправился на склад вынимать из холодильника и распаковывать бочонки с мороженым. Жора принес три бочонка: сливочное, крем-брюле, шоколадное и поставил бочонки под прилавком. А сам снова скрылся на складе и уселся завтракать.

Обезьяна прислушалась. Из кафе доносились голоса.

Капуша попробовала открыть дверь. Но дверь Жора запер.

Капа заглянула в замочную скважину, но через нее ничего не было видно: в ней торчал ключ. Обезьяна всунула в отверстие палец и повертела им. Ключ вывалился и упал.

Капитолина легла на пол и просунула ладонь в щель между дверью и полом. Она нащупала ключ и придвинула его под дверь в чулан. Потом она вставила ключ в скважину и открыла дверь.

На складе было полутемно. За стойкой в ожидании мороженого толпилась детвора. Увидев обезьяну, все зашумели, обрадовались. Капуша забралась на стойку, зачерпнула ложкой мороженого и попробовала. Мороженое оказалось очень вкусным.

– И я хочу мороженого! – проговорил маленький мальчик, который никак не мог дождаться, когда начнут продавать мороженое.

Капитолина взяла вазочку, положила в нее доверху мороженое всех трех сортов. Обрадованный мальчик взял вазочку и побежал к столику.

– А шоколадное есть? – спросила девочка.

– Угу! – ответила Капуша.

Она зачерпнула из другого бочонка солидную порцию шоколадного и протянула девочке.

– А мне! – попросил другой маленький мальчик.

– А мне!

– Мне!

– Мне тоже!

– И мне!

Со всех сторон к Капуше тянули руки ребята.

Капа взяла ногой вторую ложку и стала накладывать сразу по две полных-преполных порции.

Те, кто съел мороженое, бежали к стойке снова. Некоторые клиенты брали теперь сразу по две и по три порции. Посетители мчались скорей к столикам, бегом ели и спешили обратно.

Руки и ноги у Капитолины мелькали так быстро, словно у нее не четыре конечности, а сорок четыре. И все сорок четыре выдавали мороженое.

Плотно позавтракав, Жора вышел в зал. Он вытер рукавом рот и вдруг заметил, что в кафе уничтожают его мороженое. В бочонках возле обезьяны осталось совсем мало сливочного, еще меньше крем-брюле, а шоколадное вообще кончилось.

– Такие большие порции?! – прорычал Жора, и лицо у него налилось кровью. – А деньги! Мои деньги! Спасите! Меня грабят!..

Он схватил Капу за шиворот и поднял в воздух. Жора поднес к носу обезьяны здоровенный кулачище.

Капитолина сжалась и закрыла от страха глаза.

Маэстро огляделся и увидел большой пустой бидон, в котором привозили мороженое.

Он открыл крышку, посадил в бидон Капу и защелкнул крышку.

– А ну, – улыбнулся он своей ослепительной улыбкой, – дорогие маэстро, признавайтесь, кто сколько съел порций? Выкладывайте денежки на бочку!

Он двинулся с подносом вдоль столиков собирать деньги, то и дело оглядываясь на бидон, в котором сидела Капуша.

Всем пришлось платить за съеденное мороженое.

Тут Жору посетила идея, еще более гениальная, чем все прежние. Ну, конечно! Если обезьяна умеет перевешивать, ее можно научить недовешивать! Она будет обманывать посетителей, а Жора – собирать денежки.

Как это он раньше не сообразил?!

Тридцать девятая история ЗАГОВОР

Через двадцать минут в кафе «Снеговик» примчалась Розочка Николаевна, держа под мышкой большую коричневую сумку на «молнии».

– Давайте мою обезьяну! – с порога крикнула она.

– Какую такую обезьяну?

Жора сделал вид, что ничего не знает.

Розочка Николаевна сморщила нос.

– Не прикидывайтесь, радость моя! Даже противно. Мне позвонили по телефону, что она у вас!

– Она здесь! Спрятана! Мы видели! – зашумели ребята в зале.

– Вот видите! Врать нехорошо!

– Дело в том, что обезьяна сама пришла ко мне. Она хочет мне помогать, торговать мороженым!

– Ну уж дудки, радость моя! Она будет мне вязать, а я лежать на диване.

– Тогда сделаем так, – предложил маэстро. – К кому обезьяна пойдет, у того она и останется, идет?

– Идет! – воскликнула Розочка Николаевна. – Конечно, она вернется ко мне. Я ей – мать родная!..

Жора ухмыльнулся. Он протянул руки, чтобы поднять бидон из-под мороженого, в котором сидела Капа. Бидона на месте не оказалось.

Маэстро побежал на склад. У черного хода стояли два новых бидона с мороженым.

Жора выскочил на улицу: бидон, в котором он запер Капушу, исчез.

Жора обхватил руками голову и вышел к Розочке Николаевне.

– Эй, вы! – взвизгнула Розочка Николаевна. – Где Капа? Моя любимая, несравненная Капитолина?

– Я сам посадил ее в бидон, – растерялся Жора. – А бидон исчез...

– Сам посадил... Исчез... – передразнила Розочка Николаевна. – Да обезьяна, если хотите знать, похитрей вас! Я ее на цепь сажала, и то она удрала! В бидон!.. А еще специалист ниже нуля!

– Надо ее найти, черт побери! – прошипел Жора. – Я научу ее обвешивать, а в случае чего она и пойдет в тюрьму.

– Это мы еще посмотрим! – воскликнула Розочка Николаевна. – Я ее поймаю, накажу и заставлю вязать!

– Накажем!

– Заставим!

– Вот что, – сказал мороженщик. – Будем действовать вместе!

– Согласна!

Жора обнял Розочку и поцеловал.

Сороковая история КОЛЛЕГИ ЗА РЕШЕТКОЙ

Когда в кафе «Снеговик» привезли мороженое, шофер вылез из кабины и сгрузил три бидона – со сливочным, крембрюле и шоколадным. Уходя, он чуть не споткнулся о пустой бидон, стоявший на самой дороге. Бидон перевернулся набок и с грохотом покатился в сторону. Запор открылся. Шофер не заметил, поднял бидон и поставил в кузов.

Фургон затрясся по булыжной мостовой и остановился у зоопарка. Там тоже было кафе, и шофер привез в него мороженое.

Капуше очень хотелось выглянуть наружу.

– Вот так история! – воскликнул шофер, открыв заднюю дверь и увидев обезьяну. – Откуда ты взялась? Конечно, хотела удрать из зоопарка! Наверное, уже хватились, ищут. Нужно немедленно вернуть тебя в клетку! А почему у тебя ошейник, да еще строгий?

Шофер вытащил из-под сиденья кусачки, перекусил ошейник и швырнул его на землю.

Сторож зоопарка не удивился, увидев на руках шофера обезьяну. Бывает, звери удирают, и их приводят или приносят. Он взял Капушу, посадил ее на руки и отнес в клетку. А шофер сел в машину и уехал.

Перед Капитолиной появилась пожилая обезьяна. Она с любопытством разглядывала новенькую: откуда та взялась и что ей нужно?

Капуша показала язык – и обезьяна в ответ показала язык. Капа подвигала носом в разные стороны, и обезьяна в ответ подвигала носом. Как в зеркале. Тогда обезьяна вскочила и, закричав пронзительно, полезла по решетке вверх.

Спустилась она обратно с целой компанией. Капа очень удивилась, увидев возле себя столько родственников. Они о чем-то переговаривались и показывали на Капушу пальцами. Капитолина осмотрела себя, но ничего особенного в своей одежде не обнаружила.

Пока взрослые обезьяны разглядывали Капу, обезьянны дети пришли ее потрогать, но мамыши отогнали детей.

Мальши начали скакать, кувыркаться и качаться на качелях. И есть яблоки из кормушки, которая стояла возле двери. Капитолина тоже взяла из кормушки яблоко, чтобы подкрепиться. Но к ней тут же подскочила пожилая обезьяна, вырвала яблоко и бросила обратно в кормушку.

– У, жадина! – сказала Капуша на обезьяньем языке.

Обезьяны это услышали, загалдели, запрыгали и стали угрожающе придвигаться к гостье.

Позади обезьян послышалось шипение. Обезьяны разбежались и прижались к стенкам клетки.

Сверху, медленно перебирая руками и ногами, спустился Старый Мудрый Орангутанг.

Переваливаясь с боку на бок, он подошел к Капитолине, потрогал ее, словно хотел убедиться, настоящая ли это обезья-

яна. Орангутанг подергал ее за курточку, уселся напротив и спросил хриплым голосом:

– Почему ты белая, не такая, как все? Белые обезьяны встречаются среди нас редко. Откуда ты пришла? Что тебе нужно?

Все обезьяны тотчас закивали головами, поддакивая Старому Мудрому Орангутангу.

– Я перекрасилась, – объяснила Капа. – Я ищу мою подругу Олю и не могу найти.

– Верните ей яблоко, которое у нее отняли! – приказал обезьянам Старый Мудрый Орангутанг.

Сразу три обезьяны бросились исполнять его распоряжение.

– Так и быть, мы тебе поможем, Перекрашенная Обезьяна! – изрек Старый Мудрый Орангутанг. – Но мы еще не придумали – как.

– Вы можете сделать это очень просто, – сказала Капуша. – Мы откроем клетку, разбежимся во все стороны и очень быстро найдем Олю.

Старый Мудрый Орангутанг почесал затылок.

– Честно говоря, мне не очень хочется нарушать порядок, – проворчал он. – Обезьянам запрещено выходить из клетки. Но тут сложная ситуация... Если Оля потерялась, ее действительно необходимо найти.

– Вы не поняли: это не Оля, а я потерялась!

– Если ты потерялась, значит, тебя нужно найти! Постой, постой! Но ведь ты тут! Значит, ты уже нашлась! Кого же тогда искать?

– Олю! Как вы не можете понять?! Я у нее потерялась и хочу у нее найтись! А чтобы я нашлась, нужно найти Олю, ведь так?

– Я окончательно запутался, – рявкнул Старый Мудрый Орангутанг. – Но помочь тебе, по моему глубочайшему убеждению, все равно необходимо. Обезьяны! Слушайте мою команду: из клетки шагом ма-арш!..

Капуша просунула руку через решетку и отодвинула засов.

Обезьяны собрались у двери. Одна из них недоверчиво шагнула вперед, потом другая. Поеживаясь, они выскакивали на волю.

Капуша подталкивала обезьян:

– Скорей! Скорей! А то вас увидят и опять посадят под замок! Вы сидите здесь всю жизнь и не знаете, сколько вокруг интересного и удивительного. Наверно, вы в хоккее не играли, в цирке не были, на лыжах не катались, не говоря уже о трамвае. И вязать вы не умеете, и даже мороженого никогда не пробовали!.. Без этого в наше время трудно превратиться в людей! Давайте разойдемся в разные стороны и, когда найдем Олю, соберемся у нее дома. Там очень хорошо, и даже мама не будет на нас сердиться, если, конечно, мы будем ей помогать мыть посуду и не будем перекрашиваться.

Обезьяны разбрелись в разные стороны по веткам, скамейкам, заборам. Они карабкались по крышам, но как-то не очень охотно! Они с сожалением оглядывались на свою клетку.

Капитолина тоже хотела отправиться вместе со всеми, но ее подозвал Старый Мудрый Орангутанг. Он последним вылез из клетки. Орангутанг сидел на скамейке, грыз яблоко и поживался.

– При ближайшем рассмотрении выясняется, что на улице холодно! – глубокомысленно заметил он. – Если бы было лето, другое дело... К тому же сейчас каникулы. Скоро начнется рабочий день. В зоопарк придут дети, чтобы осваивать наши хорошие манеры, а мы, значит, смылись? Кроме того, теперь, наконец, я осознал: ведь потерялась ты, а не Оля. Значит, не ты Олю, а Оля тебя должна найти!

– Но я хочу ей помочь!

– Тогда у меня есть план. Обезьяны! О-бе-зья-ныыы!! Я передумал: возвращайтесь назад в клетку. В ней лучше, чем снаружи. Тут тепло, сытно и не надо думать, что делать, потому что тут за нас думают люди. А ты, Перекрашенная Обезьяна, смотри сюда!

Орангутанг влез с ногами на скамейку и показал пальцем вдаль.

– Видишь, воо-он там, далеко, башню? Это телевышка. Оттуда показывают телепередачи, и все их смотрят. Я тоже один раз смотрел, когда был кое по каким делам в кабинете директора зоопарка. Я собираюсь подать заявление, чтобы в клетку к обезьянам поставили телевизор. А то вечером скучно. Мы тоже хотим культурно отдохнуть после рабочего дня.

– А почему не всем зверям телевизор, а только обезьянам?
– спросила Капа.

– Мы же наиболее развитые млекопитающие! – воскликнул Орангутанг. – Так вот, Перекрашенная Обезьяна! Отправляйся к телебашне. Тебе надо выступить по телевизору, чтобы тебя увидела Оля. Тогда она тебя сразу найдет! Это говорю тебе я, Старый Мудрый Орангутанг!

– Спасибо! – сказала Капа.

– Если не найдешь, возвращайся. Будешь жить в клетке. У нас скоро поставят телевизор...

И Старый Мудрый Орангутанг поцеловал Капитолину в затылок.

Капуша выбралась из клетки.

– Эй, ты! – крикнула ей пожилая обезьяна. – Давай с тобой сыграем в гляделки. Никто в нашей клетке не может меня переглядеть!

Капуше очень хотелось сыграть в гляделки. Все обезьяны любят в них играть. Они поднимают брови и смотрят друг на друга – кто кого переглядит. Людям до обезьян в этом виде спорта далеко.

Но сейчас Капе было некогда.

– В другой раз! – вздохнула она.

На дорожках уже появились посетители, сделалось шумно.

«Вот бы в зоопарк пришла сейчас Оля, – размечталась Капа. – Мы бы с ней погуляли, а потом поехали домой и стали играть».

Но Оли не было. Капуша влезла на забор, чтобы уйти из зоопарка, и огляделась. Вдали маячила телебашня. Верхушку ее закрывало серое облако.

Сорок первая история ТРУДНО БЫТЬ АРТИСТОМ

Добраться до телебашни оказалось непросто.

После неудачной поездки на трамвае Капуша решила транспортом не пользоваться. А то еще увезут куда-нибудь не туда.

Она отправилась пешком, вернее прыжками: с крыш на заборы, с заборов на деревья и снова на крыши.

Наконец, телебашня стала такой большой, что верхушка ее ушла под самое небо.

Капа пробралась в дверь и хотела прошмыгнуть в лифт, но двери лифта сами захлопнулись, чуть лапы не прищемили. Лифт умчался, а обезьяна осталась.

Рядом с лифтом стоял большой чемодан. На нем было выведено:

ОСТОРОЖНО – РЕКВИЗИТ!

Даже если бы Капуша могла прочитать надпись, что такое «реквизит», она бы все равно не поняла. Но ей очень хотелось подняться на верхушку башни. Не будет же чемодан вечно стоять на дороге – его заберут. Она приоткрыла крышку и нырнула внутрь. Крышка захлопнулась. Стало совсем темно, а лежать было мягко.

Кто-то ухватился за ручку чемодана и принес его в лифт.

Когда крышка приоткрылась, стало светло, как летом на ярком солнце. Может, даже светлее.

Чемодан оказался за ширмой. На ширму нацелили прожектор. Пожилая артистка улыбалась во весь рот и громко говорила:

– Добрый вечер, наши маленькие друзья! Сейчас мы покажем вам увлекательное и развлекательное кукольное телепредставление...

Прямо на артистку поползло одноглазое чудовище. Но артистка продолжала смело улыбаться.

Если бы Капитолина бывала когда-нибудь на телевидении, она знала бы, что ничего страшного не происходит. Просто начиналась передача. Капуша лежала в чемодане, не шевелясь, а рядом с ней сидели куклы для представления.

К артистке, нагнувшись, подкрался артист, и они оба спрятались за ширмой.

Возле обезьяны в чемодане сидел старичок. Он держал в тряпочных руках пластмассовую репку.

– Посадил дед репку, – сказал артист.

Он взял деда и поднял над ширмой.

– Выросла репка большая-пребольшая, – продолжал артист.
– Стал дед репку из земли тянуть. Тянет-потянет, вытянуть не может. Позвал дед бабуку...

Артистка вытащила бабу и тоже подняла ее вверх.

– Бабка за дедку, дедка за репку, – говорят вместе артист с артисткой. – Тянут-потянут, вытянуть не могут. Позвала бабка внучку...

Артист одной рукой держит деда, а другой шарит в чемодане. Капе очень хотелось, чтобы и ее скорее показали по телевизору. Она сама подлезла под руку артисту. Он схватил обезьяну за шиворот. Глянул на нее и сразу опустил.

– Это не внучка! – шепотом, чтобы не было слышно в микрофон, сказал он артистке. – Куда делась внучка, не знаешь?

– Вот она! – так же тихо ответила артистка.

Она подала артисту внучку и пропела:

– Внучка за бабу, бабка за дедку, дедка за репку. Тянут-потянут, вытянуть не могут. Позвала внучка Жучку...

– Гав, гав! – сказал артист.

И попросил шепотом артистку:

– Поддай, пожалуйста, Жучку!

Капуша подлезла под руку артистке, и та, не глядя, подвинула ему обезьяну.

– Какая же это Жучка? – возмутился артист. – Скорей давай собаку!

И отодвинул обезьяну назад к артистке. Наконец она нашла Жучку.

– Жучка за внучку, внучка за бабу, бабка за дедку, дедка за репку, – весело заговорил артист. – Тянут-потянут, вытянуть не могут. Позвала Жучка кошку...

– Мяу! – пропела артистка...

И тихо спрашивает:

– Где кошка?

– Вот она, – показал артист.

– Это же не кошка!

– Тогда ищи сама! – рассердился артист. – Я буду пока искать мышку... Где мышка? По-моему, ее вообще не положили...

Артистка тем временем нашла в чемодане кошку.

– Кошка за Жучку, Жучка за внучку, внучка за...

– Не знаю, что делать, – зашептал артист. – Мышки нигде нет. Может, я ее дома забыл?

– Внучка за бабу, – продолжила артистка сердитым голосом, – бабу за деду, дедка за репку!.. Твою мышку, наверно, кошка съела.

– А это что за зверь?

Артист взял на руки Капушу.

– Тянут-потянут... Вытянуть не могут... По-моему, это обезьяна!..

– А зачем нам обезьяна?

– Откуда я знаю! Наверно, положили из другой пьесы... Может, она сойдет за мышку?

– Не сойдет! Клади обратно! Тянут-потянут... Тянут-потянут...

Капитолине стало жалко и старика, и старуху, и внучку, и Жучку, и кошку. Никак они не могут вытянуть репку. Надо им помочь. Пускай Оля увидит, какая Капуша умница.

Капа выскочила из рук актрисы, прыгнула на ширму и стала тянуть за хвост кошку. Вытянули репку!

Капа была так рада, что помогла деду, бабушке, Жучке и кошке. Она стала раскланиваться телезрителям.

– Ой, – воскликнула артистка. – Сейчас мне будет дурно... Обезьяна-то, кажется, живая!..

– Вытянули репку! – радостно закричал артист.

И вытирая со лба пот, тихо добавил:

– А я думал – не вытянем.

Телезрители с удивлением наблюдали суматоху на экране.

– Немедленно прекратите передачу! – закричал режиссер.

– Почему это в сказке про репку вдруг вылезает обезьяна совсем из другой сказки?!

– Держите ее! – крикнула артистка.

Капуша прыгнула с ширмы на телекамеру, с телекамеры на прожектор, оттуда на микрофон, подвешенный к потолку.

Все бросились ловить Капу.

Сорок вторая история СЛЕЗЫ

Оля сидела в старинном кресле с резной спинкой и выгнутыми подлокотниками и смотрела телевизор.

Бабушка ушла на рынок и сказала, что скоро придет.

По телевизору кукольный театр показывал сказку «Репка». Сказку эту Оля много раз видела и знала наизусть, но если показывают, не пропадать же сказке зря! А поскольку было не очень интересно, Оля то и дело подпрыгивала в кресле, и старые пружины ворчали, недовольные тем, что им мешают спокойно пружинить.

Сказка уже подходила к концу. Вдруг Оля перестала подпрыгивать и начала внимательно следить за тем, что происходит на экране. Она забралась в кресло с ногами, вскочила и, показывая пальцем на телевизор, закричала:

– Смотрите! Смотрите! Это же наша Капуша!

Но смотреть, кроме Оли, было некому. И внучка пожалела, что бабушка Капа не увидит своей тезки.

А на экране тем временем Капа вытащила репку и раскланивалась. Из-за ширмы выскочили артисты и бросились ее ловить.

– Беги, Капа! – крикнула Оля, будто обезьяна могла ее услышать.

Передача неожиданно кончилась. Только теперь девочка сообразила, что все это очень странно. Как могла Капуша очутиться на телевидении, если Оля оставила ее дома? И почему ее все ловят?

Взять бы обезьяну с собой, и сейчас все было бы в порядке. Приехали бы вместе в Ярославль к бабушке. Мама боялась, бабушка обидится, что обезьяну назвали, как ее, – Капитолиной. А бабушка Капитолина, внимательно посмотрев на фотографию Оли с обезьяной, нисколько не обиделась. «Я, говорит, тоже, между прочим, от обезьяны произошла. Чего же своих собственных предков стесняться?»

И вот, выходит, обезьяна ушла из дому. Если Капуша одна, мало ли что с ней случится! Заблудится, потеряется, попадет в беду...

Слезы у Оли потекли сами собой.

Что же делать? Бабушка, как назло, ушла. А медлить нельзя ни минуты, иначе будет поздно.

Оля прыгнула с кресла на пол. Пружины облегченно вздохнули, запели. Девочка вырвала из тетради листок бумаги в клеточку и написала записку:

**БАБУЛЯ! НЕ ВОЛНУЙСЯ, Я УЕХАЛА.
ЦИЛЮЮ – ОЛЯ**

Потом подумала и исправила «и» на «е».

Она положила записку на стол, быстро натянула валенки, надела шубу и шапочку с помпоном и выскользнула за дверь. Дорогу на вокзал она помнила хорошо.

**Сорок третья история
ОТ ЗВЕЗД НА ТАКСИ**

Павел Кольцов провел день с Олей у бабушки, а после сел в поезд и вернулся в Москву. Прямо с вокзала он сразу отправился на работу. Уже стемнело. Астроном Кольцов начал смахивать кисточкой пыль со стекол телескопа, когда ему позвонила жена.

– Несчастье, Павел, – промолвила Наташа.

– Что случилось? – тревожно спросил Павел.

Жена не ответила.

– Не молчи, пожалуйста! Объясни, что слу-чи-лось?!

– Не знаю! Не понимаю! Но очень боюсь! От бабушки пришла телеграмма. Срочная – понимаешь?!

– Что же в ней написано?

– Вот, послушай:

**БЕСПОКОЮСЬ ИСЧЕЗНОВЕНИЕМ ОЛИ ТЧК
ОСТАВИЛА ЗАПИСКУ ЗПТ УЕХАЛА ТЧК
СООБЩИТЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ ТЧК
БАБУШКА**

– Ничего не понимаю! – воскликнул Павел. – Я собирался завтра утром, после дежурства, съездить за Олей...

– А она оставила записку и уехала! Что-то случилось... Она одна уехала из Ярославля.

– Это недоразумение! – убежденно сказал Павел. – Какая-то путаница!

– Не путаница, а факт!

– Что же делать? – Павел растерялся. – Поеду ее искать. Только пока не знаю куда. Я подумаю! И буду тебе звонить. Ты, Наташа, не беспокойся: Олька наша умница. Если она что-то задумала, значит, надо. А как поживает Капуша?

– Видишь ли, я ее отдала. Пока Оля вернется...

– Отдала?

– Да, – тихо ответила мама.

– Кому?

– Розочке...

– Ой-ой! Тогда не исключено, что мы с тобой виноваты...

Пока!

Кольцов посмотрел на часы. Если Оля села в поезд и поехала в Москву, то, пока телеграмма шла, дочка должна уже быть здесь.

Астроном Кольцов нажал кнопку. Крыша обсерватории над его головой разделилась пополам. Половины разъехались в разные стороны, словно это были две дольки выеденного арбуза. Павел надел ушанку и надавил другую кнопку. Огромная пушка-телескоп вместе с креслом, в котором сидел Павел, стала подниматься вверх и высунулась из крыши. Вот нажата третья кнопка, и телескоп вместе с Павлом и вместе с крышей стал медленно поворачиваться.

Павел прищурил один глаз и увидел через глазок телескопа звезды, такие большие, словно они вдруг начали падать на землю. Но на этот раз Кольцов не стал наблюдать звезды. Он повернул телескоп еще ниже, пока в нем не замелькали крыши домов, трубы, фонари. Папа разглядывал город, надеясь на невероятное. Ему хотелось найти в пустыне песчинку – среди тысяч и тысяч людей разыскать свою дочь.

Сперва Кольцов навел телескоп на трубу кондитерской фабрики, затем на окно, за которым работала его жена.

В свое время именно так астроном Павел Кольцов познакомился с шоколадницей Натальей. Когда они встретились, он ей сказал, чем она занимается. Мама удивилась, и папа ей понравился. А мама ему понравилась еще раньше, когда папа смотрел в телескоп не на звезды, а на нее. Правда, тогда они еще не были папой и мамой – Оли на свете не существовало. Но и теперь Павел изредка наводил телескоп на Наталью, чтобы узнать, какое у нее настроение.

А сейчас за окном в маминой лаборатории было темно. Рабочий день кончился, Олина мама сидела дома. В лаборатории на ее столе поблескивали пробирки с кусочками нового сорта шоколада.

Затем Павел перевел трубу на здание Ярославского вокзала. Сюда подходили и уходили поезда, из вагонов высыпали толпы народа и невозможно было в толчее разглядеть одну маленькую девочку.

Тут, как назло, повалил снег. Закружились, заметались хлопья, и все исчезло.

Павел нажал все кнопки сразу, телескоп с креслом перестал вращаться, опустился вниз, обе половинки крыши сомкнулись.

Кольцов поглядел на часы, вздохнул, поднял воротник и вышел на улицу. Стоянка такси была недалеко от обсерватории.

– Куда? – спросил шофер такси.

– Вперед! – сказал Павел. – Только вперед!

Шофер пожал плечами и поехал только вперед.

Сорок четвертая история КУДА ДЕЛАСЬ ОЛЯ?

Оля приехала домой одна. Она поднималась в темноте по лестнице, когда кто-то налетел на нее и стал подпрыгивать, норовя лизнуть в нос.

– Мракобес?! – обрадовалась Оля. – Здравствуй!

Следом за Мракобесом по лестнице прыгал таксист Дима.

– Знаешь, Капитолина сбежала! – выпалил он.

– Сбежала? Я ее видела по телевизору... Как же теперь быть?

Дмитрий задумался.

– Ты не расстраивайся! – сказал он. – Между прочим, это мало кому известно, но такса – собака охотничья.

– Ну и что? – не поняла Оля.

– А то, что у нее нюх потрясающий. Такса может выследить лису и из норы ее вытащить за хвост или задние ноги. Она сможет и по следу искать! Мы с Мракобесом идем вместе с тобой!

– Куда?

– За Капой, конечно!

И они поехали на телевидение. В трамвае Мракобеса спрятали под скамейку.

Вот и телебашня. Дима с Олей и таксой поднялись на лифте.

– Вы не видели тут нашей обезьяны? – спросил Дима, когда они вошли в телестудию.

– Так это ваша обезьяна нам передачу сорвала?!

– Наша! А где она?

Артист и артистка только руками развели.

– Мы гонялись за ней по всем этажам, но она исчезла. Обыскали все уголки – нигде ее нет!

Мракобес скулил и вставал на задние лапы, но Дима крепко держал поводок.

– Что же делать?

Оля посмотрела на мальчика.

– Будем искать! – уверенно заявил Дима.

А сам посмотрел на Мракобеса. Такса вертелась вокруг, нюхала паркет и махала хвостом.

– Мракобес, след! След! – твердил ему Дима.

– Таксик, миленький, ищи Капушу! – с надеждой повторяла Оля.

Такса потянула поводок. Она побежала вдоль стены в лифт. Дима с Олей выскочили на улицу.

– Если ее забрали хулиганы, не бойся, – заявил Дима Оле. – Я буду драться. Я, между прочим, самый здоровый в классе.

– Откуда ты знаешь?

– Я со всеми дрался. Повалил даже одного четвероклассника, правда, он был после болезни. С одним не дрался целый месяц, а вчера подумал: вдруг он думает, что уже сильнее меня? На большой перемене подрались. Порядок! Теперь буду драться с двумя сразу. Так что мне все нипочем! Пускай знают моего кулака!

– Не моего кулака, а мой кулак, – поправила Оля, едва поспевая за таксой. – Ну, где же след?

Такса обежала вокруг телебашни и снова оказалась у входа. Она залаяла и побежала вокруг еще раз.

– По-моему, Мракобес запутался, – запыхавшись, проговорила Оля.

– Как-то все не так! – согласился Дима. – А почему, не понимаю...

Телебашню закрывали низкие плотные облака. Дул ветер. Мракобес остановился и мелко дрожал от холода. Если бы не было облаков и если бы пес поднял морду вверх, он заметил бы, что Капуша совсем близко. Стоит только подождать, позвать ее, и она появится!

– Мне надо домой! – неожиданно скис Дима. – А то мама будет беспокоиться. Я ведь ушел с такой гулять...

– Поехали, – вздохнула Оля.

Они втроем сели в трамвай. Мракобес снова спрятался под скамейку, чтобы его не было видно, потому что, хотя это и несправедливо, собакам ездить в трамваях не велят.

Возле дома на прощание Мракобес встал на задние лапы и лизнул девочку в щеку.

Оле домой не хотелось.

Она пошла куда глаза глядят и брела до тех пор, пока прямо перед глазами не засветилась вывеска с красными буквами:

МИЛИЦИЯ

Она взялась за ручку тяжелой двери.

Сорок пятая история ВЕРХОМ НА МОТОЦИКЛЕ

Лейтенант Кислица отрезал ножницами край конверта со странным адресом: «Милиция! Срочно!! Лично!!!» и вытащил заявление. Он прочитал его два раза и ни разу ничего не понял. Может, это опасный преступник? Сорок лет ловил хулиганов Кислица, но не слышал, чтобы они превращались в обезьян и тем более пилили пополам стулья или другое имущество. Если это правда, то зачем писать левой рукой и подписываться странным именем Добрая Фея?

А не выбросить ли заявление? Нет, выбросить нельзя. Надо действовать.

Сперва предстояло найти того, кто писал заявление. Но как найти эту Добрую Фею?

Лейтенанту было так некогда, что он не мог даже заглянуть в газету. Кислица сдвинул фуражку на затылок и вытер ладонью вспотевший от напряженной работы лоб.

Он чувствовал, что дело нечисто. Предположим, обезьяна настоящая. С чего это умное животное будет лазить по чужим квартирам? Выходит, кто-то за ним гонится, кому-то обезьяна нужна. Кому? И зачем?..

– Здравствуйте!..

Девочка в белой шубке с трудом двумя руками оттянула тяжелую дверь с пружиной. Пружина пропела и захлопнула дверь за девочкой.

– Тебе чего?

Лейтенант Кислица даже приподнялся, чтобы лучше разглядеть Олю из-за высокой загородки. Но Оля растерялась и не знала, что сказать.

– Тебя как зовут?

– Кольцова.

– Что случилось, Кольцова? Да ты не бойся!

Кислица сразу спросил, что случилось. Он хорошо знал: от радости в милицию не идут.

– У меня, – всхлипнула Оля, – убежала обезьяна...

– Опять обезьяна? Постой-ка, не та ли обезьяна, которую твой дядя привез из Индии? Дела...

– А вы откуда знаете?

– Какой же я был бы лейтенант милиции, если бы не знал все про всех? Откуда она убежала?

– Из дома.

– Почему убежала? – спросил Кислица.

– Не знаю.

– А вот заявление поступило от населения: требуют наказать обезьяну...

– Наказать? За что?! Ведь она очень хорошая. Она уже превращается в человека... Помогите мне ее найти! Пожалуйста!

– Раз такое дело, – поднялся Кислица, – пошли!

Он надел ушанку и варежки, взял Олю за руку и вывел во двор.

У крыльца стоял желтый мотоцикл. Кислица поднял девочку на руки, откинул полог в коляске и усадил Олю, а сам

оседлал мотоцикл и включил желтые фары. Сильный свет ударил в стену дома, осветил окна, ворота и кусок улицы.

Мотоцикл взревел и тарыхтя помчался по улицам.

Под фарами иней сверкал, искрился. Оля жмурилась от ветра, ветер обжигал лицо.

Прохожие, услышав треск, шарахались в стороны. Лейтенант то и дело останавливался, крутил рулем, направлял свет в темноту, ощупывая лучом дома, машины, деревья, тротуары, скамейки, заборы...

Они объехали, кажется, весь город, повернулись около телебашни. Ветер навстречу дул такой сильный, что Оля совсем замерзла. Капуши нигде не было.

На углу Кислица остановился.

– Что-то не видно твоей обезьяны, – проговорил он. – Наверно, где-нибудь спряталась. Да ты не бойся – мы ее задержим! А родители не беспокоятся? Отвезу-ка я тебя домой!..

Мотоцикл взревел, и через пять минут Оля очутилась возле своего парадного.

Навстречу ей выскочила мама. Лейтенант кивнул и умчался.

Дома мама стала раздевать совсем замерзшую девочку. Оля молчала. Она сердилась на маму за то, что та так нехорошо поступила с Капушей.

– Где папа? – спросила Оля.

В это время Павел Кольцов сидел в милиции и мял в руках шапку.

– Что у вас? – спросил Кислица.

Он только что вернулся.

– У меня пропала дочка!

– Ну и день сегодня! – устало пробормотал Кислица. – То обезьяны пропадают, то дочки...

– Значит, она к вам приходила? – обрадовался Павел.

– Обезьяна или дочка?

– Дочка. Насчет обезьяны.

– Приходила!

Кислица потер замерзшие щеки, снял ушанку, варежки и вытер иней с бровей и усов.

– Мы с ней весь город обследовали. Обезьяны нигде нет.

– А девочка?! – воскликнул Кольцов. – Где моя дочка?!

– Дочка? – удивился лейтенант. – Дочка ваша дома. Где ж ей еще быть?

– Спасибо! – крикнул Павел и помчался домой.

Сорок шестая история ПОГОНЯ

Розочка Николаевна лежала, как всегда, на диване и смотрела телевизор.

Она не заметила, как заснула. Сколько она проспала, сказать трудно. Разбудил ее телефонный звонок.

– Вы ищите обезьяну?

– Да! Конечно! Кто же еще?

– А вашу обезьяну показывают по телевизору. Ха-ха!..

– Что?!

Розочка Николаевна бросила трубку и подбежала к экрану. Но передача уже кончилась. Розочка надела парик, схватила сумку и помчалась к маэстро Жоре.

Кафе было уже закрыто, но внутри горел свет.

Розочка Николаевна стала изо всех сил колотить в дверь. Ей долго не открывали.

– Кто там? – осторожно спросил мороженщик.

– Жора, чао! Свои! – крикнула Розочка Николаевна. – Открывайте быстрее, дорога каждая минута!..

– Сейчас! – крикнул Жора, но дверь не открыл.

Он вернулся к прилавку и, недовольный тем, что ему не дали пересчитать деньги, завернул их в газету и поспешно отправился в конец зала.

– Открой же!

И Розочка Николаевна снова начала колотить в дверь.

Труженик низких температур положил деньги в ящик с надписью «Мороженое», опустил ящик под пол и уложил паркет. Только после этого он впустил Розочку Николаевну.

– Что случилось? Почему такой шум?

– Обезьяна нашлась, а ты не открываешь! – задыхаясь, произнесла Розочка Николаевна.

– Обезьяна?! Что же ты сразу не сказала? Где она?

– Ее показывали по телевизору. Она – там!

– Скорей! – распорядился Жора. – Теперь она от нас не уйдет!

И он переваливаясь побежал на склад, из которого был выход во двор.

– Я не могу так быстро! – застонала Розочка Николаевна.

– Тут темно! Я переломаю все ноги!

– Не все, а только две, – уточнил Жора. – Садись в машину! Сейчас я заведу мотор!..

Он вставил ключ в зажигание, нажал газ, но никакого звука не последовало.

– Проклятье! Мотор замерз!

Жора вылез и исчез на складе.

Вернулся он с ведром горячей воды. Он открыл капот и полил мотор сверху горячей водой. Стекая, вода остыла, и «Драндулет» снизу оброс сосульками.

Маэстро вытащил рукоятку и попробовал завести мотор. Сколько он ни крутил, мотор чихал и кашлял, но заводиться упрямо не хотел.

– Заведем на ходу! – решил Жора. – Вылезай и толкай сзади!

Маэстро уселся за руль. Автомобиль под его весом перекошился на один бок.

Розочка Николаевна в туфлях на высоких каблуках стала подталкивать «Драндулет».

– А ну, еще подтолкни! Жми сильнее! – покрикивал Жора.

Наконец мотор завыл, и из трубы повалил густой дым. Розочку Николаевну окутало белым облаком. «Драндулет» рванулся вперед.

Розочка испугалась, что Жора оставит ее одну, а сам поедет за обезьяной. Она изо всех сил бросилась догонять «Драндулет». Мороженщик остановился и втащил ее на сиденье.

– Красавица, вы немножко испачкались, – галантно произнес Жора.

– Сейчас не до этого, – возразила Розочка. – Скорей на телевидение!

Машина, подпрыгивая, помчалась по улицам.

Возле телестудии Жора нажал на тормоз. Тормоз не работал. Жора открыл дверцу и выставил вперед свою могучую ногу. Подошва зашипела, и «Драндулет» остановился.

Если бы Жора и Розочка Николаевна задрали головы выше, на верхушке башни, возле самых облаков, в застекленной кабине для предсказателей погоды они увидели бы Капушу.

Скрываясь от преследователей, обезьяна забиралась все выше и выше. Облака время от времени наплывали и закрывали кабину. Капуша сидела, страдая от страха, холода и голода.

Вдруг она увидела, что из машины выходят мороженщик и Розочка Николаевна. Они вошли внутрь башни и скоро доберутся до нее. Надо бежать!

– Эй, вы! – вежливо заговорила Розочка Николаевна, вбегая в телестудию. – У вас тут выступала обезьяна. Ее хозяйка – я. Надеюсь, вы заперли ее под замок и глаз с нее не спускаете. Давайте ее сюда!

– Она, между прочим, ненормальная, – прибавил Жора. – У меня в кафе бесплатно раздавала мороженое. Где она?

– Во-первых, здравствуйте! – поклонился артист.

– Ну, допустим, чао! – ответила Розочка Николаевна. – Где животное?

– А во-вторых, – печально сказала актриса, – мы сами тут с ног сбились, чтобы найти эту весьма одаренную обезьяну. Ее можно научить выступать по телевизору для детей. Но сколько ни ищем, нигде ее нет!

– Ясно! – рявкнул Жора. – Если нет, нечего разговоры разговаривать! Пошли!..

Капитолина не успела спуститься с башни вниз.

– Вот она! – крикнул Жора.

– Хватай ее! – завизжала Розочка Николаевна.

Они побежали по тротуару, догоняя Капушу.

Мимо мчались автомобили. Капа на ходу уцепилась за поручень красной аварийной машины, у которой сверху была площадка для монтеров. Аварийная скрылась за углом.

Жора и Розочка Николаевна вскочили в «Драндулет». На этот раз он завелся сразу. Они погнались за обезьяной.

На крыше аварийной машины мигала синяя лампа. Автомобиль проскакивал перекрестки на красный свет. И Жора тоже летел на красный свет. Сзади раздавались свистки милиционеров. В одном месте скопилось много машин. Жора резко свернул в переулок, чтобы обогнать аварийную и выехать ей наперерез.

Сорок седьмая история КИСЛИЦА ПОЛУЧАЕТ ПРИКАЗ

Павел Кольцов вышел из милиции.

Он брел по улице и рассуждал так: раз Оля дома и с ней все в порядке, надо отправиться искать Капушу. Никак не может обезьяна потеряться даже в таком большом городе, как Москва!

На всякий случай папа решил позвонить домой и остановился возле телефона-автомата.

– У вас все в порядке? – спросил он.

– Какое там в порядке! – ответила Наташа. – У Оли жар.

– Вот тебе и раз! – воскликнул Павел. – Я немедленно иду домой!..

Кольцов помчался к жене и дочери.

Небо у него над головой было чистое, все в звездах. И Млечный Путь искрился, как проложенная кем-то по небу снежная дорога. Папа с горечью подумал, что Оля заболела совсем не вовремя! Ведь пропадает замечательная ночь, которую лучше бы провести у телескопа.

Едва за Павлом Кольцовым закрылась дверь, лейтенант Кислица покачал головой и устало произнес:

– Ну и денек сегодня!

Не успел он договорить, как на его столе задребезжал телефон.

– Кислица слушает! – отпартовал он в трубку.

– Лейтенант! – проговорила трубка. – Немедленно выезжайте преследовать автомашину «Драндулет» зеленого цвета. Автомобиль идет на повышенной скорости и не останавливается на красный свет.

– Слушаюсь! – Кислица отдал честь и побежал к мотоциклу.

К перекрестку на Старопесчаной улице подъезжали с трех сторон: аварийная машина, на которой сидела Капуша, «Драндулет» с Жорой и Розочкой и верхом на мотоцикле лейтенант Кислица.

Каждый из них был уверен, что перехитрил других.

Сорок восьмая история ТРИДЦАТЬ ВОСЕМЬ И ДВЕ ДЕСЯТЫХ

– Наконец-то! – воскликнула Наташа. – Я ужасно беспокоилась. Где ты была? Почему сама уехала от бабушки?

– Капуши нет? – с порога спросила Оля. – Я ее искала и не нашла. Она от нас убежала?

Мама решила сказать все сразу, чтобы не было недоразумений.

– Видишь ли, дочка, Капушу я отдала.

– Ты? Сама?! – упавшим голосом спросила Оля.

К горлу подступил комок, перед глазами все поплыло.

Мама обняла Ольгу.

– Не расстраивайся! Каникулы кончаются – завтра последний день. Поиграла с обезьянкой и хватит. Вообще-то я отдала ее Розочке Николаевне до твоего приезда. Но Капа от нее удрала. Если хочешь знать, это в твоих интересах. Не будешь отвлекаться и станешь лучше учиться.

– Ты? Сама? Отда-а-ала?.. – Глаза у Оли снова наполнились слезами. – Са-ма от-да-а-ла-а?..

– Не плачь! Примерь-ка лучше костюм к празднику. Я его шила день и ночь, а ты даже спасибо не скажешь!

– Спа-а-сибо, – прошептала Оля.

Она сняла пальто и, все еще сердясь на маму, стала переодеваться в костюм веселой обезьяны, приготовленный к празднику юных фигуристов.

Наташа натянула на дочку маску, пристегнула хвост и сказала:

– Ну, вот, вылитая Капуша! А две обезьяны в доме – это уже слишком!

– Нет не слишком! – возразила Оля и сняла маску.

Мама посмотрела на дочь. Только теперь она заметила: Олино лицо было красным, глаза воспалены.

– Дай-ка поцелую лоб! – воскликнула Наташа. – По-моему, у тебя температура...

– Температуры никакой нету! Просто мне жалко Капушу...

Но мама не слушала возражений.

Она поцеловала Олю, побежала к серванту, достала термометр, посадила дочь на колени и поставила ей градусник. Она побаюкала Олю, как маленькую, а вынув термометр, покачала головой:

– Так я и знала: тридцать восемь и две десятых. Скорей в постель.

Мама звонила в поликлинику по телефону, когда дверь в квартиру открылась.

– Вот мы и дома!.. – слышалось из коридора.

Это вошел папа.

– Да-а... Нехорошо получилось, Наташа, тебе не кажется?

Мама вздохнула и ничего не ответила, поскольку не поняла, что имеет в виду Павел: исчезновение Капуши или болезнь Оли.

– Может, вызвать доктора?

– Я уже вызвала, – сообщила Наташа. – Придет... И в Ярославль бабушке дам телеграмму, что Оля дома.

Павел снял пальто, сел на краешек кровати, потер руки и положил широкие теплые ладони дочке на голову. Он всегда так делал, когда она была маленькая. Так Оля быстрее засыпала.

Лежать в кровати было неудобно. Голова, руки, ноги – все стало чужим, мешало. Хотелось еще плакать, но больше не плакалось. Если бы рядом оказалась Капуша, все выглядело бы иначе. Но обезьяны не было. И может, никогда больше не будет.

Мама заставила Олю выпить горячего молока с содой, намазала нос мазью, от которой щекотало в ноздрях.

– Ты еще слишком мала, чтобы быть самостоятельной, – ворчала Наташа. – Посамостоятельничала – и вот результат! Это твой вояж!

Оля пыталась сообразить, что такое «вояж», но мысли путались, набегали одна на другую. Она вспомнила, как дядя Виктор привез Капушу, как весело прошли каникулы, вспомнила бабушку и лейтенанта с длинными усами. Все они собрались у Кольцовых, и Капуша ходила вокруг стола и со всеми чокалась томатным соком.

– Где Капа? – тихо проговорила Оля.

– Не расстраивайся, будем ее искать, – успокоил дочь отец.

– Это бесполезно, – заметила мама.

– Нет будем! – твердо заявил Павел.

Он редко говорил что-нибудь твердо. Обычно твердо говорила только мама. А папа соглашался. Но уж если папа решал что-нибудь сам, Наташа знала, что перечить ему нельзя, и молча соглашалась.

– Обезьяну надо найти, слышишь? – повторил он.

Павел хотел сказать маме еще что-то, с укором. Но передумал и только пожевал губами.

– Хорошо, – послушно сказала Наташа. – Но как?..

Их разговор прервался громким телефонным звонком.

Папа снял трубку.

– Это квартира Кольцовых? – спросил хрипловатый голос.

– Верно! – сказал Павел.

– Лейтенант Кислица на проводе. Обнаружили вашу обезьяну!

– Вот это здорово! – воскликнул папа.

– Здорово-то здорово, но поймать ее не удастся. Срочно бегите к перекрестку на Старопесчаной улице! Вы меня поняли? Срочно!

И в трубке раздались короткие гудки.

– Что случилось? – спросила мама.

Папа решил пока не волновать Олю.

– Я ухожу, – шепотом сказал он. – Немедленно!

– Ты же устал!

Павел махнул рукой и схватил пальто. Он надевал его на бегу, спускаясь по лестнице.

Во дворе гулял Дима с Мракобесом.

– Быстрее! – крикнул Павел. – Нашу Капу нашли!..

Они побежали по Старопесчаной. Прохожие останавливались и в испуге прижимались к стенам. Люди думали, что человек, изо рта которого валит пар, готовится к Олимпийским играм. А мальчик с такой ему помогают.

Сорок девятая история СКАНДАЛ У ПЕРЕКРЕСТКА

Чем ближе продвигался Павел с Димой и Мракобесом к перекрестку, тем бежать становилось труднее. Скоро им пришлось остановиться.

Весь перекресток запрудила толпа. Автомобилей тоже скопилось видимо-невидимо. Они не могли проехать и отчаянно гудели разными голосами.

– Вы не знаете, что там случилось? – спрашивали люди друг у друга. – Задавили кого-нибудь?

– Наверно, оборвались провода, тока нету...

– Водопровод лопнул и весь вытек!

– Не водопровод, а газ – прямо из земли пламя!

– Все это чепуха! Не знаете, а говорите! Там человек ходит по проволоке над улицей...

– Не может быть!

– Я сам думал, не может. А он ходит...

Кольцов стал проталкиваться сквозь толпу.

– Извините! Простите! Разрешите! – говорил он. – Позвольте пройти! Прошу прощения! Извините!..

Вид у него был такой озабоченный и целеустремленный, что его пропускали. За ним пробирался Дима, взяв таксу на руки, чтобы ей не оттоптали лапы.

Добравшись до перекрестка, Павел поглядел туда, куда показывали пальцами прохожие.

Над перекрестком летали вороны, вспугнутые с насиженных мест, и каркали.

Посреди улицы, где-то на уровне второго этажа, верхом на светофоре восседала Капуша.

Светофор раскачивался из стороны в сторону и мигал то зеленым, то желтым, то красным глазом. Внизу стояли милиционеры и показывали жезлами на обезьяну. Они свистели, требуя, чтобы она немедленно слезла вниз.

Но Капуша слезать не собиралась.

Она мчалась на аварийной машине, когда заметила, что лейтенант Кислица уже почти догнал на своем мотоцикле «Драндулет», в котором сидели Жора и Розочка Николаевна. Но тут аварийная неожиданно остановилась на перекрестке. Вот-вот мороженщик схватит Капитолину.

Обезьяна подпрыгнула и повисла на проводе, протянутом над улицей. Капуша пробежала по проволоке, забралась на светофор и начала его поворачивать в разные стороны.

Машины, троллейбусы, трамваи стали путаться, возник затор. Автомобили гудели, шоферы ругались, пешеходы толпились

на тротуарах, не в силах перейти улицу. Жоре свернуть было некуда. Чтобы не врезаться в стоящую впереди машину, он выставлял из дверцы ногу и затормозил. «Драндулет» остановился.

– Бежим! – крикнул он Розочке.

Лейтенант Кислица на мотоцикле пробрался между автомобилями и заглянул в машину. В ней было пусто.

Павел Кольцов протиснулся сквозь толпу и подошел к лейтенанту. Тот отдал Кольцову честь.

– Очень хорошо, что вы явились, – обрадовался лейтенант.

– Ваша обезьяна болтает ногами, поворачивает светофор, мешает шоферам видеть, какой зажигается свет. Из-за этого запуталось уличное движение.

– Что же делать?

– Придется подгонять под светофор аварийную машину с подъемной лестницей.

– Но ведь Капа увидит, что ее ловят, убежит и придумает еще что-нибудь! – возразил Павел.

– Просто не знаю, что предпринять, – сказал Кислица. – Из-за нее я упустил нарушителя правил движения.

– По лестнице полезу я! – заявил Павел.

Под светофор на середину перекрестка выехала аварийная машина, и Кольцов по лесенке забрался к ней на крышу. Крыша загудела и начала подниматься вверх. Другому человеку на месте Кольцова стало бы страшно. Но Павел привык подниматься в кресле вверх, когда дежурил в обсерватории у телескопа.

Оглянувшись вокруг, Павел изо всех сил крикнул:

– Перестаньте, пожалуйста, свистеть!

И милиционеры спрятали свистки.

– Теперь прекратите, пожалуйста, гудеть!

Кислица сделал знак шоферам, и автомобили умолкли.

На перекрестке стало совершенно тихо.

Капуша стояла на светофоре, покачиваясь из стороны в сторону.

– Капа, – тихо спросил ее Павел. – Капуша, ты меня узнаешь?

– Угу, – ответила она.

– Так иди ко мне!

Обезьяна почесала затылок, не зная как поступить.

– Наша Оля приехала, она дома, – уговаривал ее Павел. – Она видела тебя по телевизору... Оля заболела и очень, очень ждет тебя!

Мракобес вырвался у Димы из рук и залаял. Капуша сразу узнала его. Она уже совсем собралась прыгнуть вниз, на плечо к Павлу, когда снизу раздался голос:

– Слезай, макакообразная! Погуляла и будет!

Внизу на тротуаре, впереди толпы, стояла Розочка Николаевна и переглядывалась с Жорой.

Павел протянул вверх руки, но Капа, не обращая на него внимания, шагнула на проволоку.

– Смотрите, обезьяна-канатоходец! – ахнула толпа.

Капуша бежала по проволоке над улицей, быстро перебирая всеми четырьмя лапами. Она добралась до водосточной трубы, забралась на крышу углового дома и скрылась.

Павел спустился на землю.

Как только аварийная машина отъехала в сторону, движение на перекрестке восстановилось.

На углу лейтенант Кислица держал под руки Жору и Розочку Николаевну.

– Расходитесь, граждане! – крикнул Кислица. – Представление окончено.

Он вздохнул и обратился к Жоре:

– А вам придется заплатить штраф за превышение скорости и проезд на красный свет.

– погоди, обезьянице! Я еще с тобой рассчитаюсь! – бурчал маэстро, вытаскивая из бумажника замусоленные рубли.

Под ногами у него оказался Мракобес. Жора пнул его в бок ботинком так больно, что такса завизжала.

– Поймайте мне обезьяну! Поймайте! – захныкала Розочка Николаевна.

– Выходит, это вы и есть Добрая Фея? Из-за вас обезьяна забралась на светофор? – догадался Кислица. – Чем вы ее так обидели? Видите, домой не хочет возвращаться. Надо бы попросить прощения!

– Мне? Просить прощения у обезьяны?! – возмутилась Розочка Николаевна. – Ни за что! Я тут вообще ни при чем! Это все он! – Она показала пальцем на мороженщика и убежала.

– Эх, вы! – в сердцах только и мог сказать лейтенант.

Он выдал Жоре квитанцию и сел на мотоцикл. Мотор взревел, и мотоцикл рванулся с места, оставив облачко дыма.

Астроном Павел Кольцов уходил домой грустным. За ним тихо брели Дима с Мракобесом.

Пятидесятая история КАПУША ВЕРНУЛАСЬ

Оля ждала отца и никак не могла дождаться. Наконец она услышала, как открылась дверь и в коридоре раздались шаги.

– Ты один? – печально спросила Ольга.

Папа прикрыл глаза и кивнул. Оля отвернулась к стене.

Наташа молчала. Павел посмотрел на нее и понял: что-то случилось.

– О чем говорил доктор?.. – Почему у тебя такой растерянный вид?

– Он сказал... он сказал, – повторяла Наташа, стараясь не заплакать, – Олю... Олю положат в больницу...

– В больницу?

– Он говорит – ненадолго. Чтобы не было осложнений...

Этого разговора Оля не слышала. Она задремала, и ей показалось, что скрипнула форточка, будто кто-то прокатился по ней.

Девочка подняла веки. Болела голова, и было больно смотреть. Глаза поблуждали по комнате и остановились на окне.

Обезьяна и в самом деле сидела на форточке.

Оля не поверила. Она закрыла глаза и снова открыла. Но Капуша не исчезла. Она улыбалась во весь рот – от уха до уха.

– Ты нашлась? – прошептала Оля.

Капа прыгнула на пол и помчалась к девочке.

– Нашлась! – раздался радостный крик Павла. – Я был уверен, что она вернется!

Капуша вскочила к Оле на кровать.

– Это некультурно, Капа! – закричала Наталья, входя в комнату. – Сперва надо помыться и переодеться! Ну-ка, марш в ванную, под душ!

Но требовала Наташа не очень сердито.

– На кого ты похожа?! Белая! – удивилась Оля.

– Я хотела перекрасить волосы, – сказала мама, – а она перекрасилась вместо меня.

– Маме просто повезло, – заметил Павел. – Ведь ей гораздо лучше так, как есть...

– Капуша! Я так без тебя скучала, – тихо промолвила Оля.

Наташа увела Капу за руку в ванную. Капитолина разделась и юркнула под душ. Она мылась мочалкой и мылом.

– Ой, что это? – произнесла мама.

Сперва уши, потом вся голова, руки, ноги и туловище Капы из белых постепенно снова становились светло-рыжими. Краска отмывалась.

Обезьяна опять облачилась в красный лыжный костюм, из которого Оля давно выросла. После этого она в два прыжка очутилась возле девочки.

Капуша изо всех сил обняла ее за шею.

– Меня завтра положат в больницу, – грустно сказала ей Оля.

Павел позвонил Виктору.

Дядя очень обрадовался, что Капуша вернулась.

– Я не сомневался, что она найдется! Как только у меня будет полегче с работой, увидимся...

Затем папа набрал еще один номер.

– Лейтенант Кислица слушает! – отрапортовал голос.

– Нашлась! Нашлась наша обезьяна! – сказал Кольцов. – Вернулась домой!

– Вот и хорошо! Облегчила она мою работу. Теперь я займусь темными делишками в кафе «Снеговик». Желаю здравствовать!

Папа сел за стол писать диссертацию.

Капуша висела на спинке Олиной кровати.

– Капитолина, помоги мне, – попросила Наташа. – Надо дать ребенку лекарство и накормить ужином. А сперва – сделаем компресс на уши.

Капа принялась за дело. Она помогла маме забинтовать Оле уши. Потом взяла большую столовую ложку, налила из бутылки микстуры, и Ольга послушно выпила.

Обезьяна помчалась на кухню. Она сунула в кастрюлю палец, чтобы проверить, вкусная ли каша, но Наталья сразу заметила это и покачала головой. Тогда Капуша взяла две тарелки. Она

положила кашу сперва себе, чтобы поест с Олей за компанию, а потом Оле.

Мама начала кормить Олю с ложки, как маленькую. Обезьяна уселась с тарелкой и ложкой на спинке кровати. Наташа боялась, что каша вот-вот окажется у Оли на подушке, но этого не произошло.

Оле есть не хотелось, и Капуша стала кормить девочку с ложки. Оля доела кашу, и обезьяна побежала на кухню мыть обе тарелки.

– Просто ужас, как не повезло! – с грустью промолвила Оля. – Один раз каникулы прошли по-человечески, так и то в конце я заболела. Вместо школы иду в больницу. Праздник юных фигуристов через неделю, а я?..

– Ты поправишься и тоже будешь человеком! – успокоил ее папа.

Мама услышала их разговор, подошла, прижалась к Оле и сказала:

– Прости, доченька! Я сделала такую глупость, отдав обезьяну Розочке Николаевне. И ты прости, Капуша!

Наталья вздохнула, посмотрела на часы и поручила Павлу очень ответственную работу: немедленно уложить Капушу спать. Без этого не заснет и больная Оля.

Так кончился этот трудный день.

Утром мама с папой одели дочку, точно она была маленькая. Оля поцеловала Капушу в мокрый нос.

– Тебя опять не будет. Что буду делать я? – казалось, хотела спросить Капа.

– Ты останешься! Но я скоро вернусь!

Родители повезли Олю в больницу.

Пятьдесят первая история В ШКОЛУ ВМЕСТО ОЛИ

На диване сидеть было скучно, и Капуша перебралась на подоконник. Она стала смотреть, как через двор шли мальчики и девочки с портфелями.

Другая несознательная обезьяна на месте Капуши от скуки пустила бы воду из крана и поплавала по квартире в тазу, как

в лодке. Или взяла бы акварельные краски и раскрасила стены и потолок разноцветными узорами, окуная в краски кончик хвоста. Или на худой конец вынула бы из шкафа одежду, выбросила ее с балкона и смотрела, как летят по воздуху платья, брюки и рубашки.

Но теперь для Капуши это все было старо и глупо.

Третья четверть началась, а Оля в школу не пошла.

Обезьяна открыла Олин ранец. Там лежали тетрадки и учебники. На них было написано:

УЧЕНИЦЫ ПЕРВОГО КЛАССА «А» ОЛИ КОЛЬЦОВОЙ

В пенале лежали ручки. Все было готово к школе.

Капуша вынула из шкафа и надела Олину форму: платье и передник. Она погляделась в зеркало. Платье было несколько велико, но Капа сама себе понравилась. Не хватало только бантов. Мама Оле всегда заплетает две косички.

Капа взяла две ленты и привязала на свои большие круглые уши. Тоже красиво получилось.

Теперь все в порядке. Капуша оделась, нацепила на плечи Олин ранец и пошла в школу.

В школе было тихо. В коридоре ни души. Капа тихо сняла в раздевалке шубу и стала, крадучись, подниматься по лестнице.

Уроки уже начались.

Капуша собралась войти в класс, но оказалось, в школе много классов. Капа пошла по коридору. На дверях были написаны цифры. Самая большая – десятый класс. Капа решила пойти сразу в десятый. А то за десять лет учиться устанешь. Но тут она вспомнила, что идет вместо Оли, а та ведь учится в первом классе! Вот он – первый «А», – такая цифра и на тетрадках у Оли написана.

Пока Капуша искала Олин класс, зазвенел звонок. Ребята выскочили на перемену из первого «А», чуть с ног Капу не сбили.

За учениками вышла в коридор учительница. Обезьяна собралась прыгнуть на дверь, но вспомнила, что она ученица. В форме прыгать на дверь несолидно. Капуша прижалась к стене, и когда класс опустел, она проскользнула в класс.

В классе было так просторно, что можно сдвинуть парты и играть в хоккей. Теперь хорошо бы сесть за Олину парту. Но где сидит Оля, неизвестно.

Солнечный зайчик дрожал на стеклянной дверце шкафа. За дверцей лежали книжки и сидели птицы. Рядом с чучелами птиц стояла большая обезьяна. Игрушечная, она была очень похожа на настоящую! Обезьяну в шкафу тоже одели в школьную форму: платье и фартук. А на ярлычке, висевшем на шее, написали:

ОТ РАБОЧИХ ИГРУШЕЧНОЙ ФАБРИКИ
УЧЕНИКАМ ПЕРВОГО КЛАССА «А»

Капуша мгновенно сообразила, что делать.

Она положила игрушечную обезьяну на нижнюю полку, а сама влезла в шкаф на ее место. Она повесила ярлычок себе на шею.

Теперь она будет слышать и видеть все, что случится в классе.

Зазвенел звонок в коридоре. На парты уселись ребята, и вошла учительница. В классе стало тихо, начался следующий урок.

Капуша не шевелилась.

В шкафу было пыльно, и у нее начало щекотать в носу. Капе захотелось чихнуть. Но чихать ни в коем случае нельзя! Чихнешь – ребята сразу заметят. И тогда учительница выгонит ее из класса, а в классе интересно!

Капа так старалась не чихнуть, что из-за этого ничего не слышала и ничего не понимала.

Мальчик, который сидел за партой рядом со шкафом, наморщил нос. И Капуша поняла, что он сейчас чихнет. Наверно, пыль из шкафа добралась до него. Мальчик чихнул, и Капуша чихнула. Мальчик решил, что его кто-то передразнивает, и оглянулся. Но обезьяна уже замерла.

Учительница повесила на доску плакат. На нем был нарисован человек во весь рост.

– Ребята, – спросила учительница, – от кого произошел человек?

Все хотели сказать и тянули руки. Капа тоже хотела поднять руку и крикнуть:

– От меня!

Но ей нельзя поднимать рук – она же теперь игрушечная! Учительница показала на мальчика, который сидел рядом со шкафом. Мальчик крикнул:

– От обезьяны, от кого же еще?!

– Верно! – подтвердила учительница. – Посмотрим, чем же человек отличается от обезьяны? У нас с вами есть замечательный подарок наших шефов – обезьяна. Поставим ее на стол!

Мальчик, который чихнул, открыл шкаф, вынул обезьяну и поставил на стол учительницы лицом к ребятам.

Капуша замерла. Она стояла на столе, стараясь не дышать.

– Видите, ребята, эта обезьяна совсем как настоящая, – объяснила учительница. – Только она из синтетического меха. Посмотрите на нее внимательно, запомните, а дома нарисуйте такую же обезьяну.

Капуша наморщила лоб и закрыла глаза, чтобы получше запомнить домашнее задание. А мальчик с первой парты поднял руку и заметил:

– Она мигает!

– Чепуха! – возразила учительница. – Тебе показалось!

– Мигает! Мигает! Точно, мигает!.. – закричали ребята.

– Вы меня разыгрываете, – засмеялась учительница. – Но это не остроумно. Скажите-ка лучше, а чем обезьяна отличается от человека?

– Она... Она не умеет себя вести! – крикнула девочка с последней парты.

Капуша очень обиделась. Она уже давно научилась себя вести! Она подняла руку и покрутила пальцем у виска.

Учительница ахнула.

Весь класс вскочил со своих мест.

– Живая! – закричали ребята и бросились к обезьяне.

Капуша прыгнула со стола на люстру, оттуда на шкаф. Она схватила Олин ранец и пустилась из класса наутек. Ребята помчались за ней, но навстречу им показался директор школы.

– Почему вы бегаєте? Разве у вас урок физкультуры? – строго спросил он.

Ребята остановились.

– А ну-ка возвращайтесь в класс!..

Ребятам пришлось вернуться, а обезьяна прошмыгнула в раздевалку.

Капитолина пришла из школы, но от волнения позабыла, что на дом задано нарисовать обезьяну. И все же ей невероятно понравилось на уроке. Капуша решила сразу начать ходить в школу, как только она окончательно превратится в человека.

Пятьдесят вторая история ОЧЕНЬ ОБИДНО

Прошла неделя очень скучного лежания в больнице.

Вдруг доктор вбежал к Оле в палату и сказал, потирая руки:

– Ну-с, сегодня мы тебя отправляем домой. Нечего валяться! Ты здорова, и пора в школу!

Олю и в самом деле выписали. Внизу стояли счастливые мама с папой. Они потеплее закутали дочку и взяли за руки.

Доктор сбежал по лестнице проводить Олю.

– Капуша дома? – сразу спросила девочка, едва они вышли на улицу.

– Дома, где ж ей еще быть?

Оля вдруг стала грустной.

– Мамочка! Сегодня на катке праздник. Если б я была здорова, я бы обязательно танцевала!

– Не расстраивайся! – утешил отец. – Выздоровеешь – накатаешься.

– Выздоровеешь! – обиделась Оля. – Уже весна на носу, каток растает... Я хочу посмотреть, как наши ребята будут выступать, хотя бы чуть-чуть! Давайте зайдем на каток. Ну, пожалуйста! На минуточку! Ведь на улице тепло, солнышко! Доктор велел дышать свежим воздухом!

Конечно, Оле было очень обидно. Сколько дней она готовилась! Придумывали танец веселой обезьяны, Наташа сшила обезьяний костюм, у которого хвост болтался в разные стороны. И все зря.

Мама с папой переглянулись. Павел подмигнул маме, а мама – ему.

– Ладно! – согласилась Наташа. – Только предупреждаю: пять минут посмотрим – и домой. Ты еще больна!

Павел остановил такси, усадил маму с Олей на заднее сиденье, а сам сел вперед.

– На каток! – велел он шоферу.

Пятьдесят третья история ФИГУРНОЕ КРИВЛЯНИЕ

Капуша сидела-сидела дома, и ей тоже стало очень обидно: девочка так тренировалась весь год, а теперь соревнования пройдут без нее.

На вешалке в коридоре висел Олин костюм веселой обезьянки. Обезьяна взяла этот костюм, примерила. Он был ей велик. А так вообще-то никакой разницы – что в костюме, что без. Даже, пожалуй, без костюма Капуша больше похожа на настоящую обезьяну, потому что она и есть самая настоящая обезьяна.

Костюм она отложила в сторону, взяла Олины коньки и двинулась на каток, на праздник юных фигуристов.

Дима гулял во дворе. Он увидел, что Капитолина отправилась куда-то, свистнул собаке, пристегнул поводок, и Мракобес пошел за Капушей.

Уже стемнело, а на катке было светло, как днем. Все огни горели, играла музыка. Вокруг толпилось множество народу. Радио объявляло, кто выступает. На лед выезжали фигуристы, девочки и мальчики, по одному и целыми группами. В нарядных костюмах они катались под музыку. Все им аплодировали.

Капуша уселась в сторонке на ступеньках и стала натягивать ботинки с коньками, стараясь зашнуровать их потуже. «Надо кататься изо всех сил, – решила Капа, – чтобы Оля была довольна!»

Дима пришел на каток и забрался на трибуну, Мракобес уселся рядом с Капушей на ступеньке, свесив набок язык.

Поводок от таксы обезьяна обмотала вокруг своего пояса, чтобы собака не потерялась.

Капитолина встала на лед и попробовала проехаться. Лед оказался скользким, она шлепнулась. Руки мешали: они падали без дела.

Тогда Капуша подъехала к мальчишке, который только что кончил кататься и уже снимал коньки. Она подставила ему передние лапы. Дескать, надень мне, пожалуйста, твои коньки. Я разочек прокачусь.

Мальчик удивленно посмотрел на обезьяну.

– У тебя же есть коньки!

– Угу! – сказала Капуша.

Она взяла его коньки и сунула в них руки. Неужели мальчишка не догадается их зашнуровать? Конечно, Капа могла бы и сама завязать шнурки ногами. Но на ногах у нее надеты другие коньки.

«Вот ненормальная», – подумал мальчишка. Он засмеялся, но решил зашнуровать ей коньки на руках и посмотреть, что из этого получится.

– А собаке не нужны коньки? – сострил мальчишка.

Вдоль катка с другой стороны шла тренер – студентка из института физкультуры. Она всех спрашивала:

– Где же Оля Кольцова? Неужели ее не будет? Номер срывается!

– Вон Оля! – показали ребята. – Она уже переделалась в костюм обезьяны.

Тренер посмотрела на другой конец катка. Там вертелась обезьяна. Значит, все в порядке. Можно объявлять по радио. И тренер подошла к микрофону.

– Сейчас выступает Оля Кольцова, – сказала тренер. – Оля, ты что, не слышишь?..

Зрители засмеялись. А тренер продолжала:

– Наша Оля исполнит танец веселой обезьянки.

Зазвучала музыка.

Капуша тем временем попыталась вытащить Мракобеса на лед, чтобы покататься с ним за компанию.

Мракобесу хотелось побегать по льду, хотя было очень скользко и ноги без коньков разъезжались у собаки в разные стороны.

Такси с Кольцовыми подъехало к катку.

– Скорее, а то опоздаем! – сказала Оля.

– Учти: это ненадолго, ты больна! – напомнила мама.

О: и поднялись на трибуну.

– Выступает Оля Кольцова, – повторило радио. – Оле восемь лет. Итак, смотрите танец веселой обезьянки!

– Мама, слышишь? – воскликнула Оля.

Капуша вытащила Мракобеса. Она выехала с ним на середину льда и раскланялась.

Музыка заиграла снова.

– Кто это? – спросила Оля у папы.

– Хм... – задумался Павел. – Действительно странно!

– По-моему, опять Капуша, – сказала Наталья. – Это типично в ее духе!

Мракобес, хотя ноги у него разъезжались, бежал по льду все быстрее и быстрее. Капа на ногах проехала один круг, потом другой. Она сделала ласточку – то, чему учила ее дома Оля. Потом обезьяна встала на руки и начала кататься на руках.

– Что за чудеса? – удивилась тренер. – Мы такого не проходили! Все мои ребята катаются на двух коньках, а не на четырех!

Капуша тем временем освоилась и стала делать прыжки. Но прыжки несколько странные. Обезьяна отталкивалась ногами, переворачивалась в воздухе и приземлялась на руки.

– Так прыгают козлята, а не фигуристы, – сказала сама себе тренер. – Я что-то ничего не пойму! Может, девочка волнуется и поэтому у нее получаются такие странные прыжки?

Музыка умолкла.

Капуша решила закончить танец какой-нибудь необычной фигурой. Но у нее ничего не получилось, и она шлепнулась на живот.

Все захлопали, закричали, затопали.

– Bravo!

– Бис! Бис!!

Обезьяна долго раскланивалась, а Мракобес лаял от радости.

В это время Оля подошла к кромке льда и тихонько позвала:

– Капуша!

Такса первая услышала знакомый голос и рванулась к Оле. Капуша осталась одна и на всех четырех коньках бросилась за ними следом.

– Это не фигурное катание, – воскликнула тренер. – Это, по-моему, фигурное кривляние!

Тут она увидела Олю. Тренер посмотрела на девочку, потом на обезьяну, потом опять на Олю.

– У меня в глазах двоится, – сказала она. – Наверно, мне пора носить очки.

– Дело в том... – попытался объяснить Павел.

– Дело в том, что это наша Капуша, – сказала Оля. – Я заболела, и она решила меня выручить. Она хотела сделать как лучше...

Тренер засмеялась и сказала:

– Здорово получилось! Поправляйся, Ольга, скорей и приходи заниматься!

Павел посадил Капушу на руки.

– Давайте-ка все домой, – напомнила Наташа.

– Не могу, подождите!

Оля стала снимать ботинки со всех рук и со всех ног Капитолины.

Коньки вернули мальчику. Дима взял за поводок таксу, а Оля – за руку Капушу.

– Праздник юных фигуристов продолжается! – объявило радио.

Все Кольцовы и Дима с собакой двинулись домой.

– Тоже мне фигурилка! – смеялся Дима над Капушей.

– Не фигурилка, а фигуристка! – защищала ее Оля. – Не хуже некоторых!..

Пятьдесят четвертая история СЕРЬГА В НОСУ

Вечером у Кольцовых зазвонил телефон. Наташа поговорила, положила трубку и сказала:

– Павел, Оля, слышите? Сейчас придет Виктор. И с ним вместе Розочка Николаевна. Две сенсации. Во-первых, они наконец-то женятся. Во-вторых, он снова уезжает за границу, на этот раз в Африку. В какую-то новую страну, которой еще даже нету на карте. Но скоро ее нарисуют...

Мама сразу забегала из комнаты на кухню и обратно. Она начала вынимать все, что было в холодильнике, и готовить еду.

Папа встал из-за стола и отложил в сторону свою дисертацию.

Оле и Капе пришлось расставлять тарелки, рюмки, еду.

Павел еще утром купил торт по случаю возвращения Оли из больницы. Капуша поставила торт на стол, открыла и хотела отломить кусочек. Но, поколебавшись, убрала руку, хотя на вид торт был ужасно аппетитный.

Как только торт поставили на стол, пришел таксист Дима с Мракобесом. У таксы нюх на сладкое просто замечательный. Но и у Димы неплохой.

Когда приехали дядя Виктор с Розочкой Николаевной, в квартире сразу стало шумно.

Виктор поставил в коридоре чемодан. Павел помог Розочке Николаевне снять пальто. Она была вся в крокодиле: в шляпке, туфлях, перчатках и с сумочкой из крокодиловой кожи.

– Поздравьте меня и можете покупать мне подарки, – сказала Розочка Николаевна. – Я решила, что Виктору пора на мне жениться. Погулял и хватит. Виктор, скажи «да»!

– Да, – сказал дядя.

Розочка медленно опустила и подняла свои длинные черные ресницы.

– Розочка, вам очень идет все крокодиловое! – заметил Кольцов, чтобы сменить тему разговора.

– Само собой! – воскликнула Розочка Николаевна. – Когда Витя устроится, я поеду к нему в Африку и оттуда приволоку уйму всяких вещей. Главное, не забыть купить бусы до полу и серьгу, которую там носят в носу. Представляете, никто в Москве не носит. Только у меня будет серьга в носу! Все женщины с ума сойдут от зависти. Это будет колоссальный успех! Колоссальный!

– Я в этом не сомневаюсь, – согласился Павел.

Оля внимательно слушала, о чем они говорят, и молчала.

– Что же вы стоите в коридоре? – удивилась Наталья. – Проходите в комнату. Стол почти накрыт...

– Накрыт? – обрадовалась Розочка Николаевна. – Чего приготовили вкусенького? Я очень голодная, с утра ничего не жрала.

Она сразу уселась и принялась за еду.

– Садитесь и вы тоже, хозяйева, – распорядилась Розочка Николаевна. – Не стесняйтесь, не то, пока будете мешкать, я одна все прикончу.

– Как поживает Капуша? – спросил Виктор.

– Мы ее очень любим за то, что она умеет вязать, убираться в квартире и дружит с Олей, – сказала сестра.

Павел возразил:

– Обезьян любят не за то, что они умеют, а за то, что мы от них произошли. Могли бы и не произойти!

Все расселись за столом. Капуша пришла из кухни и забралась на свободный стул рядом с Виктором.

Розочка Николаевна тотчас вскочила.

– Как? – возмутилась она. – Эта макака еще здесь? Ну, нет! Я с ней за одним столом питаться не намерена!

– По-моему, напрасно, – заметил Павел. – Она такой же член нашей семьи, как я, например. А кое в чем даже лучше. Недавно я купил пишущую машинку, чтобы печатать на ней свою диссертацию. И выяснилось, что Капуша печатает на машинке гораздо быстрее меня.

– Ты же печатаешь только двумя пальцами! – воскликнула Оля. – Вот и выходит, что ты тихход. А Капа двадцатью пальцами: руками и ногами.

– Не может быть, чтобы обезьяна печатала лучше, например, меня, – возразила Розочка Николаевна. – Я замечательная, честно говоря, самая выдающаяся машинистка. Правда, Витя?

– Конечно, но ты еще не участвовала в первенстве мира среди машинисток, – заметил Виктор.

– И незачем! Они мне так должны вручить золотую медаль. Просто там интриги, и дают медали своим, по блату. А вообще, как вы можете сравнивать меня с обезьяной?!

– Почему бы и нет? – заметил Павел.

– Я протестую! – крикнула Розочка. – Я человек, и во всем должна быть на первом месте! И вообще, вы специально все это говорите, чтобы меня обидеть!

– Обидеть?! Да мы все произошли от обезьяны, что же тут особенного? Она такая же, как мы.

– Я не хочу происходить от обезьяны! – отрезала Розочка Николаевна. – Я хочу происходить от лебедя!

– Слушайте, – сказала Оля. – По-моему, не все люди произошли от обезьян, а только хорошие!

– А плохие? – спросила Наташа.

– Плохие?! Плохие, наверно, превращаются назад в обезьян.

– На кого это ты намекаешь? – проговорила Розочка Николаевна. – Не на меня ли? Это слишком! Хватит!.. И ты, Витя, и все твои родственники ненормальные!

– Но если так, я думаю, Розочка, тебе лучше не выходить замуж за ненормального...

– Вот что?! Ты не хочешь жениться на мне? Так вот: ноги моей в этом доме больше не будет! Я вас знать не хочу!

Мракобес залаял.

– Замолчи! – сказал ему Дима. – Твоего мнения никто не спрашивает!

Подбежав к зеркалу, чтобы поправить растрепавшиеся волосы, Розочка Николаевна сняла парик. Но тут у нее оторвались на левом глазу длинные черные ресницы. Они оказались приклеенными. Все очень удивились, а больше всех Виктор.

Розочка Николаевна спрятала ресницы в сумку вместе с париком. Потом она вынула платок, вытерла с лица слезы вместе с краской, и лицо у нее стало маленьким, морщинистым, очень похожим на обезьянье.

Показав всем язык, Розочка защелкнула сумку, подошла к столу, отломилась от торта шоколадный цветок и быстро сунула его в рот. Она выскочила в коридор и хлопнула дверью так, что телевизионная антенна на соседнем доме вздрогнула и закачалась.

В квартире Кольцовых вдруг стало очень тихо.

Пятьдесят пятая история А КАК ЖЕ СВАДЬБА?

– Тип-топ! – первым нарушил молчание Виктор. – Дела... Но, видно, судьба. Хорошо, что выяснилось. Выходит, нашей свадьбе не бывать!

– Вот здорово! – обрадовалась Оля. – Я так боялась, что ты на ней женишься!..

– Это еще почему? – подняв очки, Наташа строго посмотрела на дочь.

– Потому что она произошла не от обезьяны, а от... от... Оля запнулась. – Не знаю от кого. Она вовсе некрасивая и никого не любит, кроме себя.

– Выходит, Витя, она не поедет к тебе в Африку? – сказала Наташа.

– Выходит, так. В Африке я буду один!

– Да, – протянул Павел, – неприятное это дело узнавать, что твои друзья никогда не были твоими друзьями...

– Пойдите-ка! – воскликнула мама. – Вся эта история так выбила меня из колеи, что я совсем позабыла вам сказать. Смотрите!

Она вынула из сумки сверток и протянула дочери.

– Можно развернуть? – справилась Оля.

– Конечно!

В бумаге лежала новенькая плитка шоколада. На обертке была нарисована обезьяна, которая руками и ногами вяжет две варежки.

Ольга прочитала вслух надпись:

Шоколад КАПУША

– Вот он, мой новый шоколад! – гордо сообщила Наталья.

Оля развернула плитку и разломилась на мелкие кусочки.

Она всем дала попробовать.

– Ну как? Вкусно?

Все стали наперебой расхваливать мамины шоколадные способности.

Капуша тоже съела, облизалась и подняла вверх большой палец, как это делал папа.

– У меня тоже есть мыслишка...

Павел встал из-за стола и принес свою диссертацию. Теперь по вечерам, если он не дежурил в обсерватории у телескопа, то печатал на машинке.

– На небе множество разных созвездий, – продолжил он. – Льва, Волка, Зайца, Ворона, Змеи, Рыбы, Рака и даже Гончих Псов. Только Обезьяны почему-то нет. Это несправедливо! Надо открыть некое симпатичное скопление светил и назвать его созвездием Обезьяны. Она вполне заслужила!..

– А что? – поддержал Виктор. – Откроешь и будешь не просто Кольцов, а кандидат звездных наук.

– Погодите! – воскликнул отец. – Люди еще воздвигнут памятник Обезьяне! Если до сих пор не поставили...

Из старых бабушкиных часов вылезла кукушка.

Виктор спохватился:

– Мне пора! Через час отходит поезд. Он довезет меня до Одессы, а оттуда пароходом доберусь до места. Ну, племяшечка моя, кого тебе привезти из Африки через два года?

– Привези ей небольшого бегемотика, – предложила Наташа. – И слоненка...

Оля отнеслась к этому серьезно.

– Это идея? – поддержала она. – Я бы плавала на спине у бегемота. А на слоне каждый день ездила в школу. Мы бы жили очень весело.

– Давай так договоримся, – Виктор взглянул на часы. – Я погляжу, что есть интересного в Африке, и тебе напишу. Ты мне ответишь. И тогда вместе решим, что привезти. Идет?

– Идет!

Дядя поцеловал сестру и племянницу. Когда он пожал руку Павлу, папа вдруг крикнул:

– Оля, Наташа! Получается как-то не по-человечески. Виктор уезжает. Мы не увидим его целых два года. И даже не проводим. Нехорошо!

– И правда, – растерялась мама.

– Проводим! – Оля захлопала в ладоши. – И Капуша поедет на вокзал? Да?

– Угу! – сказала Капуша.

– А нам с Мракобесом можно? – спросил Дима. – Папа с мамой ушли в кино...

– Можно, – решил Павел.

Виктор поднял чемодан. За ним вниз по лестнице двинулась вся честная компания.

Пятьдесят шестая история ЖОРА СМАТЫВАЕТ УДОЧКИ

В кафе «Снеговик» окна были тщательно занавешены. Вот уже неделю кафе не работало. Посетители читали на двери странную записку:

ЗАКРЫТО НА БОЛЕЗНЬ

Мороженщик прокрался в кафе с черного хода. Голова у него была обмотана полотенцем, чтобы соседи видели, как тяжело болен специалист ниже нуля.

В кафе маэстро не зажег света и работал в темноте. В дверную ручку он на всякий случай продел ножку стула, чтобы никто не вломился в дверь.

Разбросав паркетины, Жора открыл тайник.

Маэстро уселся на пол и поплотнее укладывал пачки с деньгами в ящик с надписью «Мороженое». Все пачки не влезли. Остатки пришлось рассовать по карманам.

Жора чувствовал, что ему наступили на хвост.

Он получил повестку с требованием немедленно явиться в милицию к лейтенанту Кислице, захватив с собой документы: сколько мороженого получено, сколько порций продано и сколько осталось. Выходит, им все известно. Это конец.

Маэстро решил, что в милицию лучше не показываться. Пора сматывать удочки. Он заберет деньги и уедет в другой город. Там его никто не знает, и можно будет спокойно из одной порции мороженого делать четыре.

В дверь постучали. Сперва тихо, потом сильнее. Стул в дверной ручке закачался.

Жора подхватил ящик с деньгами, оставил незакрытым тайник и бросился на склад. Оттуда был выход во двор.

– Жорик! Это я! Чао! – донесся до него женский голос. – Важная новость!..

Маэстро остановился и подошел к занавеске. Он осторожно отодвинул край и выглянул на улицу.

У входа в кафе нервно переминалась с ноги на ногу Розочка Николаевна. Кроме нее, на улице никто не маячил.

– Какая еще новость? – строго спросил Жора. – Мне некогда!

– Открой, радость моя! Я тебя долго не задержу!

Маэстро вынул стул, повернул ключ и впустил Розочку Николаевну. Потом он снова запер дверь.

– В чем дело?

– Они едут провожать его!

– Кто – они? Кого – его!

– Дурак! Я набрала номер квартиры Кольцовых – никто не отвечает.

– И что же?

– Значит, Кольцовы поехали провожать Виктора на вокзал. И обезьяна с ними... Ты поймаешь ее на вокзале, а я заставлю ее работать!

– Я поймаю? – недоверчиво переспросил Жора.

– Угу, – буркнула Розочка Николаевна.

Жизнь снова улыбнулась труженику низких температур. Он идет на вокзал, ловит там обезьяну. Конечно, он не отдаст ее Розочке. Маэстро возьмет ее с собой. Он будет ее дрессировать. Он научит ее делать из одной порции четыре. Жоре останется собирать денежки.

– А ты? – прошептал мороженщик.

– Я тебя подожду, – успокоила Розочка Николаевна. – В твои ответственные дела я не вмешиваюсь. Мое дело – только намекнуть...

– Тогда помоги мне!

Жора вытащил второй голубой ящик с надписью «Мороженое», в который он решил посадить обезьяну.

Маэстро вынес через черный ход ящик с деньгами, а Розочка Николаевна помогла ему нести пустой ящик.

Жора заталкивал ящик с деньгами в свой драндулет, когда на улице затрещал мотоцикл. Он остановился у самого входа в кафе «Снеговик».

В дверь кафе громко постучали.

Стук повторился.

– Открывайте! Милиция!..

Розочка Николаевна бросила Жорин ящик и стала искать место во дворе, куда бы спрятаться. В углу, возле забора, стоял железный контейнер для мусора. Он был пуст. Добрая Фея забралась в контейнер и захлопнула над собой крышку.

Мороженщик воткнул ключ в зажигание, но машина не завелась. Жора вставил ручку и стал изо всех сил крутить. Мотор скрипел, но не оживал.

Розочка Николаевна высунула голову из контейнера.

– Жора, радость моя! А почему бы тебе на мне не жениться?

– Только этого мне не хватало! – засмеялся Жора.

– Нахал!

И Розочка сердито захлопнула крышку.

Жора швырнул заводную рукоятку в угол двора. Она со свистом пролетела и гулко ударилась в контейнер для мусора.

«Ага, уже стреляют! – решила Розочка Николаевна. – Но я ни за что отсюда не вылезу! Чао, Жора!»

Маэстро вытащил из машины оба ящика, перекинул ремни через плечо крест-накрест и выглянул из ворот. У дверей кафе стоял лейтенант Кислица. Он тряс дверь. От тряски стул выпал из ручки, и дверь открылась.

Мороженщик выскочил на улицу и побежал. Тяжелый ящик тянул его вбок, пустой – болтался и больно бил Жору по ноге. Ящики задевали прохожих, и те в испуге отскакивали в сторону.

Жора увидел зеленый огонек такси. Он остановил такси, затолкал на заднее сиденье ящики и крикнул шоферу:

– Шеф! Гони на Курский!

– Прямо или Москву показать? – спросил шофер.

– Прямо, прямо!

Такси помчалось вперед.

Лейтенант Кислица ворвался в кафе.

Он подбежал к столу, где под ногой у него когда-то скрипнула половица. Так и есть: на этом месте паркет вскрыт. Сохраняемое тайника исчезло.

Лейтенант выскочил во двор: Жорин «Драндулет» стоял с открытыми дверцами. Кислица поспешил на улицу к своему мотоциклу. Он включил желтые, перемигивающиеся между собой фары и сирену.

Мотоцикл завыл и рванул с места, будто собирался взлететь.

Пятьдесят седьмая история ОСТАЕТСЯ ПЯТЬ МИНУТ

Хотя Виктор вида не показывал, смеялся и шутил, уезжать ему было грустно.

Он обнял всех по очереди, подбросил на руках Олю, погладил Капушу, потрепал стоящего на задних лапах Мракобеса, закурил сигарету.

– Чтобы не скучать, – предложила Наташа, – пиши нам из Африки почаще!

– Так я и сделаю, – кивнул Виктор. – Все будет тип-топ!

– Уважаемые пассажиры! – объявило радио. – До отправления нашего поезда остается пять минут.

Виктор влез в вагон.

Капуша удобно устроилась на плече у Павла и начала махать руками так энергично, что он покачивался из стороны в сторону.

Вдруг Капа почесала затылок. Ей пришло в голову, что она поступает не по-товарищески с другими обезьянами, которые тоже хотят превратиться в людей, но не знают, как это делается. Она помахала Кольцовым рукой, потом ногой и прыгнула в окно вагона на плечо Виктору.

Оля всегда переживала, если кому-нибудь было плохо. Сейчас она напряженно думала, как развеселить Виктора, но ничего не могла придумать. Она увидела Капушу в окне и промолвила:

– Может, Капуша хочет съездить с тобой за компанию? Она ведь любит путешествовать! Там тепло, погреемся на солнышке. С ней не соскучишься – она такая выдумщица!

– А тебе не жалко? – спросил дядя. – Ведь я привез ее тебе! Она – твоя!

– Как это – моя? Она своя! Собственная! И потом, Капуша вернется. И мы снова будем вместе. Да?

– Угу, – согласилась Капа.

Она прыгнула из окна вагона к Оле, посидела у нее на руках. А потом снова прыгнула к Виктору. Ей не хотелось расставаться с Олей, но очень хотелось отправиться в Африку. Она не знала, как сделать одновременно: уехать и остаться. Даже люди этого пока не умеют.

Колеса заскрипели. Вот-вот поезд тронется. Проводники влезли на подножки и вынули желтые флажки.

– Я взял с собой кофеварку и логарифмическую линейку, – вспомнил Виктор. – Капуша научится варить кофе и считать. Все будет тип-топ! Мы там вместе подумаем, что привезти тебе из Африки, ладно?

– Гуд бай! – крикнул Дима.

– Гуд бай, – простился Виктор.

В этот момент Мракобес отчаянно залаял и бросился бежать по перрону.

– Замолчи! – крикнул Дима. – Ты куда это?!

Он побежал за таксой.

Мракобес мчался, стараясь догнать толстого человека, который тащил два голубых ящика с надписью «Мороженое».

– Дядь, дай мороженое!

– Почему мороженое? – приставали к нему мальчишки.

– Нету! – рявкал Жора.

Он бежал к поезду.

Такса догнала его и норовила ухватить за штанину.

Услышав лай, Капуша оглянулась. Она тут же заметила мороженщика, ухватила за поручень и забралась на крышу вагона.

Жора, задыхаясь, подбежал к площадке последнего вагона и стал заталкивать ящики в тамбур.

– Скорей! Поезд отправляется! – засуетилась проводница.

– Сам знаю, что надо скорей! – пробурчал маэстро.

– Приготовьте билет...

Билета у Жоры не было.

Он подхватил ящики и стал забираться по лесенке на крышу вагона. У самой крыши кто-то ему помог: поднял сперва один ящик, легкий, потом второй – тяжелый.

Когда голова мороженщика показалась над крышей, он увидел Капушу.

– Молодец, обезьяна! – отдуваясь, проговорил Жора. – Я сделаю из тебя человека! А ну, полезай пока в ящик! Живо!

И он открыл крышку.

Капуша схватила обеими руками другой ящик, оттащила к краю крыши и тоже открыла крышку.

– Безобразие! – сказал кто-то на платформе. – Куда смотрит милиция?

Поезд бесшумно тронулся.

Платформа с провожающими поплыла назад.

Люди махали шляпами, кричали, бежали за вагонами. Капа стала быстро-быстро разворачивать пачки и швырять вниз. Деньги разлетались, кружились, ложились на асфальт.

– Папа! Она разобьется!

Оля прижала руки к груди и, затаив дыхание, следила за Капитолиной.

– За нее не бойся! Капуша – умница. Не пропадет!

Павел обнял дочку.

– Сумасшедшая! Что ты делаешь?! – кричал Жора, ползая на животе по крыше вагона и собирая бумажки. – Это же все мое состояние!..

Капитолина вытряхнула из ящика остатки.

Послышался треск мотоцикла и вой сирены. Толпа раступилась. Прямо на перрон выехал лейтенант Кислица.

Мотоцикл промчался по самому краю платформы. Лейтенант поравнялся с последним вагоном, на ходу прыгнул на ступеньку и стал взбираться на крышу. Он вынул свисток и пронзительно засвистел. Жора оглянулся и с другой стороны вагона стал спускаться по лесенке вниз.

Он упал на платформу и пополз на четвереньках, собирая деньги. Маэстро засовывал их в карманы, за пазуху, в ботинки... И тут почувствовал, что кто-то тянет его за ногу. Наконец-то Мракобес догнал Жору и укусил его повыше колени.

– Не надо! – закричал Жора.

Он решил, что его хватают овчарки.

Поезд пошел быстрее.

Капуша спустилась с крыши, прыгнула в окно и уселась к Виктору на плечо. Она ухватила дядю одной рукой за шевелюру, а другой изо всех сил махала оставшимся на платформе Оле, Павлу, Наташе, Диме и Мракобесу.

Оля пробежала немного за поездом и остановилась, провожая глазами красные огоньки.

– Сколько веревочке ни виться, концу ее явиться! – прошептал лейтенант Кислица и прыгнул с крыши вагона на платформу.

– Здравствуйте, гражданин Жора! – вежливо сказал Кислица и взял под козырек. – Неужели вы не рады нашей встрече?

– Это мои деньги! Мои! – закричал маэстро.

– Не беспокойтесь, разберемся! Я-то думал, вы, гражданин Жора, уже уехали, и дал команду встретить вас в Одессе. А вы, оказывается, еще тут. Устали, наверно? Давайте помогу деньги собрать...

Держа полные горсти мятых бумажек, специалист ниже нуля поднялся с четверенок на колени. Он горько заплакал.

– Отпустите меня! – хныкал он. – Я больше не буду...

– Отпустить? Это решит суд. А пока прошу ко мне в коляску!

Кислица бережно укрыл специалиста Жору попоной и увез маэстро в неизвестном направлении.

Проводив Виктора, все Кольцовы и Дима с собакой вернулись домой.

Мракобес нервничал. Он долго не мог успокоиться, что укусил человека, но иначе поступить он не мог.

Дима решил, что теперь он будет драться не со всеми ребятами, чтобы не тратить силы на хороших и больше оставлять на плохих.

Папа с мамой уложили дочку в постель. Павел уехал на дежурство в обсерваторию, а мама возилась на кухне.

Оля лежала с закрытыми глазами и думала: кого дядя Вита с Капушей привезут ей из Африки?

Она не заметила, как заснула.

Пятьдесят восьмая история ГОСТИ ИЗ АФРИКИ

Едва Оля заснула, Виктор вернулся.

Ольга услышала фырчание мотора, гудки во дворе и вышла на балкон.

Во дворе почему-то вместо зимы было лето и почему-то вместо лип росли пальмы. А с балкона на балкон тянулись желтые стебли лиан с большими ярко-зелеными листьями.

На ветках и балконах места воробьев и голубей занимали попугаи и маленькие птички колибри, очень похожие на тех, что нарисованы в детской энциклопедии.

На асфальте, у подъезда, в котором живут Кольцовы, остановился грузовик. Он тяжело сопел. На борту его было написано:

ТРАНЗИТ АФРИКА – МОСКВА

– Всё! – выдохнул грузовик. – Приехали!

И тормоза у него скрипнули, выпуская воздух.

Видно, грузовик устал с дороги. Время от времени он переступал с одного колеса на другое и поджимал под себя свободное колесо, давая ему отдохнуть.

Дверца отворилась, и из кабины вылез улыбающийся дядя Витя. Он так загорел, что стал похож на негра. Но все равно Оля его сразу узнала.

– Спасибо тебе, грузовик! – поклонился Виктор. – Если бы не ты, застряли бы мы в какой-нибудь пустыне.

Виктор крепко пожал грузовику ручку дверцы. Потом поднял над головой обе руки, приветствуя Олю, стоящую на балконе.

– Иди скорей, Витя! – закричала Оля. – Я без тебя очень, очень, очень соскучилась!

– А где мама и папа?

– На работе. Ты устал? Поднимайся, я приготовлю тебе чашечку настоящего индийского чая!

– Видишь ли, Ольга, дело в том, что я не один. И боюсь, одной чашечкой чаю ты не отделаешься...

Из окошка кабины на плечо Виктору прыгнула обезьяна.

– Капуша! – растерянно протянула Оля. – Ты тоже вернулась?

– Угу, – кивнула Капа.

– Так поднимайтесь же скорей ко мне!

Капитолина совершенно не изменилась. Только стала чуть-чуть солидней.

Обезьяна прыгнула с плеча Виктора на водосточную трубу и стала быстро карабкаться на балкон первого этажа. С него она перескочила на балкон второго этажа и так добралась до Олиного балкона.

Капуша бросилась Оле на шею.

– Что ж ты стоишь, дядя Витя? Поднимайся к нам!

– Дело в том, – смущенно сказал Виктор, – что это еще не все. Нас много...

– Если много, еще лучше, – обрадовалась Оля. – Веди сюда всех. Твои друзья – это мои друзья!

– Угу, – задумчиво произнес Виктор и посмотрел на грузовик.

Грузовик в ответ подмигнул Виктору одной фарой и откинул задний борт.

Из-под брезента, сдувая с себя хоботом дорожную пыль, медленно выбрался Слон Слоныч.

Слон осторожно ступил на асфальт одной ногой, проверяя, достаточно ли асфальт прочный. Потом поставил все остальные ноги.

– Безобразие! – проворчал слон. – Ехать в такой тесноте без элементарных гигиенических условий!

Увидев Олю, Слон Слоныч затрубил и зашагал прямо к ее парадному.

А из грузовика вылез, прихрамывая, Жираф Жирафыч.

– Без элементарных! – передразнил он слона. – Сам захватил половину моего места и буквально сидел у меня на шее!

От долгой дороги у жирафа затекли ноги, и он перестал хромать только после того, как сделал небольшую пробежку по двору. Заметив, что слон скрылся за дверью, жираф положил голову под мышку и двинулся за ним следом.

Грузовик заскрипел и вздохнул облегченно, когда из кузова сполз на асфальт Бегемот Бегемотыч.

Он весь был в соломе, изо рта у него текли слюни. Бегемот постоял немного, удивляясь, что в таком большом дворе нет хотя бы маленького бассейна, где можно освежиться. Затем, не отряхиваясь, он двинулся за Жирафом Жирафычем, переступая по асфальту тяжелыми ногами.

Троица Витиных приятелей поднималась к Оле на четвертый этаж. При этом железобетонная лестница немного хрустывала и прогибалась, будто она склеена из бумаги.

Не успели они пройти и половину пути, во дворе на асфальт что-то шлепнулось.

Оказывается, в кузове оставили Крокодила Крокодилыча. У него ножки короткие, самому не слезть, а зонтика, чтобы спрыгнуть, он не захватил. Пришлось прыгать без зонта, и Крокодил Крокодилыч отбил себе об асфальт живот. Но тут же бросился догонять ушедших.

– Странный дом, – проямлил крокодил, лениво открывая пасть. – Даже лифта нет. На четвертый этаж приходится ползти, преодолевая земное тяготение!

Слон Слоныч надавил хоботом кнопку звонка.

Капуша, услышав звонок, забралась на шкаф, чтобы гости ее случайно не раздавили.

Оля распахнула дверь.

– Входите, пожалуйста!

Слон Слоныч кивнул головой и хотел войти. Но Бегемот Бегемотыч оттолкнул его.

– Никакого уважения, – проворчал слон. – Я же старше!

– А я толще, – возразил бегемот.
– У вас тут тесновато, – пробурчал слон.
– Не беспокойтесь, – тотчас ответила Оля. – Я вас всех размещу.

Она стала устраивать гостей.

– Вы, Слон Слоныч, проходите, пожалуйста, в комнату. Хобот можете выставить в форточку, чтобы дышать свежим воздухом. Вы, Крокодил Крокодилыч, ложитесь в ванну. Если хотите, я вам открою душ, можете ополоснуться с дороги. Бегемота Бегемотыча мы поселим на кухне мордой... то есть, извините, лицом в раковину.

– А я? Как же я? – спросил Жираф Жирафыч, взглянув на низкий потолок. – У меня и так отсижена шея!

Войдя, он так и стоял, не вынимая головы из подмышки.

– Вас, Жираф Жирафыч, – придумала Оля, – разместим на балконе. Мы живем в современной квартире. Она для жирафов не приспособлена.

Жираф Жирафыч вышел на балкон. Он вынул голову из подмышки и, кряхтя, распрямил шею. А распрямив, увидел, что из грузовика выполз Питон Питоныч, про которого в суете забыли.

– Только тебя не хватало, – проворчал жираф.

Питон не сумел открыть парадную дверь и отправился на четвертый этаж, обвиваясь вокруг водосточной трубы.

– Тут и без тебя тесно, – пробурчал ему жираф с балкона.

Оля выглянула из окна.

– С кем вы там разговариваете?

– Да это Питон Питоныч! – указал головой жираф. – Вечно он лезет, куда не просят...

– Не ссорьтесь! – промолвила Оля. – Заползайте, пожалуйста, Питон Питоныч! В тесноте, да не в обиде!

– Ну как, Олька? – крикнул снизу Виктор. – Всех устроила?

– Угу, – ответила со шкафа Капуша.

– Племяшечка, ты довольна моими подарками?

– Очень! А их всех тоже надо очеловечить?

– Вовсе нет! Во-первых, должен же кто-то быть слоном, жирафом, бегемотом, крокодилом и даже питоном. Во-вторых, еще никто не доказал, что животным быть плохо. Может, животные даже счастливее людей. Но если кто-нибудь из

них захочет жить по-человечески – пожалуйста!.. Только... где в таком случае будут ночевать папа с мамой?

– У соседей! Поднимайся к нам, я сделаю всем чай! Настоящий, индийский, который ты привез.

– Нет, в другой раз! – возразил Виктор. – Я два года не был в Москве и очень тороплюсь на работу. Заеду как-нибудь после. Пока!

Виктор забрался в кабину. Грузовик устало вздохнул, выпустил клуб дыма и умчался.

Ольга быстро пересчитала своих гостей. Их было пятеро, плюс обезьяна и сама Оля.

– Капуша, – сказала девочка. – Чайник вскипел. Помогите мне, пожалуйста, заварить чай. Семь чашечек.

Капуша отправилась на кухню. Она высыпала остатки индийского чая, положила четырнадцать ложечек сахара, разлила чай в чашечки и стала разносить чай гостям.

– Можно было заварить и покрепче! – проворчал слон.

– Что ж делать? – сказала Оля. – Нет обезьян без изъян. То есть, извините, без изъянов нет обезьянов...

Слон взял хоботом чашечку с блюдечком и положил в рот.

Он аккуратно вынул сперва блюдце, а потом чашку, но уже без чая.

– Сперва закройте мне душ, чтобы вода не попала в чай! – заявил крокодил. – Потом подержите чашку в воде, чтобы она остыла! И напоите меня!

Крокодил Крокодилыч жмурился от удовольствия, пока Капуша поила его холодным чаем.

Бегемот Бегемотыч слизнул чай из чашки языком, расплескал половину и облизал всю раковину на кухне.

– Божественный напиток! – зевнул он. – У нас в Африке совершенно не пьют чай, а кофе и какао мне надоели! Бр-р-р!

С чашкой чаю для Жирафа Жирафыча Ольга побежала к соседям на пятый этаж: как раз там у жирафа находилась голова. И Оля подождала, пока жираф пил маленькими глотками.

– Простите, Жираф Жирафыч! Вы не могли бы чуть-чуть подвинуть вашу левую заднюю ногу, – прошипел Питон Питоныч, висящий на водосточной трубе. – Мне совершенно некуда поставить мою чашку.

Жиравф недовольно отодвинул ногу, и Капуша поставила чашку на балкон. Питон положил голову на край балкона. Он высовывал свой длинный раздвоенный язык, опускал его в чай, облизывался и снова макал.

– Пейте на здоровье, дорогие гости! – приговаривала Оля.
– Придут мама и папа, они вам очень обрадуются!

Капуша забралась с чашкой чаю на шкаф. Там было спокойней. Но выпить она не успела.

В дверь позвонили.

– Познакомьтесь! – обратилась Оля к гостям. – Это мои друзья: Дима по кличке Таксист и такса по имени Мракобес.

– Хэллоу! – сказал Дима. – Мы тоже хотим чая.

Оля отдала Диме свою чашку. Капуша слезла со шкафа и напоила таксу. Хозяевам чая не хватило. Оля подумала, что Капуша почти совсем стала человеком. Она обо всех заботится. Она научилась, когда надо, молчать и не научилась только, когда надо, говорить. Кроме «угу», ни гугу.

От чая Мракобесу стало ужасно весело. Он начал рычать и кусаться. Вернее, прикинулся, что ужасно сердится и больно кусает. Дима сделал вид, что испугался, и залез с ногами на диван. А Мракобес стал подпрыгивать на задних лапах и лаять. Он был очень рад, что испугал хозяина, и от радости вилял усталым хвостом.

Капуша увидела, как Дима скачет на диване, а Мракобес – на полу. Она решила, что начинаются танцы. Капа соскользнула со стула на пол и стала ходить на руках, дрыгая ногами и повизгивая. Оля очень любила танцевать. Она начала прихлопывать в ладоши и считать:

– Раз-два-три! Раз-два-три!

Капа тоже стала хлопать в ладоши – пятка о пятку, ногами.

– Знаю, знаю, что вы пляшете! – закричал Слон Слоныч.
– Это новый модный танец, который называется «танец-обезьянец». Верно? В отличие от всех прочих танцев, каждый танцует его, как может. Кто хочет, под музыку, кто хочет – без. Кто хочет – стоя, кто хочет – сидя. Кто на ногах, кто на руках. Или, как говорится, вверх кармашками! В общем, как кто может, так и танцует. Раз-два-три!

Слон встал на передние лапы, задними уперся в потолок и стал вертеть хоботом.

– Гав-гав-гав! – отреагировал Мракобес.

Бегемот Бегемотыч стал приплясывать на кухне, и соседи внизу решили, что начинается землетрясение.

В ванной Крокодил Крокодилыч стал шлепать в ритм по воде и с первых трех ударов выплеснул всю воду из ванны.

Питон Питоныч шипел: пшшип, пшшип, пшшип, – изображая неизвестный джазовый инструмент. А Жираф Жирафыч раскачивал шейю туда-сюда – от одного соседского балкона до другого. И все, кто мог, хором пели:

*– Раз, два, три!
Бейте в бубен, в барабанец,
Начинаем тихий танец.
Это танец-обезьянец.
Раз, два, три!*

*Раз, два, три!
На руках танцует Капа,
Мракобес на задних лапах.
Жаль, что нету мамы с папой.
Раз, два, три!*

*Раз, два, три!
Пляшут крокодил, питон,
Бегемот, жираф и слон,
Танец весит тридцать тонн.
Раз, два, три!*

*Раз, два, три!
Бабушку зови и деда,
За руку хватай соседа,
Мы танцуем до обеда.
Раз, два, три!*

*Раз, два, три!
А с обеда трудно очень,
Но танцуем до полночи.
Шумно так, что слышно в Сочи.
Раз, два, три!*

*Раз, два, три!
Нас немного укачало,
Руки-ноги, как мочало.
Все равно начнем сначала!
Раз, два, три!*

И, набрав в легкие побольше воздуха, все люди и звери хором закричали:

*– Раз, два, три!
Бейте в бубен, в барабанец!
До чего ж веселый танец
Этот танец-обезьянец!
Раз, два, три!*

– Тс-с-с! – вдруг прошипел Питон Питоныч, и все сразу умолкли.

Во двор вошел, озираясь, маэстро Жора с ящиком от мороженого. За ним кралась Розочка Николаевна.

– Подождем, пока обезьяна выйдет гулять и посадим ее в ящик, – прошептал Жора.

– Угу, – подтвердила Розочка Николаевна.

Почуввав неладное, Мракобес энергично залаял. Жираф сердито заколотил копытом о балкон. Слон тревожно затрубил в форточку. Крокодил лязгнул всеми своими восемьдесятю зубами. Бегемот разинул пасть так, что в ней свободно поместился бы не только ящик от мороженого, но и сам специалист ниже нуля. А питон приготовился свернуться кольцами и упасть во двор.

– Мне дурно! – прошептала Розочка Николаевна и повалилась на руки мороженщику.

Жора оттолкнул ее и бросился со двора наутек. Розочка вскочила и, не оглядываясь, помчалась за ним следом.

Тут во дворе раздался свисток, и появился лейтенант Кислица. Он расставил руки, и маэстро Жора попал прямо к нему в объятия.

Население квартиры Кольцовых закричало им вслед:

*– Раз, два, три!
Жора был сперва обжора,
Превратился Жора в вора.
За решеткой будет Жора
Год, два, три!*

Незаметно наступил вечер. Небо стало синим, потом черным, и на нем повисли на ниточках звезды. Они были сделаны на маминой фабрике из шоколада и обернуты серебряной бумагой. А над самым Олиным балконом красовалось созвездие Обезьяны, которое открыл знаменитый астроном Павел Кольцов.

Все гости уснули: кто в комнате, кто на кухне, кто в ванной, кто на шкафу, кто на балконе, а кто на водосточной трубе.

Оля поежилась во сне, повернулась на другой бок, подложила под щеку ладонь, сладко причмокнула и повыше натянула теплое одеяло.

Пятьдесят девятая история, очень похожая на эпилог КАНИКУЛЫ КОНЧИЛИСЬ

И всё в семье Кольцовых вошло в привычную колею.

Утром мама Наталья отправилась на кондитерскую фабрику в свою шоколадную лабораторию. Чуть позже вернулся с работы домой папа Павел. Всю ночь он разглядывал в телескоп звезды и теперь, усталый, лег спать.

Ольга в это время, как обычно, шагала в школу.

Светать стало чуть-чуть пораньше. Фонари на Старопесчаной улице погасли. Ночью слегка подморозило. Синеватый снег похрустывал у Оли под ногами, и ветер гонял вокруг хороводы снежинок. Снежинки назойливо приклеивались на нос, на ресницы, на губы. Девочка то и дело отмахивалась от них, а они липли опять.

Сейчас Ольга войдет в класс, и все будут спрашивать, как она провела зимние каникулы и почему они у нее несколько затянулись.

Оля вспомнила свои суматошные каникулы. Их не смогло испортить даже то обстоятельство, что она к концу заболела. Все равно это были самые смешные, самые шумные и самые прекрасные каникулы в ее жизни. Но рассказывать ли в классе про то, что случилось в новом году?

Правда, Капуша заходила в школу. Но разве поверят, что обезьяна жила у Кольцовых дома и чуть не превратилась в человека? Мальчишки станут смеяться, дразнить, и больше ничего. Нет, пожалуй, лучше уж никому ничего ни про что не рассказывать.

А я сам бывший мальчишка. Я не боюсь, когда смеются и когда дразнят. И я решил записать эти истории. Все незаписанное, и то, что было, и то, что придумано, быстро забывается, а это обидно.

Конец

1971-73, Москва.

**НЕОБЫЧАЙНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ЛИНЕЙКИНА-СЫНА
В КАЛОШАХ БЕЗ ЗОНТИКА**

Повесть

Изобретатель Чебуреки. Рис. С.Калачева.

Приключение первое

ЧЕЛОВЕКА ОБИДЕЛИ

ОТКУДА У ВАС ФАМИЛИЯ?

(Рассказывает Аленка)

Слуш-послуш! В нашем городе две достопримечательности. И чуть не появилась третья.

Об одной знают все: это калошная фабрика имени тореадора Эскамильо. Трубу фабрики, наверно, видят марсиане. Но марсиане не знают того, что известно у нас каждому мальчишке и каждой девчонке. Если из трубы фабрики валит коричневый дым, значит, фабрика выполняет план. Если дым черный, план перевыполняется. Калош в магазинах будет много. Если дыма нет, не купишь мороженого. Все раскупили, потому что на фабрике выходной.

Про другую достопримечательность известно только на улице Ермушкиной, на которой мы живем. Это старик, который ходит зимой и летом в выцветшем синем плаще. Никто не знает, как его зовут по имени-отчеству. Фамилия его Чебуреки. Чебу-ре-ки. Запомнили? Так мы его зовем, так же его дразнят дураки. Борода у него, как щетка для чистки черных ботинок. Не брился он, наверно, с тех пор, как родился. Одна нога у Чебуреки короче другой. Когда он идет, переваливаясь уткой, это действительно смешно.

Моя бабушка говорит, что Чебуреки немножечко колдун. Но я-то знаю: он очень добрый, только стеснительный. Такой добрый, что может делать чудеса. Жалко, что в нашем городе все заняты калошами, а не чудесами.

Я давно его хотела спросить и однажды решилась:

– Дядя Чебуреки! Почему у вас такая фамилия?

– Какая такая, дочка?

– Ну, такая вкусная...

Он засмеялся и прищурился:

– Я тебе скажу по секрету, только ты никому не говори.

Ладно?

– Ага!

– Ты знаешь, что такое чебуреки?

– Конечно! Такие лепешки с мясом. Мы когда с мамой летом в Крым ездили, я их много ела...

– Вот-вот! – закашлявшись, сказал Чебуреки. – Я сам, видишь ли, тоже из Крыма. Это я изобрел чебуреки.

И он подмигнул.

В общем, как-то непонятно: то ли правда, то ли шутит.

В то утро я бежала под дождиком в школу. Было очень грязно. Тротуаров в нашем городе нет, их заменяют калоши. На другой стороне улицы вижу Чебуреки.

– Здравствуйте! – крикнула я и махнула ему рукой.

Он кивнул и поманил меня пальцем. Я подбежала, и Чебуреки молча вытащил из кармана пистолетик. Самый обыкновенный, для маленьких. Но не успела я об этом подумать, как Чебуреки выстрелил прямо в меня. Чувствую, к губе у меня что-то прилипло. Попробовала на язык – оказалось, леденец. Чебуреки протянул пистолетик мне и, прихрамывая, зашагал дальше.

Весь день я стреляла из пистолетика. Накормила конфетами весь класс, а они все не кончались.

– Дай пострелять! – сказал Ромка Линейкин, мой сосед по парте.

– Сломаешь!

– Дай, говорю! – и он вырвал пистолетик у меня из рук.

Что-то с ним происходит. Просто от рук отбился. Вот и сейчас. Решил посмотреть, что у пистолетика внутри. Оторвал ручку – а оттуда посыпался сахар. Больше пистолетик не стре-

лял. Я хотела стукнуть Ромку, но стало его жалко. Если бы я знала, что в этот самый момент начинаются события, которые взбудоражат весь наш шестой «Б» класс. Да что там класс! Всю школу, весь город, а может, и весь мир...

СВЕРТОК ПОД МЫШКОЙ

Встретив на улице Аленку и подарив ей пистолет, человек свернул к проходной калошной фабрики. Прихрамывая, шел он со свертком. Вахтер дремал и не заметил человека в выцветшем синем плаще. Человек даже не взглянул на скульптуру тореадора Эскамилью. Тореадор гордо стоял с отбитым носом в каменных калошах на скверике перед фабрикой имени его самого.

Плащ человека со свертком изрядно промок, с бровей и бороды стекали капли.

Человек прошагал по длинному коридору и замедлил шаги перед дверью с надписью «Отдел самых новых калош». Он пригладил мокрую бороду, вздохнул и, тихо открыв дверь, кашлянул.

Заведующий отделом самых новых калош сидел за столом. Это был лысый старик в черном костюме и черном галстуке. Не глядя на вошедшего, он поморщился. Он не любил, когда его отрывали от размышлений, а когда поднял голову, сразу стал сердитым.

– Опять ты, товарищ Чебуреки? – раздраженно сказал он, напирая на «ты». – Чего, ну чего ты без конца ходишь, отрываешь людей от работы?.. Таскаешь каждый день всякую чепуху. Калоши придумали раньше тебя, не ты первый такой умный...

Чебуреки все еще не отдышался после лестницы. Он ждал именно такой встречи и несколько не расстроился.

– Я учел мечты людей, – сказал он, сопя. – И сделал новые калоши. Смею уверить, удивительные...

Чебуреки развернул газету и поставил на стол перед носом заведующего пару черных блестящих калош.

Заведующий не раз видел на своем столе калоши – и ни капельки не удивился. Он мельком взглянул на них, сразу по-

нял, что калоши самые обычные, и зевнул. Беда с этими чудачками! Все они не в своем уме. Ты им одно, а они тебе свое.

– Товарищ Че-бу-ре-ки! Я уже проверял твои калоши в присутствии авторитетной комиссии. – Заведующий отделом самых новых калош взглянул на портрет тореадора Эскамильо на стене. – Прыгать до крыши в твоих калошах, как я и был уверен, нельзя... Летать – тем более. Ну что ты за человек такой? Сказок что ли начитался? У нас план. Включайся ты лучше в месячник по созданию калош, в которых излечивается ревматизм. Или сделай такие, чтобы растягивались на любые ноги. Или хотя бы разноцветные для клоунов: на одну ногу красную, на другую зеленую, – из цирка заказывали. Больше будет толка! А ты все свое, ни с кем не согласованное...

Но Чебуреки не мог сделать других калош. Прыгающие калоши были шуткой гения. А хорошая шутка не рождается по заказу.

– Позвольте заметить, – как можно вежливее сказал он. – Получилось недоразумение. Калоши, которые я приносил тогда, подпрыгивали у меня дома. Честное слово, до потолка! Я сам резину для них варил в кастрюльке. Сам надевал их, передвигал пупырышки на пятках и прыгал. Я и документик представил. Помните, все мои соседи по дому подписали? Но те калоши попрыгали немного, и почему-то перестали: резина подвела. Комиссия приехала, а они уже не прыгают. Но теперь все иначе! Можно, я сей момент продемонстрирую? Раз-два – и готово!..

Чебуреки, кряхтя, нагнулся, чтобы надеть свои калоши. Но заведующего не проведешь. Он видел на своем веку калоши из бумаги, которые выдавались за вечные. Калоши из меха, которые можно вывернуть наизнанку и превратить в шапку-ушанку. Даже калоши со звонком, которые предупреждали хозяина, что впереди лужа. Сколько калош перебивало на столе заведующего отделом самых новых калош! А фабрика выпускает всегда одни – самые простые и надежные. Подумаешь – прыгающие. Небось подбросит их и скажет, что прыгают. Поди потом докажи ему, что нет.

Заведующий устало вздохнул. Он представил себе, как придется опять созывать издали комиссию из крупных специалистов по калошам. Они возмутятся, ведь они уже сказали

один раз «нет», а их опять тревожат. И вообще: как бы побыстрее отделаться от этого назойливого Чебуреки?

Но ответил заведующий таким задушевым голосом, как будто Чебуреки был его самым близким другом.

– Послушай, дорогой Чебуреки! Ты уверен, что твои калоши кто-нибудь станет носить? Ты о людях подумал? Люди будут падать и разбивать носы. Если все захотят передвигаться по воздуху, на небе придется вешать светофоры. К тому же лично я не хотел бы, чтобы всякие посторонние лезли ко мне в форточку. А что будет с проходной на заводе? Все будут сигать прямо через забор, так выходит?

Что за народ эти изобретатели? Сколько над ними смеются, сколько пишут об их упрямстве. А все не впрок. Никакой сознательности.

– Выходит, прыгающие калоши вообще, значит, не нужны? – обиделся Чебуреки и закашлялся. – Пускай все ходят пешком, да?

– Зачем же пешком, родной ты мой изобретатель! Есть трамвай, автобус, такси... Есть, наконец, самолеты. Ты что же, дорогой, против авиации? Нехорошо!..

Нет так нет! Чебуреки сгреб со стола калоши, завернул в мятую газету и, не попрощавшись, побрел из кабинета заведующего отделом самых новых калош. Казалось, он сгорбился и прихрамывал сильнее, чем обычно.

Он спустился по лестнице на первый этаж. Полутемный коридор фабрики был пуст. За стеной гудели на разные голоса машины. Они варили, били, раскатывали, резали резину, чтобы сделать из нее обыкновенные калоши. Чебуреки подошел к открытой двери и увидел длинную ленту конвейера.

У конвейера стоял рабочий. Он вынимал из мешка ярлыки с ценой и приклеивал к калошам. Калоши ползли на склад – десятки, сотни, тысячи калош... Иногда рабочий брал большую лейку. Он подливал масло, чтобы подшипники, на которых полз конвейер, не скрипели громко и не мешали думать сидящему этажом выше заведующему отделом новых калош.

Чебуреки прихрамывая прошел мимо, потом остановился и почесал бороду. Он подмигнул сам себе, вернулся, вошел в дверь и осторожно огляделся. Рабочий с лейкой ушел в другой конец цеха. Никого!

Чебуреки развернул сверток и аккуратно поставил свои калоши на конвейер между другими парами. Он ласково погладил их в последний раз, и они поплыли. Прощайте, друзья! Будь что будет. Чебуреки вышел, а из-за двери увидел, как рабочий вернулся на свое место, запустил руку в мешок и прилепил к его калошам ярлык с ценой.

Чебуреки сунул скомканную газету в карман, получше замотал шею шарфом и быстро пошел домой. Он решил не тратить больше времени на калоши. Пускай люди и заведующий отделом самых новых калош летают на самолетах. У Чебуреки много других забот. Давно Чебуреки собирался смастерить портфель, который сам ходит следом за хозяином, и научить резинку находить и стирать ошибки. К тому же он хотел вставить сверчка в часы, чтобы тот трещал точно через каждые четверть часа, и придумать что-то еще, гораздо более важное, чем прыгающие калоши.

Приключение второе

В ОДНОКОМНАТНОЙ КВАРТИРЕ ЛИНЕЙКИНЫХ

РОМКИНА МАМА

У Ромкиной мамы забот полон рот, ведь никто в семье ей не помогал. Оба мужчины, приходя домой, садились за стол и, побрякивая ложками, нетерпеливо ждали, когда их накормят. Мама называла эту операцию «дать лошадям овса». Лошади, как известно, сами овса в мешки не наберут. Поэтому, идя с работы, мама очень торопилась.

Накрапывал мелкий осенний дождик. На дороге слякоть. Под фонарями висели клубы тумана. Прическа, на которую мама потратила в парикмахерской два часа, вся разлохматилась и доживала последние минуты. Есть зонтик, но поднять и раскрыть невозможно. Мама тащила две тяжелые сумки, не считая авоськи и коробки с тортом. Сегодня у Ромки день рождения: ему исполнилось ровно двенадцать с половиной. Так уж заведено у них в семье: дни рождения сына празднуют каждые полгода. Даже завидно!

Да, подарок! Какую-нибудь практичную и нужную вещь... Все равно купить надо обязательно, а заодно – это подарок. Ромкина мама работала счетоводом в единственном универмаге города – «Резиновый мир». В городе торговали только рези-

новыми вещами. Если и продавали ботинки, то в нагрузку к ним давали обязательно калоши. И мама сразу поняла, что подарит сыну калоши. Во-первых, осень. Ромка каждый день приходит в мокрых ботинках. Во-вторых, за калошами не надо стоять в очереди. В-третьих, калоши продают без нагрузки.

В универмаге мама едва протиснулась к прилавку с калошами.

У прилавка, уставленного резиновой обувью, было пусто, и молоденькая продавщица стоя дремала. Мама разбудила ее.

– Дусенька, я хочу калоши купить!..

Мама долго выбирала из совершенно одинаковых калош те, которые ей больше по душе. Нравилась ей маленького размера, но такие Ромке покупать уже нельзя. Ножищи вымахали так, что скоро сын догонит отца. Мама вспомнила сына маленьким. Было немного обидно, что больше некого взять на ручки и перенести через грязь. Ох, как бы не вырос Ромка лоботрясом... Ведь дела у него в школе совсем плохие.

Посмотрев маленькие калоши, мама попросила:

– Теперь дай побольше. Во-он те, что лежат в углу...

– Брак, – сонно сказала Дуся. – Их никто не берет...

– Ничего, – упрямо возразила Ромкина мама. – Покажи.

Калоши оказались подходящего размера. Самые обыкновенные, разве что сзади у них белые пупырышки. Это даже красиво и удобно: не спутает в школе с чужими.

– Заверни, Дусенька, получше! Это сыну... – и она пошла к кассе.

Переваливаясь под тяжестью сумок, мама шла домой с подарком.

ЛИНЕЙКИН-ПАПА

Кузьма Кузьмич сидел за столом. Несколько раз он делал «джик-джик». Так Линейкин-младший называл арифмометр. Сделал «джик-джик» и откинулся на спинку стула.

Когда ровно двенадцать с половиной лет назад родился Ромка, Кузьма Кузьмич был счастлив. Ромка – наследник лучших традиций великого рода Линейкиных. Фотография главы рода столяра-краснодеревщика дедушки Кузьмы висела на вид-

ном месте в однокомнатной квартире Линейкиных. Дед был в косоворотке, на груди красовалась медаль за честный труд. Папа всегда говорил, что и у Ромки когда-нибудь будет такая медаль, учи он хорошо уроки.

В бухгалтерии калошной фабрики, где работал Кузьма Кузьмич, было тихо. Линеикин-папа сделал еще несколько раз «джик-джик» и снова задумался о житье-бытье.

Неприятности у Линеикина-старшего начались недавно. Его вызвала в школу Ромкина классная руководительница и математичка. Варвара Ванна загибала пальцы: подрался – один раз, удаляли из класса – два раза, списывал алгебру – два раза. На уроки опаздывает. Кроме того, читал на уроке газету – один раз. И вообще он троечник. А это без трех минут двоечник.

У папы от растерянности забегали глаза, и на щеках появились красные пятна. Вот тебе и счастье родителей, надежда семьи! Роман Кузьмич Линеикин катился, как сказала учительница, по наклонной плоскости. Отец тут же представил себе эту наклонную плоскость. Она выходила из окна на втором этаже школы, где он разговаривал с учительницей, пересекала улицу и упиралась в дверь отделения милиции, что находилось на улице Ермушкиной, чуть наискосок от школы. Ромка сел на наклонную плоскость и, протирая почти новые брюки, ехал туда, прямо в отделение.

– А еще недавно, – сказала Варвара Ванна, – был тихим ребенком...

– Что же мне теперь делать? – жалобно спросил папа, будто это он раз подрался и два раза списал.

Варвара Ванна нагнулась к Линеикину-старшему:

– У вас есть телевизор?

Кузьма Кузьмич поразился пронизательности учительницы:

– Есть! – испугался он. – Есть, есть...

– Так вот... Если хотите, чтобы ваш сын вырос человеком, – выключить! Пусть занимается...

После разговора с учительницей отец решил отказывать себе в футболе, лишь бы Ромка учился. И еще каждый вечер он начал проводить с Ромкой воспитательные беседы.

– В школе был?

– Был.

– Не дрался?

- Нет.
- Из класса не удалялся?
- Нет.
- Газету на уроке не читал?
- Нет.
- Алгебру, подлец, не списывал?
- Да нет же!

Ромка говорил истинную правду, особенно в те дни, когда алгебры не было и он списывал задание по-русскому.

– То-то!.. – успокаивался отец. – Вот погляди на дедушку: он никогда не дрался, не удалялся, не списывался. То есть я хотел сказать, не списывал. И вот, пожалуйста, – медаль за честный труд! А ты...

– Что я?..

– Гордости у тебя нет! О родителях ни шиша не думаешь...

Обидно Кузьме Кузьмичу: сын его не хватает звезд с неба. Неужели и не схватит? А ведь родители ничего для ребенка не жалеют. На день рождения – всегда новые калоши. Носи на здоровье!..

Прозвенел звонок. Рабочий день на калошной фабрике кончился. Линейкин-старший снял черные нарукавники, аккуратно сложил, спрятал в сейф и пошел домой. Сегодня по телевизору футбол, а у Ромки день рождения.

РОМАШКА

Ромашка Линейкин – человек самолюбивый и глубоко несчастный. Ну почему все его стыдят? У тебя то, у тебя се. Ни то ни се. И мама, и папа, и Варвара Ванна, и даже Аленка – все его пилят и стругают. Да ведь он бы мог знаете что? Просто ему не везет.

Вот, пожалуйста: калоши Ромка ненавидел с пеленок. Как только начал ходить, ему стали обувать калоши. Рос он – и росли калоши. Старые сменялись новыми.

– Носи, носи! – умиленно говорила мама, поднимая к небу указательный палец. – Калоши – залог здоровья.

Ромка пошел в школу – и калоши пошли. Ромка к приятелям – и калоши туда. Сколько раз Ромка старался забыть их

где-нибудь! Но предусмотрительные родители чернильным карандашом выводили на красной подкладке инициалы «Р.Л.», и калоши находились.

Когда Ромке становилось невмоготу и он начинал канючить, мама вставала в позу актрисы и с чувством произносила:

– Ромашка, если ты меня любишь, надень, пожалуйста, калоши!

Мама называла его так, когда хотела быть особенно ласковой. Она понимала, что ласковому слову не может противиться никто, даже собственный сын.

И Ромка надевал. Он мужественно выполнял свой сыновний долг и чувствовал себя глубоко несчастным...

В квартире раздался звонок.

– Открой скорей маме! – крикнул голодный папа.

Ромка отпер дверь и увидел маму. Он взял у нее сумки и отнес на кухню. Не отнесешь – мама будет пилить полчаса.

Мама вошла вслед за ним и поцеловала сына в ухо. Уши у Ромки торчали с детства. Мама привыкла поглаживать их и целовать, хотя это и не помогало.

– Поздравляю тебя! – сказала она.

– С чем? – осторожно спросил Ромка и стал быстро вспоминать, не натворил ли он чего в школе.

– Двенадцать с половиной! – торжественно сказала мама и загадочно улыбнулась.

На какое-то мгновение Ромка обрадовался. Про половинчатый день рождения он совсем забыл. Будет торт и будет подарок. Он сразу оглядел покупки и увидел продолговатую коробку с нарисованным ботинком. Если родители что-нибудь дарили, можно было плакать заранее. Ромка тут же скис. Не стоило труда сообразить, что это даже не ботинки, ибо ботинки ему купили две недели назад, и они до сих пор не порвались. Это, конечно же, калоши.

Папа почувствовал, что сын не очень рад подарку. Все они такие, эта молодежь: и в дождь норовят ходить без калош.

Потом они всей семьей пили в комнате (а не на кухне, как обычно) чай с тортом. Ромка съел два куса плюс три кремовых розы, и это немного скрасило день рождения. Ромка взял еще кусок, но больше не хотелось. Торты не съешь много, –

это его главный изъян. Пришлось положить кусок обратно и облизать пальцы.

Папа улегся на диване, включив телевизор, но вспомнил, что смотреть его Варвара Ванна категорически запретила. Пришлось выключить. Скоро Линейкин-старший задремал. Мать принялась мыть посуду. А Ромке не сиделось дома. Он вспомнил, что ему нужно немедленно позвонить Аленке.

– Мам, я до угла, в автомат! – крикнул Ромка.

Он выскочил в коридор, надел фуражку и хотел как можно быстрее открыть парадную дверь.

– Хорошо, сынок. Да не забудь обновить калоши! На улице слякоть.

У мамы был большой недостаток: она никогда ничего не забывала.

Ромка почесал ухо и, прикусив губу, стал развязывать бумажную веревку. Видно, продавщица была не в духе: завязала так, что и не оторвешь. Наконец Ромка перекусил зубами веревку, открыл коробку и выбросил на пол калоши. Они глухо шлепнулись, одна калоша перевернулась. Привычным движением Ромка пнул калошу ботинком, и она легла, как надо. Калоши он ненавидел.

– Может, еще не налезут, – с надеждой пробурчал он. – Всякое бывает...

БЕЛЫЕ ПУПЫРЫШКИ

Тут Ромка заметил, что у калош сзади белые пупырышки. Уроды какие-то. Впрочем, это даже удобно. Не надо пританцовывать полчаса, пока сядут на место. Ромка сунул ботинки в калоши, присел на корточки, взялся за пупырышки и... чуть не заорал от боли.

Вы бы, я думаю, тоже закричали на его месте: ведь со всего размаха Ромка врезался затылком в потолок. И опять шлепнулся на пол.

Попробуйте в таком положении быстро сообразить, что произошло и как быть. Ромка, надо отдать ему должное, не стал визжать. Он был человек сообразительный, он обдумывал ситуацию.

До того как Ромка надел калоши, он спокойно стоял на полу. Это что же, калоши с пружинами?

Теперь главное – спокойствие. Ромка еще раз прыгнул и ухватился за люстру. Уперевшись носком одной ноги в пятку другой, стал стаскивать калоши. Когда упала вторая – он спрыгнул вниз.

– Что ты там топаешь, как слон? – строго спросил сквозь дремоту отец. – Соседи снизу придут жаловаться.

– Калоши меряю!

Если не считать шишки на затылке, все обошлось благополучно.

Ромка сидел на корточках и внимательно изучал калоши, когда мать открыла дверь кухни. Вытирая чашку полотенцем, перекинутым через плечо, мама спросила:

– Ну, Ромашка, как? В самый раз? Тебе очень нравятся?

– Как на заказ! – сказал Ромка.

Папа так говорил про все: про носки, передачи по телевизору и газированную воду.

Мать вернулась на кухню, а Ромка занялся опытами. Никаких пружин не оказалось, а подошвы были мягкие. Он чуть-чуть передвигал белые пупырышки позади калош, и калоши прыгали.

Ромка выяснил, что мама понятия не имеет о том, какие она купила калоши. И решил на всякий случай пока ничего не говорить родителям. Вообще никому. Зачем всем знать про секрет калош? Мало ли что...

Ромашка почесал шишку на затылке. Она все еще ныла. Осторожно, не касаясь рычажков, он надел калоши, отворил замок и выскользнул за дверь.

Кажется, начиналась интересная жизнь.

Приключение третье

ВОТ ЭТО ДА!

СТАРШИЙ СЕРЖАНТ НИГУГУШВИЛИ

Рапорт начальнику отделения милиции Ершову:

«Я, старший сержант Нигугушвили, обходя во время дежурства улицу Ермушкиной, раскрыл нарушение общественного порядка.

Вчера, в десятом часу вечера, неизвестный гражданин маленького роста стоял на четвереньках у парадного. Проявив бдительность, старший сержант Нигугушвили скрылся в подворотне дома, где организовал пункт наблюдения.

Поднявшись с четверенок, подозрительный гражданин пытался подпрыгнуть на высоту мирового рекорда. Это указывало на признаки алкогольного применения. Когда упомянутый гражданин задел рукой сумку проходившей мимо женщины, я вышел из укрытия.

Гражданин, однако, несвоевременно заметил милицию. Он снова максимально быстро встал на четвереньки. Старший сержант Нигугушвили приблизился к нему на расстояние, необходимое для проверки документов. Однако гражданин махнул руками и побежал, подпрыгивая до второго этажа, в направлении Огородной улицы так быстро, что этого быть не может. Старший сержант Нигугушвили принял решение вести преследование.

На углу улиц Ермушкиной и Огородной неизвестный укрылся в телефонной будке. Встречный ветер и дождь мешали мне бежать, как положено работнику милиции. Когда я прибыл на угол, в телефонной будке никого не нашел.

При дальнейшем бдительном наблюдении всю ночь за улицей Ермушкиной прыгающих граждан не обнаружено.

К сему – старший сержант Нигугушвили».

Резолюция на заявлении: «Ст. серж. Нигугушвили предоставить отпуск по состоянию здоровья. Начальник отделения милиции – Ершов».

НЕЧИСТАЯ СИЛА

Если б старший сержант Нигугушвили догнал Ромку, может, все было бы иначе. Приключение окончилось бы в отделении милиции. И все тут. Но милиционер не догнал Ромку, а тот и не подозревал о том, что за ним гнались. Как только он почувствовал, что калоши подчиняются его желанию и прыгают до крыши, он позабыл обо всем на свете.

Сперва, выйдя из парадного, Ромка шел осторожно. Калоши как калоши. Можно топтать по лужам с фонтанами брызг. Можно сильно махнуть ногой, и калоша полетит, вращаясь, чуть ли не до соседнего подъезда. Но стоит нагнуться и тронуть рычажки – будто сильные руки приподнимают Ромку, аж ветер свистит в ушах.

Линейкин три раза пропрыгал весь двор. Но во дворе, как назло, никого не было. Даже в козла не играли на столе под ржавым фонарем. Из-за дождя доминошники разбежались, ругая управдома за то, что до сих пор не сделал во дворе навес. Играл бы сам в домино – давно бы навес был.

Ромка запрыгнул на голубятню. Голуби испуганно засуелились. Оттуда он перебрался на пожарную лестницу. Потом спустился на землю. Постоял, переминаясь с ноги на ногу. Делать было абсолютно нечего, и он стал прыгать на месте. Ничего себе: прыжки до третьего этажа.

Тут из подворотни показалась старушка. Линейкин нагнулся, опустил рычажки и пошел ей навстречу.

– Бабушка, сколько время?

– Небось десятый... Шел бы ты, сынок, домой. Родители, поди, с ног сбились...

– Иду, иду...

Ромка давно понял простую истину: со старшими лучше всегда согласиться, независимо от того, послушаешься или нет. Тут он нагнулся и подпрыгнул над старушкой до второго этажа.

– Господи сохрани! – запричитала она. – Сколько годов прожила... Слышать – слыхала, как святые в небо возносятся, а видеть – никогда...

И вдруг глаза ее лукаво сощурились:

– Послушай, чего ты меня, старую, пугаешь?.. Ни святые, ни черти не спрашивают, сколько времени. Они всё, всё как есть, сами знают. Небось, ты космонавт, а?

Эта идея Ромке понравилась. А почему бы и в самом деле не объявиться космонавтом?..

– Угадала, бабушка! Ну, я спешу... Космический приветик!..

Бабка постояла, покачала головой и побежала рассказывать соседям по кухне, как во дворе встретила живого космонавта. Очень она любила рассказывать необыкновенные истории, но боялась, что ей опять не поверят.

МЫ НЕ СТАРИКИ

(Опять рассказывает Аленка)

Линейкин сказал, что позвонит мне вечером, а все не звонил. Было уже поздно, я из-за него гулять не пошла, хотя давно все уроки сделала. Значит, опять всякой ерундой занимался. Или день рождения праздновал. Какие уж тут уроки! Так хоть бы позвонил, узнал бы что задано.

Может, он со мной и дружит только потому, что я всегда, что задано, записываю? Просто дружить выгодно. Нет, надо к нему сходить. Все-таки день рождения. Не настоящий, половинный, но все равно.

Я взяла с полки книжку, которую мне бабушка в прошлом году подарила. Очень хорошая книжка, подарок хоть куда. Зайду к Линейкину на минуточку, подарю и обратно. Как на зло, дождь шел. Хорошо, у меня косичек нет, а то бы промок-

ли, не высушить, и бабушка бы до утра ворчала. На улице никого, один милиционер, да и тот бегом дежурит.

В парадном на лестнице я догнала Ромку. Он как-то странно скакал: через десять ступенек сразу.

– Слуш-послуш! Ты чего это?

– Балуюсь.

– Нет, я серьезно.

– И я...

Пока мы поднимались к нему по лестнице, он все пританцовывал вокруг, точно балерина.

– А что тебе подарили?

– Да так, разную ерунду...

И опять застеснялся.

Когда нам открыла Ромкина мама, я поняла почему.

– Ну, как калоши, – сразу спросила она. – Не жмут?.. Аленка, заходи. Торт еще не съели.

Значит, новые калоши ему подарили!

– Жмут немного, – Ромка сморщился.

Он не любит баловать родителей. А то еще решат, чего доброго, что перестарались, и будут держать его в черном теле.

Но тут Ромка передумал:

– В общем-то нет, не жмут. Даже хорошо. В самый раз...

Чего это он? Можно подумать, что он расстроится, если их заберут. Ромкиной маме обменять вещь ничего не стоит. Она счетоводом в универмаге «Резиновый мир» работает и всё что угодно обменяет. Бабушка к ней два раза приходила.

Я тогда подумала: Ромка так любит маму, что делает вид, будто рад, что калоши ему подарили. Снял и даже в коробку положил. А если разобраться, на что нам калоши? Что мы, старики какие-нибудь?

ПОЧЕТНЫЙ ПОЖАРНИК

Дом горел как-то странно. Со всех сторон пятиэтажного небоскреба, единственного в городе, из окон рвались грозные языки пламени и валил дым. Только на верхнем этаже было тихо.

Несмотря на поздний час, любопытных собиралось все больше. Люди выскакивали из соседних домов. Старушки выносили пожитки. Вдруг огонь перекинется?..

– Пожарную вызвали?

– Да, вызвали!..

– Что же они так долго не едут?! Спят что ли?..

В это время на пятом этаже дома раздался крик, от которого у всех стоящих вокруг похолодели спины: кто-то плакал и кричал там, на верхнем этаже, выше огня.

Даже Ромка, который живет через дом, услышал этот крик и вскочил с постели. Он выглянул в окно, сразу понял в чем дело и стал надевать калоши.

Пока Ромка бежал по лестнице, по улице Ермушкиной прогрохотали две пожарные машины. На одной была раздвижная лестница.

– Ну что вы танцуетесь?

– Еле-еле, как похоронный катафалк...

– Водички захватить не забыли?

– Тут люди погибают, а вы...

– Сейчас-сейчас, отойдите, граждане...

Пожарные начали поднимать лестницу и разматывать шланг. Лестница дотянулась до третьего этажа. Дальше не хватило. Пожарные схватились за головы.

В это время из толпы появился Ромка – в трусах и калошах на босу ногу.

– Отойдите, дяденьки, – небрежно бросил он пожарным.

Не успели те удивиться, как Ромка слегка нагнулся и взмыл вверх.

Толпа замерла. Аленка, которая тоже стояла в толпе, заплакала.

Скоро у Ромки в горле запершило, и он закашлялся. Его обдало жаром и снопом искр. Вот и пятый этаж. Ромка ухватился за подоконник и исчез в окне.

– Эй, кто тут есть? Отзовись!

И услышал, что кто-то стонет.

Крадучись в темноте, он стал обходить комнаты. Дым слепил глаза.

Вот! На полу возле кровати сидел маленький мальчонка. Он ревел и тер глаза кулачками. Ромка решительно схватил

его в охапку и бросился к окну. Но тут сзади раздалось мяу-канье. Кошка! Надо и ее спасти. Ромка поднял кошку и выпрыгнул из окна.

– Ой, разобьется!

– Ловите!

– Держите!

Толпа ревела.

Но Ромка, как ни в чем не бывало, прыгнул на траву и отдал мальчика женщине, которая заплакала от радости.

Ромка, конечно, человек скромный и хотел сразу смыться. Но не удалось. Толпа окружила его. Едва потушив пламя, пожарные выстроились в ряд и шеренгой подошли к Линейкину. Все они плакали от счастья.

– Спасибо вам, незнакомый молодой гражданин, – сказал брандмейстер, утирая огромные слезы. – Мы навечно зачислим вас в почетные пожарные нашего депо.

– Смотрите, смотрите! Это Линейкин! – шептали всем в толпе ребята. – Мы с ним в одной школе учимся. Это он!

– Ура! – кричала толпа и бросала вверх шапки.

Ромку посадили на крышу пожарной машины. Пожарные стали в почетный караул, подняв брандспойты на плечо. Процессия двинулась по улице Ермушкиной. Вдоль домов стояли люди. Поперек улицы уже висел транспарант:

Слава борцу с огнем Роману Линейкину!

Маленькие девочки в белых передничках подбегали на ходу к пожарной машине и подносили Линейкину букеты цветов. Ромка набирал букетов все больше и больше. Скоро уже не в силах был держать их. Тут он почему-то почувствовал, что у него замерзли ноги. Он нагнулся, чтобы посмотреть на них, и... проснулся.

Обеими руками он обнимал одеяло. На улице светало. На соседнем пятиэтажном доме, который недавно построили, были подтеки ржавчины с крыши, но никаких следов дыма и огня. Через улицу был перевешен совсем другой лозунг, никакого отношения непосредственно к Линейкину не имеющий.

Линейкин долго ворочался, засыпал и просыпался снова, пока наконец не пришел в себя. Ленивые его мозги еще ни-

когда не были так перегружены мыслями. Калошам, замечательным, прыгающим калошам, о которых и не мечтал даже какой-нибудь отличник, Линеikin пока что не мог найти применения, сколько ни думал. Что же делать? И зачем человеку снятся сны? Только для расстройства.

Он отправился в школу.

– Калоши надеть не забыл? – как всегда спросила мама.

– Не забыл! Не забыл! – крикнул Ромка.

Удивилась мать, услышав столь бодрый голос. Даже не вышла в коридор проверить, не врёт ли Ромка. Вот что значит удачно выбрать сыну подарок! Ох, дети, дети... Все любят пофорсить в обновке. И она стала убирать со стола посуду.

Линеikin и вправду первый раз в жизни надевал калоши с удовольствием. В голове его рождались самые невероятные планы, один смелей другого. Пожар – это ерунда. Всю жизнь просидеть на пожарной каланче – мало радости. Что, если отправиться в калошах в кругосветное путешествие? Он прыгает, обгоняя поезда, над землей, и в каждом городе и каждой деревне его встречают толпы радостных людей. И все говорят речи. И все кричат «ура». И газеты пишут только об одном Линеикине-сыне, больше ни о чем.

Впрочем, кругосветное путешествие лучше отложить до следующего лета. Еще не ясно, как прыгать через океаны. И потом, сейчас уже холодно. Еще попадешь где-нибудь в шторм – бр-рр!..

По дороге в школу Ромка остановился. На глаза ему попала афиша на заборе, и тут он понял, что в школу идти вовсе ни к чему.

АЛЛЕ!

В одном углу афиши висел человек на трапеции, держась за нее руками, в другом – ногами. Между ними летел клоун в шляпе, с тросточкой и чемоданом.

Сегодня и ежедневно
АКРОБАТЫ ПОД КУПОЛОМ
БРАТЯ КАРАМОРЗЕ

От радости Ромка подпрыгнул. Но забыл нажать рычажки на калошах, и прыжок получился не очень чтобы очень. Ромка вытащил из сумки кусок мела и, бросив сумку на землю, написал чуть пониже афиши:

И ЛИНЕЙКИН-СЫН

Получилось совсем недурно, хотя и криво.

Ромка еще раз взгляделся в афишу, и она ему понравилась больше прежнего. В школу идти не имело никакого смысла: со вчерашнего дня он прирожденный акробат под куполом. Это же ясно!

Мимо прогροхотал трамвай номер первый, единственный в городе. На нем было написано: «Калошная фабрика – улица Ермушкиной – Госцирк». Подхватив с земли сумку, Ромка пробежался и догнал трамвай, едва он тронулся с остановки. Из трамвая Линеикин помахал девчонкам, которые торопились в школу. Староста Маша Макаронова шла впереди, размахивая портфелем, но замерла, когда увидела Ромку в трамвае. Она сделала огромные глаза и строго погрозила Линеикину. Потом Ромка увидел Аленку и приложил палец к губам. Молчи, дескать. И укатил.

Цирк был закрыт. Линеикин обошел его вокруг. Над черным входом висел смрадный запах. Пахло зверями, гнилыми яблоками и еще чем-то. Ромка потоптался и вслед за солидным заспанным дядей в роскошном клетчатом пальто шагнул в дверь.

– Доброе утро. Как спалось? – раскланялся швейцар.

Это относилось явно не к Линеикину.

– Тебе что, мальчик?..

Вот это ему.

– Я... мне Караморзе...

– Прямо. Они с девяти на манеже.

Пропустили! Без всяких.

Косясь по сторонам, Ромка шел по проходу.

– Па-сторонись!..

Едва Ромка успел отскочить, как два парня провезли тележку с бочкой. Впрочем, это была не бочка, а свернутый в рулон ковер.

– Здр-равствуйте! Добр-рый веч-чер! – сказал Ромке кто-то сверху.

Линейкин вобрал голову в плечи и скосил глаза. Держась лапой за решетку и почесывая голову, рядом с ним сидел огромный попугай. Вот дурак, какой же сейчас вечер?

– Р-р-р! – У Ромки все внутри похолодело.

Прямо перед ним открыл огромную пасть тигр. Ромка отшатнулся. Кто его знает, вдруг клетку забыли запереть после вчерашнего представления.

Вот и манеж. Таким Ромка его никогда не видел. Полутемно, холодно, некрасиво. Какая-то странная тишина, и ни одного зрителя. Нет, впрочем, сидит один зритель в спортивном костюме с гладко зачесанными назад волосами. Сидит и смотрит куда-то вверх. Ромка тоже стал смотреть, но ничего не увидел. Только звук какой-то странный. Будто самолет далеко гудит.

– Стоп! Стоп! – захлопал вдруг в ладоши единственный зритель. – Не пойдет! Это халтура, а не ноги!

Гуденье прекратилось. Теперь Ромка увидел, что прямо на него спускается ракета. Он прижался к стене. Ракета приземлилась, и из нее вылезли двое. Кто же из них старший брат Караморзе? Старший всегда главный. А где же клоун в шляпе и с чемоданом?

– Свет! Свет давайте!

Луч прожектора осветил кусок манежа. Зритель в спортивном костюме поднялся и шагнул на барьер:

– Как вы ноги держите?! Тянуть надо!

Ромка вспомнил, зачем он пришел. И посмотрел на свои калоши. Может, сразу, без лишних слов, подскочить до купола цирка? Нет, еще рассердятся, скажут, мешаешь. Хоть бы внимание на него обратили! Ромка решил и тоже влез на барьер.

– Отойди, малыш! – сказал ему человек в спортивном костюме и помахал рукой.

Но Ромка не уходил.

– Ты это что? – удивился человек.

– Мне нужен старший брат Караморзе.

– Ну, я... Тебе чего?

Оказывается, зритель в спортивном костюме и был старший брат.

– Я хочу с вами, под куполом...
– Да ну?! Валяй! – и Караморзе засмеялся. – А ты кто?
– Я человек. Линейкин... Еще я прыгать могу.
– Да ну?! – опять удивился Караморзе. – Слышите, ребята? Он прыгать умеет.

– Что это у тебя под мышкой? – спросил другой брат в черных трусиках.

Наверное, он-то и переодевался в клоуна.

– Это... – Ромка растерялся. – Сумка...

– В школу, значит, идешь?..

– Иду... Но я, честное слово, летать могу. Не верите? Вот испытайте меня.

– А не боишься?

– Ей-богу, нет!..

– Подними его! – сказал старший Караморзе среднему. – Только держи покрепче.

– Куда поднять? – спросил Линейкин. – Я сам могу.

Братья засмеялись.

– Иди, иди сюда, если не боишься...

Делать нечего, Ромка поплелся к ракете. Огромная, серебряная, она висела над самым манежем. Ромке показали, где взяться руками. Средний брат обмакнул руки в коробочку с тальком и ухватился рядом.

– Мотор! – крикнул старший Караморзе. – Алле!

Ромка почувствовал, как что-то уплывает из-под ног, и изо всех сил вцепился в поручни. Ракета повернулась носом наружу и стала быстро, описывая круги, подниматься вверх. Круг... другой... третий.

– Как дела? – шепнул Ромке средний брат Караморзе.

Ромка оцепенел. Перед глазами плыли пятна от луча прожектора, голова кружилась, тошнило.

– Что же ты умеешь делать? – спросил опять Караморзе. – Ну-ка, выпрями грудь, ноги оттяни... А то висишь, как мешок с отрубями.

Ромка ничего не слышал, ног у него как будто вообще не было.

– Не надо больше... – мямлил он. – Не надо... Не надо... Пустите!..

И разжал пальцы...

Ракета опустилась. Средний Караморзе держал Ромку за шиворот, а когда отпустил, Ромка упал на опилки. Поднялся он, шатаясь, словно пьяный.

Старший Караморзе положил ему крепкие руки на плечи.

– Так как же, артист? Будешь с нами выступать? Иди-ка ты, знаешь куда? В школу... Да, калошу вот не забудь надеть. Пока ты летал, упала...

Ромка схватил с барьера сумку и, не обращая внимания даже на рычание тигров, побрел к выходу. Ноги заплетались.

Холодный осенний воздух защекотал ноздри и быстро привел его в себя. В цирк Линейкин не пойдет больше никогда в жизни. Даже простым зрителем.

ДОСТАНЬ ВОЗДУШНЫЙ ШАРИК

Ромка шел по улице и репетировал ответ классной руководительнице Варваре Ванне.

– Почему ты опять опоздал, Линейкин?

– Я спешил в школу, оступился и подвернул ногу. Пришлось идти к врачу...

Хотя нет: чем глупей, тем ближе к правде. Кроме того, нужно учитывать настроение учителя.

– Линейкин, опять ты опаздываешь?!

– Я... Я не смог решить задачек и так боялся, что вы меня спросите, что сил не хватило войти.

– Где же ты был?

– Все время стоял с той стороны у двери...

Варвара Ванна страшно любит, когда ее боятся.

Ромка успокоился и стал глазеть по сторонам. Калоши, можно сказать, пропадали без дела. Хоть бы случай какой подвернулся!

Навстречу шел почтальон. Это дело Ромка мог бы делать левой ногой. Прыгал бы себе с сумкой с этажа на этаж и бросал бы в форточки письма да газеты. Но скучно!

Монтер надел на ноги стальные когти и кряхтя полез по столбу исправлять проводку. В душе у Ромки поднялось нечто злорадное. Лезь, лезь! Я бы мог без всяких твоих когтей. Только на кой мне это?..

На другой стороне улицы показался хромой старик, которого знают все в нашем городе. Это Чебуреки.

– Здравствуйте! – крикнул ему Ромка.

– Привет, привет!

Шляпа Чебуреки сама приподнялась и плюхнулась на место.

Возле школы в зеленом палисадничке бегала маленькая девочка. Увидев Ромку, она подбежала к заборчику, прижалась к щели и крикнула:

– Мальчик, а мальчик!

– Чего тебе?

– Достань шарик, пожалуйста. Вон, на дереве запутался.

– Что ж я, по-твоему, жираф?

– А ты залезь...

Ромка совсем забыл про калоши.

Он нагнулся, нажал рычажки и прыгнул на дерево. Распутал нитку, закрутившуюся вокруг ветки, и опустился, держа в руках шарик.

– На!

Ромке стало обидно, что она ни капельки не удивилась. Как будто все так могут. Девочка подошла, и он хлопнул ее шариком по голове.

Шарик лопнул. Девочка вздрогнула, будто от выстрела, и заплакала.

– Ладно, не реви! Подумаешь, недотрога.

Он перемахнул через забор.

Сейчас Варвара Ванна спросит:

– Почему ты опоздал, Линейкин?

– Деточек нянчил соседских, – скажет он. – Сироток, без отца и матери.

Приключение четвертое

ЕЩЕ НЕ ЧЕМПИОН, НО...

СНИМИТЕ ПАЛЬТО И ШАПКИ

Утром физрук Алексей Алексеич пришел в школу. В учительской за шкафом снял плащ «болонью», переоделся в зеленый с белой каемкой на шее тренировочный костюм. Поглядел в узкое старое зеркало. Причесал поредевшие волосы, пригладил ладонью белесые брови. Вышел из-за шкафа, расправив плечи, поздоровался с Жанной Степановной, новенькой учительницей биологии, подошел к расписанию: урок в шестом «Б». Погода хорошая, ясная, придется работать во дворе на спортплощадке. Посидев немного в учительской и докурив сигарету, он отправился в класс.

Ребята недружно построились и, гогоча, потопали во двор. Солнышко сияло. Даже черный дым из трубы калошной фабрики не мог его закрыть.

– Алексей Алексеич! А в высоту прыгать будем?..

Последним шагал маленький крепкий парнишка с запасными тапочками в руках – Картошкин. Весь в веснушках и рыжий.

– Куда тебе, Картошкин, в высоту? Ты же маленького роста. Ну куда?

– А я упрямый, Алексей Алексеич...

– У тебя фактуры нет, понял? А ты – про упрямство. Учи зайца плавать!

Алексей Алексеич всем видам спорта предпочитал бег и прыжки. Показывать упражнения на снарядах – умаешься. Бросать – кто-нибудь нарочно подставит голову. А тут сиди себе на лавочке, пусть ребятки прыгают и бегают! Когда пришли во двор, он строго сказал:

– Снимите пальто и шапки. Сложите на скамейку.

– А кто не надел? – спросили из ряда.

– Те не снимайте. Только не толкаться! Сегодня будем бегать.

– И прыгать, Алексей Алексеич? – спросила Маша Макаронова, толстая девочка, староста шестого «Б».

– Верно! Ты, Макаронова, будешь записывать. Доверяю тебе свои часы и ручку.

– А секундомера нет?

– Нет, потому что не нужно!.. Предупреждаю: кто будет нарушать дисциплину, тому...

Физрук еще не знал, что он сделает тому, кто будет нарушать. Он отвернулся, выбирая место, куда бы присесть.

Со скамеечки, на которую сел Алексей Алексеич, была видна вся спортплощадка, огороженная металлической сеткой, во многих местах прорванной. Осеннее солнышко пригревало, то и дело норовя зайти за облако.

Учитель осмотрелся, поднял воротник пальто и решил немного прикорнуть. Правда, мешали ребята из соседних дворов. Они пролезали в дыры, глазели и громкими криками выражали свое отношение к происходящему. Попробуй тут подремли! Нужна закалка и тренировка.

Староста Маша Макаронова быстро разделила всех на две группы: одни прыгать, другие бегать. Сама Макаронова, когда прыгала, еле отрывалась от земли. Курносый Картошкин без отдыха прыгал на месте, развивая прыгучесть. В коридоре на всех переменах он старался допрыгнуть до всех люстр. Это ему не удавалось.

– Алексей Алексеич, – донесся до учителя обиженный голос Маши. – А Линейкин калош не снимает!..

Физрук недовольно скривил тонкие губы и приподнял одно веко. Поискал. Вон тот, второй справа, долговязый, не-

стриженный, в малиновой ковбойке и джинсах непонятного цвета – Линеikin. Не то Иван, не то Роман. Нет, кажется, все же Роман.

– Сними калоши, Линеikin, – устало велел физрук. И прикрыл веко.

Но его опять потревожили.

– Он не хочет снимать калош! – крикнула Маша. – Говорит, у него тапочек нет, а без калош мама не велит... У нас, вы сами говорили, вся дорожка испорчена!..

Алексей Алексеич устало сказал, не открывая глаз:

– Ладно, Макророва. Пускай Линеikin, как исключение, прыгает в калошах. Всё!

Маша махала красным галстуком, и ребята бегали пятерками. У ямы для прыжков толкались прыгуны. Ромка степенно ходил вокруг. Он улыбался про себя, только глаза поблескивали. Что такое для Линеикина прыжки? Но слишком высоко тоже прыгать нельзя. А то всё узнают.

Планку поставили еще выше. Картошкин вместо трех раз уже прыгнул четырнадцать и все без толку.

Потом кто-то пошутил: поднял планку на метр восемьдесят пять сантиметров. Просто выше не хватило стоек. Кто прыгнет? Ребята стояли и смеялись. Картошкин почесал спину. На такую высоту он обязательно допрыгнет когда-нибудь. Обязательно!

НЕ ВЕРЬ ГЛАЗАМ СВОИМ (Точка зрения Аленки)

Только тут я почувствовала: что-то с Линеикиным произошло. Ромка, наверное, возмужал.

– А ну, отойдите! – крикнул он. – Попробуем!

Все захохотали еще громче и разошлись в стороны, чтобы еще посмеяться, когда Линеikin собьет планку и свалится в песок. Тоже, нашелся пижон! Выше Картошкина хочет прыгнуть!

Только я не смеялась. Мне очень хотелось, чтобы Ромка сделал что-нибудь лучше других. Только помню, что глаза закрыла, когда он прыгал. А после все заорали.

Вижу, Ромка лежит в песке, а планка на своем месте. Не упала.

Все кричали и кричали. Никто в классе не помнил, чтобы Ромка хорошо прыгал. Но факт остается фактом. Такого в нашем шестом «Б» не бывало...

Получилась на яме целая куча мала. Все к нему бежали, требовали повторить. Ромка отошел вразвалочку и прыгнул еще раз.

Ребята у нас всегда орут на физкультуре. Учитель не обратил на крики никакого внимания. Он дремал, как всегда.

– Линеякин прыгнул на метр восемьдесят пять, Алексей Алексеич! – гордо сообщила Маша Макаронова.

– Молодец, – пробурчал он, не открывая глаз.

Наверное, не расслышал. А Макароновой хотелось похвастаться нашим классом.

– Метр восемьдесят пять!..

– Ты что, сосчитать не можешь? Пускай еще раз прыгнет.

Линеякин прыгнул еще раз. Физрук почесал затылок и вскочил.

По-моему, он нас не уважает. Никогда серьезно не относится. Тоже спортсмены – шестиклассники! Небось, врет староста или спутала гвоздь с панихидой. В шестом классе еще и не понимают, что такое сантиметр. А может, ночью стойки отпилили на дрова?

Физрук подошел к стойкам и встал возле них. У него рост метр восемьдесят, это все наши ребята знают. А стойки выше его. Он вдруг так удивился, что не нашелся что сказать, и только глотнул воздуха.

– Линеякин! Поди сюда! – позвал он.

Ромка подошел.

– Третий раз прыгнешь? Не устал? Я лично проверю.

– Прыгну!

Линеякин улыбался во весь рот.

– Валяй!..

Ромка слегка присел и начал разбегаться. Смешно так! Скачет, будто козел за сеном.

Мы столпились вокруг. А Ромка опять прыгнул. Глаза у Алексея Алексеича заблестели. Это самая большая высота, какую только можно у нас на стойках поставить. Физрук снова

почесал затылок. Ребята шумели, хлопали Ромку по плечу. Потом Алексей Алексеич спросил:

– Линеikin, в спортшколе занимаешься?

– Не-ет.

– А родители спортом интересуются?

– Очень! – сказал Ромка. – Если футбол, папу от телевизора не оторвешь.

– Да не в том смысле, – похлопал его по плечу Алексей Алексеич и торжественно добавил. – После уроков зайдешь ко мне в учительскую. Потолкуем...

Я скормила Ромке весь завтрак, что бабушка дала, – конфеты, яблоко. Ему, слуш-послуш, поправляться надо.

Остальные уроки в этот день прошли кое-как. Не класс, а базар. Учителя пожимали плечами, возмущались. Но так и не смогли нас успокоить.

ТЕЛЕВИЗОР ВКЛЮЧАТЬ НЕЛЬЗЯ

Вернувшись с фабрики домой, Кузьма Кузьмич, предвкушая удовольствие, уселся к телевизору. И... опять вспомнил, что включать его нельзя. Может, в виде исключения? Одним глазком? Нет! Против педагогики не пойдешь.

Вот уже несколько дней он ощущал себя человеком, у которого связали руки. Сидел, не зная чем заняться. И тут услышал, что Ромка позади него что-то бормочет.

Он каждый день приходит в класс

И скромно ходит среди нас.

Ну, угадайте, кто же он?

Роман Линеikin – чемпион!

– Кто это – Роман Линеikin? – спросил отец. – Какой еще чемпион?..

Ромка мгновенно раздулся, как на дрожжах.

За последние дни он привык к тому, что всех удивлял. Он чувствовал себя, как воздушный шарик на ниточке: вот-вот улетит в небо. Приятно, ах как приятно быть великим человеком!.. Что же он сделал великого? Он прыгает выше всех в

школе. Скажете, заслуга не его, а калош? Кто, собственно говоря, открыл тайну калош? За одно это Роману Линейкину нужно поставить памятник. На клумбе перед школой. Так что стихи в классной стенгазете – это так... детский лепет. Но все же приятно.

Когда Ромка закрывал глаза, ему казалось, что он уже в лентах, увешанных золотыми медалями. А на голове лавровый венок. Ромка никогда не видел лаврового венка, и он ему представлялся в виде сковородки без ручки.

Ромка с выражением прочитал отцу стихи еще раз, напирая на отдельные, особо важные, на его взгляд, слова «скромно», «Линейкин», «чемпион».

Отец и сын стояли друг перед другом и молчали.

В течение нескольких минут Ромка, не в силах больше сдерживаться, выложил все. О том, что он уже чемпион школы по прыжкам в высоту, что сам физрук Алексей Алексеич лично тренирует его, что у Ромки хорошая фактура.

Линейкин-папа не знал, что такое фактура, но при сыне боялся показать себя невеждой и не спросил. Фактура, конечно, пригодится, но главное, род Линейкиных получает свое законченное выражение в чемпионе.

В Линейкине-папе вдруг всплыли все юношеские мечты. Нет, не зря он возлагал надежды на сына!

Как только пришла мама, состоялось расширенное заседание семейного совета. Удивить маму двум мужчинам уже не составляло труда. На заседании чемпион не забыл заявить, что теперь ему необходимо как можно больше мороженого. В нем очень ценные питательные вещества.

Но скоро Ромке заседать надоело. Он прервал совещание и сказал, что ему необходимо проветриться.

– Может, калоши наденешь? – робко спросил папа и посмотрел на маму, ища поддержки. – А то еще ноги простудишь...

– Пожалуй, не надену, – подчеркнуто небрежно бросил Ромка. – Во дворе сухо, и вообще...

И хлопнул дверью.

Родители не посмели перечить. Ромка в последние дни избегал вспоминать о калошах. От этого почему-то портилось настроение.

Папа и мама после ухода Ромки молчали. Мама думала о завтрашнем дне. Утром приходит она в свой универмаг «Резиновый мир» и небрежно бросает сослуживцам:

– Слышали? Мой-то Ромочка – чемпион... Физические данные – это у него от отца. От меня тоже, конечно, но больше от отца... Да! Тренер так и сказал ему: «У вас, дорогой Рома, великолепная фактура. Поблагодарите от меня родителей, выростивших такого чемпиона!»

Папа тоже сидел задумчивый. Забыл даже про телевизор, мечтал. Придет он завтра на работу. Покурит, сядет за арифмометр, сделает «джик-джик»... Потом обернется и бросит соседу-бухгалтеру:

– Сынок-то у меня – чемпион...

– Да ну?! В газете что ль писали?..

– Еще не писали, но скоро, небось, будут писать... Для прыгуна, знаешь, что главное? Хорошая фактура, понял?!

– А с чем ее едят, эту фактуру?

– Фактуру?.. Ну, мил-человек... Фактура – это же самое главное, понял? И она у нас есть.

– Слушай, а как у него с отметками? – спросит сосед. – Было вроде неважно...

– Было! – скажет Кузьма Кузьмич. – Теперь не до этого, понял? Вообще, я тебе так скажу. Если телевизор не включать, дети будут отличниками. Педагогика – наука хитрая!

Приключение пятое

ЗАВЕРТЕЛОСЬ, ЗАКРУЖИЛОСЬ

МАША МАКАРОНОВА

Шестой «Б» был класс как класс, не хуже других, пока Ромка Линейкин не стал чемпионом. Больше всего дел сразу свалилось на старосту.

В старосты Машу выбрали недавно. На собрании Варвара Ванна сказала:

– На должность старосты в вашем классе больше всего подходит Макаронова. Она почти отличница, никогда не опаздывает и всегда в курсе того, что происходит в классе. Все ее знаете?

– Все!

– Вот и прекрасно. Проголосуем? Кто «за»? Все поднимите руки.

Классная руководительница вписала в журнал: староста Макаронова, а ребята тем временем голосовали.

Первой подняла руку отличница Мила, соседка Маши, чтобы не обидеть подругу. За ней поднялось еще несколько рук. Ведь учительница же ясно сказала: поднимите руки. А Варвара Ванна уже перешла к перевыборам санитары и казначея.

С тех пор Маша изо всех сил стала подражать Варваре Ванне. Маша подходила к кому-нибудь, упирала палец в парту

и вращала им. Глядя куда-то в сторону, она сухо сообщала: двойки получать плохо или дергать за косы нельзя. Линеин, ты опять списываешь? Варвара Ванна, входя в класс, отдавала Маше журнал и после ответа ученика говорила:

«Макаронова, поставь «три»!» Или: «Макаронова, поставь «два»!»

Если кто-нибудь ей шептал сзади: «Макаронова, поставь «ноль»!» – она, не поворачивая головы, показывала пальцем и громко говорила:

– Варвара Ванна, он подрывает дисциплину!

И аккуратно выводила в клеточке «три» или «два».

Когда Маша услышала, что в учительской говорили о Линеинке, она поняла, что это человек особенный. Он – надежда школы, и все должны им гордиться. Макаронова в списке класса против Линеинкина поставила плюс и принялась гордиться.

Сперва в классе появилась стенгазета со стихами, помните? Теми самыми, о которых Ромка гордо сообщил отцу. Потом повесили лозунг, который сочинила Маша и одобрила сама Варвара Ванна: «Все, как один, поможем Линеинку добиться новых рекордов!» А потом... Потом Макаронова, которая раньше стыдила Линеинкина за тройки, стала давать ему списывать! Сама приходила и предлагала.

Тихая Аленка, которая давно сидела с Линеинкиным на одной парте, подошла к Макароновой и сказала:

– Не давай Линеинку тетрадей, а то он совсем заленится...

Макаронова возмутилась:

– Как ты можешь так говорить?! Линеин ради нас всех борется, честь нашу защищает, а ты?.. Процент отличников у нас и без него высокий, а спортсменов нет. Сейчас главное рекорды. Мы все как один должны...

В душе Аленка не согласилась. Но она не умела спорить. И была стеснительной. Она знала, что теперь Ромка уроков совсем не делает, а отметки у него стали лучше. Несколько дней Линеин оставался в классе на переменах, списывал.

Как-то Макаронова сказала:

– Ромочка, тебе на переменах отдыхать надо, разминаться. А ты сидишь, потеешь... Ребята, у кого почерк похож на линеинкинский? Помогите ему списывать.

Теперь Линеikin на перемене разминался. А отличница Мила списывала в его тетрадь домашнее задание у самой себя.

Но и это Ромке надоело. Тетрадки надо в школу носить...

Подойдет к Макароновой и тихо скажет:

– Я до ночи прыжок отрабатывал и все такое... Алгебру не успел приготовить.

Маша бегом к Алексею Алексеичу:

– Линеikin до ночи прыжок отрабатывал. Гордость класса и все такое... Алгебру не успел приготовить...

Физрук кивнет, подойдет в учительской к математичке и на ухо:

– Линеikin до ночи прыжок отрабатывал, гордость школы, герой и все такое. В интересах класса... Алгебру не успел приготовить...

Варвара Ванна только понимающе кивает головой.

Если контрольная, Аленку отсаживают на заднюю парту, и с Линеикиным садится Макаронова. Мало ли что? Вдруг у чемпиона возникнут затруднения в решении.

Только учительница биологии Жанна Степановна над Линеикиным смеется.

– У тебя, – говорит, – Линеikin, ноги голову съедят.

Это, наверно, потому, что она в школе недавно и еще не полюбила ее всей душой. В этом всезнающая Маша не сомневалась.

Больше всего старосту возмущало, что в классе находились ребята, которые не болеют за Линеикина. Вот хоть Бацилла. Макаронова его спрашивает:

– Завтра пойдешь на стадион болеть за школу?

– Линеikin что ль прыгает?

– Конечно!

– Что мне там делать? Я лучше в кино пойду.

Макаронова возмущенно спрашивает:

– Выходит, ты не патриот своего класса?

– Нет! – бесстыдно отвечает Бацилла.

Видите! Ему наплевать даже на честь класса. Учится плохо, так хоть бы болел хорошо, не позорил школу!..

У старосты забот уйма. Побудьте старостой, раньше со-старитесь.

ЖАННА СТЕПАНОВНА — НЕ НАШ ЧЕЛОВЕК (Рассказывает Аленка)

Новенькая учительница Жанна Степановна на уроке биологии вызвала Ромку и говорит:

– Линеikin, расскажи устройство клетки.

Линеikin молчит, не знает.

Она говорит:

– Буду тебя каждый день спрашивать. Хочу, чтоб ты знал столько же, сколько я.

Все стали перемигиваться.

Староста Макаронова встает и говорит:

– Линеикин, это Жанна Степановна шутит. Ты, главное, тренируйся.

Жанна Степановна отвечает Маше:

– У тебя, Макаронова, нет чувства юмора. Сейчас я вовсе не шучу. Почему Картошкин и спортом занимается, и учится? Учти, Линеикин, долби биологию на полную катушку.

Да, так она говорит. Она человек свой. Жанна Степановна, когда смеется, чуть не плачет от смеха. Смех – это у нее есть. Она и на уроке иногда так расхохочется над какой-нибудь глупостью, что сразу хочется стать умным. С ней и на биологии не соскучишься. Она маленькая, как школьница, а когда думает, глядит на потолок, будто там что-нибудь написано.

В общем, через пять дней в журнале у Линеикина стояли по биологии четыре двойки подряд. Варвара Ванна сказала, что Жанна Степановна подрывает ее авторитет как классного руководителя. А о чести школы пусть с ней говорит директор.

– Кто мешает Линеикину, тот мешает классу, – добавила Варвара Ванна.

– Человек, который не знает, что такое «ген», позорит школу, – сказала Жанна Степановна. – Дело не в двойках.

– Но ведь он один борется за всех нас на стадионе, – возразила Варвара Ванна. – Он старается, чтобы о нашей школе шла добрая молва везде.

– Ну и молва! В школе учится человек: ноги есть, а голова – тю-тю.

– Жанна Степановна, прошу вас при детях не говорить «тю-тю». Продолжим разговор у директора.

А на другой день Макаронова вбежала в класс на перемене и победно крикнула:

– Варвара Ванна знаете что сказала? Жанна Степановна – не наш человек. Вот! Она мешает общему делу. Только молчите, этого никто не знает.

ВЛАД ЖЕРЕБЕНКО

Наша газета уже рассказывала читателям об удивительных успехах юного самородка – легкоатлета Романа Линейкина. Корреспондент Влад Жеребенко побывал в школе, где учится будущий олимпиец, и у него дома. Читайте наш репортаж, который называется –

ШЕСТИКЛАССНЫЙ ПРЫГУН

Шагая то левой, то правой ногой, я иду к серому школьному зданию из красного кирпича. Вот кабинет директора. День и ночь директор школы думает о том, чтобы росли успехи чемпиона. Вот учительская. Когда звенит звонок, отсюда выбегают учителя, чтобы щедрой рукой отдать крупницы знаний чемпиону.

Пока звонок не звенит, заходим в учительскую. Физкультурник Алексей Алексеич встречает нас рассказом о спортивных удачах Линейкина.

– Тренировка есть тренировка, – улыбаясь, говорит он. – И она делает свое дело!

С первого класса любимый предмет Ромы – физкультура. Каждую свободную минуту на переменах и на уроках он использует, чтобы прыгать. Когда устает прыгать, Линейкин дышит. Дышит глубоко, раздвигая все двенадцать ребер. Читатели нашей газеты должны дышать, как Линейкин.

Месяц прошел с того дня, как мы услышали о новом спортсмене. До этого про талантливого школьника знали только в классе и за скромность звали «обыкновенным». Между прочим, и сейчас в школе чемпиона зовут, как почти равного

себе, – просто Ромкой. «Крылатый школьник», – говорят о нем жители нашего прекрасного города.

О Линейкине спорят бывалые спортсмены. Перед прыжком он собирается в комок, прижимая руки к ногам. Он прямо-таки взлетает над планкой. Не имея равных, он соревнуется сам с собой. Поистине несгибаема воля его к победе.

Ваш корреспондент спешит на улицу Ермушкиной. Здесь, на углу Огородной, живет Роман с мамой и папой, которые тоже носят хорошо известную теперь любителям спорта фамилию Линейкины. По ходатайству общественности домоуправление установило круглосуточное дежурство, чтобы экскурсанты могли осмотреть квартиру чемпиона. Вот его школьная фуражка. Пальто, на котором так к месту протерты рукава. Новые калоши... Впрочем, все это не имеет отношения к спорту.

А где же Роман? Наверняка в эту минуту он оттачивает и шлифует свое мастерство.

Выхожу из парадного. Удар! Точный удар! Из двери выбито стекло. Дворовые ребята бессмысленно гоняют мяч. У хулигана нет ничего святого. Он выбил стекло из двери, через которую ходит Линеикин. Вдруг сквозняк прохватит чемпиона накануне соревнований?!

– Во-он, сам Линеикин, – дворник показывает метлой в дальний конец двора. – Разбил стекло и удирает.

Простим же невинную шутку первоклассному чемпиону, который учится в шестом классе. Скоро соревнования на большой приз калошной фабрики имени тореадора Эскамильо – Калошу на мраморной подставке.

На нашем снимке: Ручка школьной двери, за которую ежедневно держится чемпион Роман Линеикин. Фото автора.

ЗАБОТЫ АЛЕНКИ

Я сто раз прочитала статью «Шестиклассный прыгун». Потом отложила газету и опять стала думать. Надо бы уроки делать, но уроки не делаются. Сейчас придет из магазина бабушка и будет ворчать. Пускай ворчит на здоровье!

Мы с Линеикиным не разговариваем ужас сколько. Мне показалось, что он стал зазнаваться. Да что там показалось! Я

уверена, что так и есть: он ведь у нас шестиклассный прыгун! А я кто?

Линейкин всегда, сколько я его помню, учился еле-еле. Когда его учителя спрашивали почему, отвечал: у меня не к этому призвание. Подумаешь, призвание!.. Нахватался у взрослых.

Дружба у нас с ним давно, со второй четверти пятого класса. Помните, я тогда уронила циркуль, а Ромка полез между партами искать и вымазался? Весь класс смеялся!.. Конечно, не над тем, что он вымазался, а что полез искать для девчонки. Линейкин упрямый: если делает, никогда не сознается, что делает не так. Когда Ромка циркуль достал, больше всех хохотал Бацилла. Ромка тогда подошел и так его двинул, что Бацилла даже не дал сдачи, хотя сильнее.

В общем, с того циркуля мы с Ромкой дружим. То есть дружили, пока Линейкин не стал знаменитым. У него теперь подбородок стал выше носа.

Одного только не пойму: как он все-таки сделался чемпионом? Раньше я всегда бегала быстрее, это же известно. Когда в салочки играли, я только ради того, чтобы не обижать Линейкина, тихонько сбавляла ход. Делала вид, что устала, и водила. Через забор лазили вместе. Теперь он со мной не бежит.

Это у него произошел перелом. В мальчишках бывают переломы. Вот Робертино пел-пел, а после всё, весь испелся. Может, Линейкин наоборот?

Только зачем же из-за этого перелома воображать? А если бы я стала чемпионкой? Я бы никогда не хвасталась. Разве что Ромке сказала бы, и то под страшным секретом. Взяла я да и выложила ему все, что думала: какой он воображала и все такое!

– Ну и что? – не поняв сперва в чем дело, переспросил Ромка. – Это ты про статью в газете? По-моему, ничего. Могли, конечно, мою фотографию поместить, как я прыгаю, чтобы молодежь из начальной школы училась. Ты что – завидуешь?..

– Дурак! – сказала я.

Жалко, что более обидных слов я не знала. А хоть бы и знала, не смогла бы сказать.

Отвернулась я и ушла, а по дороге заплакала.

С тех пор мы сидим на парте, отвернувшись друг от друга. Это, конечно, неудобно и трудно, но все же легче, чем мириться. Да, вчера меня Жанна Степановна подозвала в коридоре.

- Аленка, ты с Линейкиным дружишь?
- Сейчас не очень.
- Ты с ним не ссорься. Помоги ему по-настоящему, как друг. Пусть занимается...

Может, мне первой помириться?

КРУГИ КАРТОШКИНА

Каждое утро Картошкин надевал кеды и выходил во двор. Легкой рысью он бегал вокруг своего пятиэтажного панельного дома десять кругов, потом брал сумку и шел в школу.

На первом уроке Картошкин дышал так, что все четыре плафона на потолке колебались, а со второго урока начинал обсуждать с соседями технику прыжков в высоту. Вывод был всегда один: у Линейкина никакой техники нет.

– Ты почему мало тренируешься? – спрашивал он у Линейкина.

– Жду, пока ты меня догонишь, – отвечал чемпион и подмигивал Картошкину.

Непонятно, почему Линейкин так высоко прыгает. Не должен, не может, а прыгает. Картошкин и Аленку спрашивал не раз – она молчала. Ну, конечно, разве она скажет? Они с Линейкиным на одной парте сидят.

– Надо это проверить! – говорил Картошкин. – Но как? Как?

– Ты ему просто завидуешь, и все, – отвечал Бацилла, сплевывая себе под ноги и растирая плевок ботинком. – У него природные данные, фактура, понял? А у тебя?

– Я? Я завидую?! – возмущался Картошкин и умолкал, потому что больше ничего в свое оправдание сказать не мог.

В стенгазете Маша Макаронова поместила рисунок: похожий на птичку Линейкин пролетает через планку. Внизу стоит гусь – вылитый Картошкин.

На перемене Жанна Степановна подозвала Картошкина к окну.

– Слушай, Картошкин, ты ведь прыжками в высоту занимаешься?

– Ну!

– Алексей Алексеич с тобой занимается?

– Не-е. Он сказал, что я бес-пер-спек-тивный. Он только Линейкина тренирует.

– Послушай, ты должен Линейкина обойти. Человек знался. Ну постарайся! Отнесись к этому серьезно.

– Я уже на стадион ходил – из-за забора смотрел, как Линеикин прыгает. Так он больше балуется: листочки с деревьев обрывает... А вы думаете, у меня получится?

– Получится! – и Жанна Степановна подмигнула Картошкину.

Прозвенел звонок. Картошкин сжал кулаки, кивнул Жанне Степановне и пошел в класс.

С этого дня он просыпался еще раньше, надевал кеды и бегал вокруг своего панельного дома не десять кругов, а пятнадцать. Пять кругов – со скакалочкой.

Приключение шестое

С МИЛИЦИЕЙ ЛУЧШЕ НЕ ССОРИТЬСЯ

БРАТЬЯ ЕРШОВЫ

– Ну те-с, голубчик, хорошо отдохнули?..

Начальник отделения Ершов устало сидел в кресле, тер остатки волос на висках и слушал рапорт старшего сержанта Нигугушвили. Тот, в новенькой форме, стоял перед начальником милиции навтытяжку и старался говорить как можно громче.

– Так точно, товарищ начальник! Ел, пил, на воздухе гулял. В лесу, понимаешь. Деревья стояли кругом... Белка живая бегала. Хвост такой, понимаешь, пушистый. Вай-вай-вай! Целую шапку из одного хвоста сделать можно!

И правда, щеки у старшего сержанта Нигугушвили зарумянились. Он улыбался, казалось, на весь кабинет начальника отделения милиции.

В дверь постучали.

– К тебе можно?

В кабинет, широко распахнув дверь, вошел брат начальника – директор калошной фабрики имени тореадора Эскамильо.

Вот радость-то! Оба брата Ершovy – очень ответственные работники, вечно заняты и видятся редко. А близнецы все же!

Ведь когда-то рыбку ловить вместе ходили... Сейчас начальник милиции ловит одну рыбку, а директор – совсем другую.

Начальник отпустил старшего сержанта Нигугушвили, встал, обнял брата, похлопал по широченной спине. Уселись на диване в цветочках, из которого торчали пружины.

– Как с планом, калошная душа? – Ершов-начальник засмеялся, довольный своей шуткой.

– Я к тебе, собственно говоря, по делу, – сказал Ершов-директор. – Даже не знаю как начать.

– Что там у тебя? Хищение на фабрике? Не волнуйся, завтра же пришло следователей. У меня ребята знаешь какие?

Он показал кулак...

– Какое там хищение! Просто... Как бы тебе это сказать?.. Ты о прыгающем человеке ничего не слыхал? До крыши прыгает. Не может такое случиться, а?..

– И ты об этом! Ой, не могу!

Начальник милиции захохотал.

Директор калошной фабрики сидел, опершись о круглый валик дивана, и поглаживал остатки волос на затылке. Он ничего не понял:

– Ты чего это такой радостный? Преступники перевелись что ли?..

– Наоборот! – Ершов-начальник поморщился, будто ему наступили на мозоль. – Прыгающие появились. Есть у меня старший сержант Нигугушвили. Выдумщик. Молодой еще, неопытный. Книжек больно много читает. Галлюцинация!.. Ты как в воду глядел. Хоть плачь, хоть смейся. Так вот, этот самый старший сержант меня уморил. Представил рапорт, будто видел во время дежурства прыгающего до крыши человека.

– Да что ты...

– Точно! Понимаешь? Я так думаю: милиционер, который идет на работу, ни в коем случае не должен читать фантастику. Этого сержант недоучел или, может, просто переутомился. А теперь, гляжу, и ты туда же!

– Расскажи-ка, что твой сержант видел.

– Нуте-с... Представляешь, подает мне сержант рапорт. В нем черным по белому написано, что бежал он целый квартал за нарушителем. Тот, чтобы смыться, подпрыгивал чуть не до третьего этажа!

– Вот видишь.

– А сержант бежал за ним старым способом, то есть ногами. Где же ему за этим стрекозлом угнаться!..

– Теперь слушай, что я тебе скажу, – директор нагнулся к брату. – Сегодня я узнал, что к нам в отдел самых новых калош приносили прыгающие калоши. Но человеку сказали, что они не нужны.

– Как так – не нужны?

– Виноваты! – Ершов-директор развел руками. – Прозевали. Сидит у меня на этом деле такой, знаешь, дуб...

– Где же калоши?

– Если б я знал... Ускакали! Ты понимаешь, что такое прыгающие калоши! Это же слава нам на весь мир!

– Слава-то слава, – задумался Ершов-начальник, – но преступность тоже возрастет. Что ж теперь – за уголовниками, значит, на вертолете гоняться?..

– Зачем на вертолете? Обуем и милицию в такие калоши! – пообещал директор калошной фабрики. – А что?

– Да ничего! Про это рано пока судачить. – сказал начальник милиции. – Нет калош! Исчезли.

– Никак в толк не возьму. Чего ж ты от меня хочешь?

– Вот чего. Давай пока не будем поднимать шума. А то еще в городе паника поднимется... Обойдемся без бюрократии. Но поищи этого прыгающего человека по-братски. Найдешь?

Ершов – начальник милиции закрыл глаза и улыбнулся:

– Можешь не беспокоиться. У меня ребята – во!

И Ершов-начальник поднес к носу Ершова-директора увесистый кулак.

ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ

– Нигугушвили ко мне!

Как только директор калошной фабрики ушел, начальник милиции снова вызвал старшего сержанта. Он открыл красную папку и извлек рапорт. Тот самый, в котором старший сержант Нигугушвили докладывал о преследовании прыгающего нарушителя.

– Старший сержант Нигугушвили! – голос начальника стал сухим и строгим. – Поручаю вам важное оперативное задание.

– Слушаюсь!

– Приступайте к розыску прыгающего человека.

– Слушаюсь!

Старший сержант ничуть не удивился. Он был уверен, что не ошибся. Понапрасну у него никто еще не вызывал подозрения. Нигугушвили наклонился к начальнику и доверительным шепотом спросил:

– Преступник?

Начальник милиции задумался и потер на щеках щетину.

– Вряд ли. Но не исключено, что хулиган.

– Вай-вай-вай! Нигугушвили большую оплошность допустил, что сразу не задержал, товарищ начальник. Время, понимаешь, упустили. Может быть, он хулиганский поступок замышляет в космическом масштабе...

– Старший сержант Нигугушвили!

– Слушаюсь!

– Приказываю вам не фантазировать!

– Слушаюсь!

Начальник милиции рассказал сержанту о прыгающих калошах. Объяснил, какое значение могут иметь такие калоши для трудящихся. Но единственные калоши по халатности пропали. Их надо во что бы то ни стало найти.

– Наблюдайте. Все подробности очень важны. В другие города я сообщу, чтобы проверили, не появился ли там прыгающий гражданин... Да, постойте, запрещаю на время поисков читать книги, ясно? Выполняйте приказание.

Старший сержант Нигугушвили щелкнул каблуками и взял под козырек.

Первым делом старший сержант отправился домой и переоделся в штатское. Обыкновенный серый пиджак и брюки сержант носил редко и чувствовал себя в костюме, как яичница на сковородке. Пистолет он переложил в карман пиджака.

Теперь на поиски!

В том месте, где он обычно дежурил, на улице Ермушкиной, сержант тихо подходил к знакомым дворникам, продавщице мороженого и газированной воды. Те удивлялись, что сержант в штатском, но виду не показывали. Поговорил он по

секрету с двумя старичками пенсионерами. Но даже пенсионеры прыгающего человека не встречали.

Старший сержант Нигугушвили купил в продмаге колбасы, булку и здесь же, в подворотне, перекусил. Затем еще раз проверил, на месте ли пистолет, и пошел из дома в дом по дворам, приглядываясь к гражданам.

Поздно ночью старший сержант позвонил дежурному в отделение и просил доложить начальнику, что продолжает выполнять особое задание. Результатов нет, но надежда имеется. Дежурный сообщил, что из других городов пришли секретные сведения, что прыгающих граждан там замечено не было. Остается искать здесь. Усталый старший сержант добрался домой в общежитие, не раздеваясь лег на кровать и мгновенно уснул. Спал Нигугушвили плохо. Ворочался, во сне засовывал руку в карман, готовясь выхватить пистолет.

СНИТСЯ СОН СЕРЖАНТУ

Под утро к милицейскому общежитию подлетел зеленый вертолет.

На бортах вертолета белыми буквами по красной ленте было выведено «Милиция». Летчик освободил свое место, и за штурвал сел он, старший сержант Нигугушвили. Вертолет затархтел и помчался вперед, прорезая облака.

Но что это внизу? Какой-то человек прыгает с тучи на тучу. Вот он на лету вынул изо рта сигарету и ткнул прямо в белоснежное облако. Сигарета зашипела, и из облака пошел белый пар. Нарушение чистоты на небе! Старший сержант мгновенно высунулся из окна вертолета и засвистел нарушителю.

– Гражданин! Немедленно подберите окурки с облака!

Услышав голос с неба, человек попытался скрыться. Не тут-то было!.. Старший сержант Нигугушвили открыл люк вертолета и выбросил огромную рыболовную сеть. Вертолет прошел над самой головой гражданина, и тот очутился в сети. Попалась, золотая рыбка! Человек барахтался, пытаясь освободиться, но сеть поползла вверх и скрылась в люке вертолета.

– Вай-вай-вай! Штраф, гражданин, – сказал Нигугушвили.

Он распутал сеть, вручил гражданину квитанцию, посадил его на ближайшее облако. Но едва сержант увидел на ногах пассажира калоши, он проснулся.

Сон как сон, ничего особенного. Жаль только, что сон не в руку. Время идет, а поиски старшего сержанта ни к чему не привели. Начальник милиции Ершов за это по головке не погладит. Надо действовать иначе.

НАД ЗАВЕДУЮЩИМ СГУЩАЮТСЯ ТУЧИ

Кто-то вошел в кабинет заведующего отделом самых новых калош фабрики имени тореадора Эскамилльо без стука. Заведующий сердито поморщился. Он, как уже говорилось, очень не любил, когда его отрывали от раздумий.

– Вам, собственно, чего? – не поднимая лысой головы, спросил заведующий вошедшего.

А когда поднял, увидел человека в сером костюме, который протягивал ему под самый нос маленькую красную книжечку. Заведующий побледнел: милиция. Такие изобретатели на фабрику еще не приходили.

– Чем могу служить? – как можно вежливее спросил заведующий и встал.

Старший сержант Нигугушвили сел рядом с заведующим и, наклонившись, тихо произнес:

– Вай-вай-вай! Прежде всего попрошу сохранять спокойствие, гражданин заведующий. Не волнуйтесь.

– А я и... не вол-волнуюсь...

Заведующий лихорадочно силился сообразить, что он мог натворить. Но ничего не вспомнил.

– Хочу вас предупредить, – продолжал старший сержант.

– Наш разговор должен остаться в полной тайне.

– Ко-конечно, са-само собой...

– Так вот. Вам приносили калоши?

– Мне?

– Не переспрашивайте! Я имею в виду фабрику.

– Приносили. Много раз. Все время приносят. Изобретатели – такой народ. Отдыха не вижу!

– Приносили вам... прыгающие калоши?

– Э-э-э... да! Приносили. Только... они были... прыгающие.

– А какие же?

– Я думаю, изобретатель был просто «того»... Вы меня понимаете?

– Что значит «того»?

– Ну, не в своем, так сказать, уме...

– Где эти калоши?

– Я их не брал! Он... он их унес...

– Куда?

– Не знаю! Да это барахло, а не калоши. Обман трудящихся...

– Гражданин заведующий! Хочу вас предупредить: получен приказ, что это не барахло. Калоши были прыгающие. Ясно? Отсюда делайте вывод.

– Да, конечно, прыгающие. Я, по правде говоря, это чувствовал. Делаю вывод: как замечательно, что именно на нашей фабрике впервые появились прыгающие калоши!

– Э-э-э, нет! Прыгающие калоши появились не на вашей фабрике. Будем искать.

Заведующему отделом самых новых калош стало как-то не по себе. Сорок лет на калошах просидеть и так опростоволоситься.

– Кто их сделал, помните?

– Как же, помню! Да его все знают. Фамилия у него такая пищевая: Че-бу-ре-ки.

Старший сержант понял, что от заведующего он ничего не добьется. И отправился искать гражданина с пищевой фамилией.

Однако не успел заведующий сесть и закрыть глаза, как зазвонил телефон. Вот так денек! Ни минуты покоя!

– К директору. Срочно! – сказала секретарша.

Из трубки полетели короткие гудки.

Заведующий еле протиснулся в кабинет директора. Народу там было битком. Все волновались и о чем-то спорили. Кабинет был похож на склад: в шкафах, на подоконниках и на директорском столе лежали калоши. Детские, взрослые, с каблучком и без. Когда заведующий вошел, все замолчали и раступились. По проходу он волей-неволей должен был пройти

прямо к директорскому столу. Не успел он сказать «здрaсте», директор, сверля его глазами, спросил:

– Калоши принес?

– Какие?

– Ты что же, дорогой товарищ, в детском саду? Известно какие, прыгающие...

– Шутите! Где ж я их возьму? Я ведь не этот... как его... не Чебуреки...

– Оно и заметно, – сказал директор.

И забарабанил пальцем по столу.

Над заведующим отделом самых новых калош сгущались тучи.

Приключение седьмое

КАЛОШИ ОСТАВЛЯЮТ СЛЕДЫ

ДОМ, В КОТОРОМ ЖИВЕТ ЧЕБУРЕКИ

(По рассказу Аленки)

Утюг взял и сломался. Бабушка сказала, чтобы я не ходила в мастерскую, где будут чинить целый месяц, а шла к Чебуреки. Он с удовольствием сделает сразу.

Утюг был тяжелый. Такой тяжелый, что несешь – рука отрывается. Наверно, им гладили, еще когда моя бабушка была девочкой. Раньше бы я позвала Ромку, и вместе понесли бы. А теперь ни за что, лучше останусь однорукой.

Домик, в котором жил Чебуреки, был старый. Как он отстоял целый век, просто удивительно. Давным-давно собирались его снести, но каждый год оставляют до следующего

Говорят, дом этот портит весь вид улицы Ермушкиной, а это очень плохо.

Чебуреки жил на самом чердаке. Ступеньки лестницы в домике были из железа. Стоило наступить – громыхали. Я очень любила по ним бегать: как будто это пианино. Когда Чебуреки слышал шаги, он мог бы сразу идти открывать двери. Но дверь у него открывалась сама, как только к ней подойдешь.

– Здр-р-равствуйте! – сказал кто-то сверху, едва я вошла.

Шляпа, которая висела на вешалке, стала сама подпрыгивать и раскланиваться.

– Кто там? – спросил из комнаты хриловатый голос Чебуреки.

– Я, – сказала я.

По полу зашаркали туфли, и вышел, прихрамывая, Чебуреки. Он был в запачканной коричневой куртке. Мне бабушка когда-то рассказывала, что в этой куртке восемьдесят два кармана, а в них винтики, гаечки, гвоздики, веревочки и еще не знаю что.

– О, Аленушка! – сказал Чебуреки. – Как здоровье бабушки?

– Спасибо, – ответила я. – Вот, слуш-послуш, утюг просила починить...

– Давай поглядим!

Он пригладил бороду, чтобы она не мешала ему, и стал вертеть утюг.

– А вы как живете? – спросила я, потому что молчать ведь как-то неудобно.

– Да ничего, дочка, делаю вот всякие безделицы. Что получается, что нет... Я тебе мои прыгающие калоши показывал?

– Прыгающие? Нет!

Тут я первый раз услышала о таких калошах.

– А они, правда, сами прыгают?

– Зачем сами? Наденешь – и прыгай.

– А попробовать можно?

– Попробовать? – Чебуреки покачал головой. – Нельзя, нет. Я их уже выбросил. Мне сказали, что это ерунда, и выбросил. А по-моему, неплохо получилось. Вот ты, например, в школу опаздываешь – надела и скок-поскок на урок...

Он вытащил из кармана маленькую отверточку и стал смотреть утюг. Никогда у Чебуреки не поймешь, когда он шутит, а когда говорит серьезно.

– Знаете, – сказала я, – пистолетик, который стрелял конфетами, мы с Линейкиным сломали.

– Кто это Линеикин?

– Это мальчик, с которым я дружу. Вернее, дружила...

– Вы что же, поссорились?

– Да вроде...

– Ничего, помириться. А насчет пистолетика не расстраивайся... Я сейчас придумал кое-что получше. В котлеты добав-

лю такой порошок: кто съест, будет жить до ста лет и не болеть. Хочешь – угощу?

– Хочу! Конечно, хочу!

– Правда, котлет у меня нет, но, так и быть, я тебе просто на язык посыплю, ладно?

Он взял с полки какую-то банку.

– Ну-ка покажи язык!

Я высунула.

Что-то посыпалось на язык из банки.

– Так это же соль! – сказала я.

– Верно! – ответил он, засмеялся и закашлялся. – Но какая!

Чебуреки еще минутку повозился с моим утюгом и протянул его мне.

– Скажи бабушке, все в порядке!

Дверь сама открылась и вежливо сказала скрипучим голосом:

– До свидания! Приходите к нам еще!

Шла я от Чебуреки домой и думала. Просто удивительно, до чего я несообразительна. Ведь ясно, что прыгающие калоши мог придумать только один человек в нашем городе. Сообрази я – ничего бы не случилось. Но это все потом до меня дошло, понимаете? А тогда я думала, почему Чебуреки не позвонят в школу руководить всякими умелыми кружками? Потому что он небритый, наверно. Зато как с ним весело! Я бы с удовольствием ходила к нему во все кружки. А не к этому, который приходит с калошной фабрики: «Сегодня все, как один, будем изготавливать стру... струбцину». Ни за что!

НИГУГУШВИЛИ БЕРЕТ СЛЕД

Из домика, в котором жил Чебуреки, молодежь разъехалась, к старикам гости ходили редко. Если шли в домик, значит, что-нибудь починить – или телевизор, или керосинку. И увидев в дверях молодого человека в синем помятом костюме, Чебуреки не очень удивился.

Дверь сама открылась.

– Зд-р-равствуйте! – сказала с вешалки шляпа и кивнула вошедшему.

Переодетый в обыкновенный костюм старший сержант Нигугушвили, растерявшись, отдал шляпе честь.

Старший сержант знал как с кем разговаривать. Он поздоровался с Чебуреки за руку. Чебуреки пригласил его в комнату, заставленную старомодной мебелью. Они сели за стол, покрытый клеенкой.

Гость был странным. Сначала он спросил Чебуреки о здоровье. Рассказал о том, как сам хорошо отдохнул в санатории. И только потом перешел к делу:

– А как себя чувствуют ваши прыгающие калоши?

Чебуреки грустно улыбнулся:

– Так вы, оказывается, из утильсырья? Действительно, когда я мастерил калоши, у меня были большие отходы резины. Я ведь покупал в магазине новые, резал их и варил. Много брака из-под пресса выходило. Но сейчас ничего не осталось, все сдал. Спасибо!

– Да я не про утиль, – Нигугушвили решил сказать кто он. – Я из милиции. Понимаете, дорогой, я получил приказ искать ваши прыгающие калоши.

– Мои? Зачем?

– Для фабрики.

– Но зачем же?

Нигугушвили загадочно улыбнулся:

– Теперь, понимаешь, нужны!

– Нужны? Ведь я тогда оставил их на фабрике...

– На фабрике? Как это оставил?! – старший сержант вскопчил. – Пошли, дорогой! Скорей!..

Чебуреки пожал плечами. Все удивлялись его поступкам, хотя в них не было ничего особенного. Он обмотал шею старым любимым теплым шарфом, сунул концы его под плащ и легонько свистнул.

Старший сержант Нигугушвили, молодой человек недюжинной храбрости, попятился назад. Желтый кожаный портфель, что лежал рядом со столом на стуле, пошевелился и приподнял ручку. Замки сами собой защелкнулись, портфель встал на тонкие пружинистые ножки, легко спрыгнул на пол и засеменил следом за Чебуреки. Дверь сама открылась, потом захлопнулась и вежливо сказала скрипучим голосом:

– До свидания! Приходите к нам еще!

– Слушаюсь, – сказал старший сержант, кивнул и отдал двери честь.

Он поспешно зашагал позади Чебуреки, стараясь ступать в ногу с портфелем.

Они тихо миновали дремлющего вахтера и статую тореадора Эскамильо с отбитым носом. Чебуреки молча пришел в цех, где длинная лента конвейера уносила на склад готовые калоши, и ткнул пальцем в ленту. Прыгающие калоши он оставил тут.

– Вай-вай-вай! – воскликнул старший сержант. – Что ты наделал, дорогой! Зачем оставил? Принес бы в отделение милиции – все было бы в полном порядке. Вай-вай-вай!

Старший сержант открыл дверь, и они прошли на склад. Дверь оказалась с пружиной и чуть не прищемила портфель. Но портфель ловко подпрыгнул и успел проскочить вслед за хозяином.

Калош на складе лежали горы. Искать какую-нибудь пару – все равно, что искать камушек на берегу моря. Но это свеженькие калоши, а где старые? Старшему сержанту стало грустно, хотя он не показал виду.

– Вспомни, дорогой, когда это было, а?

Чебуреки никак не мог вспомнить. Примерно месяц назад... Или два... Толстый кладовщик полистал накладные. Те самые бумажки, по которым фабрика отправляет калоши в магазин. Калоши давно отправлены в восемьдесят восемь городов. Продают их в восьмистах восьмидесяти восьми магазинах.

– Какие, какие? – вдруг переспросил кладовщик. – С белыми пупырышками? Так это ж, наверно, брак. Брак мы в другие города не отправляем, продаем у себя. Ищите в универмаге «Резиновый мир», где же еще?

– Вай-вай! – воскликнул Нигугушвили и похлопал Чебуреки по плечу.

Теперь он точно знал, во-первых, что прыгал по улице не Чебуреки, а кто-то другой. Во-вторых, он знал, как к этому другому попали калоши: они куплены в универмаге «Резиновый мир». Милиционер решил открыть Чебуреки тайну: он, старший сержант Нигугушвили, собственными глазами видел прыгающего человека!

– Вот и прекрасно, – сказал Чебуреки и совсем не удивился. – Он будет очень доволен... Я же говорил, что прыгающие калоши – это хорошая штука...

Чебуреки думал сейчас совсем не о прыгающих калошах. Только что, пробираясь по темному коридору фабрики имени тореадора Эскамильо, он решил сделать калоши для космонавтов, чтобы они оставляли на незнакомой планете светящиеся следы. Потеряется космонавт – его легко найти. Чебуреки поделился этой идеей со старшим сержантом.

– Слушай, что ты мне голову забиваешь светящимися калошами, дорогой? – ответил тот. – Нам нужно что? Калоши! Какие? Прыгающие! А ты, понимаешь!.. Ой, какой тяжелый человек...

Старший сержант Нигугушвили немедленно простился с Чебуреки, вскочил в трамвай номер первый и отправился в универмаг «Резиновый мир». А Чебуреки пошел, прихрамывая, домой делать светящиеся калоши для космонавтов.

ЗАДАНИЕ ПОЧТИ ВЫПОЛНЕНО

Второй рапорт начальнику отделения милиции Ершову:

«Докладываю, что поиски прыгающих калош ведутся вполне успешно.

Указанные калоши из-за несерьезного отношения к ним изобретателя Чебуреки попали в торговую сеть. Их главная примета – белые пупырышки сзади. Согласно приказу, продолжал поиск прыгающих калош в универмаге «Резиновый мир».

Продавец Муся, очень симпатичная девушка, произвела на старшего сержанта Нигугушвили положительное впечатление. Однако она работает два дня и не знает, кому продали калоши с белыми пупырышками. А продавец Дуся уехала.

Какие будут ваши указания – ехать в командировку к Дусе или искать на месте?

К сему – старший сержант Нигугушвили».

Резолюция на рапорте: «Никаких Дусь!» *Подпись:* «Начальник милиции Ершов».

Приключение восьмое

ПОКА НЕ ПОЗДНО

КАЛОШИ УКРАЛИ

Только что кончился последний урок. Математичка Варвара Ванна попросила Линейкина ненадолго задержаться, чтобы объяснить ему, какая будет завтра контрольная. Ромка не стал ждать. Не придет он на контрольную, и все тут! Соревнования на носу, а тут какая-то контрольная...

Довольный жизнью Линейкин размахивал портфелем и прыгал через три ступеньки сразу в раздевалку. Он делал вид, что не замечает малышей. В белых воротничках они шагали стайкой вверх заниматься во вторую смену.

– Эй, сопляки, с дороги! – гаркнул Ромка.

Они почтительно расступались перед Линейкиным и, разинув рты, глядели вслед чемпиону. Они гордились тем, что учатся с ним в одной школе.

Ребята уже разошлись, и раздевалка опустела. Ромка натянул шапку, сунул руки в пальто и начал в полутьме шарить ногами, чтобы надеть калоши. Никак не мог их нащупать и нагнулся. Он даже погладил ладонями по полу – калош не было. Не было!

Украли! Ромка понял это сразу и замер, так и оставшись на четвереньках. В мозгу его закрутилась карусель, мысли лихо-

радожно пересказывали с одной полочки на другую. Появилась даже одна эдакая веселенькая мыслишка. Тоненькая, как мышиный хвост: «Ну вот, наконец-то ты, Роман Кузьмич, образумишься! Посуди сам, какой из тебя чемпион? Ведь ничегошеньки у тебя спортивного нету. Разве что в отмерного умешь играть. Звонок ты, Роман Кузьмич!»

Ромка отогнал эту мыслишку. Юркнув хвостом, она исчезла. Появилась другая: «Жулик ты, Ромашка! Всех обманываешь. Чтобы не догадались, купил большие кеды и вставил в них калоши. Позабыл пословицу: сколько веревочке не виться, конец ей бывает?!»

Линейкин даже головой потряс. А тут еще третья мыслишка, более мрачная: «Наобещал всем с три короба, а теперь провалишься. Вот смеху будет! Съедят тебя живьем. Опозорился...» Но и эта мышка-мыслишка исчезла.

Ромка продолжал стоять на четвереньках, как мартышка. Он смотрел себе под ноги и уныло шарил руками по полу.

Калоши украли! Может, кто-то разузнал, что они прыгающие? Что же теперь будет? Теперь кто-то другой будет прыгать, а ты, Линейкин, будешь ходить пешком и ездить на трамвае! Ха-ха!..

Ромка не помнил, как он добрал домой. Он слонялся по квартире, дотрагиваясь до стен и вещей, словно видел их в первый раз и не мог понять, зачем они тут появились.

Папа пришел веселый:

– Привет, чемпион, как успехи?

– Отстань!

Папа не посмел перечить. Чемпион сосредоточен, значит, так надо. Линейкин-старший уселся к телевизору. С тех пор как сын стал чемпионом, он снова каждый вечер смотрел передачи.

Мама вошла и сразу догадалась:

– Что случилось, Ромашка? Хочешь мороженого?

– Нет!

– Ты не заболел?

Ромка не в силах был больше молчать и заревел.

– Калоши украли!

Мама поставила на пол сумку с продуктами. Она хотела сказать, что стыдно позволять красть калоши, которые тебе

подарили родители. Но увидела, как Ромка переживает, и смолчала.

Папа оторвался от телевизора, решил сразу взять быка за рога:

– Я говорил, что нужно на калошах писать метки!

– Но ведь они и были меченые, – возразила мама. – У них были пупырышки.

– Пупырышки? Все равно надо метить.

Ромка всхлипывал. Мама подумала о том, как правильно с детства воспитывать в ребенке любовь к вещам. Вот как ее сын переживает пропажу калош! А ведь что такое калоши для чемпиона? Тьфу!..

Она погладила Ромку по голове и сказала ему, как маленькому:

– Тихо, тихо, успокойся. Через два дня у папы зарплата, и я куплю тебе новые калоши, хорошо?

Ромка заревел по-настоящему.

– На них не будет белых пупырышек! – сквозь плач едва выговорил он.

– И пусть! Даже лучше, – мама все гладила его по голове. – Папа напишет чернильным карандашом «Р.Л.» – и все! Никто не перепугает!..

Мама пошла в ванную стирать, Ромка побрел на кухню и сел, упершись локтями в стол. Он тупо смотрел вперед.

Он не будет чемпионом. Теперь он будет никем.

БАЦИЛЛА

Если бы ученым понадобились образцы нескладных людей, Бацилла оказался бы незаменимым. Из его туловища торчали удивительно длинные шея, руки и ноги. В этом он был абсолютным чемпионом шестого «Б». Ноги его не давали работать соседям на передней парте, руки – на задней, а голова вращалась, как у куклы.

Бацилла был шутком в самом расцвете таланта. У него было три главных качества: лень, несерьезность, рассеянность.

Лень сложилась сама собой. Несерьезность была природной. Надо всем, что он говорил, смеялись. Что касается рас-

сеянности, то это свойство Бацилла воспитал в себе сам с детства. И очень этим гордился. Он всегда что-нибудь забывал, оставлял или путал.

Когда Бацилла забыл, что его калоши висят в мешочке на вешалке и надел Ромкины, это получилось само собой. Без всякого злого умысла. Если б Ромка, уходя из школы, в гардеробе поднял печальные глаза вверх, он увидел бы, что мешок с калошами Бациллы висит на гвозде. И все понял. Но...

Бацилла никогда не нагибался, чтобы надеть калоши. Ленъ было. Он долго хлопал ими по полу, а от этого калоши с белыми пупырышками, как известно, не прыгают.

На другой день утром, вяло бредя в школу, Бацилла услышал, как кто-то догоняет его сзади. Бацилла не успел обернуться. Он почувствовал сильный удар кулаком в спину. Шагнул, но нога запнулась обо что-то. Бацилла упал, на ходу сообразив, что ему подставили подножку.

– Снимай калоши! – услышал он над собой и уже хотел крикнуть: «Караул! Раздевают!» Но тут увидел над собой Лиейкина.

Ромка стоял над ним и, бросив портфель, остервенело стаскивал калоши. Белые пупырышки он увидел издали. Бацилла прикусил язык.

– Да ты что? Чо те надо? Ты что? – тупо повторял он и старался перевернуться.

Бацилла был сильнее Лиейкина. Но если Лиейкина отлупить, из школы исключат, это уж точно. Он же – наша гордость.

Ромка стащил калоши, поставил, сунул в них ноги и нажал пупырышки. Бацилла еще и сесть на землю не успел, а Ромка поскакал в школу. Прыгают калоши-то! Значит, все обошлось. Этот болван Бацилла даже и не понял, что носил на ногах. Раззява!..

АЛЕНКА ПОЕТ СТАРИННЫЙ РОМАНС

Я видела: что-то Лиейкина тяготит. Он чего-то боится. А сегодня произошло такое, что и вовсе сбило меня с толку.

Утром прозвенел звонок, и все побежали в класс. Я поливала цветок на подоконнике и слышу, кто-то громко всхлипнул. В конце коридора, возле двери для мальчишек, человек ревет, уткнувшись лбом в оконное стекло. Подрался, наверное. А может, расшибся.

Я поставила кувшин и побежала туда. У окна стоял Ромка, все лицо в слезах.

У меня сердце сжалось, а не знаю чем помочь. Просто подошла сзади и встала рядом.

– Чего ты, а? Не надо... – шепотом сказала я Ромке и положила ему руку на голову.

Так всегда делала мама, когда я была маленькая и плакала. Мама говорила, маленькие плачут оттого, что у них мерзнет головка. Положишь руку, головка согреется. И маленький успокоится. А Ромке разве положишь руку? Рванется в сторону и еще обзовет.

– Слуш-послуш, эй, не надо...

Ромка разрыдался, как маленький. Я вынула из рукава свой платочек с кружавчиками и сунула ему. Линеikin всхлипывал-всхлипывал, потом вытер нос и глаза, и платочек сразу стал мокрый. Ромка опять отвернулся и смотрел куда-то в сторону.

– Беда у тебя?

Ромка пожал плечами, спрашивает:

– Что делаешь вечером?

– Буду дома... Придешь?

Ромка отрицательно покачал головой.

– Приходи в парк, когда стемнеет.

– В парк? Во сколько?

– Ну, в семь.

– Хорошо, – согласилась я, хотя знала, что отпроситься у бабушки в парк вечером почти невозможно.

Если бы была мама, она бы все, конечно, поняла. Но мама в Якутии, в экспедиции. А папы вообще нету. То есть был. Они с мамой разошлись характерами, а потом вообще разошлись, я еще малышкой была.

Я взяла Ромку за руку и потащила в класс.

Урок давно начался. Учительница строго посмотрела. Но промолчала. Он ведь Линеikin. Никто не засмеялся, только

староста Макаронова сделала заметочку в тетради против моей фамилии.

Весь день потом в голове у меня вертелась какая-то мелодия, и я ее напевала:

*Когда в беде ваш дру-уг,
В беду пона-али вы-ы...*

Это был старинный романс, который я сочинила сама.

ПРИ ЧЕМ ТУТ ШПИОНЫ?

Ему никто не мог помочь. Честное слово, началось с простой шутки, которую никто не понял, а теперь назад ходу нет. Что будет с мамой, что будет с отцом, – страшно подумать! Мама и так нервная. Будешь работать в универмаге, тоже будешь нервным, говорит она папе. Если Ромка нервный – это наследственное от универмага. Теперь весь город знает, что Линейкин чемпион, но никто не знает одной маленькой подробности...

Ромка пробежал по главной аллее между двух рядов портретов, заменявших зеленые насаждения. Вот скамейка, на которой они с Аленкой любили читать вдвоем одну книжку. Линейкин сел и решил серьезно думать, но начать думать не успел: прибежала запыхавшаяся Аленка.

Они сидели рядом и молчали. Люди всегда молчат, когда не о чем говорить или надо сказать много. Аленка заглянула Ромке в глаза.

Он вскочил со скамейки, схватил Аленку за руку и потащил по беговой дорожке.

– Ты что, сумасшедший?

– Молчи! – цыкнул Ромка. – Так надо.

Остановился он в чаще, на траве. Как раз там, где ходить и рвать запрещается. Присел на корточки.

– Что ты делаешь? – спрашивала ничего не понимавшая, испуганная Аленка.

Ромка не отвечал. Он снимал калоши. Одну... Потом другую. Снял и приказал Аленке:

– Надевай!

– Зачем?! Они ж мне велики!..

– Надевай!! – повторил он.

Аленка сунула туфельки в огромные Ромкины калоши. Ромка опустился перед ней на колени и поднял пупырышки. Она всплеснула руками и вскрикнула: скамейка, дерево и палатка с газированной водой вдруг закачались под ней. Едва не потеряв равновесие, Аленка так подпрыгнула, что оказалась возле макушки молоденькой березки и от страха уцепилась за нее.

– Не хочу! – крикнула Аленка. – Что это?

– Молчи ты! А то люди сбегутся!..

– Ромочка, миленький! Сделай так, чтобы я упала на землю! Ну, пожалуйста! – шепнула сверху Аленка.

Ромка торжествовал. Он даже забыл про все свои тяжкие думы.

– Ладно! – снисходительно сказал он.

И помог слезть с дерева.

Она поправила юбочку в мелкую складку, сняла калоши и долго разглядывала их. Глаза у нее блестели. Калоши обыкновенные, а как прыгают!

– Ты сам сделал? – спросила она восхищенно. – У них что, пружины?..

И вдруг Аленка вспомнила:

– Слуш-послуш, надо немедленно их отдать! Сейчас же!

– Отдать?! – Ромка надел калоши. – Кому?

– А где ты их взял?

– Где взял? – Линеikin опять стал хмурым. – Мама купила.

– Где?

– В магазине! Да она и сама не знает, что они... прыгающие... Никто не знает. Просто повезло...

Она посмотрела на Ромку и все, абсолютно все поняла. Как это сразу не сообразила? Не Ромка, с которым она дружит со второй четверти пятого класса, поссорилась и сегодня помирилась, – чемпион. Чемпионы – калоши!.. И не Линеикина нужно фотографировать для газеты, а калоши. Ромка просто-напросто обманул весь мир!

– Ромашка... – сказала она тихо. – Это же Чебуреки сделал калоши. Понимаешь? Че-бу-ре-ки! А дальше как? Что же делать?

– Чебуреки? Да хоть бы и Чебуреки... При чем тут он?!
Завтра соревнования...

– И ты хочешь обдурить всех?

– Не понимаешь самых простых вещей! – раздраженно крикнул Ромка. – Все завертелось! Если даже я скажу правду, мне теперь некуда деться. Разве что утопиться... Или запрыгнуть на крышу, снять калоши и разбиться. А потом похороны. От школы принесут венок, и учителя будут плакать. А если никто не узнает, я буду чемпионом. Все мне будут завидовать. И по радио, и по телевизору – про Линеякина.

– Не говори чепухи! – твердо сказала Аленка. – Все-таки лучше объяснить все сейчас! Пока не поздно... Еще подумают, что калоши какие-нибудь шпионские...

– Ну, не могу я сейчас! – заорал Линеякин. – Не могу! Все говорят: Линеякин, Линеякин! Новый рекорд и все такое. Все: Алексей Алексеич, школа, учителя. Мама даже пирожных уже купила и спрятала в холодильник.

Аленка могла простить что угодно, только не ложь. Выходит, просто они с Ромкой люди совершенно разные.

– Как хочешь, – сказала Аленка. И повторила. – Как хочешь...

– Подумаешь, – сказал Линеякин. – Может, ты еще всем пойдешь расскажешь? Иди-иди! Да тебе никто не поверит! Потому что уже в газете писали, что я чемпион и у меня хорошая фактура. Поняла?

Аленка повернулась и пошла по дорожке. Линеякин не видел, что у нее на щеках блестели слезы.

Приключение девятое

В КОТОРОМ ГЕРОЯ НАГРАЖДАЮТ ДЫРКОЙ ОТ БУБЛИКА

ВСЕ, КРОМЕ АЛЕНКИ, И ДРУГИЕ

Улица тяжело дышит, не спасает даже осенняя прохлада. Улица здыхается, не успевая пропустить лавину людей, спешащих в одну сторону. Из ближайших деревень едут на грузовиках. Люди вылезают, течение подхватывает их и несет к стадиону имени Ермушкиной.

Трибуны превратились в муравейник. Единственное существо, которое холодно и спокойно взирает на происходящее, – телевизионная камера. Операторы приехали на автобусе из области и готовятся к передаче.

Телевизионная камера видела в своей жизни всякое и сейчас равнодушно взирает на происходящее своим одним глазом. От скуки она скользит взглядом по рядам зрителей, а изредка останавливается, чтобы разглядеть получше героев этой истории.

Вон, под козырьком, поднимается на самую верхотуру хромой человек. Оказывается, Чебуреки еще и болельщик! Впрочем, кто знает, может, он пришел на стадион с тайной целью? Может, он чувствует, что произойдет сегодня? Чебуреки кричат. Расталкивая соседей, усаживается на место, поднимает

воротник выцветшего синего плаща и поглубже втягивает бороду в воротник.

Одноглазая камера лениво поворачивается и снова останавливается.

Это что за дама с гордой осанкой и зонтиком в руках? А, здравствуйте, Линейкина-мама! Вы, видно, волнуетесь. Час назад у вас пригорела яичница, и Ромка съел горелую. Но ухудшатся ли его результаты от этого несчастья? Будем надеяться, нет. Хорошо, что вы запаслись зонтиком. Неровен час, хлынет дождь: на носу октябрь. Но вот беда: Ромка может поскользнуться.

Рядом с Ромкиной мамой в новой зеленой шляпе – папа Кузьма Кузьмич. Линейкин-старший волнуется не меньше Линейкиной-мамы.

Теперь, камера, повернись, пожалуйста, во-он в тот конец трибуны! Да нет, не туда, где поломаны скамейки... Какой-то гражданин пытается сесть поудобнее на голове соседа. И сразу попадает на заметку стоящему неподалеку молодому милиционеру. Тот берет под козырек и... Узнаете? Да, совершенно верно, это Нигугушвили.

Старший сержант Нигугушвили никогда не теряет бдительности. Мимо него проскочил невысокий курчавый человек с желтой сумкой через плечо. Мало того, что курчавый перешагнул через ограду, отделяющую зрителей от поля. Раздался свисток, и цепкая рука сдавливает человеку локоть. Человек словно готов к этому, он даже не оглядывается. Привычным движением он запускает два пальца в карман и вытаскивает удостоверение.

– Же-ре-бен-ко В-ла-д, – читает на картонке старший сержант. – Работает в должности кор-рес-пон...

Все ясно! Рука старшего сержанта ложится под козырек. Жеребенко, шагая то левой, то правой ногой, торопится в раздевалку побеседовать с участниками матча перед началом соревнований, а затем телефонировать в редакцию, чтобы в завтрашнем номере газеты ему оставили как можно больше места...

Глаз телевизионной камеры повертелся и снова остановился.

Тут вся школа, в которой учится Ромка Линейкин. Не пришло болеть только школьное здание, поскольку его фундамент

глубоко врыт в землю. Правда, по неизвестной причине нет еще и Аленки, но этого никто не заметил.

Староста Маша Макаронова только что разделила шестой «Б» на три группы. Первая группа должна кричать «ли», вторая «ней», третья «кин». Прорепетировали. Кто-то вместо «ней» крикнул «бей». Это Бацилла. Его хотели удалить со стадиона как человека, у которого абсолютно нет гордости за свою школу. Но Бацилла сказал, что у него насморк и он просто не может выговорить «ней». Бацилле пригрозили, что за насморк снизят отметку по дисциплине.

Глядите, глядите! Стол, накрытый тяжелой бархатной скатертью, красуется на самом виду, перед трибунами. Два пионера стоят у стола по стойке «смирно» и отдают салют. Только ветру разрешается осторожно пошевелить кончики их галстуков.

На столе стоит главный приз фабрики имени тореадора Эскамильо: огромная калоша на мраморной подставке. Не сводя с нее глаз, трубачи исполняют веселые марши. За столом, возле приза, сидит Ермушкина, почетная гражданка нашего города. Она была первым директором калошной фабрики. На ней работал тогда слесарем тореадор Эскамильо. То есть, конечно, не сам тореадор, а известный певец, который поет теперь в опере «Кармен». Сегодня Ермушкина вручит чемпиону почетный приз фабрики.

А где главный герой повествования? Зрачок телевизионной камеры уперся в дверь под трибуной и здесь замер. Телевидение сквозь стену еще не проникает. Остается представить себе, какие события происходят там, в раздевалке.

ТРУБЫ ТРУБЯТ

В раздевалке суетятся тренеры, бегают врач, прыгают, вертятся, лежа крутят ногами участники соревнований. Алексей Алексич, одетый в новый тренировочный костюм, только что отогнал от своего любимца чересчур настойчивого корреспондента.

– Перед соревнованиями нельзя отвлекаться от основной цели, – многозначительно сказал тренер и любимый учитель Линейкина.

– На какие результаты вы рассчитываете сегодня?

– Тренировка есть тренировка, – подумав, ответил Алексей Алексеич.

– И она, как говорится, делает свое дело? – спросил Влад Жеребенко.

– Вот именно! А сейчас не мешайте нам делать разминку.

Жеребенко записал у себя в блокноте мудрые мысли тренера.

Ромка, худой и нескладный, в красных трусиках с разрезами и голубой майке медленно прохаживается между всеми снующими и топающими и вяло поднимает и опускает руки. Он готовит, как вы уже догадались, дыхательный аппарат. Алексей Алексеич идет за ним по пятам.

– Не только больше вдыхай, но и больше выдыхай! – наставляет тренер. – Помни: тренировка есть тренировка...

Линейкин то забывал обо всех заботах, то вдруг становился мрачным.

Наконец грянули трубы. Оркестр калошной фабрики старался изо всех сил. Почти стройными рядами прошли вдоль трибун члены добровольного спортивного общества «Калоша». Взвилось знамя открытия соревнований.

Ромка мало что видел из-за широких спин, и его видели плохо. Но все знали: он где-то там, надежда легкой атлетики нашего города.

В секторе для прыжков рабочие граблями готовили площадку. Множество людей приникло к экранам телевизоров. Диктор уже объявил о начале передачи и от волнения повторял только, что у него нет слов передать то, что он видит.

– Начинаются соревнования по прыжкам в высоту, – объявило радио. – Участвуют...

Мальчишки с улицы Ермушкиной полезли в свои ложи на заборы и деревья.

Репродуктор трещал, хрипел и гудел, но можно было кое-что понять. Диктор коротко сообщил, что школьник Роман Линейкин добился замечательных результатов в небывало короткий срок. Это выдающийся легкоатлет с большим будущим и так далее.

– Прыгуны готовятся, – говорит диктор. – Лица сосредоточены. Стадион имени Ермушкиной ждет рекордов. Прыгуны

с опаской поглядывают на паренька в голубой майке. С ним тягаться трудно. Просто невозможно...

Ромка присел на корточки, руки у самых пяток, ждет.

Первая попытка. Высота взята!

Планка поднята выше, и снова взята высота. Стадион шумит все сильнее. Люди на трибунах встают. Линейкин что-то шепчет тренеру. Тот кивает ему и подходит к судьям. Картошкин стоит недалеко от Линейкина. Он хочет понять, разобраться. Он хочет прыгать так же высоко.

И вот радио объявляет:

– Роман Линейкин просит поднять планку сразу на высоту, превышающую мировой рекорд!

Трибуна вопит.

– Ли-ней-кин! Ли-ней-кин!! – летит по всей округе.

Ромка глядит на стоящего одиноко Алексея Алексеича. Тот поднял руку ладонью наружу. Это приказ тренера: «Давай!»

Ромка начинает разбег. Он сильнее отталкивается ногами и почти отрывается от земли. В несколько движений он приближается к планке. Стадион кричит. Ромка сгибается для последнего прыжка, выпячивает грудь, чтобы как можно красивее пролететь в воздухе, и вдруг он чувствует, что теряет равновесие. Он машет руками, как канатоходец, грудь ушла слишком вперед, а ноги стали тяжелыми, будто налились свинцом. Нет сил ими пошевелить. Линейкин упал на четвереньки. Ноги приросли к земле.

ОТ КАЛОШ БЫВАЕТ РЕВМАТИЗМ

Стадион, почувствовав что-то неладное, замер. Все видели, что произошло невероятное: шаги известного спортсмена Линейкина становились все меньше, и неожиданно он прилип к дорожке.

Не прыгнул! Так и стоит на четвереньках. Если бы он споткнулся и упал или сбил планку, тысячи людей ахнули бы, и все. А тут...

Телевизионную передачу на всякий случай сразу прекратили по техническим причинам. Стадион снова начал гудеть, люди требовали быстрее объяснить в чем дело.

Первым возле Ромки оказался Алексей Алексеич.

– Ты что, ты что, Линеikin? – крикнул он на ходу.

Ромка вертел головой, поднимал руки. Но с места сойти не мог.

– Я?.. – он испуганно оглядывался. – Не знаю... Мо... может быть, калоши?..

– Какие калоши? Ты что, с ума сошел?..

В глазах у Ромки стояли слезы. Он разевал рот, как будто вокруг исчез воздух.

Возле Ромки образовалось кольцо из судей и спортсменов. Прибежал врач с носилками. Секторы опустели. Старший сержант Нигугушвили тщетно пытался уговорить всех не подходить к месту происшествия.

Врач проверил пульс. Ромку взяли под мышки, но оторвать его от земли не удалось. Врач длинными пальцами начал ощупывать Ромкины ноги. Кости, мышцы... Все цело. Абсолютно здоров. Пальцы дошли до кед и стали расшнуровывать их. Ромку тряхнули, подняли за руки, босиком положили на носилки и понесли в раздевалку. Ромкины кеды остались на земле.

Он лежал бледный, закрыв глаза. Как было бы прекрасно, если б у него что-нибудь болело! Ну хоть бы ногу сломал. Умереть – тоже совсем неплохо.

Рядом с ним шел Картошкин. Он прямо-таки расстроился оттого, что Линеikin не стал чемпионом.

– Ну что ты? А, Линеikin? – спрашивал он.

Тот закрыл руками лицо.

Линеикина-мама в слезах бросилась к раздевалке. Ее не пускали.

– Я мать! – причитала она. – Отдайте мне моего мальчика, моего ребенка!

За ней бежал Кузьма Кузьмич.

Алексей Алексеич встал на колени и стал отрывать кеды. Не удалось. Тут он увидел, что в кеды засунуты калоши, подошвы растеклись, и все прилипло к земле.

Физрук ничего не понял. Вспомнил только, что первый раз, когда он на уроке открыл Линеикина, тот тоже был в калошах. Калоши его погубили, решил он, потому что от калош бывает ревматизм.

ШТУЧКИ ЧЕБУРЕКИ

(Рассказ Аленки, самый последний)

Я сидела с бабушкой дома и все думала про Линейкина, а потом вдруг решила: надо просто скорей забрать у Ромки калоши. Забрать – и все, вернуть Чебуреки. Раз Ромка сам не понимает, все равно потом поймет. И я побежала на стадион. Надо успеть! Всегда рев слышен за версту, а тут было как-то тихо. На трибунах народу мало, а на поле толпа. Иду, а мне навстречу Жанна Степановна.

– Аленка! Где же ты?

– Вот я.

– С Линейкиным несчастье.

У меня голова закружилась: опоздала.

– Что с ним?

– Еще неизвестно, бежим в раздевалку.

Там уже действовала Варвара Ванна, наш классный руководитель.

– Что с Линейкиным? – спросила Жанна Степановна.

– Не знаю, не знаю. Позор. Он совершенно здоров. Все это ужасно. Он просто наплевал на коллектив!

– Мне, Варвара Ванна, кажется наоборот: это коллектив плевал на Линейкина.

– Ну, знаете ли!.. – возмутилась Варвара Ванна.

– Где же шестой «Б»? – спросила Жанна Степановна.

– Я приказала Макароновой построить класс и увести отсюда. Поболели, и хватит. Всем пора уроки делать.

Она повернулась и тяжелыми шагами пошла к выходу.

– Линейкин, – спросила я. – У тебя ничего не болит?

Он замотал головой.

– Тогда айда домой.

– Идите, идите все! – угрюмо промямлил Линейкин. – Я буду здесь!

– Ничего, ничего, оставьте его одного, пускай полежит, – сказал врач. – Оставьте!

– Картошкин, – отыскала его Жанна Степановна. – А ты молодец, ты обязательно будешь чемпионом. Только все про тебя забыли.

– Ерунда! – сказал Картошкин. – Вот Линейкина жалко. Я ведь знал, что тут что-то не то...

Мы с Жанной Степановной вышли на поле. Толпа не уменьшалась. Я все думала, может, это я виновата, что так получилось, ведь я все знала, а молчала.

– Бракоделы несчастные! Халтурщики, – бормотала Ромкина мама. – Калоши, и те не могут как следует сделать!

– Пустите меня! Да пустите же! – кричал кто-то и проталкивался через толпу. – Я тоже хочу взглянуть!..

Сначала я не узнала его, а потом оставила Жанну Степановну и побежала к нему.

– Здравствуйте!

Он оглянулся. Это был Чебуреки, и, наверное, он о чем-то догадался.

– Нельзя! Нельзя! – говорил всем старший сержант. – Сами понимаете, нельзя. Все хотят взглянуть, но что будет, если все посмотрят? Вай-вай-вай! Не-ор-га-ни-зо-ван-ность!

Но тут он посмотрел на Чебуреки.

– Там, пон-нимаешь, вероятно, к... калоши, – сказал Чебуреки, заикаясь от волнения.

– Где?

Старший сержант Нигугушвили растолкал зевак, и они вдвоем бросились на дорожку. Я проскользнула вслед за Чебуреки.

Чебуреки упал на четвереньки. Он ощупал калоши и стал качать головой, как будто он был тут один.

– Ничего не получилось... Опять не получилось... Резина потекла...

По спине его колотил старший сержант Нигугушвили.

– Слушай, Чебуреки... Давай, Чебуреки... – тормошил он. – Скорей говори как дела? Мне доложить надо. Это те калоши? Те? Прыгающие, да?

Я сразу узнала: калоши были те самые, в которых я прыгала в парке. И Чебуреки кивнул. Тут Нигугушвили сам увидел белые пупырышки. Он растолкал всех и влез в будку телефона-автомата. Он кричал на весь стадион.

– Докладывает старший сержант Нигугушвили. Вы меня слышите? Напал на след прыгающих калош! Что? Никак нет, не прыгают! Они лежат... Так точно!

Он опять подбежал к калошам и лег на них грудью, чтобы никто к ним не прикасался.

Приехал начальник милиции Ершов, его брат директор калошной фабрики имени тореадора Эскамильо и с ними большая свита. Они стали отрывать калоши от земли.

– А почему они, собственно, не прыгают? – спросил директор фабрики.

– Энергия кончилась, – печально сказал Чебуреки, ощупывая калоши.

– Вот видите, я же говорил, не прыгают калоши! – обрадовался лысый старик в черном костюме, который приехал вместе с директором фабрики. – Я говорил, не прыгают!.. А смотрите, какие тяжелые: не оторвешь!

– Да ты не радуйся, не радуйся, – говорил Чебуреки заведующему отделом самых новых калош. – Можно сделать новые...

Ершов-директор и Ершов – начальник милиции переглянулись и подмигнули друг другу.

Что же касается Линейкина, то о нем все забыли. Только корреспондент Влад Жеребенко, стоя позади всех, внимательно слушал разговоры, потирал руки и про себя приговаривал:

– Давненько мы никого не ругали... Попались, голубчики! Фельетон, только фельетон... На фабрике ротозеи. Это же давно было ясно. А этот чемпион – ну, прямо сам просится в фельетон...

Общими усилиями калоши все-таки оторвали от земли. Но они развалились на части.

– Да бросьте вы их, друзья, честное слово, бросьте, – приговаривал, покашливая, Чебуреки. – Подумаешь, калоши, велика важность! Можно такие интереснейшие штучки сделать. Вот, например...

– Нет, нет и еще раз нет! – замахал руками директор Ершов. – Не надо! Не надо нам никаких штучек! Будем делать именно прыгающие калоши. Именно! И никаких других! Из Большого театра уже интересовались, когда будет первая партия таких калош...

– Тореадор Эскамильо лично станут в них прыгать? – осведомился заведующий отделом самых новых калош.

– Нет, Демон...

– О, конечно! – воскликнул заведующий. – Немедленно будем делать калоши для Демона!

– А Чебуреки почему-то не обрадовался. Он вздохнул, поднял воротник и, прихрамывая, устало побрел домой...

Зря Ромкина мама ругала фабрику, которая выпускает халтуру. Вчера в нашей газете писали, что корреспондент Влад Жеребенко побывал на фабрике имени тореадора Эскамильо. Фабрика готовится выпускать первые в мире прыгающие калоши.

Тот, кому подарят их, может повторить мировой рекорд Ромки Линейкина.

1964, Москва.

ЗАЙЦЕМОБИЛЬ

**Повесть из рассказов,
веселых и грустных**

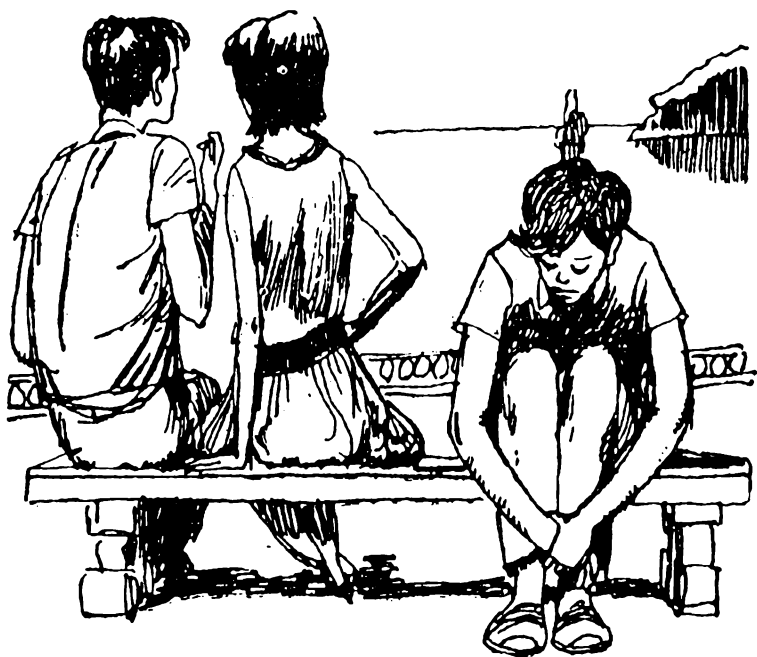

Рис. Г.Блоха.

ДВЕРЬ

Они терпели поражение. Три лошади уже остались без всадников. Враги теснили их к проходу, а там, за проходом, – лестница. Вся надежда была на Генку Усова – лучшую лошадь в классе. Даже когда на нем сидит какой-нибудь слабак, длинный Усов так скачет, что все расступаются. Верхом на Усове воевать одно удовольствие.

Но сегодня они будто чувствовали, что даже Усов не вывезет.

Только началась большая перемена, собралось в полутемном коридоре человек пять играть в «отмерного». Прыг-скок, оседлал – води. Все как в высшем обществе. Новенький Сонкин прыгал через Усова. Усов вообще редко водит. С его ножищами можно прыгать через Тихий океан, в крайнем случае пятки замочишь. А он только улыбается. Рот у него такой, что со спины видно. Если вам через него прыгать, обязательно придется водить. Через шкаф и то легче перепрыгнуть.

Над новичком Гариком Сонкиным все смеялись: он оказался самым маленьким в классе. Прыгнул и оседлал. Надо водить, а у него уже и так мозоль на спине. Сидит на Усове, не слезает.

– Води, Соня!

– Не трать драгоценных минут перемены!

Сонкину водить неохота, он чуть не плачет. Вдруг завелся, обхватил Усова за шею, пришпорил и заорал:

– Война!

– Слушай, Соня, – просит по-хорошему Усов, – слезай. У меня и так бабушку вызывали.

Сонкин будто не слышит. Гарцует на Усове и, сложив руки рупором, кричит:

– Командовать парадом пр-р-иказано мне! Всех пор-р-рублю!

Короче, раззадорил коня. Усов поскакал с гиком.

– Война! Родина или смерть!

Смешались в кучу кони, люди, и черноволосый коротыш Сонкин верхом на Усове врзался в самую гущу боя. А тех, кто был за Усова и Сонкина, уже начали теснить к проходу возле лестницы. Враги кричали «ура!». Им тоже, правда, отвечали, но не так уверенно.

Ну ж был денек!.. Не везло... Почти всех вытолкали на лестничную клетку. Держался один только Усов. Он расставил ноги и руками ухватился за дверной проем. А Гарик Сонкин, сидя на нем, отбивался от всадников. Усова поддерживали сзади. Если вдавят, тогда конец. Наступать по лестнице легко, но отступить некуда. Лестница упирается в учительскую, этажом ниже.

Сонкин выбился из сил, и тут его осенило.

– Подымай! Подымай!.. – закричал он.

Что поднимать? Куда?

– Ослы! Снимайте с петель дверь!

Ай да новенький! Голова!

Послушно приподняли тяжелую белую дверь и только тут сообразили, что задумал Сонкин. Дверь перевернули, и в проем торжественно въехала Великая Китайская стена.

– Со щитом или на щите?!

– Со щитом! – гаркнуло войско.

Теперь уже не страшно численное преимущество врагов. Такого они не ждали, и началась паника. Враг позорно откатывался, отдавая коридор.

– Сдавайтесь, вы! Ура-а-а!..

Тут между криками «ура!» уши различили стук в щит.

– Хитрят, бандиты! – прошептал Гарик. – Двигаем дальше.

– Прекратите! Немедленно прекратите!

Это был высокий женский голос.

– Капут! – сказал Усов.

Перед ними стояла завуч Зоя Павловна. В синем костюме и блузке с кружавчиками. Лучше бы директор. Стыдливо, боясь нарушить тишину, продребезжал звонок.

Они старались незаметно заправить рубашки и дышать не так шумно. Зоя Павловна обвела вокруг пальцем, словно отгораживая их барьером. Остальным приказала:

– Немедленно разойдитесь по классам. Не такое это зрелище, чтобы тратить на него драгоценное время урока.

Сонкин оказался с краю, так что палец завуча очертил границу как раз по нему. Он отклонил голову и потоптался на месте, отодвигаясь. А когда толпа схлынула, перемешался с остальными и исчез.

Войско притихло. Изредка энергично втягивали носами воздух. Это отдаленно походило на всхлипывания и должно было показать, что они раскаиваются.

Зоя Павловна помолчала еще немного. Потом, чеканя слова, произнесла:

– Отнесите. Дверь. На место. Сделайте. Как было. И возвращайтесь.

Едва заметно усмехнувшись, она добавила:

– Не волнуйтесь, я вас подожду.

Они тихо несли дверь обратно, и это было похоже на похороны. Дверь никак не хотела повиснуть на собственных петлях. Если бы был Сонкин, он бы объяснил, как это делать. Усов сказал:

– Навешиваем-то мы сверху ногами!

Перевернули, прищемив кому-то палец, и дверь села на место, будто не снимали.

Подталкивая друг друга, брели обратно. Усов – на голову выше – посредине. Самое невозмутимое лицо у него. Ему всегда попадает, поневоле привыкнешь.

Зоя Павловна, конечно, ждала, не шевельнулась за это время.

– Ну вот. А теперь. Давайте. Вспомним. Кто снял дверь?

Они молчали.

– Молчите? Так вы понимаете честность? Товарища, значит, обидеть нельзя, а школу можно? Вы трусы. Вы просто боитесь его, потому что он сильнее вас. Хорошо! Я сама назову зачинщика и не побоюсь. – Зоя Павловна сделала большую

паузу, давая им последний шанс. – Это... это ты, Усов. Ты! Твой почерк, голубчик. Ты снял школьную дверь!

– Это не Усов, – сказал кто-то.

– Ах, не Усов? – завуч подняла брови. – Не Усов! Вы его еще защищаете! Все в класс! А ты, Усов, пойдешь за мной...

В класс он не вернулся. Значит, забрали портфель и – домой. Алла Борисовна, классная, говорит вздыхая: «Усов – это ложь на длинных ногах». Ноги у него действительно длинные, ничего не скажешь, но ложь его какая-то правдивая. То есть сразу можно догадаться, что он врет. Выходит, он говорит чистую правду. Уроки не сделал – пробки перегорели. Портфель не принес – сошел с трамвая, портфель на трамвае уехал. На другой день нашел в депо. Вечно ему достается: у него вид такой, будто он совершенно ни в чем не виноват. Это всегда подозрительно.

Когда разнеслась весть, что виновник «чепе» – Усов, класс, однако, заволновался. Ведь за чрезвычайным происшествием могли последовать чрезвычайные меры.

В армии Усова было шесть лошадей и шесть всадников. Без него осталось одиннадцать. После уроков провели секретный военный совет на скверике.

– Подумаешь! – говорили одни. – Бог не выдаст, завуч не съест. У Усова сто всяких замечаний, получит сто первое...

– Нет, не подумаешь! – возражали другие. – Кто затеял сражение? Соня! Кто не хотел ввязываться? Усов. Так? Кто предложил снять дверь? Соня! А накажут кого? Усова! Соня, ты у нас новенький. Предположим, ты нам друг, но истина дороже!

– Ах, Соня?! – на всяких случай Сонкин отступил за скамейку и снял очки. – Как война – все, а отвечать – я. А вы где были? Что же вы меня не перевоспитали, когда я дверь снимал? Дверь, между прочим, тяжелая – кто помогал?

Сонкину возражали громко, но не очень уверенно. На этом секретный совет закончился.

Усов появился утром. Вчера номер не прошел.

– Бабушку привести? – с готовностью, но не вовремя спросил он завуча.

Этим вопросом он себя погубил. Зоя Павловна закричала, что на этот раз так просто ему не отделаться. Пускай педсовет решает вопрос об исключении его из школы.

– А про меня не брякнул? – спросил на перемене Гарик Сонкин.

Усов обиделся и отвернулся.

Перед вторым уроком в класс на минуточку влетела Алла Борисовна и, тряхнув желтыми крашеными кудряшками, зашептала:

– Мальчики и девочки, после уроков не расходитесь. Проведем внеочередное собрание. Ох, горе вы мое!..

К Алле Борисовне в классе хорошо относились. Она никогда не воображала, что старше и что учительница. Не кричала, а если сердилась, то переходила всегда на шепот. Вот и сейчас она шептала, и все поняли: завуч велела проработать Усова.

На перемене из класса никто не вышел. Остались шесть всадников плюс шесть лошадей усовской армии и двенадцать врагов. Девчонки, хотя их выгоняли, тоже остались, все девять. Потому что, если девочки чего-нибудь захотят, все равно будет по-ихнему.

Опять началась дискуссия на тему, кто виноват.

– Усов не виноват, он стрелочник.

– Кто же виноват? Сонкин? А все?

– Хорошо, все виноваты, все двенадцать.

– Почему же двенадцать? Двадцать четыре! Кто воевал, те и виноваты...

Тут и девочки загалдели. Они тоже хотели быть виноватыми. Если только мальчишки скажут, что девочки не воевали, не раз пожалеют.

В общем решили, что все должны отвечать, но Усов вдруг влез на парту и пригладил чуб:

– Дураки вы, как я погляжу! – и соскользнул на место.

Усов никогда не высказывался, и его яркая речь произвела неизгладимое впечатление.

– Мы дураки?

– Тебя защищаем, и за это – дураки?

Все столпились вокруг усовской парты, хотя уже звенел звонок.

– Да не меня, а себя, чего там! Всем, мол, меньше попадет. Нужен виноватый. Для примера. Зоя тоже не глупей вас. А то – все! все! Ну и орите!..

Они молча потащились на свои места, потому что англичанка давно колотила журналом по столу.

После уроков Алла Борисовна собрание начала шепотом. Но слышно было прекрасно даже на последней парте. Все знали, что она скажет и что нужно отвечать. Но вот что из этого получится?

Алла Борисовна пожаловалась на тяжелую свою судьбу. Вот классик попался! Ночью просыпаешься и думаешь: а вдруг сейчас что-нибудь творят? Но жаловалась она как-то ласково, и все ей сочувствовали. Вот опять – Усов снял дверь. Сегодня дверь, сказала завуч, завтра – крышу, а послезавтра... Что он снимет послезавтра?

– Ну что, Усов? – грустно спросила Алла Борисовна.

– Не знаю... – пробурчал он.

– Кто же знает?..

– При чем тут Усов? – спросила его соседка Света и посмотрела на мальчишек. – Он же был лошадь! Разве можно судить лошадь?

Все загалдели. Но Алла Борисовна не рассердилась, вздохнула и, тряхнув кудряшками, улыбнулась. Поэтому опять стало тихо.

– Ясно, ясно! – сказала она. – Усов не виноват.

– Правильно, не виноват!

– Конечно!

– Наконец-то! Все Усов да Усов... Он просто задумчивый, вот на него и валят...

– Значит, вы в курсе дела, – облегченно вздохнула Алла Борисовна. – Виновный признался. Я никогда в нем не сомневалась.

– Кто сознался?

– Как сознался?

– Какой виновный?!

– То есть как какой? Тот, который снял дверь и сказал: «Несите ее, ребята, и все будет в ажуре». Сонкин, я не исказила твоих слов? А, Сонкин?

– Нет его! – оглянулась назад Светка и испуганно заморгала. Она даже заглянула в его парту, будто Сонкин мог сложиться, как складной метр.

– А портфель лежит?

– Лежит...

– Ничего не понимаю! – удивилась Алла Борисовна. – Сонкин подошел ко мне в учительской и при всех объявил, что Усов не виноват, дверь, говорит, снял я. Отправила его в класс и пошла к завучу. Зоя Павловна сказала: «Извинитесь от меня перед Усовым и осудите поведение Сонкина». Извини, Усов, Зою Павловну! Ты не виноват.

– Да ладно, чего уж... – Усов покраснел и змеей сполз на сиденье.

Девочки заголосили.

– Алла Борисовна! Сонкин тоже не виноват!

– Нет, Сонкин виноват, я его хорошо знаю. Он тихоня, а тут будто кто-то его подменил. Он новенький и решил, что нужно завоевать ваш авторитет и что-нибудь сделать. Ничего умнее не выдумал.

– А откуда вы его знаете?

Алла Борисовна замолчала, раздумывая, сказать или нет.

– Каждая мать знает своего сына, а он ведь мой сын!

– Сын?! Он ваш сын?..

– Да, сын. Что же тут особенного? Просто он долго жил с бабушкой в другом городе.

– Сын, а наказываете... Сонкин не больше других виноват.

– Это он, чтобы Усова спасти...

– Да он маленький, он и дверь-то снять не смог бы...

Алла Борисовна всплеснула руками.

– Послушайте! Но если не Усов и не Сонкин, то кто же?

– Все! – крикнула Светка Мельникова.

– Весь класс воевал, всех и наказывайте!

– Как вы не можете понять? А еще считаем вас человеком...

– Тише, тише... Верю, что все. Но куда делся Сонкин?

Она даже пошла по рядам, будто хотела убедиться, что ее сын нигде не спрятался, остановилась и побледнела:

– Вдруг с ним что-нибудь случилось?..

– Где же он? Ведь только недавно был...

Всех как ветром из класса выдуло. Алла Борисовна подхватила свою полосатую сумку, набитую тетрадами, и выскочила из класса следом за ребятами.

– Сонкин, где ты?

– Может, он дома?

– На озеро поехал?

– А вы-то хороши! Сонкин виноват! Пускай сознается!
Случится что-нибудь – будете локти кусать...

– Где Сонкин? Нету!

– Карету мне, карету!

Класс выбежал на лестницу, ту самую, ведущую к учительской.

– Чего орете? – спросил голос из-за угла.

На лестничной клетке стоял Сонкин. Ковбойка вылезла из штанов, весь перемазанный, плечом привалился к стене.

– Ты что это?

– Что? Я ничего!

– Смотрите, ребята, дверь!

Дверь, снятая с петель, стояла прислоненной к стене.

– Алла Борисовна, ведь это он тренировался один дверь снимать: думал, не поверят, – сказала Светка.

Девочки всё знают, будто каждый день в школе снимают двери.

– Соня, миленький, ты же надорвешься!..

– Ну, дверь... Что, дверей не видели?

Он раздвинул плечом ребят и ухватился за дверь. Усов хотел ему помочь, но Гарик плечом отодвинул и его. Дверь наклонилась и тихонько заковыляла с угла на угол к своему месту. Сонкин поднатужился, несколько рук ухватилось за дверь, и она, ворчливо скрипнув, села на место.

Усов подал Сонкину сумку, и тот, не оглядываясь, стал спускаться по лестнице. Усов пошел следом, а за ними двинулись остальные.

ТАБЛЕТКИ ОТ ХУЛИГАНСТВА (Рассказывает Генка Усов)

На экскурсии лучше всего идти сзади. Ты видишь всех, а тебя никто. Вынимаешь из кармана веревочку, делаешь петлю. Экскурсовод указкой ткнет, а ты петлю девчонке на косу – раз! И затянул. Отмотаешь метра полтора, второй конец за косу другой девчонке. Тихонько отчаливаешь. А тут путаница, крик, слезы.

– Кто это сделал?

Молчание.

– Кто виноват?!

Молчание. Преступник скрылся – экскурсия продолжается.

В общем я обожаю экскурсии. Только в этом году мы ходили одиннадцать раз. Помните, в музее Чехова долговязая Барыкина зацепилась за половику? Вот хохоту было!..

Куда же нас сегодня поведут? Все равно! На месте выясним. Если заблудимся, отвечает Алла Борисовна. Она у нас молодая и наивная: рассчитывает меня, например, перевоспитать.

Я обогнал девчонок, которые шли под ручку, и крикнул:

– Алла Борисовна, а мороженое дадут?

Все, конечно, засмеялись. А она говорит:

– Усов, ты неисправим!..

То есть вообще меня зовут Ус или Усик. Но по журналу я Усов.

Добрались до выставки, и стало ясно: тут что-то химическое. Мы так галдели, что все стали на нас глазеть и думать: они что – из зоопарка? А мы наоборот – из школы. Просто неорганизованный 5-й «Б».

Пришла экскурсовод. Усталая такая, еще старше нашей Аллы Борисовны. Лет тридцать, а может, больше. Помахала у нас перед носами указкой. Вижу, все стали слушать, а мне скучно. Я больше говорить люблю. Пробираюсь назад. Вы же знаете, мое любимое место позади всех. Вынул из кармана веревочку. Смотрю в глаза экскурсоводу и завязываю петлю. На три пальца надел и держу наготове. Экскурсовод говорит:

– Перед вами...

Не расслышал я, что перед нами. В этот момент я как раз надел петлю на косу Мельниковой. Затянул и... слышу, экскурсовод замолчала. Значит, увидела. Развязал я веревку и стал от скуки глазеть по сторонам. Тут и увидел на витрине таблетки.

– А это что? – спросил я как можно громче.

Экскурсовод прервалась и сказала:

– Это, мальчик, тебя не касается!..

Я очень упрямый. Кода мне говорят «не касается», значит, это именно меня касается. И я сказал:

– Может, вы не знаете, что это за таблетки? Тогда так и скажите: не знаю.

Ребята затихли. Я рассчитывал, она обидится. Не обиделась.

– Невежливый ты мальчик! – говорит. – Ну, ладно, так и быть, скажу. Это новые таблетки. Как только человек проглотит, перестает хулиганить...

Класс насторожился. Мишка Гаврилов даже перестал крутить пуговицу у Людки на фартуке. Он перестал вовремя, потому что пуговица уже висела на одной нитке. А экскурсовод смотрит на меня в упор и спрашивает:

– Хочешь попробовать?

– Нет, – отвечаю, – я неисправим.

Девчонки захихикали, а ребята из солидарности молчат.

– Не надо мне зубы заговаривать. Про меня соседка сказала: «Куда глядит ихняя школа?.. Только в гробу этот тип перестанет хулиганить». Вот это правильно. А вы – таблетки...

Экскурсовод пошла в другой зал, класс за ней. Ну и я. Делать абсолютно нечего, веревочку потерял. Порылся в карманах: может, гвоздик завалился – в спину Птичкину ткнуть. Но и гвоздика нет.

Стал я думать про таблетки от хулиганства. Что, если это правда? То есть, скорей всего, нет. Но вдруг? Имею, скажем, я такие таблетки. Само собой, мне они ни к чему. Даю я их небезызвестному Ваське Гоголю из 5-го «А». И... беру его на перевоспитание. После вся школа будет удивляться. За пять минут сделал из него человека.

Я понял, что мне дозарезу необходимы таблетки. Может, за ними я и пришел сюда. Но кто мне их даст? Остается одно: взять. Думаете, я не знаю, что чужое брать нельзя? Знаю не хуже вас. Но ведь я не для себя!

Тихо, чтобы не оторвать от важного дела экскурсовода, пчусь назад. Скользнул в соседний зал и был таков. Теперь быстрее, чтоб староста меня не хватился. Только бы экскурсовод рассказывала поинтереснее!

Вот и таблетки. Лежат на столе. Я подождал, пока тетечка, которая круглые сутки караулит экспонаты, зевнула и прикрыла глаза. Схватил прозрачный пакетик и – в карман. Ругайте меня последними словами. Назовите даже дураком. Правильно. Но ведь я хочу, чтобы Васька Крынкин, по кличке Гоголь, стал человеком!..

– Усов! – услышал я строгий голос Аллы Борисовны. – Экскурсия тебя не касается?

– Касается, – безропотно сказал я и стал догонять ребят. Увидев меня, Мельникова наклонилась и прошептала:

– Ты что, Ус, бегал за мороженым?

– Ага, – сказал я.

– Шоколадное? – с завистью зашептала она.

Я поднял вверх большой палец. Моя рука лежала в кармане на таблетках.

Потом экскурсия кончилась. Нас повели в гардероб. Я забыл про таблетки, не до них. Надел свою шапку, сверху шапку Сонкина, а на нее Светкин капор. Визгу было! Пришел домой. Дома, как всегда, никого. Заглянул в портфель – уроков полно. До прихода бабушки лучше, само собой, не делать. Все равно не поверит. Это уж как пить дать. Может, сбежать на

часок во двор, банку из-под гуталина клюшкой погонять? Но вчера Сережке из седьмого подъезда банкой ухо поцарапали. Теперь старушки следят, чтоб в хоккее не играли. Да и темно уже, все по домам разбрелись.

Сидел, сидел на кухне один. Вспомнил, вытащил таблетки. Беленькие. Вроде ничего особенного. А если и вправду в них что-то есть?.. Ждать до завтра, чтобы на Гоголе проверить, или не ждать?.. Посмотрю, что будет. Все равно делать нечего.

Положил таблетку на ладонь. Взял в буфете чашку, налил из крана воды. Была не была! Бросил таблетку на язык и скорей запил водой. Чуть не поперхнулся. Какая она на вкус, спрашиваете? Вроде сладкая и горчит чуть-чуть. Выдумают, ей-богу! От хулиганства, а!..

Допил воду, сижу на стуле и жду, что будет. Что-то вроде загудело. Нет, это унитаз за стеной заурчал.

Долго я ждал, так ничего и не ощутил. Правда, хулиганить не хотелось. Совсем. Наверно, немного подействовало. Раз делать было абсолютно нечего, сел за уроки. Сделал арифметику, начал русский.

Тут бабушка пришла. Скоро котлеты сделает. Мы всегда с ней котлеты едим. Она говорит, что котлеты – лучшая еда на двоих. Это она намекает, что нас с ней бросили. Что подделаешь, если отец раздвоился и теперь в другой семье. Там у него двое детей. Я его редко вижу. А мать в Сибирский филиал института перевелась, меня у бабушки оставила.

Бабка сегодня странная. Веселая. Не стала кричать, говорит: – Ты небось голодный? Сейчас котлеты поджарю. Уроки сделаешь – в кино пойдем. На четыре часа. В Доме культуры новый фильм.

Я пошел в ванную. Дай, думаю, посмотрю в зеркало. Может, у меня на лице заметно, что я таблетку принял. Никогда меня бабка в кино не звала. Смотрю: на лице вроде ничего, пятен никаких нет.

Сел уроки доделывать. Потом сходили в кино. Мороженое ели. После еще в книжный зашли. У бабки, оказывается, поллучка. Тридцать пять рубликов чистеньких. Купила мне книжку. Я ее читал, пока спать не легли. Интересная, между прочим, книжка. Из-за нее я забыл следить за тем, что со мной будет от того, что я таблетку принял.

Бабушка утром уходит на фабрику к семи.

– Усов, – шепчет она на ухо. – Вот тебе два рубля. Купишь батон, масла, котлет. Если успеешь, кровать прибери и посуду вымой.

Потом я заснул. А проснулся, потому что будильник звонил.

Умылся я, оделся, котлеты съел, хотел в школу идти. И жалко мне мать стало. Если б от вас муж ушел, вы бы не смеялись. Она одна, хотя и молодая совсем. Это я у нее хомут на шее. Куда ей меня деть? Вот бабка со мной и мыкается.

Вымыл посуду, постелил кровать. В школу пришел – звонок уже отзвонил. Вошел в класс, Алла Борисовна спрашивает:

– Ты что, Усов?

Хотел сказать, как всегда: проспал. Но после вспомнил:

– Да я посуду мыл!

Мальчишки засмеялись. Училка на них цыкнула, а меня за опоздание – похвалила. Но не успел я на место сесть, спрашивает:

– А как у тебя с домашним заданием, Усов?

– Сделал, – буркнул я и испугался.

– Анекдот! – сказал кто-то на задней парте, и снова в классе засмеялись...

Ну, а после все уже неинтересно. Пошел и ответил. Алла Борисовна жирно мне в дневнике четверку вывела. Вот влип в историю! Сколько помню, никогда больше тройки не получал. Сидел, в кармане таблетки нащупывал и все думал, пока на большой перемене кто-то не стукнул меня по плечу. Оглядываюсь – Гоголь.

– Ты что, как вареный рак, сидишь? Пошли на чердак курить?

Курить мне всегда противно. Но нельзя это показывать. А тут еще таблетки... Чего, думаю, один страдаю? Сейчас я тебе, Гоголь, такую пилюлю подсуну! Будешь четверки получать и посуду мыть.

Пришли на чердак.

– Слушай, – говорю, – я таблетки такие достал на выставке! Вместо сигарет действуют.

– Врешь! – говорит.

– Официально, – говорю. – Попробуй.

Вынимаю таблетки и одну даю ему. Он положил на язык.

– Сладкие, – говорит. – Тьфу!..

И выплюнул. Закурил.

– Дурак! – говорю. – Чего ты понимаешь? Не хочешь, я один буду сосать.

И съел еще таблетку. Все равно уже действует. По географии с одной таблетки на четверку натянул. Два урока прошло, а меня ни разу не выгнали.

Ушел я от Гоголя. Сидел на русском и вдруг почувствовал, что боюсь. Волнуюсь, и все. Никогда со мной такого не бывало. А тут Светка Мельникова (кто ее просил?) говорит:

– Усов сегодня все уроки выучил! Спросите его, а?!

Противно себя чувствуешь, когда краснеешь. Но ответил. Даже сам удивился.

Из школы я пошел в магазин, все повторял:

– Батон, масло, котлеты. Батон, масло, котлеты...

А то забудешь еще! Вдруг кто-то у меня портфель выбил из руки. Оглядываюсь: Гоголь. Я таких шуток не прощаю. Поднял портфель и ему по спине врезал. Васька аж охнул. Подумал я и для памяти еще раз. Жаль только, из-за этого про масло забыл. Батон помнил, котлеты помнил, а про масло забыл. Только дома вспомнил и жарил котлеты на воде. Тоже ничего получилось.

Ребята в окно кричали, звали в хоккей играть – не пошел. Я, говорю, болен. Лечусь. И таблетки показал. Только головами качали.

Сел было за уроки. Таблетки все нейдут у меня из головы. Вот сила какая в медицине! Интересно, сколько это будет продолжаться? Не век же! Тройчатку выпьешь, а через неделю, если об лед треснешься, голова опять трещит.

Вдруг понял я, отчего мне плохо. Может, я и хулиган, это весь двор говорит. Но воровать ни за что не стану. Что я – уголовник какой-нибудь? За это знаете что? Вон спросите Сеньку Кряка из четвертого подъезда. Семь лет в лагерях отдыхал. Сейчас на токаря учится, а у нас во дворе есть профессор моложе его.

Надо вернуть таблетки. Конечно, трех штук не хватает. Но я заплачу. У меня осталось семьдесят пять копеек. А если масло не купить, рубль сорок семь.

Поехал на выставку. Где ее найдешь, экскурсовода? Сейчас ругаться будет. Еще и в милицию позвонит. Вижу: идет она с указкой к группе. Класс вроде нас, только ведут себя как люди. Тут я к ней бросился.

– Тетя, – говорю. – Вы меня не помните. Я, который хулиганил...

– Который что?

– Вчера вы сказали, что таблетки от хулиганства?..

Она засмеялась.

– Ну и что?..

– Я вот... вы меня, в общем... взял пакетик с таблетками попробовать.

Она не рассердилась. Переглянулась с тетечкой, которая сторожит.

– И как? Попробовал?

– Попробовал.

– Помогло?

Я опять покраснел, как промокашка, когда кляксу красной тушью поставишь.

– Не знаю... вроде сегодня помогло.

– И веревочку на косы не привязываешь?! – сказала она. – Вот и хорошо! А что таблетки взял, ничего. Завод их присылает для посетителей.

– Долго они... действуют?..

– Что?.. Ах, действуют... Действуют, да... То есть нет, не долго. Надо глотать по две таблетки в день – утром и вечером. Так что возьми побольше. Сегодня как раз привезли в новой упаковке.

И она ушла с экскурсией.

Я сунул шапку под мышку и вошел в зал. Вот они, таблетки: лежат на столе под огромной фотографией. Теперь они в красных пакетиках с желтой полоской. Спрятал в карман три пакета. Поглядел на тетечку, которая сторожит, взял еще десять: весь класс накормлю. Тетечка улыбнулась, ничего не сказала.

Выскочил я на улицу, вынул пакетик, а на нем написано: «Принимать по две таблетки в день. Витамин С с глюкозой».

«А У ВАС ЕСТЬ КВИТАНЦИЯ?»

Старый репродуктор, болтающийся от коридорного ветра, хрюкнул и весело заговорил голосом старшей вожатой:

«Все вы знаете, что олово – ценнейший металл и собирать консервные банки – почетное дело. Но почему-то этого недопонимают ученики пятого «Б», где председателем совета отряда Миша Гаврилов. Этот класс, ребята, сдал олова вдвое меньше, чем пятый «А», который находится в том же коридоре. Спрашивается, есть ли у ребят из пятого «Б» гордость?..»

– Гордость, гордость!.. – передразнил Мишка и покраснел.

Ему казалось, весь коридор смотрит на него.

Репродуктор опять хрюкнул и запел хором:

«Наверх вы, това-арищи, все по местам,

После-е-дний пара-ад наступа-ает...»

Большая перемена, а все настроение испорчено. Не успели сделать председателем, как уже ругают. Ведь сами же выбрали для укрепления руководства. Легко сказать! Отец Мишкин всегда говорит, что главное – уметь работать с кадрами, умело руководить людьми.

Гаврилов учел критику и решил быть таким, как папа. Вечером спать не ложился до ночи, хотя глаза слипались, дождался отца и спросил:

– Пап, а как работать с кадрами? Меня как раз назначили...

В сущности, это не так уж просто. – Отец похлопал Мишу по шее и отставил недопитый стакан с чаем. – Прежде всего

сумей объединить всех. Придумай интересное дело, увлечи какой-нибудь общей задачей. Тогда за тобой пойдут...

– Вот именно! – сказал дедушка и одобрительно посмотрел на отца; он всегда ему поддакивал.

Отцу легко говорить, он всю жизнь руководит. А каково Мишке? Увлечь, это он понял. Но как их увлечь, такие трудные кадры? Светка Мельникова целый день перед зеркалом. Гарик Сонкин в зоопарк ездит проверять бегемота. Усова бабушка заставляет дома сидеть, чтобы он не хулиганил, а остальные – кто в футбол, а кто в кино. Как работать с такими тяжелыми, отсталыми, несознательными людьми?

Миша вздохнул и пошел спать.

На следующий день он ничего не придумал и боялся, что его опять будут ругать в школьных известиях. Но вожатая рассказывала вообще о кораблях, танках и подводных лодках, сделанных из лома, собранного руками ребят, и советовала всем над этим задуматься.

Мишка думал изо всех сил, но ничего такого не выдумывалось.

Вечером, едва он уроки сделал, вошел дед:

– Мишенька, внучек, возьми бутылки. Пока магазин не закрылся, сбегай за молоком, я забыл на утро купить.

Вот так всегда. Из-за дедовой рассеянности никогда не сосредоточишься.

– А крышечки где? Это же олово – ценнейший металл! Опять выбросил?..

Забрал Миша на кухне пустые бутылки, хлопнул дверью (пускай дед не думает, что это удовольствие!) и пошел в магазин.

К молочному не подойти: тротуар загородил оранжевый фургон – ящики с бутылками увозят. Рабочие шумно таскают ящики и кричат:

– Па-асторонись!..

Гаврилов пролез между ящиков в магазин, взял молоко и опять вышел на улицу. И тут возле столовой, что рядом с молочным, увидел гору консервных банок от болгарского компота. Мишка чуть бутылки с молоком от радости об асфальт не разбил. Это же просто блеск! Золотой прииск. Вернее, оловянный!..

Нельзя терять ни минуты. Но пока он всех соберет и нацелит, поздно будет. Мало ли из какого класса мимо пойдут.

– Дедушка, – спросил он, прибежав домой, – а как ты собирал людей на сходку, когда надо было срочно? Я двадцать раз слышал, но позабыл...

Дед обрадовался, даже глаза заслезились. Он старый подпольщик, в маевках участвовал. Раз его даже в школу пригласили. Дед надел медали и выступал.

– Я заходил к Санычу, – сказал он, – моему соседу, и к Ваське, слесарю вагонного депо. Каждый из них шел еще за двоими, получалось уже семеро. А те еще заходили, каждый к двоим. Через полчаса собирались, стол для конспирации всякой всячиной накрывали и читали воззвания, листовки, всякие книги запретные...

– Ясно, ясно, дед! Дальше я знаю...

Гаврилов-младший бросился к телефону.

– Сонкин, у тебя мешок есть?

– Не знаю, а что?

– Бери мешок, бери веревку и беги к столовой, понял? К какой? Ну, что возле молочного! По дороге зайди за Усовым и за Светкой. Пускай тоже с мешками к столовой бегут. Скажи, срочный сбор. Да, еще пусть каждый из них за двоими зайдет, понял?

– А что там дают, в столовой? – спросил Сонкин. – Я только из зоопарка приехал, устал. Бегемот сегодня грустный такой, ест плохо. Одно расстройство.

– Слушай, Сонкин, не отвлекай ты меня своим бегемотом. Тут олово, понял? Ищи мешок, понял? Пока!

Больше ни у кого телефонов не было.

У столовой, когда Мишка подошел, собралась треть класса. Усов мешка и веревки не нашел, пришел с удочкой.

– Леска крепче веревки, вы не думайте!

– Никто и не думает...

Мать дала Светке на всякий случай два мешка. Светка стояла и гляделась в зеркальце.

– Кадры все в сборе? – строго спросил Мишка. – Будем начинать... Консервные банки – почетное дело. Видали? Тут их столько, что мы сразу выходим на первое место. Светка, брось ты свое зеркало. Нашла время!..

Светка испугалась и спрятала зеркальце в карман.

– Вам чего здесь надо? – накинулся на них прохожий.

Другой ему возразил:

– Ладно, не трожь их! Пушай собирают, все равно вывезти. Они сдадут, конфет купят.

– Взрослый называется! – возмутился Мишка. – Мы за честь класса боремся, а не за конфеты.

Все ребята столпились вокруг банок и смотрели на Мишку.

– Куда их нести-то? – спросила Светка.

– Сдать надо в «Утильсырье». И квитанцию получить.

– Сдашь, как же! «Утильсырье» давно закрыто.

– Знаете что? – Светка искала выход. – Давайте разделим банки и отнесем по домам. Утром в школу принесем.

– Домой? А если не пустят? – засомневался Генка.

– Не пустят?! – возмутился Мишка. – Консервные банки – почетное дело...

– Вот ты и неси домой! Если тебя не прогонят, тогда и мы попробуем.

Мишка был не очень уверен, что его пустят, но боялся в этом признаться, чтобы не подрывать свой авторитет.

– Меня точно пустят, – сказал он. – Пускай лучше Усов попробует. Если его пустят, понесем. Иди, Усов, не бойся. Через десять минут не вернешься – значит, порядок.

Усов взял у Мельниковой один мешок, наложил банок. Смотрел с удочки леску завязать мешок, но оторвать не смог и замотал снова. Поволок мешок и удочку, банки загромыхали.

– Да ты потише, Усище, а то точно не пустят!

Генка вздохнул, взвалил на плечо мешок и исчез в темноте.

К вечеру дождик зарядил, мелкий такой. Капли с крыши по банкам забрякали. Все ежились, промокли. Даже остричь не хотелось.

Усов не пришел.

– Вот видите, – сказал Гаврилов и важно надул щеки. – Я же говорил – пустят! Давайте делить банки, кто сколько унесет.

Стали ворошить банки, пинать ногами. Получился эдакий музыкальный муравейник. Разгребли на кучи, затолкали в мешки.

– По домам?

– По домам!

Тут вернулся Усов. Мельникова села на мешок.

– Усик, бедненький...

Генка насупился:

– Бабка сказала, у нас квартира – не помойка и чтоб я убирался, но потом быстрее возвращался обратно.

– Вообще-то всем домой надо, – вздохнула Света.

Все смотрели на Мишку. Для председателя совета отряда главное – быть на высоте.

– Давайте так, – бодро скомандовал он. – Отнесем банки к школе. Быстро! Раз-два...

Мишка не стал ждать вопросов, первым взвалил на плечи мешок, покачался немного под тяжестью и зашагал. Немного погодя оглянулся. Вдоль всего квартала растянулся, побрякивая, караван. Последним качался длинный Усов с двумя мешками. Светка несла его удочку. Прохожие сходили с тротуара на дорогу, оглядывались.

У школьного крыльца выросла гора – Эльбрус о двух головах. Гаврилов взошел на самый перевал и огляделся. Ух ты, какой вид! Утром вся школа будет слюнки пускать от их компота! А на большой перемене по радио непременно объявят: «Особенно отличился кто? Пятый «Б». Вот как нужно работать с кадрами».

К ночи еще похолодало.

– Так что? – спросил Усов. – Теперь можно домой?

Вечно он так. Не даст порадоваться, задает мрачные вопросы.

– Как это – домой? – говорит Светка. – Не успеешь отойти, всё унесут.

– Вы все идите, я один останусь, – Мишка сам не знал, как это у него вырвалось.

– На всю ночь?!

– Что же делать? Сонкин, зайди ко мне, передай родителям, что я на посту.

– Да ты замерзнешь! Давайте уж лучше по очереди дежурить.

– Вставать как? – спросила Светка.

– Как, как! По будильнику!

– А если меня мама будит?

– Поднимите руки, у кого мать вместо будильника, – сказал Гаврилов. – Прошу опустить! Остальные пускай дежурят, кроме девчонок, конечно. Их все равно не постят.

Генка подумал, что его тоже, наверное, бабушка не пустит, но сказать не решился.

Мишка тем временем вынул блокнот и шариковую ручку (с тех пор как его сделали председателем, он всегда носил их с собой, уже два дня). Гаврилов составил список дежурств до утра, до самого первого урока.

– Кто проспит, исключая из отряда, поняли?

Отец своих друзей всегда по телефону честно предупреждает: «Если не сделаешь – уволю».

– Меня, наверно, – решился сказать Усов, – ни за что мать не пустит ночью. Как быть?

– Дело твое...

Все разошлись, кроме Гарика Сонкина.

Гаврилов записал себя охранять банки сразу после Сонкина, который остался. Пришел домой – спать так захотелось, что сразу забрался в кровать. Будильник завел и положил под подушку. Только часы щелкнули, Мишка сразу вскочил. Никак не мог спросонья понять, что к чему. А вспомнил – скорей оделся и побежал к школе.

– Миша, внучек, не беги так быстро, – слышит он позади себя тяжелое дыхание.

Оглянулся – дедушка за ним поспешает.

– Ты это куда, дед?

– С тобой. Куда ж ты один на ночь глядя?

– Зачем со мной? Я что – маленький? Ведь ребята смеяться будут. Авторитет мой подрываешь...

– Да ты не волнуйся, Миша, – сказал дедушка. – Я на твой авторитет издали погляжу. Никто не заметит.

Мишка махнул рукой и побежал дальше.

Лужи к ночи замерзли, стало сухо. Прибежал Мишка, видит: Сонкин на одной ноге вокруг Эльбруса прыгает.

– Как?

– Нормально. Милиционер проходил, спрашивал, в чем дело. Я говорю: охраняем общественное имущество. Он руку сунул в один мешок. «А, – говорит, – валяй охраняй». Ну, я побежал, а то мать с ума сойдет.

Сонкин убежал, но вернулся.

– Слушай, как ты думаешь, по теории вероятности тут не может полной банки с компотом быть? А то лопать охота...

– По теории может, а по практике вероятности нет, – строго сказал Гаврилов, оглянувшись, слышит ли дед, какой у него авторитетный внук.

И, не найдя его глазами, добавил:

– Иди спать!

Скоро Гаврилов замерз и тоже стал прыгать вокруг банок на одной ноге. Круг налево, круг направо. Прыгал, прыгал, вдруг слышит из кустов:

– Ты бы отдохнул, Миша, а то запаришься. Домой-то скоро пойдем?

– Сдам вахту – и пойдем.

– Сдавай скорей, а то я замерз.

Мишка и сам чуть не засыпал стоя. Время истекло, а никто не являлся. Гаврилов вытащил из кармана блокнот и при тусклом свете фонаря прочитал фамилию следующего дежурного. Усов... Допрыгался, голубчик. Персональное дело.

Кто-то прижал ладони к его ушам. Мишка хотел повернуться, но не смог. В этих случаях остается только угадать, кто стоит сзади тебя. Нашли тоже время дурачиться!

– Ус, ты? Пусти скорей!

Руки разжались – сзади оказалась Светка. Она захохотала и сказала:

– Иди скорей домой. Охранять буду я.

– Ты? Ты же девчо...

Он недоговорил. Недалеко от Светки стоял человек и держал в руках термос. Это был Светкин отец.

– Усова мать не пустила, – сказала Светка. – Я... то есть мы с папой вместо него пришли.

– Ну-ка, держи чашечку горяченького чайку! – сказал Светкин отец.

– Я вообще-то с дедушкой. Вернее, он со мной, – пробурчал Мишка.

– Вот и ладно. Деду тоже чайку нальем.

– Выходи, дед! – крикнул Гаврилов. – Тут чай дают.

Дед вышел из кустов, потягиваясь. Видно, подремал на скамейке. Они выпили чаю и двинулись домой.

Утром Мишка, как ни странно, вскочил без будильника. Дедушка удивился, что не пришлось торопить завтракать. Внук проглотил все быстро, как мог, и помчался в школу. Отцу

даже машину еще не подали. Гаврилов хотел прийти первым, проверить, как шло дежурство. А возле банок уже стоял Усов. В шесть часов, когда светать начало, бабушка его из дому выпустила. Он прибежал и два часа продежурил.

На другое утро все собрались у школы пораньше, но входить в класс никто не хотел. Хорошо бы, конечно, думал Мишка, сейчас сфотографироваться для стенгазеты. Надпись сделать такую: «Пятый» класс «Б» на фоне собранного им олова». А может так: «Председатель совета отряда Миша Гаврилов дает указания пятому «Б» как собирать банки»? Или нет, лучше просто: «Председатель М.Гаврилов на пьедестале почета из своих банок». В крайнем случае надо будет поручить Светке нарисовать это в стенгазете.

Вокруг толпа стояла до самого звонка. Так что из-за толпы и Эльбрус казался не очень большим.

Едва звонок прозвенел, из двери вышла Алла Борисовна:

– Простите, вы случайно не из этой школы? – пошутила она.

– Да мы...

– И слушать не хочу. Ну-ка, в класс с космической скоростью. Гаврилов, дружок, под твою ответственность!

Убежала, стуча каблучками.

Даже консервные банки не взволновали. Мишке – ни слова благодарности.

Пошли в класс. Пока англичанка Мария Александровна медленно шагала по коридору со своим огромным портфелем, все ее обогнали и расселись по местам. Мишка влез на парту и сделал яркий доклад о том, что теперь гордость у них есть, они точно обошли пятый «А», собрали металлолома килограммов, наверно, тридцать. На большой перемене быстро его сдадут и получают квитанцию. Жалко, что в школе только радио и нет телевидения, а то бы квитанцию можно было показать всем. Да здравствует пятый «Б»! Ура!

Тут Мишка ощутил, что все смотрят на него.

– Гаврилов, хау ду ю ду?

– О'кей! – радостно сказал он.

– Вери уэлл. Раз ты такой активный, иди отвечать. Уот дид ю припеа естеди, комрад?

Мишка учил, а что, вспомнить не мог.

– Так что же ты вчера готовил, Гаврилов?

– Банки, – сказали с задней парты.

Тоже, остряки! Как будто лично Мишке олово нужно.

В общем, обзавелся Гаврилов двойкой. Отец скажет, что сын позорит его фамилию, а бабушка будет вспоминать, как в детстве у него не было возможности учиться...

На перемене, после английского, к Мишке подошел Гарик.

– Не расстраивайся, исправишь. Двойка – ерунда. У нас сегодня большой день.

Действительно, большой. Такое дело провернули! А чья идея? Мишкина. Впрочем, и кадры тоже ничего, справились с поставленной задачей.

– Ой! – застонала Светка и, вбежав, чуть не упала прямо у двери. – Ой!..

– Что – ой?..

Все повскакали с мест, но Мельникова только вращала глазами и открывала рот, как рыба. Наконец она отдышалась:

– Банки... Банки исчезли! Я бегала посмотреть. Нету!

Звонка на второй урок не слышали. А когда урок все-таки начался, гул стоял – ничего не разберешь. То ли урок, то ли перемена. Писали друг другу записки. «Гаврилов! Заяви!! В милицию!!!», «Если украли, пускай отдадут, а то хуже будет». (Вместо подписи – череп и скрещенные кости.) Неизвестный прислал сообщение, что у них во дворе есть немецкая овчарка. Можно ее одолжить, и она по запаху компота элементарно найдет банки. К записке прилагался набросок овчарки, которая была похожа на осла.

Только прозвенел звонок на большую перемену, рванулись всем классом в «Утильсырьё». Светке ногу задавили, но, и прихрамывая, она бежала впереди.

«Говорит школьный радиоузел, – раздался из репродуктора голос вожатой. – Пятый класс «А» одержал новую большую победу. Сегодня утром он сдал еще двадцать килограммов консервных банок. Спрашивается, есть ли у ребят из пятого «Б» гордость?..»

– Есть, есть у нас гордость! – подтвердил Мишка.

И тут проник в глубины его сознания истинный смысл слов, донесшихся из репродуктора. Мишка повернул из вестибюля назад, в коридор.

– Это дело рук пятого «А»! Поняли?! – задыхаясь, крикнул он.

Все повернули. Светка отстала и, прихрамывая, добежала последней. В дверях пятого «А» остановились сопя. Гаврилов вышел вперед.

Пятый класс «А» собрался в куче, слушал радио и изредка подбадривал себя радостными репликами.

– Только не кричи, узнай сперва, – шепнул Мишке Гарик.

– А где вы взяли эти двадцать килограммов? – спросил Гаврилов.

– Где взяли, там нету!

– Товарищи, поделимся опытом с юными коллегами!..

– Да чего там... – вышел вперед Крынкин, пошевелил нижней губой и сплюнул. – Я сёдни проспал маленько. В школу, значит, двигаюсь, урок начался, а она тут как раз лежит, родимая.

– Кто – она?

– Да банка... Ну, мне что? Урок идет, и я иду. Стал таскать мешки в ларек. Раз двадцать сходил – как раз первый урок кончился, все оформил в лучшем виде...

– Слушай! – Мишка почувствовал, как комок становится у него поперек горла. – Но ведь это же наш болгарский компот!..

– Ваш? Если ваш, чего ж вы его не сдали?

– Просто мы не успели!

– Вот видите, не успели! – сказал Крынкин. – Вожатая что говорит? Олово – ценнейший металл. Оно нужно для ракет и кастрюли паять. А вы – не успели. Компот ваш – банка наша...

– Чего с ними толковать? – зашумел пятый класс «А».

– Мы завтра еще никелированную кровать сдадим – одна соседка выбрасывает. На ней набалдашники из олова – с кулак.

– Да вы просто завидуете!

Мишка растерянно оглянулся на свои кадры.

– Завидуем? – не выдержал Усов и вышел вперед. – Мы завидуем? Да это мы банки вчера у столовой собрали и всю ночь дежурили.

– Вы?! Чем докажете? Чем?.. А у нас квитанция...

Генка сжал кулаки.

НЕ ВЫШЕ ЧЕТВЕРКИ!

Никто не понял, за что англичанка вежливо попросила Генку Усова удалиться из класса. Генка стоял, облокотясь о подоконник, и от скуки разглядывал морозные узоры на окне, когда в коридор следом за ним прошествовала Светка Мельникова. Ее тоже выгнали. Она поставила локти рядом с Усовым на подоконник и стала болтать.

– Нам-то что: учи – не учи, на троечку вытянут. А учителей знаешь как ругают, если они много двоек ставят!

– Кто ругает?

– Ясно кто – завуч... Нам-то что! А вот Сонкину совсем плохо.

– Почему плохо? – удивился Генка.

Гарик Сонкин был без пяти минут отличником и лучшим математиком в классе. Он даже занимался с Усовым как с отстающим. И вдруг у Сонкина дела совсем плохи...

– У Сонкина – никакой перспективы, – твердила Светка, – потому что он ее сын.

– Чей сын?

– Да Аллы Борисовны!

– Ну и что?

– Ты сегодня, мягко говоря, несообразительный, – возмутилась Светка. – Во-первых, представляешь, иметь дома учительницу! У них под окнами опилки видел?

– Откуда? – не понял Генка.

– Да она его с утра до ночи пилит и пилит. Читает ему нотации: делай то, не делай этого!

– Не-е, – возразил Усов, – вроде бы Алла не такая...

– Не такая? Откуда ты знаешь? Все училки одинаковые! Во-вторых, как бы он ни учил, все равно выше четверки она ему ни за что не поставит. Даже если он на шесть будет знать! Она ему, наверно, все уши прожужжала, чтобы он ее не позорил. «Представляешь, что будет, если мой сын будет учиться плохо?»

Мельникова здорово научилась подделывать голос Аллы Борисовны.

После уроков Гаврилов, которого, кроме председателя совета отряда, завуч велела выбрать старостой, собрал весь класс.

– Четверть кончается, – сказал Мишка, – а у нас на сегодняшний день ни одного отличника. Во всех классах есть, а у нас ни одного. И это всех тянет назад. Мы тут посоветовались и решили: надо срочно вырастить отличника в своем коллективе! У кого есть предложения?

– Усова! – сказали сзади.

Все засмеялись.

– Нет, ребята, это несерьезно, – сказал Мишка, не поняв юмора. – Из наших кадров есть налицо только один человек, подающий надежды, – Сонкин. Его и будем выращивать. Сонкин, у тебя по каким четверки?

– По алгебре и по геометрии, – вяло отвечал Гарик.

– Слушай, Сонкин, не посрами честь класса. Исправь на пятерки!

– Все равно ему пятерок не поставят, – сказала Мельникова. – Не думайте!

– Как ты считаешь, Сонкин? У тебя есть мнение? Скажи!

Сонкин пожал плечами. Жизнь у него действительно трудная. Дома мать как мать (не пилит она его, конечно, а если и пилит, то не больше, чем другие матери). А в школе он должен собственную мать звать по имени и отчеству – Алла Борисовна. Чтобы быть «как все». Не скажешь же на уроке: «Мам, дай тетрадку».

– Вы решайте, что хотите, только бесполезно это, – заявил Сонкин. – Лучше я еще с Усовым подзаимусь, чтобы у него двоек за четверть не было.

– Чего со мной заниматься? – возмутился Усов. – Я сам тебе помогу.

В классе опять засмеялись.

Алла Борисовна всегда заставляла сына заниматься с Усовым. И Генка был уверен, что именно из-за этого Сонкин отстает: времени ему не хватает.

Постановили, что Гарик Сонкин будет заниматься изо всех сил. Усов тоже будет заниматься, но отдельно от Сонкина. И тогда в классе будет один отличник и ни одного двоечника.

Генка очень переживал за своего репетитора. Каждый день спрашивал:

– Ну как, занимаешься? Может, тебе помочь?

Четверть близилась к концу, выпал чистый снег, который уже успел закоптиться, и продавались новогодние елки. Просыпаться стало трудно: светало поздно, и очень хотелось еще поспать.

Учителя суетились, выводили жирно четвертные оценки, доспрашивали тех, кого не успели спросить. Для тех же, у кого было по две и по три отметки по отдельным предметам, практически начались сидячие каникулы.

Алла Борисовна прибежала на урок, и все были уверены: она тоже будет спрашивать. Но она тряхнула копной желтых волос и сказала:

– Чего там исправлять? Кто в четверти занимался, тот занимался, кто нет – нет.

Она думала, что класс возмущенно зашумит, и, наверное, заготовила какую-то остроумную фразу, чтобы всех утихомирить. А стало тихо. Подозрительно тихо. Прямо как на экзаме. Даже в парте никто не шуршал.

– Вы что, умерли? – спросила Алла Борисовна. – Вы же знаете, я не люблю, когда в классе тихо.

Все это знали, и именно поэтому была тишина. Все смотрели на Гаврилова. Мишка поднялся.

– Алла Борисовна, мы тут посоветовались и приняли решение бороться.

– Бороться? Это очень хорошо, Гаврилов! С кем?

– Не с кем, а за что. Мы решили бороться за то, чтобы у нас в классе не было не только двоечников, но и...

– Отличников...– подсказал кто-то.

– Я хотел сказать: но и... были отличники, – поправился Мишка.

– Неплохая мысль! Ну и кого же вы назначили отличником?

– Сонкина!

– Сонкина? – усмехнулась Алла Борисовна. – Так ведь он же... Он же...

Она чуть-чуть порозовела, открыла журнал и стала смотреть, будто не знала, какие отметки у ее собственного сына по ее собственным предметам.

– У него четверки, – сказала она. – Хорошие отметки. На пять он пока еще не знает...

– Знает! – заверил Мишка. – Спросите Сонкина по алгебре и по геометрии тоже.

– У него же четверки, Гаврилов! Если бы еще двойки, а так – чего спрашивать?..

– Нет, спросите, пожалуйста!

Слово «пожалуйста» Мишка произнес прямо-таки угрожающе.

Все зашумели. Алла Борисовна оглядела класс и согласилась.

– Ну ладно, так и быть, иди, Сонкин.

Мишка оглянулся и подмигнул классу: «Порядок!»

Гарик поправил очки и пошел, но без особого энтузиазма и не очень решительно.

Истины ради нужно отметить, что отвечал он, однако, толково. Конечно, имеет значение, что мать у него учительница математики. Но он и сам голова! Он и к бегемоту ходит вычислять, сколько тот выталкивает из бассейна воды.

Алла Борисовна дотошно его гоняла. И старое спрашивала, чего уж наверняка никто не помнил. Наконец велела Сонкину положить мел и разрешила сесть.

Мы все ждали: похвалит или нет? Никогда она этого не делала. Замечания – другое дело...

– Неплохо, Сонкин! – сухо похвалила Алла Борисовна. – Отлично выучил... Четыре.

Класс аж онемел. Потом загалдели.

– Как четыре?

– За что – четыре? Ведь он же абсолютно все знает!

– Соня, миленький, – сказала Светка, – ты для нас все равно отличник, не расстраивайся!

Сонкин и не расстраивался. Он стоял победителем, всем своим видом говоря: вот видите, я же вам говорил, пятерки она мне все равно не поставит.

Классная понимающе улыбнулась.

– Что ж тут удивительного? – вдруг сказала она. – Он мой сын, и я лучше знаю его возможности. Он может знать гораздо больше.

– Может, вам завуч не велит ему пятерки ставить? Чтобы кто-нибудь чего-нибудь не подумал... Это нечестно! – бросила Мельникова, тут же поперхнулась и сделала вид, что закашлялась.

Но Алла Борисовна, золотая учительница, не рассердилась.

– Почему же нечестно, Светлана? – просто возразила она. – Когда ты вырастешь и у тебя будут дети, разве нечестно тебе будет хотеть, чтобы они учились лучше?.. И завуч тут ни при чем.

Такого аргумента никто не ждал. Действительно, каждый может знать больше, чем знает. И хотя с классной не согласились, это как-то выбило всех из колеи. Спорить стало вроде бы не о чем.

– Угораздило же тебя родиться у училки! – прошептал Гаврилов Сонкину, когда тот проходил мимо.

Мишкина идея бороться за передовой класс оказывалась несостоятельной на глазах.

– Выходит, отличника у нас не будет. Тогда хоть Усова спросите.

– Усова, конечно, спрошу, – согласилась Алла Борисовна. – Товарищ Усов, прошу вас!..

Генка встал, застеснялся своей длины, сгорбился и на полусогнутых пошел к доске.

– Посмотрим, – сказала Алла Борисовна, – какой друг Сонкин, как он помогал Усову.

Все замолчали, потому что знали: Усов занимался сам.

Как отвечал Генка, просто неловко рассказывать. Он будто прыгнул вниз, но не посмотрел, куда прыгает. Мялся и путал все. В результате Алла Борисовна сказала:

– Ничего не выходит, Усов. Что с тобой?

– Да я за Сонкина беспокоился. Нашему классу отличник очень нужен.

– Великолепно! – сказала Алла Борисовна. – Ты за него беспокоился, а он – за тебя. Но бывают в жизни моменты, когда нужно отвечать только за себя.

– Алла Борисовна, – решил уточнить Гаврилов. – А много Усову до тройки не хватает?

– Тебе в каких единицах мерять – в метрах или килограммах? Что вы все культ из отметок устраиваете? Вот не буду вообще ставить отметок!

– Вообще – вам завуч не разрешит!..

– Не разрешит! – призналась Алла Борисовна. – Ладно, довольно! Совсем заговорили! Кстати, за что тебя с английского выгнали, Гена?

– Есть захотел – ну и вынул бутерброд...

– А тебя, Света?

– Из-за меня, – сказал Усов. – Она тоже хотела есть. Когда меня выгоняли, я ей бутерброд отдал... В общем, если не везет, так уж не везет. Да вы, Алла Борисовна, не расстраивайтесь. Это все потому, что у меня переходный возраст. Переходишь, переходишь, а толку никакого.

– Ох, Усов, Усов! – вздохнула Алла Борисовна. – Хоть бы ты уж скорей перешел!

– Да не могу я скорей, – возразил Усов. – Я, наверное, исключение.

– Какое еще исключение?

– Ну, такое, вроде как «стеклянный, оловянный, деревянный»...

– Выдумашь тоже! Если бы ты был деревянный – это было бы просто счастье. У нас не возникало бы с тобой никаких хлопот.

– Если бы оловянный, – сострил Гаврилов, – мы бы сдали тебя в утиль и уж тогда точно вышли бы на первое место. А ты...

Он хотел добавить какое-то слово, но не стал.

Словом, как собирался написать в дневнике Гаврилов: «В классе не только не прибавилось отличников, но и остался двоечник». Но Мишка решил этот отрицательный факт не записывать.

Другая бы учительница Новый год просто отменила. Какие могут быть каникулы, когда такая ситуация?

А вот Алла Борисовна махнула рукой, захлопнула журнал и сказала:

– Четверть окончена. Отдыхайте себе на здоровье и сейчас же, немедленно забудьте про все неудачи. Каникулы есть каникулы. Но после...

Что будет после, она не сказала.

Это и так ясно.

ХРОМОЙ ДЕД МОРОЗ

На Новый год, хотя он и новый, всегда одно и то же. Всем заранее известно, что он все равно наступит и ничего такого особенного не будет.

Примерно так размышлял Гарик Сонкин, и у него родилась идея. Маленькая такая, но он тут же, на перемене, обсудил ее с Генкой Усовым, и она стала побольше. Вместе они подошли к Мишке Гаврилову.

– Надо, – разъяснил Гаврилов, – Новый год встретить так, чтобы смеху хватило до самого конца каникул. Но не больше... Валяйте! Только об этом никому.

Идея стала совсем большой, и ребята начали готовиться. Может, из-за этого Усов и двойку по математике заработал. Сонкин заходил к Генке, и они принимались за дело. А вечером, когда на горизонте появлялась бабушка, прятали все под кровать.

Иногда пугали звонки в дверь. Опять, конечно, все убирали, и Усов шел открывать. За дверью каждый раз оказывалась Светка Мельникова.

– Мальчишки, – шептала она. – Я совершенно случайно... Просто мимо шла. Какие-то вы стали странные... Чего вы делаете, а?

– Сматывайся! – вежливо отвечал Генка. – Нам надо заниматься.

– Ухожу, ухожу, – отвечала Светка, не обижаясь. – Мне самой надо заниматься.

Новогодний карнавал назначили на первый день каникул. Накануне вечером Сонкин и Усов кончили шить и клеить и на радостях отправились на каток.

Только вышли на лед, Усов погнался за Сонкиным и не заметил резинового шланга, из которого заливали каток. Генка споткнулся, пролетел на животе несколько метров, и лицо его перекопилось от боли. Ногу подвернул: так больно ступить – сил нет!

Посидел Генка на льду, делать нечего, надо домой.

Они шли обнявшись. Долговязый Усов обвис, согнулся в три погибели, обхватив Сонкина за шею.

– Зачем же ты упал?

– Откуда я знал, что там шланг лежит?

– Надо было посмотреть! Как же теперь все будет?..

Генка и сам расстроился.

Утром он еле встал. Нога болела, и он ходил прихрамывая. К нему забежал Гаврилов.

– Сонкин сказал, ты ногу растянул? Что же ты весь класс подводишь?

– Не знаю...– испугался Гена.

– А остальное все готово?

– Все! Только я хромаю...

– Ладно, приходи пораньше... Может, расходишься...

Гаврилов собрал снаряжение в узел и унес.

На карнавал Усов чуть не опоздал: прыгая на одной ноге, брюки гладил, и все получалось по две складки вместо одной.

Добрался до школы, поднялся по лестнице и прошаркал по коридору до класса. Через него можно пробраться на сцену. Там уже суетились Гарик и Миша.

– Ну, как нога? Прошла?

– Нет еще, – застыдился Генка. – Но я могу незаметно хромать. Никто не увидит.

Усов в щелочку глянул в зал. Елка медленно вертелась, играла радиола. Девчонки сидели на скамейках нарядные. Мальчишки входили и сразу начинали танцевать друг с другом что-то немыслимое. Сонкин тоже хотел станцевать для разминки, но Гаврилов строго сказал, что они собрались здесь не для этого.

– Сонкин! – скомандовал он. – Действуй!

Сонкин встал ногами на парту и сел Генке на плечи. Гена качнулся, но устоял. Все-таки он был почти в полтора раза больше Сонкина. Усов прижал к себе его ноги.

– Хромать не будешь?

– Не буду, не буду!

Мишка влез на парту, надел на них длинный белый тулуп, который накрыл обоих. А Сонкину, который сидел у Генки на плечах, – огромную белую шапку и маску Деда Мороза. Дед получился огромный, метра два с половиной высотой. Гаврилов даже в ладоши захолопал.

– Что-то я плохо вижу, – сказал из-под пальто Генка.

– Тебе и не надо видеть! – отвечал сверху Сонкин. – Если я тебя лягну левой ногой – иди влево, правой – значит, вправо. Общими – прямо. Мы же договорились!

– Я забыл, – сказал голос из-под тулупа. – А если стоять?

– Лягну два раза общими ногами, стой. Ну, поехали!

Дед Мороз зашатался.

– Стойте, стойте, – заорал Мишка. – Так дело не пойдет. Очень уж вы хромаете! Хромой Дед Мороз – сразу догадываются, что это Усов. Все знают: он вчера ногу растянул. Вы поменяйтесь: хромой Ус вверх, Сонкин вниз.

– Правильно, – сказал Сонкин. – А то у Генки нога ведь болит, он просто молчит из гордости.

Тут Гаврилов посмотрел на часы и сказал, что больше мучить детей нельзя и пора начинать.

– Сами справитесь?

– Справимся! – хором сказал Дед Мороз.

– Не забудьте, что вы один Дед Мороз. Говорите басом. И не оба сразу...

– А если у меня голос ломается? – спросил Усов.

– Это не имеет значения!..

Со сцены вожатая объявила, что все начинается. И чтобы несли стулья поближе к сцене, и мальчики не забыли посадить девочек. Мишка не забыл, притащил стул Светке. Она говорит:

– Вот еще! Что я, без тебя не могу принести?

Тогда Гаврилов сел сам и стал ждать. Мельникова принесла стул и села рядом с ним.

Концерт был так себе. Эти пляски они уже раз десять видели на сборах и на утренниках. А лучшие артисты – Усов и

Сонкин – были заняты друг с другом. Поэтому в зале было шумно. Все говорили со всеми. И смотрели друг на друга. И уже от этого было весело.

Тут вожатая захлопала в ладоши и сказала, что сейчас будет самый главный номер.

– К нам в гости, ребята, пришел лично Дедушка Мороз!

– Подумаешь! – тихо сказала Светка. – Я этих артистов тыщи видела. Сейчас скажет: «Здравствуйтесь, милые дети!» Не могли чего-нибудь получше выдумать...

Радиола заиграла марш.

«Бум-бум-бум, трум-труру-рум!» Дед Мороз смело вышел в зал. Он хотел подойти к елке, замахал руками и качнулся из стороны в сторону.

– Здра...здравствуйтесь, милые де... – начал он басом и вдруг накренился набок.

– Здра... Да не качай ты меня, стой на месте! – прошипел Дед Мороз. – Здра...

– Только не лягайся. А то скину! – строго предупредил голос из его живота.

– Я лягаюсь? – возмутилась голова. – Не ври! Я управляю...

Дед опять пошел, пошатываясь, как пьяный. Его клонило то влево, то вправо, и ребята хватали его под руки и поворачивали.

– Ой, девочки, не могу! – хохотала Светка. – Ой!..

Дед Мороз дошатался до стены, ухватился руками за шведскую стенку, хотел подтянуться, чуть не разорвался пополам и замер.

Гаврилов подошел к Деду Морозу и зашептал:

– Безобразие! Вы что же, роль забыли?

– Не забыли! – сказал глухой голос из живота. – Пускай он не лягается, а то я его скину.

– Ладно, не буду, – согласилась голова. – Здравствуйтесь, де...

– Ой, ногу больно!

Дед Мороз вздрогнул, захромал. Его потянуло вправо, потом влево. Он нагнулся вперед, потом еще больше нагнулся... Девочки завизжали и бросились врассыпную. Дед Мороз повалился на пол. Шапка повисла на елке, маска с длинной бородой отлетела в сторону. Верхняя часть, побарахтавшись в тулу-

пе, выбралась и оказалась маленьким Сонкиным, а нижняя, длинная, в виде Усова, прорвав головой бумажный тулуп, сидела на полу и то трясла в воздухе кулаками, то потирала больную ногу.

Заорали, завизжали, затопали и окружили толпой бывшего Деда Мороза. Сонкин ползал у всех под ногами – никак не мог найти очки. Светка сняла очки с елки и надела на Сонкина. Оглядевшись, Сонкин бросился с кулаками на Усова. Тогда Светка втиснулась между Усовым и Сонкиным, чтобы их разнять.

– Я давно это знала, когда еще вы бумажный тулуп под кровать прятали. Думаете, не видела? Но не бойтесь, никому не выдала. Сказали бы мне, я бы вам такое лицо у Деда нарисовала – пальчики оближешь! А вообще-то все равно целый Дед Мороз лучше. Он хоть не так качается и не дерется.

– Чего же вы не поменялись? – сказал Мишка. – Вам же было сказано...

– Сказано, сказано! – ворчал Усов. – Мы поменялись. Да Сонкин чуть не лопнул, когда я на него сел! Пришлось опять меняться.

– Не надо было тебе на катке падать! – сказал Сонкин.

– Не надо было, – согласился Усов. – Если бы я знал...

– Эх, вы! – ворчал Гаврилов. – Такое важное мероприятие – Новый год, – а вы его своей подвернутой ногой сорвали! Ничего Усову доверить нельзя...

ТРЕБУЮТСЯ КОШКИ

С ржавой водосточной трубы свисало объявление, напечатанное на пишущей машинке заглавными буквами. Сбивая сосульки, Гарик Сонкин остановился, оттопырил губу, поднялся на цыпочки и молча ткнул пальцем в бумажку. Генка Усов тоже стал читать, но ничего не понял.

ВНИМАНИЕ!!!
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМУ ИНСТИТУТУ
ТРЕБУЮТСЯ КОШКИ 7
ОБРАЩАТЬСЯ САДОВЫЙ ТУПИК 7
ЛАБОРАТОРИЯ 7

- Ну и что?
- Понял? – спросил Гарик.
- Чего «понял»?
- Как чего? Это каждому идиоту ясно.
- А я не идиот, мне не ясно.

Усов, конечно, сам тоже может соображать, но его надо подтолкнуть.

– Собаки в космос летали, кошки – никогда, так? Они выносливые – так? Падать умеют лучше людей – так?

Тут до Усова начало доходить. Он стал на палец накручивать чуб. Его, как уже было сказано, только подтолкнуть, а дальше он и сам мыслить может сколько угодно.

– И сигналы подавать могут, – продолжал он. – «Мурмур» – значит, все в порядке, «мяу-мяу» – значит, дело плохо.

– Это все шуточки, – сказал Сонкин. – А тут серьезно.

– Мы-то тут при чем?

– Здравствуйте! У тебя же самого кот есть.

– Есть-то есть! – Усов замялся. – Только понимаешь, он очень хороший. Ласковый такой. Я из школы прихожу – Кактус возле ног трется. Мы ведь с ним до вечера сидим, пока бабушка приходит. Что же я – сиротой останусь?

– Не навечно же! Слетает – вернется!..

Генка свел брови, пошевелил губами и решил.

Нельзя терять ни минуты. Помчались домой, стали шить скафандр.

Все нормально, только Кактус мерить не хочет, кусается. Ну, ничего, привыкнет! Усов в перерывах между примерками его дрессировал. На задних лапах Кактус и раньше ходил. Надо его научить считать хотя бы до трех. А он мяукает только до двух. Тоже с характером.

Скафандр и герметичный шлем из пол-литровой банки с собой взяли. Поехали на трамвае. Боялись, с котом кондуктор выгонит, но он не заметил.

Пришли в Садовый тупик. Дом номер семь искали полчаса. Там всего на улице пять домов. Хорошо, ребята в футбол играют. У вратаря Сонкин спрашивает, где институт. Оказывается, надо проходным двором на соседнюю улицу выходить.

– Да ведь номер семь по этой улице?

– Никакой это не номер семь! Слушайте, что вам говорят. Там один дом – красный такой. Прямо в проходную упретесь.

Вратарь поймал мяч и выбил его в противоположный конец Садового тупика, туда, где стояли другие ворота.

Перед проходной Усов вынул Кактуса из-за пазухи, погладил, поцеловал в последний раз.

– Вообще-то мы должны при запуске возле Кактуса быть, чтобы у него давление от волнения не поднялось. Но мало ли что? Вдруг не пустят...

На двери проходной висело знакомое объявление:

ВНИМАНИЕ!!!
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМУ ИНСТИТУТУ
ТРЕБУЮТСЯ КОШКИ 7
ОБРАЩАТЬСЯ САДОВЫЙ ТУПИК 7
ЛАБОРАТОРИЯ 7

– Нам в седьмую, – деловито сказал Усов.

– В седьмую? – удивился вахтер в пиджаке и брюках галифе. – Да у нас всего-то лаборатория одна.

– Нет, семь, – стал спорить Усов.

– Ты кошку, что ли, принес? Во-он, видишь, сарай? Там надпись: «Посторонним вход запрещен». Это виварий. Туда и дуй, понял?

– Понял! – гордо сказал Усов и покрепче прижал кота.

– А ты тоже с кошкой? – спросил вахтер и загородил Сонкину рукой проход.

– Он со мной, – сказал Генка.

И вахтер убрал руку.

Институт, видно, только построили. Еще леса не сняли. На дворе ни кустика, все перерыто.

– Видал, как у них с кошками плохо? – сказал Усов. – Сразу пропускают. Наверно, запускать пора, а некого.

Усов открыл дверь, на которой написано: «Посторонним вход запрещен», – и сразу наткнулся на пухлого старика в белом халате. Старик из-за своей толщины еле поворачивался.

– Академик! Видал? – шепнул Усов.

И церемонно поклонился старику. Сонкин поправил очки и тоже поклонился. И старик с ними раскланялся.

– У вас кошки? – деловито спросил старик. – Сколько?

– Кошек у нас один Кактус. Вам нужно семь, да?

– Почему семь? – не понял старик, а когда вспомнил, заговорщицки наклонился и зашептал. – Понимаете-с, молодые люди, какая у нас неприятность: машинка вместо точки бьет цифру семь-с. Вы уж извините!

– Ладно, чего там, – сказал Гена. – Это даже лучше. А что с Кактусом делать?

– Вот, видите, клетки? Найдите пустую. Номер клетки напишите на этой бумажке, адрес свой и фамилию. Писать умеете?

Сонкин и Усов чуть не обидились.

Академик спрятал бумажку в карман.

– Простите, а когда Кактуса запустят?

– Да на днях-с, – сказал старик.

– А может, мы потребуемся?

– Нет, вы нет-с...

Генка пошел было, но вернулся. Он подошел к клетке, в которой степенно, как тигр в зоопарке, ходил вдоль туда и обратно Кактус. Усов просунул в щель пальцы, и Кактус подошел, потеряв о них ухом. Гена поджал губы. Гарик стоял в стороне и терпеливо ждал.

Старик-академик ждал, пока они уйдут.

– Знаете что? – Усов повернулся. – Я совсем забыл. Мне ведь от бабушки попадет за кота. И вообще его жалко. Отдайте мне его обратно!

– Договаривайся с ним о чем-нибудь, – тотчас проворчал Сонкин.

– Пожалуйста! – согласился старик. – Только мы ему ничего плохого не сделаем. И кормить будем хорошо. А выполнит свой долг перед наукой – заберете.

– Ну, вот видишь! Согласен? – Сонкин гнул свое.

Генка погладил еще раз кончиками пальцев Кактуса, кивнул ему на прощанье, и они ушли.

За проходной поссорились. По мнению Сонкина, Усову следовало лучше расспросить, что да как. Усов заорал, что Сонкин там вообще молчал как рыба. Надо было раньше думать. Знал бы, не брал бы его с собой. А Гарик напомнил, что это он предложил Кактуса для полета. Не подрались только потому, что надо было скорей обдумать, как сообщить о Кактусе в школе.

Можно, конечно, просто ждать, пока в газетах будет сообщение ТАСС, но это очень долго. Лучше самим рассказать или намекнуть Крынкину из пятого «А» и предупредить, чтобы никому не говорил. Через полчаса вся школа будет знать.

Крынкин поклялся, что будет молчать. Глаза у него расширились, и он перешел на шепот:

– Никому, само собой! Я – могила! Это же космос! Все секретно!.. А долго надо молчать?

– Сколько сможешь.

– Понятно! – Крынкин закрыл ладонью рот и исчез.

Минут через пять к Сонкину подошел Гаврилов.

– Слушай, у меня к тебе секретный разговор. Ты Усову не говори, понял?

– Понял!..

– Как ты считаешь, а его не могут взять с Кактусом?

– Все может быть...

Мишка отошел и тотчас подошел к Усову.

– Слушай, – тихо сказал он. – У меня к тебе секретный разговор, ясно?

– Ага!..

– Насчет сроков ничего не известно? Анкету вы уже заполняли? Без этого в космос нельзя...

Остальные уроки не занимались. На переменах лезли из других классов посмотреть. Дежурные не пускали, но старшеклассники все равно проходили. С ними не справишься: выкручивают руки – и входят.

После уроков остались.

– Все-таки, если разобраться, с нами неправильно поступили, – сказал Гаврилов и вытер нос ручкой от портфеля. – Кот из нашего класса. А получается, что коллектив вроде бы ни при чем...

Все зашумели.

– Есть предложение! – крикнула Светка Мельникова. – Выбрать ответственного за Кактуса.

– Так ведь это же усовский кот! – крикнули сзади.

– Ну и что? – сказал Гаврилов. – А кто Усова назначал? Никто.

– Действительно, никто!

– Так и быть. Пускай Усов будет главным ответственным!

– Все «за»? – спросил Гаврилов. – Единогласно!.. Теперь дальше: обязать Усова отдать все силы подготовке Кактуса к полету.

– Ладно! – вяло согласился Генка. – Может, он еще вообще не полетит...

И зачем это «не полетит» у него вырвалось?.. Все заорали.

– Как так не полетит?!.

– То есть какое ты имеешь право говорить, что не полетит?!.

– Тебе на честь класса наплевать!

– Может быть, переизберем ответственного? – предложил Гаврилов.

– Да тише вы! – сказал Сонкин. – Полетит! Академик сам сказал: на днях запустят. Погодите, еще и бегемота из зоопарка в космос отправят. А что? Умнейшее животное!

Но все равно появилось недоверие. Что, если Усов и Сонкин вообще трепачи?

– Вдруг на днях не полетит? – спросил Мишка. – Кто за это ответит?

– Тогда в следующий раз полетит.

– А если и в следующий не полетит? Знаете что? Так оставлять нельзя. Ехать всем классом в институт и бороться, чтобы летел наш Кактус. Кто «за»?.. Мало ли какую кошку несознательные элементы с улицы подсунут... Мы тут за него отвечаем, Кактус не подведет.

Сонкин говорит:

– Может, не надо всем классом? Еще рассердится академик: «У вашего кота данных нет, а вы его в космос по благу пропихиваете...»

Но все были «за».

Пришли к проходной института – не пускают. Вахтер в майке, галифе и сапогах встал поперек прохода и руки развел.

Тут всем бороться расхотелось.

Мишка вышел вперед, надул щеки и говорит:

– Товарищ вахтер, мы пришли от имени и по поручению. Дело очень важное. Вы бы не могли позвать нам академика? У нас совершенно секретный разговор.

– Какого академика?

Мишка показывает:

– Такого седого из этого как его... ви-ва-рия.

– А, из вивария! Так бы сразу и сказали. Позвоню, только все ни с места. А то...

– Ясно, ясно! – сказала Светка. – А то буду стрелять...

– Вот именно, – вахтер ушел к телефону.

– Мы своего добьемся! – потирая руки, зашептал Мишка.

– Только не кричите, поняли? Главное – организованность.

– Здравствуйте, молодые люди-с! – Из проходной на улицу выкатился, как колобок, старик в белом халате. – Вы что же, все кошек принесли?

– Нет, что вы!..

– Тогда чем могу я быть полезен-с?

– Понимаете, у нас ответственное поручение. – Мишка старался говорить как можно вежливее, а остальные кивали головами. – Речь идет о чести школы. У вас находится наш кот Кактус... Так вы бы не могли точно сообщить, когда вы его запустите.

– Так, так-с, – старик вынул руку из кармана халата и почесал остатки волос на затылке; какая-то мысль промелькнула у него в глазах. – А куда, собственно, вы хотите, чтобы мы его запустили?

Он посмотрел на вахтера, потом на ребят.

– Ясно куда, – сказал Усов. – Нас не проведешь, понимаем. В космос, конечно!

Академик покачал головой:

– Ах ты, старая моя голова! Ну как это я сразу не сообразил?! Сегодня третья делегация из школы приходит. Писем целый ящик. И кошек штук тридцать. Приходится всем отказывать.

– Товарищ академик! – Мишка старался убедить его изо всех сил. – Я должен сказать, что наш Кактус – животное особое. Он на задних лапах ходит, мяукает до двух. И потом, ему уже скафандр сшили. Вот он сшил...

Усова вытолкнули вперед, но он скис.

– Ты скафандр сшил? – спросил академик.

Генка вяло кивнул.

– А вот он, – Мишка отечески погладил по голове маленького Сонкина, – всех космонавтов может без запинки назвать – и наших, и американских.

– И американских?! – изумился старик, и на глазу у него нависла слезинка. – Хорошие вы мои! Я бы рад всей душой запустить вашего Фикуса...

– Кактуса, – угрюмо поправил Усов, накручивая на палец чуб.

– Да, да, Кактуса! Я готов запустить его на Луну-с и даже потом на Марс.

– То-то же! – сказали сзади.

– Прошу без выкриков, – строго сказал Гаврилов. – Давайте поддержим академика. Три-четыре – ура-а!..

Но академик замахал рукой.

– Тише, тише! Кошки-то нам требуются не для этого.

– Не для этого?! А для чего?

– У нас в институте много мышей развелось – а, как известно, лучше кошки зверя нет-с. Уж извините!..

Все притихли и растерялись.

– А я уже в план сбор включил, – процедил сквозь зубы Гаврилов, – на тему «У нас в гостях первый в мире кот-космонавт».

– Иди ты с твоим планом! – не выдержал Усов. – Узнали бы мы с Сонкиным тихо, сорвалось – и все. А теперь расхлебывай...

– Что же вы, товарищ академик, – возмутилась Мельникова, детей обманываете? Вас спрашивают: «Когда запустите?» Вы отвечаете: «На днях». Занятия в школе срываете... Лучше бы Усов занимался. Вот останется на второй год – вы будете отвечать!..

– Ай-яй-яй!.. Но мы действительно запустим на днях Фикуса...

– Кактуса, – поправил Усов. – А когда можно за ним прийти?

– Конечно, Кактуса! – сказал академик. – Пускай себе ловит мышей. Половит – и милости просим. Только не спрашивайте академика. Я ведь сторож. Будьте здоровы-с!

ЗАЙЦЕМОБИЛЬ

Вечером случилось нечто такое, чему поверить было трудно.

К Усову забежал Гарик Сонкин.

– Я, собственно говоря, хотел тебя предупредить: задача ни у кого не получается, даже у меня. Можешь спокойно ее не делать. Завтра что-нибудь придумаем. О погоде поговорим...

– О погоде можно, – согласился Генка. – Только задачу я решил. Спиши – и все.

– Не может быть! А с ответом сходится?

– Сходится.

Гарик долго глядел в тетрадку.

– Молоток! Чувствуется моя школа! Но списывать не буду – нарушение принципа.

Всю ночь Генке снилось, что он решает сложнейшие задачи – одну за другой, как орешки щелкает. А потом выходит к доске отвечать. Класс немеет от восторга, и Аллочка Борисовна стоит с разинутым ртом. Ай да Усов! Сонкина, величайшего математика, обошел!

На другой день выяснилось, что, кроме Генки, задачу действительно не решил никто. Генка скромно сидел и молчал, к нему подходили, просили его вызваться отвечать. Генка был на все согласен. Синяя птица пятерка, можно сказать, была уже у него в руках.

К сожалению, Алла Борисовна, которой предстояло пятерку поставить, еще этого не знала. Она понятия не имела ни о

том, что Усов задачу решил, ни о том, что весь остальной класс надеется на Усова. И, стремительно вбежав, как всегда, в свой пятый «Б», Алла Борисовна сказала, словно боясь об этом забыть:

– Сегодня к нам в класс должны пожаловать гости.

Сразу начались догадки, вопросы, пересуды. Класс, ухватившись за соломинку, целеустремленно оттягивал роковой момент. Время шло, Генкина пятерка принимала форму нолика, нолик постепенно превращался в облачко. Облачко выпорхнуло в окно, растворилось в высоте. И никто этого не заметил.

Тем временем делегаты солидно шли по коридору парами, взявшись за руки. Они с достоинством осматривали школу и лишь изредка, когда кто-нибудь, опаздывая на урок, пронесся мимо них со скоростью света, растерянно останавливались, натываясь друг на друга, и в испуге втягивали головы в плечи. К таким скоростям делегаты не привыкли и, разинув рты, вопросительно оглядывались на воспитательницу. Та щурила глаза: дескать, идите-идите, еще не то увидите...

Возле пятого «Б» воспитательница велела делегатам остановиться, подравняться и подтянуть колготки.

Света Мельникова шла как раз из буфета, доедая булочку с повидлом.

– Ой вы мои миленькие, хорошенькие! – запричитала она. – Как вы сюда попали? Мальчик, давай я тебе носик вытру!

– Девочка, ты из пятого «Б»? – спросила воспитательница.

– Скажи учительнице, что мы пришли.

Света влетела в класс. Урок уже шел.

– Алла Борисовна! Там вас грудные спрашивают, из детского сада...

Алла Борисовна побежала к двери приглашать гостей.

Делегаты выстроились у доски. Весь класс их разглядывал с особым удовольствием, потому что домашнее задание стало таким же ненужным, как пятое колесо у телеги...

– У нашей группы детского сада, – начала воспитательница, когда все затихли, – большая к вам просьба. Ребята очень любят играть, а вы все – мастера – умелые руки. Сделайте нам, пожалуйста, что-нибудь. Ладно?

– Что сделать? Что? – спросила Мельникова.

– Да уж что сможете! Мы вам за это скажем... Что мы скажем, ребята? Три-четыре!..

– Спа-си-бо! – недружно заявили делегаты.

Потом воспитательница взяла самого маленького, Вову, за руку и повела к двери. Остальные делегаты, толкая друг друга, потянулись за воспитательницей. Знакомство состоялось. Света догнала Вову и еще раз вытерла ему нос.

– Давайте быстро подумаем, что мы сделаем для наших подшефных, – сказала Аллочка Борисовна, – и займемся наконец математикой.

– Ясно! – сообразил Гаврилов. – Игрушки, конечно!

– Игрушки разные бывают, – философски заметил Усов.

В классе начался спор.

– Куклы всем надоели! У каждого их полно!

– Я придумал: сделаем зверей пострашнее!

– Верно! Зверей! Подарим зоопарк!

– Каждый сделает по зверю...

– Я буду делать лису, – сказала Мельникова. – У мамы мех остался от воротника.

– Я сделаю зебру! У меня платье старое, полосатое...

– Я – жирафу! У бабушки накидка в жирафьих пятнах...

– Погодите! – сказал Гаврилов. – Одному подарим лису, другому зебру, третьему жирафу – они же все перессорятся. А? Алла Борисовна?

– Решайте сами, вы у меня самостоятельные, – сказала Алла Борисовна. – Что ты предлагаешь, Гаврилов?

– А вот что. Старик Хоттабыч подарил футболистам двадцать два мяча, чтобы не ссорились. И нам надо всем дарить одинаковых зверей. Чтобы не ссорились... Без обиды... И делать легче!

– Если одинаковых, – сказала Светка, – тогда давайте делать зайцев. Зайцев почему-то все малыши любят...

– Правильно, зайцев, – поддержали Мельникову остальные девочки. – Мордочку шить и туловище. Ватой набьем, глаза нарисуем, уши пришьем – и можно дарить.

Алла Борисовна, ко всеобщей радости, так и не успела из-за этих зайцев заняться математикой. Но домашнее задание все же записала.

Дома перво-наперво Генка вытащил бабушкино шитье и свои инструменты.

Заяц обязан быть летом сереньким, а зимой – беленьким. Но ни серой, ни белой материи у бабушки не было. Была розовая, осталась от распашонок, которые бабушка шила для соседского малыша.

Генка вырезал из розовой материи туловище, голову и одно ухо. На другое ухо материи не хватило.

Швейная машинка у бабушки была открыта. Нитки в ней были заправлены черные, но шпульку вставлять Усов не умел и решил шить черными. Усов прострочил зайцу живот. Вытащил его из-под лапки, но оказалось, что живот пристрочился к Генкиной рубашке.

Генка взял ножницы и, чтобы не портить зайцу живот, отрезал его с частью своего рукава. Теперь надо набить живот ватой. Но как набить, когда со всех сторон застрочено? Пришлось разрезать, наложить в отверстие ваты и снова зашить. Живот получился первого сорта. Только видно, что зайцу сделали операцию аппендицита.

Голова шилась легче. На этот раз он застрочил не все, оставил отверстие, натолкал туда ваты и хотел зашить, но раздумал. Это же рот! Настоящий рот! Ну, подумаешь, из него вата торчит!

Голову Генка пришил к туловищу и занялся ушами. Первое ухо вышло замечательно длинное, но несколько узкое, похожее на чулок. Генка пришил это ухо к голове и стал думать, из чего сделать другое ухо. Усов нашел лоскуток красный в горошек – от блузки. Из него он выкроил второе ухо, пришил, нарисовал чернилами глаза, но заяц получился безжизненный. Ему не хватало усов. Из чего их сделать? Конечно, из проволоки. Стал Генка искать проволоку и нашел батарейку. Тут уж идея сама собой пришла. Распорол он снова зайцу туловище, вату вынул, засунул батарейку и вставил в глаз лампочку от карманного фонаря. Глаз у зайца загорелся. Теперь другое дело! Надо бы и в другой глаз вставить лампочку, но больше лампочек нет.

Заяц стоял, помахивал ухом в красный горошек, светил одним глазом и не шевелился. Чего-то в нем не хватало. Усова посетила еще одна мысль, и он помчался во двор. Возле песочницы играли малыши. В два счета Генка обменял фонарик без батарейки на заводной автомобиль без ключа и вер-

нулся обратно. Он оторвал от автомобиля кузов так, что осталась одна рама с колесами. На нее он привязал своего зайца. Взял плоскогубцы и завел ими пружину. Заяц затрещал и как бешеный помчался по комнате, светя впереди себя одним глазом. Он ударился в стену и повернул обратно. Так заяц носился до тех пор, пока завод не кончился.

Генка отсоединил провод от лампочки, чтобы не села батарейка, завернул зайца в бумагу, засунул вместе с плоскогубцами в портфель. Задание было выполнено. Генка так увлекся, что про задачки, которые Алла Борисовна велела решить дома, и не вспомнил...

На другой день пятый «Б» тащил в школу свертки. Только и разговоров было, как пойдут после уроков в детский сад. Гаврилов проверял, кто что сделал, и ставил в списке плюсы.

Генка вынул из портфеля сверток и сунул Гаврилову под нос. Мишка не стал разворачивать, нашел Усова в списке и поставил плюс. Тут в класс как раз вошла Алла Борисовна. Она раскрыла журнал и сразу спросила:

– Кто не приготовил домашнего задания? Вчера целый урок проболтали...

На этот раз задачи решили все. А Генка решил, что речь идет о зайцах, и закрыл глаза. Зайца он, как известно, сделал.

– Гена Усов, прошу с тетрадкой!

– Я лучше с зайцем! – предложил Усов.

– С задачами!

– Ой... А вчерашнюю задачу можно?

– Ну знаешь ли, Усов! – возмутилась Алла Борисовна. – Если не сделал, имей мужество сознаться... И получить двойку... Два!

Если б не заяц, который лежал в парте и которым Генка собирался всех удивить, день можно было бы считать неудачным.

После уроков все двинулись в детский сад. Девчонки шли под руку парочками, а мальчишки сзади, подталкивая друг дружку в сугробы на глазах у смеющейся Аллы Борисовны.

Завидев пятиклассников, воспитательница сказала своим:

– Быстрей допивайте компот и выходите строиться!..

Никто не стал допивать компот. Все выбежали строиться. Генка с грустью смотрел на обилие оставшегося компота. Он очень любил компот и мог съесть кастрюлю в один присест.

Гаврилов вышел вперед, откашлялся солидно и произнес: «Дорогие дети! Уважаемая воспитательница!» Но в это время уважаемая воспитательница сказала:

– Сейчас шефы подарят вам игрушки!

И все испортила. Никакой торжественности не получилось, а просто все бросились к малышам и стали разворачивать и показывать подарки. Света Мельникова стояла возле маленькой девочки с большим бантом. Девочка проверяла, всё ли у зайца на месте. Он был симпатичен, Светкин заяц, только коصات немножко. Но ведь заяц и должен быть косым.

Гарик сделал огромного зайца из воротника своего старого пальто. Заяц был темноват, потому что воротник был из крашеного кролика. Но это тоже было ничего. Заяц и кролик как-никак родственники.

Тут Генка увидел, что маленький Вова стоит в стороне и к нему никто не подошел. Генка молча протянул Вове сверток. Вова стал немедленно разворачивать.

– Кто это? – спросил он.

– Это зайцемобиль.

Генка подключил проводочку к батарейке – и глаз у зверя загорелся. Потом он вынул из кармана плоскогубцы, завел пружину и поставил зайца на пол. Заяц нервно вздрогнул, тряхнул ухом в красную горошину, отчего лампочка замигала. Едва Усов отпустил руку, заяц затрещал и помчался прямо на Вову. Испугавшись, Вова сперва отступил на шаг, но тут же бросился догонять игрушку.

– Зайцемобиль! – радостно закричал он. – У меня зайцемобиль!

Зайцемобиль остановился, мигая глазом. Вова схватил его, тут же рассмотрел, как он устроен, погладил и принес Генке.

– Заведи еще!

Ребята побросали своих зайцев и столпились вокруг Усова.

– Теперь дай мне! – потребовал рыжий мальчик.

– И я хочу зайцемобиль, – сказала маленькая девочка с большим бантом. – А просто зайца – не хочу...

Усов снова завел игрушку и вернул Вове. Но у Вовы ее тут же вырвали. Заяц затрясся в воздухе, зашипел и замигал одним глазом. Его выпустили из рук, и он шлепнулся на пол. Тут на него навалились человек десять. Послышался рев. Воспита-

тельница с Аллой Борисовной бросились разнимать дерущихся.

Гаврилов стоял посреди комнаты очень сердитый и все еще держал в руках открытую тетрадку с речью.

– Так я и знал! – воскликнул он. – Опять Усов! Если сам не дерется, так из-за него драка. Я говорил – нужно делать всем одинаково, а ты?

– Что я? – спросил Генка. – Пускай зайцемобиль будет общий...

– Усов, Усов! – повторяла Алла Борисовна. – Усов, Усов!..

– Я всю жизнь Усов, – пробурчал Генка.

Но настроение у него после двойки и после драки все-таки не испортилось. Подумаешь невидаль, размышлял он. Мне всегда не везет. Выходит, если мне не везет, значит, все в порядке...

ГЕНКА, ФЛОРА И ФАУНА

– Чего это ты сегодня такой тихий? – спросила бабушка, входя из кухни в комнату. – Здоров?

И она приложила руку Генке ко лбу.

Генка сидел за столом и глядел вдаль. Время от времени что-то передвигал на столе и снова задумывался. Бабка очень удивилась, потому что такая сосредоточенность находила на Генку не часто. Взрослеет, наверное...

– Не приставай. Я думаю, – отстранил Усов мягкую руку бабушки.

– Можно и повежливей ответить. Матери бы письмо написал, скучает по тебе ведь!..

Генка промолчал, что само по себе тоже являлось признаком болезни или очень большой его занятости. И бабушка вышла.

Усов двигал по столу марки: то соединял, то раздвигал. Но в каком порядке ни ставь девять штук, все равно мало. А нужна коллекция. И не просто, а на какую-нибудь интересную тему. Как тут ни крути, тема не придумывается. Из девяти две марки с героями войны, три – звери, две – самолеты, на одной какой-то цветок, и еще одна польская, с гербом.

Генка двигал, двигал и все же соединил по темам: герои стали в один ряд, самолеты – в другой, животные – в третий, цветок повис отдельно. Самолетов и героев было мало, поэтому Генка решил собирать зверей и цветы. Получалось четыре

марки. То, что росло, было флора. Что бегало – фауна. Флора и фауна, фауна и флора. Ничего звучит!

Бабушка опять не выдержала, вошла.

– Уроки сделал?

– Почти, – сказал Генка. – Все-таки плохо, что ты не домохозяйка.

– Что, что?.. Это почему?

– Да потому, что у всех ребят, у кого матери не работают, они ходят днем по магазинам и покупают марки. Ты хоть и бабушка, а толку что? У всех, знаешь, сколько марок? А у меня?..

– Марки? Да, во-первых, сам ты можешь купить. Если, конечно, не дорого. А во-вторых, зачем покупать? Поезжай к Юльке, Юле! У нее в канцелярии каждый день почта приходит!

Усов сразу смекнул, чем это пахнет:

– И ей не жалко?

– У нее их столько, что, наверное, не жалко.

От бабушки тоже, оказывается, польза бывает.

Юля, старая подруга матери, иногда и теперь еще забегала к ним в гости, долго крутилась перед зеркалом, спрашивала, что пишет мать, и просила бабушку помочь ей скроить юбку или платье. Когда у Юльки было хорошее настроение, пока бабушка кроила, она хватала Генку и пыталась учить его танцевать. Из этого ничего не выходило.

– Что ты топчешься, как слон? – проиостанавливалась Юля.

– Танцуй легко: ля-ля, ля-ля...

Но кончалось тем, что Усов наступал ей на ногу, она стонала, на одной ноге прыгала в кухню и усаживалась пить чай. От Юли исходил таинственный аромат духов, и после танца такой же аромат долго чувствовал Усов, поднося к носу собственные ладони.

Ища Юлю, Генка шел по нескончаемому коридору заводууправления, свернул налево, как объяснила бабушка, и сразу за поворотом увидел дверь, возле которой висела дощечка:

Директор

Усов остановился и как-то застеснялся. Но марки все-таки нужны, он пересилил себя, приоткрыл дверь и просунул голову в щель.

В комнате было полно народу, висел дым, стоял гам. А когда много людей и гам, уже не так страшно, потому что никто на тебя не обращает никакого внимания. Генка протиснулся между людьми, которые стояли группками, и увидел у окна стол, такой большой, что на нем можно было бы играть в пинг-понг. Рядом с ним еще столик, уставленный разноцветными телефонами. За столом сидела Юля. Она держала руками сразу две телефонные трубки и то в белую, то в красную говорила:

– Подождите минуточку... Минутку обождите...

Потом бросала одну из трубок на стол, что-то записывала, снова ее хватала. Тут звонил третий телефон, Юля говорила в обе трубки сразу: «Позвоните позднее», – вешала обе трубки, снимала третью – зеленую, – не послушав, сообщала:

– Директора нет! Кто его спрашивает? Соединяю.

И Юля нажимала кнопку.

Генка стоял перед разноцветными телефонами с разинутым ртом. Он забыл, зачем пришел. Юля подняла голову и обратила на Усова внимание, наверное, только потому, что все вокруг были взрослые, а он еще не очень. И она сразу его узнала.

– Подождите минуту! – строго сказала Юля в трубки и положила их на стол.

Она протянула через стол обе руки к Усову, схватила его за уши и притянула к себе.

– Усик, здорово, милый! Как ты сюда попал? Что-то я бабушку давно не видела... Случилось чего? Мама письмо прислала? Ей нужно что-нибудь?

Юля тараторила быстро, и Генка растерялся. Он ничего не ответил, только головой покачал.

– Подожди минуточку, Усик, я сей момент...

Она снова начала снимать и вешать трубки, говорить и записывать. Когда телефоны замолчали, у нее образовался маленький перерыв, и она спросила:

– Так тебе чего?

– Марок, – сказал Усов неокрепшим басом. – У вас нет марок?

Генка сказал и тут же испугался, что отрывает Юлю от работы и что сейчас выйдет сам директор и строго скажет: «А этот мальчишка что здесь делает?»

Усова прогонят, а Юле попадет. Он стоял и теребил в руках шапку.

– Марки? – удивилась Юля и задумалась.

Снова зазвонили телефоны. Усов вздохнул и хотел уйти, но Юля сделала ему знак, чтобы подождал. Снова он стоял, переминаясь с ноги на ногу.

Потом Юля вскочила, принесла стул, открыла ящик стола, усадила Генку в углу, возле стола, положила перед ним ножницы.

На конвертах в ящике были наклеены марки – большие и малые, всех цветов. Усов провел рукой по горе конвертов и растерянно спросил:

– И все можно вырезать?

– Дурачок, конечно, все! А то уборщицы выбросят.

Усов понял, что жизнь ему улыбнулась. Он не торопясь вынул из ящика первый конверт, не стал вырезать марку, положил на стол так, чтобы не мешать Юле, а затем начал вырезать все подряд, складывая марки в этот первый конверт. На всех конвертах было написано одно и то же: «Директору завода Гаврилову В. Я.». Генка вырезал, вырезал, вырезал, сбрасывая остатки конвертов в корзину. Корзина скоро заполнилась, и конверты стали ложиться горой в угол под столик с цветными телефонами. А Генка все работал ножницами, и вскоре конверт с марками раздулся так, что новые класть было некуда. Тогда Усов взял второй конверт и снова стал вырезать и заполнять его. На заводе кончился рабочий день, стемнело, и только директор Юлю еще не отпускал. Она сидела, усталая, и, вынув зеркальце, подводила ресницы. Телефоны звонили все реже. Они тоже устали.

– Ну как, годится? – Юля вспомнила про Генку.

Он кивнул. Он уже подчищал остатки.

– Пойдем, я тебя выведу из проходной. – поднялась Юля.

– А то не выпустят. Бабушку поцелуй, а маме привет.

Усов шагал по улице, гордо держа два больших конверта, до отказа набитых марками.

Дома Генка выложил марки на стол.

Первым делом он налил в таз воды и высыпал туда марки – целую гору. Отобрал их, отмокшие, снял с полки все книги, которые только были в доме, и между страниц сложил марки.

Бабушка штопала Генке носки, если же ей надо было пройти, осторожно вышагивала по комнате зигзагами, обходя таз, и стопки книг на полу, и расстеленные газеты.

Генка высыпал марки на стол и отобрал флору и фауну, прибавив изрядную порцию к тем четырем маркам, которые у него были. Он только теперь по-настоящему понял, как много у него марок. Можно собрать на любую тему. Но пускай уж останется флора и фауна.

Остальные Генка разбирать не стал – надоело. Он решил, что обязательно напишет матери письмо. Как достал марки и вообще как дела. От Юли привет не забыть бы передать... Но письмо успеет. Он подошел к окну и стал свистеть Светке Мельниковой, что жила этажом выше.

Светка тут же высунулась из окна, взмахнула руками, скрылась и через минуту спустилась.

Она вошла и удивленно застыла у стола.

– Бери, – сказал Генка.

Светка недоверчиво посмотрела на него и загадочно улыбнулась.

– Бери! – повторил Усов и покраснел.

Мельникова подошла к столу крадучись, как кошка. У нее разбежались глаза. Она сразу обратила внимание на самые большие марки с космическими кораблями и тут же решила их собирать. А может, и спорт тоже?

Губы у Светки приоткрылись, она часто-часто хлопала длинными ресницами.

Генка смотрел на нее счастливыми глазами.

– Послушай, – вдруг спросила Светка. – Тебе на жалко?

– Чего там! Захочу – еще достану!

– Тогда я возьму еще про войну. И вот эти серебряные, ладно?

– Бери!

Светка завернула марки в газету.

– Ну, я пошла...

И взглянула на Усова. Генка стоял посреди комнаты и не отрываясь глядел на Светку. Глядел – и глаза его сияли.

– Я пошла, – повторила она.

– Посиди еще... Хочешь, чай будем пить? – очнулся Генка.

– Чай? Да мне попадет! Уже почти что ночь... Пока!

Она погладила его по голове, как всегда делала ее мать, уходя ни работу, и выскользнула за дверь.

Все марки, кроме флоры и фауны, Усов принес утром в класс и просто выложил на парте.

Произошла небольшая свалка. Несколько марок порвали.

– Подумаешь, я и сам соберу! – сказал Мишка. – Беспорядок только устраивают.

И в толкучку не полез. Генка стоял в стороне и блаженно улыбался, видя, как из-под его парты вылезают коллекционеры, крепко прижимая к груди марки. За этим занятием застала свой чудесный класс Алла Борисовна.

Весь урок и следующий тоже в классе шел энергичный обмен. Тот, кто схватил ненужные марки, менял теперь у других на те, которые требовались.

– Осел ты! – ласково сказал Гарик Сонкин Усову. – Самый настоящий, с длинными ушами. Ты бы мог знаешь сколько выменять на эти марки? А ты выбросил.

– Не выбросил, а отдал, – заметил Усов. – Буду еще мелочиться! Что я, Плюшкин какой-нибудь?

– Да у Генки, знаешь, сколько марок? – вмешалась Мельникова. – Он себе и так собрал – будь здоров!

Сонкин задумался и ничего не возразил. Всеобщий азарт его не задел.

До выставки оставался всего один день. Все должны были расклеить свои марки на большие листы бумаги и принести в школу.

– Кто не расклеил, завтра – последний срок! – обходил и предупреждал всех Гаврилов.

Листы разложили на полу, и Мишка отгонял любопытных, чтобы не наступили.

– А твои где? – спросил он Усова.

Тот показал коробку.

– Разве у тебя тоже фауна и флора? – удивился Гаврилов.

– Нет, – ответил Генка. – У меня флора и фауна.

Оказывается, никто не собирал флору и фауну, кроме Мишки и Усова.

– Это же нечестно, понял? – Мишка увидел, что у Гены марок намного больше. – Надо самому собирать, а нахватать сразу я, знаешь, сколько могу, если схожу к отцу?

– Пойди, – согласился Усов.

– Так ведь их отмачивать надо, лучше готовые купить.

– Купи, – снова согласился Генка.

Тут начали марки вывешивать. Мишка повесил, и у него оказалось совсем мало. Усов вспомнил, как вырезал марки у тети Юли. Только теперь до него дошло, что директор завода и есть сам Мишкин отец. Как-то нехорошо получилось. Ведь, правда, Мишка мог сходить на завод, и это были бы его марки. На конвертах же написано: «Директору завода Гаврилову И.Я.»

– Знаешь, что? – сказал вдруг Усов. – Мне премию все равно не дадут.

– Почему не дадут? – спросил Мишка.

Он кнопками прикреплял листы с марками.

– Ну, все будут смеяться: двоечник, а марки собирает... Не буду я в этой выставке участвовать. Бери мои марки!

– Ты это серьезно? – удивился Мишка. – Не шутишь?

Вместо ответа Усов протянул ему коробку с флорой и фауной. Миша пожал плечами, спрятал коробку в портфель и ушел домой.

Дома Усов вспомнил, что хотел написать письмо матери. Но чего ж теперь писать про марки, когда их нету?

Назавтра в классе прибавилось несколько огромных листов с наклеенными марками и надписью сверху: «Фауна и флора Гаврилова М.».

Из всех классов ходили смотреть выставку, и все замечали Мишкину коллекцию. Она была виднее всех, и в ней было больше всего марок. Даже вожатая гордо сказала:

– Растут ребята. У многих хорошие коллекции, а у Гаврилова флора и фауна лучше всех. Берите, ребята, все, как один, пример с Гаврилова.

Мишка получил премию: статуэтку – чугунный полководец Чапаев с саблей на скачущем коне. Он аккуратно завернул Чапаева в газету, положил в сумку, и все Гаврилову хлопали. А про Усова как-то забыли. Если и вспоминали, то с обидой: одним дал больше марок, другим – меньше. Раз уж ходил марки вырезать, мог бы взять и побольше.

МЕЧЕНЫЙ ЛЕЩ

Всю ночь кто-то шаркал босыми ногами, и бабушка встала. Приоткрыла дверь в коридор – на кухне горел свет. Она еще больше удивилась и испугалась. За столом, растопырив пятерню и держа на ней блюдце, сидел Генка Усов в одних трусах и пил чай, доставая вишневое варенье из банки столовой ложкой.

Увидев бабушку, Усов встал, закрыл банку с вареньем крышкой, поставил в шкаф. Сел, продолжая пить чай без варенья, как ни в чем не бывало.

– Что с тобой? – спросила бабушка. – Нормальные люди спят.

– Мне рыбу ловить. Видишь, светает?

– Рыбу... У него переэкзаменовка, а он рыбу... Всё матери напишу!

Бабушка вздохнула, легла, долго ворочалась, не могла уснуть.

Усов допил чай, спокойно натянул штаны и, не возражая, выскользнул из парадного, держа в руке бидон и удочку. Пересек двор и остановился у подворотни нового дома.

Два окна над самой подворотней – Гарика Сонкина. Самое лучшее свистнуть, но свистнуть Усов стеснялся. Вдруг проснется его мать Алла Борисовна? Все-таки училка.

Усов стоял и не то, чтобы свистел, а подсвистывал. Так, слегка, и нельзя было догадаться, то ли он действительно свистит Сонкину, то ли просто так стоит, задумавшись...

С тех пор, как начались каникулы, Усов с Сонкиным ездят на озеро. И каждый день на берегу, сидя на обрыве, смотрят, как Тимофеич, небольшого роста небритый мужичок в резиновых сапогах, пыхтя, вытаскивает из тины бредень, выбирает из него рыбешку, складывает в бидон, извлекает из кармана четвертинку водки и сверток, пьет, закусывает, а потом подходит к ребятам. Тимофеич живет в одном дворе с Генкой и Сонкиным, днем где-то пропадает, а по вечерам стучит в «козла».

– Это что же у вас, – замечает вдруг он, – одна удочка на двоих? Снасть я те дам! Любую рыбу возьмет! Вот там, в затончике, говорят, сом живет большой.

– Где?

– А вон слева. Хитрый такой. Говорит: просто так не дамся!

– Кому говорит?

– Кому, кому! Известно кому – рыбакам. А здесь мое местечко. Я его, как говорится, облюбовал.

Смотав амуницию, Тимофеич берет бидон и поднимается кривой тропинкой в гору.

– Знаешь, почему у нас не ловится? – сказал Сонкин, когда вчера они налегке возвращались домой. – Тимофеич всю рыбу бреднем забирает, а остальную распугивает. Мы приходим – пусто. Давай завтра придем раньше его. Нам бы хоть маленькую поймать.

– Вставать надо рано, – скис Усов.

– Да ты не спи совсем, пей крепкий чай ночью – и не проспишь.

– А с вареньем не лучше?

– Может, лучше, – сказал Сонкин, – я и так могу не спать, сколько хочу. Читать буду...

И вот теперь Усов ждал у подворотни Сонкина, а Сонкин не появлялся. Генке надоело без толку посвистывать, и он крикнул. В окне показалось заспанное лицо Сонкина. Он радостно замахал руками, не то потягиваясь, не то делая зарядку, а потом сошел вниз, важно неся перед собой на ладони банку с мотылем и в другой руке книжку.

Пустой автобус только выкатил из парка. Он был весь мокрый и снаружи, и внутри. В автобусе Сонкин вспомнил, что очки забыл дома. Книжку взял, а очки забыл.

На озере никого. И самого озера не было, его застигал тихий туман. Он цеплялся по кустам, по траве и исчезал на берегу.

Усов поежился, снял ботинки. Он отломил и воткнул рогульку, налил в бидон воды, аккуратно расстелил собственную куртку, чтобы удобно было сидеть.

Возле удочки решили дежурить по очереди. Один поймаёт рыбу, идет отдыхать – садится другой. Бросили орел-решку: кому сидеть первым. Выпало Усову. Гена сидел долго, смотрел на поплавок, смотрел, смотрел и задремал. Вместо поплавка поплыла перед ним чашка с недопитым чаем, пошли от нее круги по воде. Со дна всплыла банка варенья, которую бабушка прятала. Задремав, Усов сполз по скользкой траве с откоса и чуть не плюхнулся в воду. Зацепился за куст.

– Эй, рыбак, рыбу проспишь!

– Проспишь тут! – встрепенувшись, сказал Усов.

Он оглянулся и увидел Тимофеича.

– Обошли, значит, старика? Так, так...

– Соня, твоя очередь! – крикнул Усов. – Я посплю немного.

Гарик гулял вдоль берега и на ходу читал книжку, приставив ее к носу. Глаза у Генки слипались. Он отдал удочку, на четвереньках залез под куст и тут же заснул. Как провалился.

Сонкин вытащил крючок. Мотыля не было, съели. Еще весной достал он книжку, выучил наизусть все способы ловли, тренировался в комнате с дивана, а все равно никакого результата.

Он нанизал нового, самого большого и жирного червя, какого только смог найти в банке. Едва закинул – поплавок повело, и он провалился. Потом показался опять и заметался по воде.

– Смотри как повело! – воскликнул Тимофеич, перестал разматывать свою хитрую сеть и подскочил к Сонкину. – Дай-ка мне, я лучше выну.

– Сам я, сам! Я и сам могу, я читал, как надо!

Руки у Сонкина тряслись. Он тянул удочку, и два раза из воды показалась голова.

Сонкин притягивал ее к берегу и уже почти выволок на траву.

– Сом! Смотрите, какой сом! – крикнул он.

- Где же сом? – удивился Тимофеич. – Это лещ.
- Вы же сами говорили, что тут должен быть сом!
- Мало ли что должен?! А вышел лещ.

Лещ запрыгал по траве, бил хвостом и сползал обратно в воду.

- Да держи ты его, держи, не то ведь уйдет!

Сонкин упал на траву, накрыл леща грудью, и тот стал бить его хвостом по лицу. Сонкин хохотал и двумя пальцами вытаскивал у леща изо рта крючок.

Лещ успокоился и, вяло открывая рот, засыпал. Тимофеич между тем потоптался вокруг и безразлично произнес:

- Да, хорошо вы моего леща сняли...

- Почему вашего?

– А как же? Я в это время всегда прихожу, и вся эта рыба моя.

- Ну да! – возмущился Гарик. – Кто поймал – того и рыба.

- Это еще неизвестно! – сказал Тимофеич.

Он наклонился над лещом, и лицо его озаботилось. Он даже присвистнул.

- Фьють... Погорели вы, ребята! Леща взяли запретного!

- Почему? – испугался Сонкин.

- Вот, видишь, – он ткнул пальцем в плавник лещу.

Из-под плавника выглядывала крошечная пластинка с цифрами, Сонкин без очков еле ее разглядел.

– Да за такого леща, знаешь, что бывает? – и Тимофеич повел рукой поперек шеи.

- Мы разве виноваты? Сам же на крючок полез.

– Полез-то, полез... Да надо его тут же обратно пустить. А вы...

- Что же теперь?

– Так и быть... Давайте его мне, возьму грех на душу, спрячу, пенсионера не будут обижать. Я тут свой человек, скажу: не видел, мол, кто поймал. Лежал, мол, меченый на берегу – и все.

Сонкин растерянно оглянулся на Усова. Генка сладко спал под кустом, подобрал колени к подбородку. Сонкин подошел к нему, ткнул в пречо.

- Ус, вставай! Ус!..

– Встаю, – не открывая глаз, пробубнил Гена. – Только посплю немножко.

– Вставай, – повторил Гарик. – Я вроде леща поймал.

– Леща? – открыл глаза Гена.

– Да, леща, только не того.

Усов сел, хлопая глазами.

– Как не того? Покажи.

Сонкин оглянулся – рыбы на траве не было. Тимофеич укрывал свой бидон крышкой.

– Отдай леща, – сказал Сонкин.

– Да ускакал он в воду...

– Отдай! – крикнул Сонкин.

– Вам же хуже, – удивился Тимофеич. – В милицию попадете.

– Отдай, – поднялся Усов и стал плечом к плечу к Сонкину.

Генка был худой и длинный, и челюсть у него как-то нехорошо заходила.

– Чего нервничаете, чего?

Мужичок открыл крышку, сунул руку в бидон и швырнул леща на траву. Лещ тяжело плюхнулся, разевая рот, и выпученным глазом посмотрел на Генку.

Усов прижал его к груди.

– Насчет леща еще пожалеете! Сообщу вот, куда следует, вас под суд отдадут...

Смотанный бредень Тимофеич бросил на траву и зашел в кусты спрятать одежду.

Усов все держал в руках леща. Рядом, на голову ниже, стоял Сонкин и растерянно моргал.

– Видишь метку? – спросил Гарик. – Что будем делать? Может, правда, нельзя? Может, рыба на учете в водоеме?

– В каком водоеме?

– В этом, в озере!.. Слушай, давай отнесем леща! Мы же не виноваты!

– Леща жалко, – сказал Усов. – Большой такой. В жизни не поймашь...

– Жалко, – согласился Сонкин. – Отнесем?

Он молча закинул на плечо удочку и побрел. За ним Усов в обнимку с лещом.

Вдруг Сонкин остановился:

– Иди, я сейчас...

– Ты куда?

– Говорю – сейчас...

Скоро он догнал Усова.

– Ты чего радуешься? – подозрительно оглядел его Генка.

– Да так, ничего...

Возле сторожки постояли. Усов толкнул дверь – она заперта. Сели на пороге. Усов опять задремал, не отпуская рыбы.

– Кого ждете? Не меня ли?

Перед ними стояла полная женщина, одетая в ватник, не смотря на жару.

– Что же – меченого поймали?

– Да мы не нарочно, объяснил Гарик.

– Знаю, не нарочно. Ну-ка, несите!

Она порылась в кармане, вынула ключ, долго отпирала дверь, положила леща на стол. Вынула из ящика скальпель и отрезала пластинку вместе с плавником.

– Так, – бодро сказала она, – заприходуем...

Усов, привыкший к неприятностям, покорно стоял, глядя себе под ноги и слегка пошевеливая ушами. Он всегда так делал, когда надвигались неприятности. Это успокаивало нервы.

Женщина спрятала метку в коробочку и открыла сейф.

– Берите рубль!

– Рубль? – удивился Усов.

– За леща меченого положен рубль.

Сонкин взял рубль и засунул в карман.

– А нам что теперь? – удивленно спросил Усов.

– Идите домой!

Они вышли из сторожки.

– Эй! А леща-то, леща берите!

Усов остановился. Не поворачиваясь, сделал два шага назад, схватил леща и бегом бросился на улицу. Следом за ним Сонкин.

– Понял? – кричал Усов.

– Понял! – кричал Сонкин.

– Видал? – кричал Усов.

– Видал! – кричал Сонкин.

– Леща видал? – сунул ему под нос рыбу Генка.

– Рубль видал? – спросил Гарик, остановившись.

Солнце поднялось высоко. Они вышли на улицу и у конечной остановки автобуса купили мороженое. Потом, выскочив

из автобуса, на углу у кино опять купили. А возле дома у продовольственного купили еще эскимо. Рубль кончился.

– Как же теперь быть? – спросил Усов. – Нас двое, а лещ один... Слушай, а где твоя книжка?

Книжку на радостях забыли на траве у кустов.

Но настроение было прекрасное.

– Бери леща ты! – сказал Генка. – Алла Борисовна уху сделает.

– Лучше бери ты, – сказал Гарик. – Матери нет, она на занятиях, а у тебя бабушка сварит.

– Так и быть! Бабушка сварит, а ты приходи есть.

Всё порешили и хотели расходиться, когда в подворотню вошел Тимофеич. На ногах он стоял не очень уверенно и прошел было мимо. Потом увидел ребят, двинулся на них, но споткнулся о выбоину в асфальте.

– Дождетесь у меня! – прохрипел он. – Я вам еще покажу, как меченую рыбу ловить...

Маленький Сонкин засмеялся.

– Ты чего? – не понял Усов.

– Помнишь, когда мы уходили с озера, я вернулся...

– И что?

– Да я бредень Тимофеича закинул в озеро. Далеко. Пускай честно рыбу ловит.

– По домам! – весело крикнул Усов.

Тимофеич стоял, покачиваясь, посреди двора и ругался.

СЕМЬ АВТОБУСОВ И ГРУЗОВИК

– Наконец-то я от тебя избавлюсь! – сказала бабушка. – Все печенки мне проел...

Не ел ей Генка печенки. Вообще они видятся мало. И на второй год Генка все-таки не остался.

Она просто так, любя, это говорила, пока аккуратно пришивала ему метки к одежде с инициалами Г.У., обсуждала, какие штаны класть, а какие нет. И как быть со свитером: брать нужно, а локоть рваный. Тем временем Гена то и дело вынимал из кармана ножик. Наконец-то, по случаю перехода в шестой, бабушка его подарила. Ножик прекрасный, туго открывался, а захлопывался со страшной силой.

– Смотри, пальцы не прищеми! – вскрикивала бабушка каждый раз, когда нож щелкал. – Купила на свою шею, станешь, не дай бог, инвалидом...

Наконец бабушка написала на листке от тетради красивым почерком: «Гена Усов», вырезала и приклеила «Гену Усова» к чемодану.

К заводской проходной Генка пришел, как всегда, последним. Народу полно было, и дежурные всех рассаживали по автобусам.

– Вон того видишь? Это начальник моего цеха, – говорила бабушка.

Начальник цеха бежал с огромным чемоданом, волоча за руку девочку.

– А вот это, – бабушка показала пальцем на крыльцо, – сам директор завода.

– Да?! – не поверил Усов. – Это Гаврилов?

– Гаврилов. А почему бы нет?..

Усов хмыкнул, не ответил. Он очень удивился. Ему почему-то казалось, Мишкин отец толстый, с большим животом, очень строгий и обязательно в очках. А директор был тощим, длинным и без очков. Генка не раз заходил к Мишке домой, но отца никогда не видел. Мишка и сам видел его мало. Директор уезжал чуть свет, появлялся ночью. Ночью, говорил Мишка, он приходит и еще сидит, читает. Когда он только спит?..

Директор тоже вышел проводить детей в лагерь. Мишки не было. Его в санаторий для особых детей в Крым увезли.

Бабушке кто-то махал рукой, хлопал по плечу, все ее знали, и она всех: уж сколько лет в одном цехе работает.

– По автобусам! Скорей по автобусам!

Все ребята карабкались на подножки, запихивали под сиденья чемоданы, открывали окна, свешивались вниз. Вожатая кричала:

– Дети, окна открывать запрещено! Кому сказано?! И так не жарко ехать...

– Это ты, Усов? – сказала вожатая.

– А это вы? – спросил Генка.

– Я с вами на лето в лагерь еду. Смотри не повторяй своих школьных штучек, а то...

– Усик, садись, – сказала бабушка. – Расстанемся на месяц. Ты от меня отдохнешь, а я от тебя.

Вздыхнула и отвернулась, сморкаясь в маленький платочек.

– Я от тебя вообще-то не устал, – сказал Гена.

– Зато я от тебя устала.

Она обняла его за шею. Он был с бабушкой одного роста, даже, пожалуй, чуть повыше. Она подала ему чемодан с наклейкой «Гена Усов».

В автобусе было полно. Генка втиснулся на заднюю скамейку. Хоть бы кто-нибудь знакомый был из школы. Никого! Светку и ту к родным в деревню на лето отправили.

Мимо вереницы автобусов проехала милицейская машина «раковая шейка» с рупором на крыше, рупоры вращались и объявляли:

«Лагерь отправляется! Провожающие, отойдите от автобусов. Всем отойти от автобусов!..»

«Раковая шейка» развернулась и медленно покатила по улицам. За ней черная «Волга», в которой сидел начальник лагеря. За «Волгой» «Скорая помощь» – на всякий случай. А после автобусы.

Из окон все равно высовывались. Девочки руками махали, родители бежали кросс по тротуарам, обгоняя друг друга, пока не отстали. Зря бежали! Все равно автобусы крутили колесами быстрее и скоро скрылись за углом.

Усов в окно не смотрел. Он вытащил ножик, открывал и закрывал. Ножик щелкал, только успевай пальцы убирать. Вожатая похлопала в ладоши и сказала: «Знакомиться не будем, потом и так познакомимся, будем лучше петь».

Долго ехали. Город кончился. Выехали на шоссе. Леса побежали мимо. Мальчик, который рядом с Усовым сидел, говорит:

– Дай нож посмотреть.

Отдал Генка; тот открыл, потом стал закрывать, да так, что чуть пальцы не прищемил. Генка у него отобрал: мал еще с такими игрушками играть. Другой сосед говорит: «Дай мне». Ну и ему дал. Пошел нож гулять по автобусу. Все смотрели, даже девочки, хотя ничего они в ножах не понимают.

Ждет Генка свой нож, а тот не возвращается. Встал Усов, пошел по автобусу, спрашивает:

– У кого мой ножик? Отдайте!

Насилу нашел, спрятал в карман. Вожатая кричит:

– Садись, Усов, на место! Ходить не разрешается.

– А я разве хожу? Мне нож взять...

– Какой еще нож? – спросила вожатая. – Ну-ка дай его сюда!

Она повертела ножик и спрятала в карман куртки.

– Когда отдадите? – спросил Генка.

– Не бойся, придет срок – отдам.

Тут автобусы остановились. Мимо проехала «раковая шейка»:

– Остановка пять минут. Далеко не отходить. До кустиков! Мальчики направо, девочки налево...

Двери открылись, и все посыпались из автобуса, побежали к кустикам.

Усов пошел вперед, стал считать автобусы. Насчитал семь, а сзади грузовик. Кузов накрыт брезентом. Обогнул грузовик, на заднем борту написано: «Обгон запрещен – лагерь!» Интересно все же, обгоняют или нет? Милиция впереди, откуда ей видно?

Генка оглянулся, вокруг никого. Уцепился за борт грузовика, влез на колесо, подтянулся и перевалился в кузов. В грузовике матрасы для кроватей везут. Усов сразу под брезент, накрылся, лежит, в щель поглядывает. Лежать роскошно: просторно, мягко, как королю на именинах. Зачем ехать в душном автобусе? Там даже окна открыть не разрешают, а здесь ветерок, облака над тобой плывут, верхушки деревьев покачиваются.

Опять «раковая шейка» проехала. Всем велят в автобусы садиться, сейчас отправляемся. Генка разлегся, в щель глядит.

Заурчал мотор – тронулись. Вот и не заметили, что Генки нет. «А вдруг я в лесу заблудился? Вдруг меня волки съели? Остались от Усова рожки да ножки».

От этого Генке стало так весело, что он захохотал. И тут слышит: мотор умолк. Опять стало тихо. Послышались крики, а что кричат – не разберешь. «Раковая шейка» проехала. Кто-то кричит:

– Ребят не выпускать. Ищите его в лесу!

Вожатая бежит куда-то.

– Фамилию установили? Проверьте по спискам, кого не хватает.

Слышит Генка, в лесу кричат:

– Усов!

– Усов!!

Генка чуть было не отозвался. Но думает: лучше пока помолчу. Доеду до лагеря, там уж все наверняка поймут, что это шутка. «Молодец, – скажут, – Усов, скучно было ехать, ты всех развеселил». Назначаем тебя капитаном команды КВН – ты у нас самый веселый и самый находчивый.

А возле автобуса суета. Взрослые бегают, и «раковая шейка» раза два проехала. Те, кто в лес пошел, вернулись, руками разводят.

Смотрит Усов – две огромные зеленые машины остановились. Из них солдаты выпрыгивают. Построились в шеренгу прямо на шоссе. Начальник лагеря стал им что-то объяснять, офицер крикнул, они растянулись цепочкой и вошли в лес.

Хотел Усов вылезти и посмотреть. Но мотор заревел, и грузовик тронулся за автобусами. На шоссе только «раковая шейка» осталась и военные машины.

Опять ехали они по шоссе мимо леса, потом свернули на проселок. Все под пылью скрылось. Высунулся Усов из-под брезента, а ничего разглядеть не может. Пыль клубами. Закашлялся, испугался, что его сейчас найдут. И действительно, остановились.

Забился Усов поглубже. Сидит, на всякий случай не вылезает. Полчаса прошло. После выглянул; видит: вокруг домики, лужайка зеленая, разноцветные флажки к забору прибиты. Ребята бегают, разносят свои вещи по корпусам, а совсем рядом с грузовиком кто-то кричит:

– Матрасы где сгружать?

Сейчас брезент скинут. Надо удирать, пока не поздно.

Сполз на колесо, спрыгнул и побежал от грузовика подальше. Смотрит, ребята уже в футбол играют. Он, конечно, сразу сосчитал, в какой команде на игрока меньше, и пристроился, тоже начал играть. Ребята сначала заворчали, а после он с левой так врезал по воротам, что ему сказали:

– Где же ты раньше был?..

Генка вспотел, и пыль, намкнув, текла по нему бурыми полосами.

Поиграл Усов немножко и соображает: «Надо бы в свой отряд пойти, а то, чего доброго, без кровати останешься и без обеда. А как своих найти, когда все незнакомые?..»

Стал из отряда в отряд ходить. Половину корпусов прошел – ничего не понять. Навстречу по дорожке вожатая идет. Увидела его, издали кричит:

– Ты где это так вымазался? Котельную чистил? Из какого отряда?..

Тут вожатая подошла поближе, всплеснула руками и как закричит:

– Это же Усов! Усов, который потерялся!

Генка думает: чего это она так обрадовалась? Она схватила его за руку и тащит.

– Пойдем, – говорит, – скорей! Слава богу, нашелся...

Притащила к двери, на которой написано: «Начальник лагеря».

– Вот он!
– Кто? – спрашивает начальник.

– Да Усов, который потерялся.
Начальник из-за стола вскочил:

– Ты откуда взялся?

– Как откуда? – говорит Генка. – Из грузовика.

– Делал что ты в грузовике?

– Ехал! В автобусе душно.

– Ничего не скажешь, молодец, – сказал начальник и почесал затылок.

Он так растерялся, что не знал, как быть. Генка не понял, похвалил он или что-нибудь еще имел в виду.

Начальник выскочил из-за стола и побежал на двор.

– Милицейская «Волга» ушла? – донеслось в окно со двора. – А где «Скорая»?

Он что-то сказал шоферу «Скорой помощи», которая стояла рядом, мотор взревел, и машина умчалась. Начальник вернулся в комнату.

– Ведь ты уже большой, – сказал он Усову. – Такое делаешь, а? Две роты солдат из-за тебя привезли лес прочесывать.

– Откуда я знал? Я пошутить хотел.

– А нам что ж делать? В лесу тебя бросить? Да нас бы за это, знаешь, по головке не погладили! Нет, так дело не пойдет! Все дети как дети, а ты? Иди сейчас же мыться, посмотри, на кого похож. Там решим, что с тобой делать.

Он повернулся к вожатой:

– Ты за ним в оба смотри! Мало ли чего еще надумает...
«Бери ложку, бери хлеб...» – пел горн.

Обед Генка съел и добавки попросил. В «мертвый час» подушками кидались, под кровать лазили, а ему как-то не кидалось. Хотелось даже быть послушным: но когда вожатая заходила и все, перестав бегать, ложились на свои кровати, получалось, что Генка лежал тихо, как все, никакой разницы не было. И хвалить, стало быть, не за что.

После полдника в футбол играли, физрук сразу Усова в сборную лагеря включил.

– У тебя, – говорит, – с левой удар вполне приличный. И бегаешь ничего, мы из тебя нападающего выкуем.

В общем, Генка забыл, как сюда приехал, и, когда горнист затрубил сбор на линейку, первым прибежал строиться.

На линейке начальник лагеря сказал перед строем речь:

– У нас прекрасный лагерь. Дел очень много. Будем торжественно готовиться к открытию лагеря. В гости к нам придет руководство завода. А после открытия сразу начнем готовиться к закрытию.

Генка крикнул:

– Будем с соседними лагерями в футбол играть?

– Мы-то обязательно! – сказал начальник. – Вот будешь ли ты?.. Не знаешь, что в строю разговаривать не положено? В первый же день, ребята, еще по дороге в лагерь у нас произошло «чепе». Потерялся мальчик Усов...

Начальник велел ему выйти перед лагерем и рассказать всем, как было дело.

Генка рассказал. Думал, все смеяться будут, но никто не смеялся.

– Можем ли мы такого Усова оставлять в лагере? – спросил начальник и оглядел линейку. – Нет! Поэтому я вызвал его родителей. Усов, прямо в мой кабинет шагом марш!..

Усов вздохнул и побрел не оглядываясь. Была бы тут Алла Борисовна, она бы все поняла, с ней бы не выгнали.

Идет Генка, а бабушка навстречу:

– Ус, родненький!

– Ты откуда?

– Откуда? Из лагеря как позвонили, мне сразу директорскую машину дали – и сюда. Ты и тут что-то натворил?!

– Я что? Ничего!..

– Как ничего? Начальник лагеря мне сказал: есть штучки, которые можно прощать, а есть – которые нельзя. Почему всегда твои штучки прощать нельзя?

– Да они просто не поняли. Это же шутка.

– Хороша шутка!

– Давай скорее уедем! – говорит Генка. – Скорее, пока линейка...

Они двинулись к станции.

– А где ножик, который я тебе купила?

Обшарил Генка карманы – ножика нет. И тут вспомнил, побежал к вожатой. Линейка как раз кончилась.

– Ножик мой! Ножик отдайте! – догнал вожатую Генка.

Вожатая пошарила в карманах, извлекла ножик. Хотела что-то сказать, но передумала. Генка схватил нож и бросился бежать, потому что со всех сторон к ним спешили ребята.

Бабушка стояла на дороге. Вид у нее был такой, будто она только что, именно сегодня, постарела.

Даже еще лучше, что я уезжаю, думал Усов, шагая к станции. Жалко только, что бабушка от меня мало отдохнула. Всего-то с утра до вечера.

ОБОЙДЕМСЯ БЕЗ ДЖУЛЬЕТТЫ (Рассказывает Гена Усов)

Лично я девчонок не люблю. На это есть причина.

Мой двоюродный брат Борька кончал строительное ремесленное училище, и на практику его отправили в Таганрог. Из лагеря меня попросили. Бабушка не хотела, чтобы я все лето подметал клешами мостовую, и упростила Борьку взять меня с собой на практику.

– Поезжай, отдохни, – сказала бабушка на вокзале, – а уж осенью я тобой займусь серьезно.

Истинная же причина моего отъезда осталась для нее тайной.

Так я оказался в Таганроге. Там и началась моя нелюбовь к девчонкам.

Мы штукатурили новые пятиэтажные дома. Штукатурить – это не то, что уроки делать, тут не соскучишься. А после работы бегали к морю.

До чего там море мелкое! Уходишь далеко-далеко, вода теплая, песок на дне – паркет. Бредешь, бредешь... Бегут кольцами волны, исчезают вдаль. Вокруг тихо, так тихо, что в ушах пусто. Можно часами стоять и чувствовать внутри пустоту. Забываешь про все на свете.

Мы и не заметили, как ребята оделись и ушли с пляжа. Тоже пижоны, подождать не могут. Остался я с Борькой один. Напялил рубашку и брюки, трусы даже отжимать не стал, и так высохнут.

Надо бы поесть, но не хотелось. Борька купил мне в киоске два стакана газировки, сел на скамейку и стал книжку читать. Неинтересная, я такие в руки не беру. Пошел чаек глядеть.

Долго солнце не садилось. Оно горячее, будто кусок металла раскалили добела. Сейчас море зашипит, как только солнце его коснется. Но солнце тихо исчезло, и море не зашипело. Я еще тогда подумал, что это не море. Просто положили зеркало, вот оно и блестит между берегов.

Стало темнеть. Вижу: остался я на целом пляже один, один до самого горизонта, даже страшно стало. Побежал к Борьке – рядом с ним сидит девчонка. Сел я на край скамейки, будто чужой, смотрю прямо в море. Если Борька захочет, чтобы я оказался его братом, сам скажет.

Когда она появилась?.. Сидит и посматривает на него. Плечи у нее загорелые еще больше, чем у меня. Юбчонка широкая, в разноцветную клетку, торчит во все стороны.

– Я целый день на солнце, а никак дочерна загореть не могу, – говорит Борька.

– Просто у меня кожа смуглая, – отвечает она, – а у тебя нет.

И улыбается. Сама в глаза ему глядит, будто больше не на что смотреть. Сидят и сидят, больше молчат, чем говорят, но с места не двигаются. А Борька обещал в кино меня повести на сеанс, на который дети не допускаются. У меня кончики пальцев от обиды закололо. Я кулаки незаметно сжал, чтобы не волноваться. Так я закаляюсь.

– Тебя как звать? – спрашивает Борька.

– Меня? Джульетта...

Джульетта... Может, она из кино?

– А тебя, – говорит, – я знаю, как зовут. Ромео, да? Угадала?

– Еще как угадала! – засмеялся брат.

Так она Борьку и звала – Ромео. А по-моему, Борьке с настоящим Ромео и рядом стать нельзя. Ростом он ему под мышку, вихор, сколько ни слюнявь ладонь, торчит. На брюки лучше не глядеть. Последний раз гладили на фабрике, когда шили. А самое главное – шпаги нет! Так я ему после и сказал. Борька меня за это чуть не ударил. «Ты, – говорит, – ревнуешь меня к ней». Это значит, я вроде бы хочу, чтоб мы были

вдвоем, без нее. Мне-то что! Я бы и сам устроился, но не велели от него отставать. А что он урод, это факт.

Джульетта – другое дело! Очень красивая. Лучше, чем в кино. И язык у нее подвешен... Борьку легко заговаривает. Он ей едва успел про свое детство рассказать, а она ему и про класс, и про всех девчонок и ребят, кто с кем дружит, кто в кого влюблен, кто поссорился, и про учителей.

– Слушай, – говорит Борька, – родители о тебе не беспокоятся?

– Нисколько, – отвечает она. – Я их давно перевоспитала, они у меня были старомодные.

Захохотала и прибавляет:

– Проводишь меня домой? А то я одна боюсь поздно ходить.

Долго мы до ее дома шли. Они впереди, я за ними, так, чтобы она не догадалась. Улица Гегеля, дом 6. Я еще запомнил: Гегель – это как Гоголь, только лично мне менее известен.

Потом они возле калитки ходили. Шаги у нее маленькие, он шагает раз, а она два. Он раз, а она два. И молчит... Там как раз фонарь. Их вижу, они меня – нет. Я за палисадничком спиной к забору прижался.

– Ну, пока, – говорит она.

Это когда они в четвертый раз возле ее калитки остановились. Протягивает Борьке руку.

– Завтра придешь на то же место, Ромео? – спрашивает.

– Приду, – шепчет Борька.

– А кто это за тобой ходит?

– Брат.

– А, брат... Симпатичный... Только ты его с собой не бери. Пусть сам гуляет, ладно?

– Ладно.

И убежала.

Распоряжается так, будто Борька не мой брат, а ее!

Зачем ему завтра приходиться, когда они обо всякой ерунде разговаривают? Если бы, например, на лодке покататься... Или в пещеру сходить... Я, выходит, вообще никто, должен отдельно гулять? А если я чего-нибудь натворю?

Утром с моим братом что-то случилось. Штукатурит кухню в однокомнатной квартире на третьем этаже и все время

насвистывает. Я ему раствор в ведре мешал, и он мне за целый день ни разу по шее не дал. Переставал свистеть только, когда хлопала дверь. Значит, мастер пришел проверять качество. Качество есть, но лучше все же не свистеть.

С работы Борька отпросился пораньше, забежал в парикмахерскую, подстригся. И меня заодно подстригли. Потом в общежитии снял спецовку, надел чистую зеленую ковбойку и показал пальцем на кровать:

– Отсюда никуда не уходи. Скоро приду. А если задержусь, все равно сиди на месте. Понял?

– Понял. А то под дых...

– Верно! – сказал Борька и убежал.

Я сидел-сидел, и стало очень скучно. По радио всякую дрянь передавали – и то слушал. А когда комната стала серой, не выдержал. Вышел на улицу, иду. До конца улицы дошел. На трамвай сел, два раза от круга до круга проехал. Потом кондукторша меня ссадила:

– Иди ты, сынок, спать! Тёмно уже.

– Пришел я в общежитие так поздно, что даже Борька был дома. Как он со мной обошелся, это никакого интереса не представляет. Он все может, потому что старший брат, хотя и двоюродный.

– Ген, – говорит, – запомни! Больше один не останешься!

Но я понял, что в душе у него поют соловьи, прямо заливаются. Наверно, опять по улицам ходили туда-сюда. Лучше бы на трамвае катались.

К концу работы мастер попросил меня сходить за сигаретами. Несу их – кто-то меня окликает:

– Мальчик, ты брат Ромео?

Гляжу, Джульетта, только в другой юбке, белой с картинками. Еще красивее.

– Допустим, – говорю, а сам картинки на юбке разглядываю: там человечки бегают, кто вверх головой, кто вниз. – Только он вообще-то не Ромео: Борькой его зовут.

– Ну, пускай Борькой. Передавай ему привет.

– Ладно, – говорю.

И бегу скорей обратно, а то мастеру курить нечего.

Отдал сигареты, небрежно так бросил Борьке:

– Я, между прочим, кое-кого сейчас видел.

Борька покраснел.

– И что?

– То, что она привет тебе передает и советует со мной побыть, а то мне скучно одному целый вечер...

– А если серьезно? – спросил Борька и еще больше покраснел. – Ты спросил?

Я не спросил, а сразу понял, что он влюбился по уши. Ну что ж? Так и быть, пускай она дружит с нами.

До конца смены мы не разговаривали. Потом пошли домой, и Борька опять быстро мылся и чистился.

– Ты чего ж, пойдешь все-таки?

– Надо!

Я не хотел идти на море, но братан сдвинул мне плечо и кротко сказал:

– Гена!

Это означало, что бабушка меня одного оставлять все-таки не велела.

На пляже он, конечно, остался сидеть на скамейке. А я вокруг ходил. Тут рядом, в море, возле берега, торчит скала. На ней площадка такая плоская. Я давно ее заметил, на ней загорать здорово.

Ботинки сунул под камень и полез. Взобраться на скалу без лестницы можно только по скошенному краю со стороны моря. Зато влезешь – перед тобой целое небо. Хоть взлети. Если, конечно, можешь.

Не раз я лежал тут на горячих камнях и думал. Почему все люди делятся на тех, кто на звезды смотрит, и на тех, кто в землю? Вот я, например, очень звезды люблю, может, это и глупо. Чем темнее, тем звезд больше. Появится новая – и тут же начинает мигать. А вот еще... Счастливые люди астрономы: никаких забот, лежи себе под телескопом и гляди на небо. Но не могут же все в небо глядеть. Кто штукатурить будет?

Лежу, сосу леденцы, которые по дороге с Борькой купили, гляжу на воду и ни о чем не думаю. Вернее, думаю о чем-то, но не знаю о чем. Вроде как обо всем. Лежал я, лежал, скучно стало. А он все сидит на скамейке, даже не купался.

Уже и солнце давно село за море. Борька лег на скамейку: все равно никого на пляже нет. Лежит и тоже смотрит на звезды.

Я огляделся. Далеко, у самого выхода с пляжа, слышу смех. Борька сразу вскочил, заправил ковбойку в брюки и опять сел. Смотрю: наша Джульетта и какой-то парень. И она держит его под руку. Видали? Может, брат? Но кто же с братом гуляет под руку?

Голоса совсем стихли, а потом опять стали громче, и шаги слышно. Видно, дошли до конца пляжа и возвращаются.

– Джульетта! – тихо позвал Борька, когда они поравнялись со скамейкой.

Она вздрогнула, остановилась.

– Боря... – сказала как-то нехотя. – Ты что, купаешься?

– Конечно. А ты?

– Я вот гуляю...

– Джульетта! – заикаясь, повторил Борька и сделал несколько шагов к ней.

– Да с чего ты взял, что я Джульетта? Меня Ниной звать... Глупый, ей-Богу!.. Что, шуток не понимаешь?

– Шуток? – пробормотал Борька. – Я думал...

– Слушай, друг, – сказал Борьке парень и положил руку на плечо. – Чего пристаешь к чужим девочкам? Проваливай-ка отсюда, пока не схлопотал.

Она отошла немного и засмеялась.

Борька скинул его руку, и я думал: сейчас врежет парню – и все. А брат не стал. Отвернулся и пошел. И они в другую сторону.

До чего мне стало обидно за него! Не надо было ему встречать в разговор, надо было драться. Я бы ему помог.

Щеки мои горели от стыда за то, что мой брат глупый. Хорошо еще двоюродный, не родной. И таким паспорт дают? Но и я тоже хорош. Он там один, а я разлегся на скале и леденцов ему не оставил.

Полез я в воду охладиться и вдруг наступил на что-то острое. Стало так больно, хоть кричи. Потом не помню: видно, потерял сознание.

Когда пришел в себя, Борька нес меня на руках. Азовское море хорошее, не даст погибнуть человеку. Нога ноет. Мокрая рубашка противно липнет к спине, со штанов текут струи. Борька плачет, слезы капают мне на шею.

У выхода с пляжа мы напоролись на милиционера.

– Противное дело, – сказал врач «Скорой помощи», морщинистый старичок в золотых очках. – Глубокий разрез ступни. Куски разбитой бутылки мы у тебя вынули. Зашивать будем. Терпи! Похромаешь с неделю, а то и две. Где это ты так?

– В воде.

– Что же ты там делал?

– Охлаждался.

– Это на ночь-то глядя?

Стал старичок ногу мою зашивать. Я напряг всю волю, чтобы не кричать от боли, изо всех сил старался о ноге не думать. Если не думать, легче. Борька сидел возле моей кровати и молчал.

– Ботинки-то мои на пляже остались, под камнем, – сказал я.

Он ничего не ответил. Он тоже волю напрягал, чтобы не думать.

НЕТ ВЕЛОСИПЕДА — ЕСТЬ ВЕЛОСИПЕД

Засыпая, Усов держал руки так, будто он катается на велосипеде. Ему снились гонки: он в красной майке с номером на спине вырывается вперед. Мчится по шоссе, педали мелькают так, что ног не видно, а шоферы проезжающих машин удивленно высовывают из окошек головы, видя, как он легко, небрежно обгоняет на поворотах автомобили.

Страсть проснулась внезапно, едва весной проглянул асфальт, и мальчишки выехали на велосипедах во двор. Усов понял: ничего другого ему на свете не нужно. Разве что собаку...

На собаку наложили запрет. Бабка наотрез отказалась на эту тему даже говорить. О велосипеде же мечтать можно было.

Он провожал долгим печальным взглядом всякого, кто крутил педали. Садился делать уроки и, полузакрыв глаза, видел: войдет он в магазин один, а выйдет вдвоем — с велосипедом. Как он будет протирать его, мыть, смазывать, любить! На плохой дороге он будет носить его на себе, чтобы не сломался. Словом, он засыпал, сжав руки на руле. А велосипеда не было.

— Во-первых, у нас денег нет, — говорила бабушка. — Во-вторых, если б и были, то покупать тебе его не за что. Вот Сонкин — почти отличник, а у него и то велосипеда нет.

— Зато у Мишки есть, — говорил Усов.

— У Гаврилова? У Миши родители состоятельные, и он все-таки учится почти хорошо. А ты? За просто так дорогие вещи не дарят.

Усов знал, что можно канючить: «Купи мне велосипед! Ну, купи!» И в конце концов добьешься. Но для этого Генка слишком вырос. Попрошайничать у ребят во дворе не позволяло самолюбие. Хотя сладко замирало внутри, когда он предвкушал, как прокатится на велосипеде, пускай даже на чужом.

У Гаврилова был роскошный никелированный велосипед с фарой. Придвинешь колесико, фара загорается, и вечером, в темноте, впереди велосипеда по асфальту бежит, подрагивая, желтое пятнышко. Раз Усов попросил. Мишка дал и тут же начал предупреждать:

– Смотри, осторожно, понял? Уронишь – никелировку поцарапаешь!

Прокатиться, конечно, всегда приятно, но Усов подержал в руках руль, отдал велосипед Гаврилову и ушел подтягиваться на турнике. Это очень успокаивало.

Нет, что ни говори, с велосипедом ты человек!

Борис выслушал однажды все его сомнения.

– У бабки просить – не допросишься, – сказал он. – Заработать, вот что!

– Как заработать? – не понял Усов.

– Так! Чай, не маленький. Смотри, какие ноги длинные!

– Ноги у меня длинные, чтобы на велосипеде кататься. А велосипеда нет.

– Не горюй, – пообещал Борис. – Что-нибудь придумаем.

Борька не сболтнул. То, что он придумал, уже известно: взял его с собой на практику в Таганрог.

На стройке Борис подвел Генку к мастеру оформить подсобным рабочим. Рабочих рук не хватало, а мусор подметать вообще никто не хотел.

– Шестнадцать ему есть? – подозрительно оглядел Усова мастер.

– Есть, есть, скоро даже больше будет, – уверил Борис.

– Комсомолец?

– Что-то вроде этого, – сказал Борис.

– Как понимать – что-то вроде? – спросил мастер. – Нам желательно, чтобы по документу было.

Борис промолчал.

– Вообще-то от меня не зависит, – сказал мастер. – Как прораб решит.

Решилось все, однако, просто. Прораб спросил у Генки фамилию и пробурчал:

– Поскольку ты мал, будем с тебя требовать половину нормы. Ну и денег, само собой, платить половину. И прогрессивки половину. Согласен?

– Согласен, – радостно сказал Генка.

Он, правда, не понял, что такое прогрессивка. Борис его учил: раз платят половину – и работай наполовину, не перерабатывай. За это будет тебе и прогрессивка, не бойся. Но Генка старался изо всех сил, работал без отдыха. Борьке помогал раствор мешать, мешки с цементом носил. Если прораб или мастер велели доски поднести, мусор убрать или же за сигаретами слетать, тут же бежал выполнять.

Первые дни Генке вечером даже в море купаться не хотелось, так он уставал. Приходил в общежитие и, не раздеваясь, в ботинках ложился на кровать. Потом втянулся – и купаться захотелось, и гулять.

Когда после получки пришли в общежитие, по совету Бориса Генка выложил деньги на стол и разделил на три части. Это – бабушке отправить, это – на велосипед, а это – тратить сейчас. Велосипедные деньги спрятал в чемодан под кроватью. Бабушке – сходили на почту, отправили, потом пошли кофе пить. Каждый на свои деньги. Борис купил сигарет, а Генка не стал. Лучше деньги не проматывать, на велосипед оставлять. Детство это – курить.

– Как настроение? – бодро спросил Борька. – У тебя, считай, уже одно колесо в кармане.

Теперь, когда на одно колесо было заработано, каждый день после работы Усов заходил в магазин спорттоваров посмотреть на велосипеды. Жалко только, на обед, на завтрак, да на ужин деньги уходят, ну и на лимонад, и на кино. А колесо – уже что-то реальное.

– Может, купить колесо? – размышлял вслух Генка. – После докуплю остальное.

– Смысла нету, – резонно отвечал Борис. – Купим, потерпи. Вообще советую сразу настоящую спортивную машину брать.

– Она же дорогая!

– Зато вещь!

– Может, все же купить пока колесо?

Незадолго до отъезда Усов получил от бабушки письмо:

«Внучек! Получила твои деньги и добавила своих. Купила тебе к приезду подарок – пальчики оближешь, давно ты о нем мечтал. Пришлось, правда, поизрасходоваться. Очень я без тебя соскучилась. Мама пишет, что тоже рада, что ты человек. Приезжай скорей!»

У Генки сладко засосало под ложечкой. Вот это бабка! Значит, велосипед уже дома. Наверяд ли спортивный, но все равно здорово. Генка рассказал все Борису.

– Не надо покупать велосипеда? Прекрасно! Сложимся и купим магнитофон. Магнитофон – это вещь!

Борис достал из своего чемодана деньги. Генка – из своего. Добавили ребята, кто сколько мог. Побежали в магазин и перед самым закрытием купили магнитофон, который был дешевле всех.

Полночи не спали. Магнитофон поставили на окно. По очереди говорили в микрофон речи, пели, потом слушали, потом опять говорили и пели. Крутили до тех пор, пока не накричала на них сторожиха. Завтра день рабочий и всем рано вставать, а они тут гуляют, бессовестные, и она все доложит коменданту.

Утром Борис взял магнитофон на стройку, включил его в квартире, которую штукатурил. Однако мастер, когда пришел, звукового оформления не одобрил.

– Этак все плясать начнут, а у нас план. Выключай! Скоро практике конец – тогда и крутите на здоровье хоть цельные сутки.

О приезде домой Борис с Генкой дали телеграмму. Бабушка встретила их на вокзале.

– Ну, как тут мой подарок? – перво-наперво спросил Генка.

– Все в порядке, ждет тебя.

Чемодан свой Генка тащил почти бегом. На вопросы не отвечал. Скорей домой – и сразу на двор кататься.

Дома бабушка торжественно открыла перед Генкой шкаф и отошла на два шага в сторону, чтобы издали посмотреть, какое впечатление покупка произведет на Генку.

– А велосипед? – спросил Генка.

– Велосипед? Я тебе костюм купила, настоящий, мужской: брюки и пиджак. Темно-серый, в клеточку.

– В клеточку... – рассеянно повторил Усов.

Он не заплакал только потому, что приходилось быть мужчиной.

Поздно вечером заехал Борис.

– Катаешься?

– Катаюсь...

– Не спортивный?

– Нет, не спортивный. А как музыка?

– Музыка – это вещь!

На Борьку нельзя было сердиться, он ведь не виноват. Правда, магнитофон он себе забрал, но сказал, что потом завезет и он у них будет по очереди.

– Пойдем! – сказал Борис. – Я прокачусь!

Тут только до него дошло. Борька помолчал, а потом сказал:

– Не расстраивайся! Все равно у тебя нога, небось, еще болит, кататься нельзя.

– Ходить нельзя, а кататься можно, – возразил Генка.

– Ладно! Я магнитофон совсем себе заберу, а тебе велосипед куплю, идет? Дай только денег поднаберу. Я ведь с первого сентября работать иду на стройку. Там платят – будь здоров!

Генка был человеком гордым, ни о чем Борису не напомнил. Во дворе еще больше завидовал тем, кто катался на велосипеде. Но если предлагали прокатиться, по-прежнему гордо отказывался.

– Где ж твой велосипед? – спросил раз Мишка Гаврилов, резко затормозив возле Усова. – Говорил, покупаешь...

– Сказано: будет! И не подростковый, а взрослый. Мне ведь не к спеху.

Лето кончилось, зачастили дожди, похолодало. По торжественным случаям Усов надевал новый костюм. Стеснялся, правда: боялся, засмеют.

Вечером после работы заехал Борька.

– Завтра зарплата. Встретимся в городе прямо у магазина спорттоваров.

Встретились, вошли – велосипедов полно! Перебрали, наверное, с десятков и, когда продавец пригрозил, что выгонит

их, остановились на одном – голубом, действительно спортивном и, конечно, взрослом. С тонкими колесами и пряжками на педалях. А никелировка, а фара... Эх, да что говорить!

Борис пошел платить в кассу, а Генка крепко держал велосипед за руль и уже не отпускал.

У магазина они расстались. Борис вскочил в автобус, а Генка пошел пешком через полгорода домой. Можно бы, конечно, сразу на велосипеде ехать, но надо его натереть до блеска, шины накачать. Нет уж, лучше все сделать дома и торжественно выехать во двор.

Дул сильный ветер, подморозило, и Усов застыл так, что пальцев не чувствовал. Дома он первым делом подкачал колеса, протер тряпкой никель и даже, держась рукой за стену, сел на велосипед. Как назло, во дворе никого.

Ноги в педали не влезали. Генка был в ботинках, а на таком велосипеде нужно кататься в спортивных тапочках. Усов обулся в кеды, потом надел пальто и шапку-ушанку.

В пальто садиться на велосипед было неудобно, полы путались. Тогда Генка снял пальто, а заодно и шапку, чтобы не болтались уши, и повел велосипед на улицу. Жалкий вид будет у Мишки на его подростковом.

Во дворе пусто и темно. Мальчишка, закутанный в шубку, нос до глаз шарфом прикрыт, гулял со старушкой.

Усов сел на велосипед и чуть не свалился, потому что велосипед не хотел ехать. Все же Генка проехал полкруга по двору и только тут заметил: снег идет. Так повалил, что ничего не видно. И скользко...

Генка решил не сдаваться. Стараясь не обращать внимания на ветер и на снег, который слепил глаза, он ездил и ездил круг за кругом по двору. За ним оставались ниточки следов, и их тут же заносила метель.

Он гонял до тех пор, пока не почувствовал, что уши отмерзли и вот-вот отвалятся. Он не хотел их потерять, отпустил руль, руль накренился, и Усов оказался в ледяной луже под велосипедом.

Больше он не катался. Притащил велосипед домой, хотел уроки делать, да так был взволнован, что не мог. Сидел перед велосипедом на полу, крутил рукой мокрый вихор и улыбался.

Скоро бабушка пришла.

– Что-то у тебя лицо горит. Нет ли температуры?

Она насильно затолкала ему термометр.

Генка заболел. Голова прямо-таки раскальвалась. Он лежал в постели, полоскал горло; бабка закапывала ему в нос капли, от которых становилось горько во рту. Рядом с кроватью стоял велосипед. Он блестел в сумерках никелированной фарой. Генка изредка открывал тяжелые веки, дотягивался рукой и трогал руль.

– Подумаешь! – говорила бабушка. – Постоит зиму, на будущий год накатаешься еще.

Генка не отвечал. Он только удивлялся: как это взрослые люди не понимают самых примитивных вещей?

ТАИНСТВЕННЫЕ ПИСЬМА

Светы дома не было.

Мать сидела в кухне на табуретке и терпеливо ждала, пока отец поел и закурил. А когда он собрался уйти в комнату смотреть телевизор, она сказала:

– Погоди... Хотела с тобой посоветоваться.

– После. Сейчас начинается хоккей.

– Хоккей подождет, – строго сказала мать. – Знаешь, Светке стали приходить письма...

– Ну и что?

– Как что! Ей кто-то пишет!

– Кто же?

– Если б я знала! Верчу-верчу письма в руках, обратного адреса нет. Внизу что-то нарисовано, какой-то условный значок вроде летящей птички. Может, почитать?

– Хм...

– Нет-нет! Но я ей уже раз сказала: «Дочка, я твоя мать, и ты должна мне довериться. Вдруг тебе понадобится совет?» Знаешь, что она ответила? «Мамочка, когда понадобится, я сама спрошу!»

– И правильно!

– Считаешь, я зря беспокоюсь? А вдруг это не те письма...

– Чепуха!

Отец воткнул сигарету в пепельницу, ушел в комнату и включил телевизор.

Письма Светке приходили каждый день, но не это больше всего беспокоило мать. Света изменилась. Она подолгу сидела перед зеркалом и разглядывала себя. Плакала ни с того ни с сего. Во двор играть не ходила – часами лежала на диване с книгой. Раньше она готова была бежать по первому свистку Усова к нему. А сейчас, встречаясь во дворе, даже не удостоивала Генку взглядом. Как будто это не Генка, а пустое место. Только иногда презрительно хмыкала. Уроки делала наспех, кое-как. Светкина мать привыкла присматривать заодно и за Генкой. А теперь неизвестно было, делает Усов уроки или нет. Только когда его вызывали, выяснялось – Светка говорила, – что уроков он не готовил. Но, может быть, готовил, когда не вызывали?

– Помиришь с Генкой, – твердила мать дочери.

– Не хочу! – отвечала Света.

Вот теперь еще письма. Дочь упрямо не желала говорить, кто их пишет.

Матери очень хотелось взглянуть на письма. Взглянуть хотя бы одним глазом, чтобы успокоиться. Но она не решалась, да и не знала, где их Светка хранит...

Однажды вечером мать, вернувшись с работы, открыла ключом дверь и сразу ощутила, что пахнет горелым. Она бросила на пол сумку с продуктами и, не вытирая ноги, вбежала в кухню.

В темноте кто-то копошился у газовой плиты. Над плитой висело облако дыма, вверх улетала хлопьями сизая копать.

Услышав шаги, Светка вскрикнула и выронила из рук бумажки. Потом подобрала их с пола и убежала из кухни.

Мать покачала головой и ничего не сказала. потушила газ, зажгла свет, открыла окно, проветрила кухню.

Светка легла спать. Мать опять решила поговорить с отцом. Но он снова отнесся к ее переживаниям равнодушно. И в этот вечер она услышала от него:

– Хм... Ну и что?

На этот раз мать на него обиделась:

– Ты просто черствый человек. Тебе все равно: происходит что-то с твоей дочерью или нет!

Все время у матери на языке вертелся очень важный вопрос, который она хотела задать Светке. Но поскольку не выхо-

дило откровенных разговоров, дочь замкнулась, вопрос, естественно, оставался незадаанным. Мать хотела спросить: «А ты на письма отвечаешь?»

В субботу, когда Светка была в школе, а отец уехал смотреть футбол, мать убирала комнату дочери. Вытерла тряпкой пыль с подоконника, со стола и открыла ящик, в котором Светка держала рукоделие, тетради и краски. Ничего она не искала! Нет! Она открыла ящик и увидела ужасный беспорядок. Мятые тетрадки навалены как попало, выкройки лежат вперемешку со стопкой Светкиных рисунков, рядом – баночки с красками, кусочки мела, тряпочки, ленточки и даже гвозди.

Мать рассердилась на неряху-дочь и решила сама навести порядок. Она выдвинула целиком ящик, поставила его на стол, сложила в стопку тетради, собрала мусор и собралась постелить на дно чистую газету. Вынула старую и... На дне ящика, под газетой, лежали мелко исписанные листки бумаги. Мать хотела сложить их, собрала, и тут ей на глаза попали строчки: «...хотя знаю, что все равно это письмо тебе не отправлю, потому что...»

Мать приблизила к глазам первое письмо и прочитала: «Здравствуй, Гена!» И в этот момент услышала, как ключ поворачивается во входной двери.

Она покраснела, оглянулась, будто кто-то мог видеть и осудить ее за любопытство, положила письма на место в ящик. Тут же побежала, принесла чистую газету, но, передумав, не постелила ее, а оставила на дне ящика старый лист и спрятала под него письма. Потом сложила все остальное и, засунув ящик на место, пошла кормить отца обедом.

Она не прочла ни одной строчки, кроме обращения. Вот что!.. Так это Усов ей пишет таинственные письма, которые Светка сжигает, а сама отвечает ему и складывает ответы, не отправляя!..

– Ну, как играли?

– Нормально!

Отец ел суп.

О своем открытии мать решила ему ничего не говорить. Посоветовать – ничего не посоветует, только посмеется... Почему дочь не отправляет письма? Не отправляет, а прячет?

Все-таки она немножко гордилась дочерью: письма получает и сжигает, а свои, хотя и пишет, не отправляет. Девочка гордая.

Прошло еще три дня.

Мать вернулась с работы, Светки дома не было. Она явилась через час раскрасневшаяся и вся мокрая.

– Ты где была?

– На катке, – ответила Светка.

– С кем?

– С Геной.

Девочка разделась, накинула халатик и села делать уроки.

Была такая неопределенная пора, когда осень вроде бы кончилась, а зима толком не началась. Снега нет, оттепель. Что за удовольствие кататься по лужам? У матери чуть не сорвался вопрос. Ведь все время была с Геной в ссоре, не разговаривала, а теперь вот ходили вместе на каток. Значит, помирились? То-то письма перестали приходиться! Но она промолчала.

Светлана уткнулась в тетрадку, потом отложила ее и выдвинула ящик стола. Она быстро, быстро сдвинула тетради, подняла газету и нашла письма. Хотела их вытащить, но рука остановилась. Письма лежали как-то не так. Светка вспыхнула, вытащила листки на стол и мелко, мелко разорвала.

Она еще немножко посидела, глядя на обрывки. Потом вышла на кухню и резко бросила горсть мелко изорванных бумажных клочков в мусорное ведро.

Мать чистила картошку и не обратила на это никакого внимания.

– Мама, – строго проговорила Светка, – ты читаешь мои письма?

Она стояла и в упор смотрела на мать.

Мать хотела возразить, но помимо ее воли, у нее зарумянились щеки. Она растерялась, не зная, что ответить, а Светка повернулась и бросилась в комнату. Вскоре оттуда донеслись всхлипывания.

Мать выбежала следом за ней из кухни, склонилась над плачущей дочерью, обняла и стала гладить ее по голове.

– Светлана, доченька! Ты только послушай: не читала я. Правда! Честное слово! Убирала твой стол, беспорядок убирала. Они мне случайно попались... Но я не читала.

Мать испугалась, ей не удавалось успокоить рыдавшую Светку.

– Клянусь тебе, доченька, не читала! Ты, что же, мне не веришь? Только значок в углу заметила – птичку.

– Это не птичка, а усы.

– Усы?!

– Конечно, Генка придумал условный знак – он же Усов!

И она снова зарыдала.

Мать села рядом, замолчала, обняла дочку, погладила ее волосы. Светка уткнулась матери в шею. Она понемногу успокоилась. Так они сидели долго, обнявшись. Сидели и не слышали, как пришел с работы отец. Он встал на пороге и удивленно сказал:

– Через десять минут хоккей по телевизору, а вы тут сидите, и хоть бы что. Есть хочется, просто страсть как!..

Мать и дочь не двинулись с места.

Отец ничего не понял. Он приблизился к ним в темноте и обнял обеих своими длинными ручищами.

– Это что за слезы в четыре ручья? – воскликнул он и вынул носовой платок. – Ну-ка, прекратите немедленно, а то опять внизу потолок протечет. Будет пятно, и соседи обязательно напишут жалобу!

РОДНАЯ СТЕНА

Дом, в котором давным-давно живут Усов и Светка, не очень новый, даже старый. Стены у него такие толстые, что комиссия, которая осматривала дом, ответила жильцам:

– Сносить не будем. Две тыщи лет еще простоит, живите на здоровье.

Неизвестно почему, задний фасад дома выходит на набережную, а фасадом упирается в высокую слепую стену. Когда-то напротив был другой дом. Его снесли, построили новый, тот, где живут Мишка и Сонкин, а стена осталась. Окно Усовых и окна Светки смотрят в стену. Она вся пятнистая: серая, а местами, где штукатурка отвалилась, красная, кирпичная. Вверху же от копоти почернела или от времени: все от времени чернеет.

Светкин отец говорит, что стена ограничивает горизонты их семьи. Он пишет заявления в разные места о том, что к его ребенку не попадает солнце. На все заявления отвечают вежливо, но стену не сносят. Мать его успокаивает:

– Это же просто чудесно, что перед окнами, где стоит стол нашей девочки, стена! По крайней мере, дочь не отвлекается от уроков.

Мать не понимает, что стену разглядывать очень интересно. То дождь по ней стекает косыми струями, то иней нарисует узоры. Короче говоря, уроки удобно не делать, даже если делать их очень удобно. А можно делать просто так, когда хочется их делать. Но никогда не хочется.

Они сидели во дворе на скамейке, у стола, где обычно играют в «козла». Сегодня «козла» уже забили и разошлись. Они сидели вдвоем – Усов и Светка. Им было тоскливо. Светка только что сообщила: скоро отцу дадут новую квартиру совершенно в другом районе, и она отсюда сматывается. Но хотя квартира будет новая и все такое, Светке жаль уезжать. Как-никак всю жизнь они прожили друг возле друга. И выросли здесь, в этом дворе. А теперь и в школу в другую идти, и вообще...

Светке хотелось сделать что-нибудь такое, чтобы Усов помнил всю жизнь и никогда не забывал. Она не знала, что придумать, и от этого ей было еще грустней. Вдруг она повеселела, подмигнула и предложила рассказать одну историю.

– Валяй! – сказал Усов и поднял воротник: все-таки было уже холодно.

Светка влезла на стол, размахивала руками.

– Вот, значит...

– Что – вот?

– Не передразнивай, а то замолчу... Жила-была одинокая женщина. Раз она заболела, пришел к ней доктор из районной поликлиники. Была осень, как сейчас. Напротив ее окна стояло одинокое дерево, с него падали листья. Женщина говорит: «Вот упадет последний лист, и я умру...»

Почему, когда грустно, в голову приходит все такое печальное? Усов сидел, уставясь в землю, даже перестал ногами скрести.

– А потом что?

– Потом... вечером ее сосед пошел на кухню чайник разогреть и видит: с дерева последний лист упал. Он взял лестницу, кисть и краски и нарисовал на стене, напротив ее окна, лист.

– И больная не умерла? – спросил Усов.

– Глупый, не в этом дело!

– Погоди-ка! – вспомнил Генка. – Ведь есть такой рассказ, не помню у кого!

– Какое это имеет значение? – обиделась Светка. – Я ведь не сказала, что сама придумала!

Она похлопала его по спине и произнесла снисходительно, точь-в-точь как бабушка:

– Эх ты, недотепа! Хочу тебе перед отъездом подарок придумать, а до тебя не доходит. Сама бы сделала, да у меня силы мало и лестницы нет.

Только тут до него дошло.

Делать нужно сразу, сейчас. Потому что все, что бы ни собирался сделать, если отложишь – никогда не осуществляется. И вообще скоро зима. Одному расхочется, другому перexочется. Опять же, сейчас темно, никто ничего не заподозрит.

Они разбежались по квартирам.

Усов взял на кухне банку с белилами (бабушка летом красила окно) и две кисти. Светка нашла остатки синей краски, которой их сосед подкрашивал старенького «Москвича», и еще краски в тюбиках.

Когда Светка вынесла все это во двор, Усов уже сидел на скамейке.

Генка где-то отыскал лестницу. Еле-еле вдвоем дотащили ее до стены, и Усов полез. Светка стояла внизу, подавала кисти и банки.

– Да тише ты! Не громыхай, а то кто-нибудь в окно выглянет.

Усов спросил:

– Что будем писать?

Он так и сказал – «писать». Так всегда говорят художники. Что писать, об этом они забыли.

– Ну что? – сказала внизу Светка. – Ясно, что...

Но ей самой было не очень ясно. И она говорит:

– Будем писать, кто что может.

Светка забралась на две ступеньки, вынула из кармана кусок мела и провела по стене черту возле ног.

– Чего стоишь? Мажь белой краской верх, только немножко синей добавь.

Светка макнула кисть в синюю банку и стала продвигаться вдоль стены.

Было темно. Фонарь, который висел во дворе, кто-то давно разбил. Из-за крыши виднелся кусок луны. От луны стена и волосы у Светки поседел.

Неизвестно, как стена, но руки у Генки покрасились хорошо.

– Что ты там мажешь, а? – басил сверху Усов.

– Море, я мажу море!..

Пока они со Светкой рисовали, Усов все думал. Сколько лет живут в этом доме, и всегда эта стена как стена. А завтра утром все выйдут, и стены как бы нет. То есть она есть, но будто во двор приехал знаменитый мексиканский художник, который тоже мастер раскрашивать стенки, только имя его Усов забыл. Ведь сказали же, что стена будет стоять две тысячи лет. Дом снесут, а стена останется.

Светка что-то задумала. Она стала белой краской проводить немислимые линии. Генка еще быстрее малевал голубым.

Внизу, в темноте, кто-то закашлялся. Светка перестала красить и в испуге оглянулась.

– Не обращайтесь на меня ровно никакого внимания, – сказал снизу человек. – Я, если не помешаю, тут постою...

Она узнала человека по голосу. Да это Аркадий Михайлович, старый художник из квартиры под чердаком! Всю жизнь в доме прожил. И всегда один. Отсидел в лагерях семнадцать лет, а после вернулся. Когда мать устраивала Светку в изобразительную студию, она заходила к Аркадию Михайловичу.

– Обязательно ведите ее, – сказал он, посмотрев Светкины рисуночки. – Обязательно! У вашей дочери несомненный дар подмечать живописные детали.

– Любопытно, очень любопытно получается, – повторял теперь художник. – Правда, несколько темновато разглядывать этот шедевр. Ну что ж, утром будем присутствовать на вернисаже. Желаю удачи!..

Он приподнял шляпу и исчез в подъезде.

Раскрасили чуть ли не всю стену, сколько достать с лестницы смогли. Кончилось тем, что Светка согнала Усова с лестницы, забралась наверх и намалевала огромное рыжее пятно, из которого лучи прорывались сквозь тучу. Лучи падали на синие волны и белую-белую пену.

– Вот ты где, Усов! Легок на помине...

Из темноты показался Гаврилов, остановился, потрогал лестницу.

– Почему я легок, а не ты? – спросил Усов.

– Ты легок, потому что тяжел! Опять о тебе сейчас в школе говорили. Когда только за голову возьмешься?!

– Возьмись, не волнуйся!..

– Ты смотри, краской меня не заляпай, – сказал Мишка на всякий случай Светке и поправил папку под мышкой. – А кто это вам поручил?

– Мы добровольцы, – пробурчал Генка.

– Как это? – не понял Мишка.

– Вот так! Сами – и все. Да ты иди...

– Иду, – сказал Гаврилов, пожав плечами, и, оглядываясь все время назад, ушел.

Светка хотела еще что-то нарисовать, но тут ее позвали домой, ей пришлось сматывать удочки. Потом Генке. Выйдет бабка – хуже будет...

На кухне Усов разглядел, что штаны и рубашка вымазаны в синей, белой и голубой красках. Стал спешно отмываться, но еще больше перемазался. От него пахло, как от керосиновой лавки.

Бабушка все это увидела и заплакала.

– Ну, не плачь! Чего ты все плачешь? – говорит Генка. – Завтра сам снесу штаны в химчистку.

Бабушка перестала плакать и засмеялась.

– Если твои штаны нести в химчистку, пятна останутся, а штаны протрутся. Себя тоже отнесешь? Горе ты мое горькое. Пей молоко – и спать.

Утром Усов отправился в школу. Вернулся домой – бабушка в ужасе. Приходил управдом, разгорается скандал.

– Чего вы вчера во дворе наделали? Сознайся, а?

– Да ничего не наделали!

– Как это ничего? Акт, говорит, составлять будут.

– Какой акт?

– Как же! Вы там весь двор изуродовали. Ремонт, говорит, требуется. Деньги, говорит, с родителей взыщем...

Генка на всякий случай промолчал. Вечером пришел пенсионер Тимофеич.

– Безобразие это! Форменное хулиганство! – повторял он, стоя на пороге, а уходя, сказал, что во дворе устроят товарищеский суд и привлекут к ответственности тех, кто виноват.

– Что же это за напасть, горе мне! Вот наградил господь внуком, – причитала бабка.

– Да не господь это, – ворчал Усов. – Это Тимофеич нам мстит за то, что бредень его в воду закинули.

– Выдумашь тоже! Тимофеич – пенсионер уважаемый.
А вы?

– Браконьер он, а не уважаемый!

Через три дня всем велели прийти в красный уголок. Светка и Усов стояли перед столом с зеленым сукном. За столом сидел управдом и еще старики со двора. Красный уголок был полон пенсионерами. Светкина мать скрыла от отца, что ее вызвали из-за плохого поведения дочери. Она сидела рядом с Генкиной бабушкой. Та плакала, стеснялась, что плачет, и украдкой вытирала глаза платком. Светкина мать утешала Генкину бабушку, а сама думала, что вот передалось дочери плохое от Усова, а хорошего он от нее не набрался.

В углу, возле двери, сидел Мишка Гаврилов, положив на колени папку. Ему было очень обидно, что опять на класс пятно, и опять из-за Усова. А тут еще Светка! И как это такие люди вечно всё делают во вред себе и другим, а после за них отвечай...

В дверях появился Сонкин.

– Иди отсюда! – зашептала Светка.

– А я тоже красил, – сказал ей Сонкин.

– Не ври, ты не красил!

– Нет, я красил!

И Сонкин встал рядом с Усовым и Светкой.

Управдом сказал, что поступила жалоба на хулиганов чистой воды. И посмотрел на Тимофеича. Тот утвердительно кивнул.

– Они, – сказал управдом, – загрязняют территорию двора, безобразно разукрасили чистую стену. Это так оставлять нельзя.

– Ни в коем случае! – подтвердил Тимофеич.

– И родителей таких нужно бы привлекать, – прибавил управдом. – Потому как это хулиганство чистой воды!

Почему чистой воды, Усов не понял.

Потом слово взял пенсионер Тимофеич. Это он во дворе вкопал стол и скамейки, чтобы было где играть в «козла». По случаю заседания он даже побрился.

– Здесь сейчас, где вы сидите, кипит жизнь, – сказал он. – Каждый должен в ней участвовать. А они всем мешают. Да! Ну, еще бы написали на стене какой-нибудь хороший лозунг.

Так ведь нет, понимаешь! Изобразили какую-то абстрактную живопись, которую смотреть противно!

Сейчас браконьерами назовет, подумал Сонкин. Но про рыбу Тимофеич решил не вспоминать.

После него встала старушка-лифтерша.

– Нам, – говорит, – отпускают большие средства на жилой фонд, а находятся вот такие несознательные, которые расхищают этот фонд. Это они пишут мелом ругательства, и лифт ломают в новом доме номер семнадцать, и тушат окурки об стену в подъездах. Я бы это дело так не оставила. Может, их нужно вообще выселить из нашего прекрасного города. Пусть в другой раз знают, как мазней замазывать стену...

Светка молчала: она испугалась. Только глазами моргала. Усов тоже молчал и, как всегда, ушами шевелил. А Сонкин (и кто его только просил?) не выдержал:

– Чего замазывать? Стена же была грязная! Ее все равно сносить надо.

Может, лучше бы Сонкину промолчать...

– Ишь вы какие! – сказал Тимофеич. – Сносить! Ежели всякий молокосос сносить будет, что захочет, это что же будет? Он думает, очки надел – и уже можно сносить! Не вашего ума это дело!

– Нет, нашего! – вдруг крикнула Светка. – Мы ведь лучше сделали. Вам же веселей тут в «козла» играть.

– Мне веселей не надо! – отрезал Тимофеич. – Мне и так весело. «Козлом» я никому вреда не приношу. Провожу свой пенсионный досуг. А из-за вас я нынче не играю в «козла». Сижу тут, понимаешь...

– Позвольте мне сказать слово!..

Все повернулись к двери. Там у стены стоял старый художник Аркадий Михайлович. Никто не заметил, как он пришел. Он немного помолчал, помял в руках шляпу и начал говорить мягко и тихо, как будто он уже десять раз это говорил.

– Вы видите, я старый, седой человек, – сказал он, и действительно все это видели. – В этом доме я живу дольше вас всех. И даже Тимофеича помню, как он тут во дворе лоботрясничал... Я самый старый человек и думаю, что ни к чему сгущать краски. Возможно, дети виноваты, нарисовали на стене, где нельзя. Но никакая это не абстрактная живопись, а самая

обыкновенная. Выступавшие здесь просто не в курсе. Вон мексиканский художник Сикейрос целые стены разрисовывает.

– Ты нас Сикейросом не пугай! – сказал Тимофеич. – Мы сами понимаем, что к чему...

– По-моему, – продолжал Аркадий Михайлович, – даже неплохо нарисовано.

– Зря ты становишься на их защиту, – напирал Тимофеич. – Верно я говорю?

Это он обратился к управдому.

Управдом не знал, как быть, промолчал. И не наказать нельзя. И Тимофеич – вредный, с ним лучше по-хорошему, и палку перегнуть управдом боялся.

– Еще надо проверить, где они краски взяли, – твердил Тимофеич. – Может, на стройке украли, а, Сикейросы?

– Ну, я вам советую не забываться! – возмутился художник. – Это клевета!

– В школу мы все-таки письмоцо состряпаем, – продолжал, не слушая его, Тимофеич. – Пусть знают, какие они хулиганы. Напишем письмоцо, пусть их накажут по пионерской или какой там линии. А то они что думают? Выйду на улицу и буду делать, что захочу. Чего доброго, везде станут рисовать свою, понимаешь, живопись...

Ребята выбежали из красного уголка, чтобы ни с кем не разговаривать.

Мишка вышел за ними следом, постоял, хотел что-то произнести, но махнул рукой и отправился к своему парадному.

– Надо было сказать, что Тимофеич сам браконьер несчастный! – крикнул Сонкин, догнав Усова.

– Не, не надо! – решил Усов. – Скажешь – доказательства нужны. А у тебя они есть? То-то! Тебе же и достанется...

На улице, под фонарями, кружились снежинки. Кружились, соединялись в хороводы и уносились в темноту.

– Ты зачем явился, Соня? – спросила Светка. – Вот и тебе попало...

– Ехал бы ты к своему бегемоту, – сказал Усов.

Светка стояла под фонарем и языком ловила снежинки.

– Тебе-то что! – Усов повернулся к Светке. – Уедешь, будешь гулять в другом дворе. А нам тут за стеной до самой смерти жить...

Он не сказал «мне», а сказал «нам». Хотя грустнее всех оттого, что Светка уезжала, было именно ему.

Глаза у Светки стали печальными.

– Мальчишки, мне из класса жалко уезжать. Из школы не жалко, а из класса жалко.

– Так не бывает, – сказал Сонкин.

– А вот бывает! Я раньше думала, что учителя одинаковые. Теперь знаю: Алла Борисовна не такая. У тебя, Соня, мать – человек. И класс жалко. Даже Гаврилова, хотя он пижон и воображала. А вы? Вы меня будете вспоминать?

Сонкин усмехнулся, пожал плечами, кивнул. Генка думал о чем-то своем, очень важном.

– У меня такое чувство, – бросил Усов в темноту, ни к кому не обращаясь, – будто я уже перешел...

Но его услышали.

– Куда перешел? – не понял Сонкин.

– А туда... во взрослые...

– Ну и что?

– То, что лучше бы я оставался маленьким.

– Да не расстраивайся, чего там! – утешила Светка. – Взрослые тоже люди, хотя не все. Смотрите, мальчишки, какие мы хорошие вещи нарисовали!

На бывшей грязной, пятнистой стене по синим с белой пеной волнам метался парусник. Над ним висело рыжее солнце, на которое наползала черная туча.

УЧИТЕЛЬ ВЛЮБИЛСЯ

Комедия

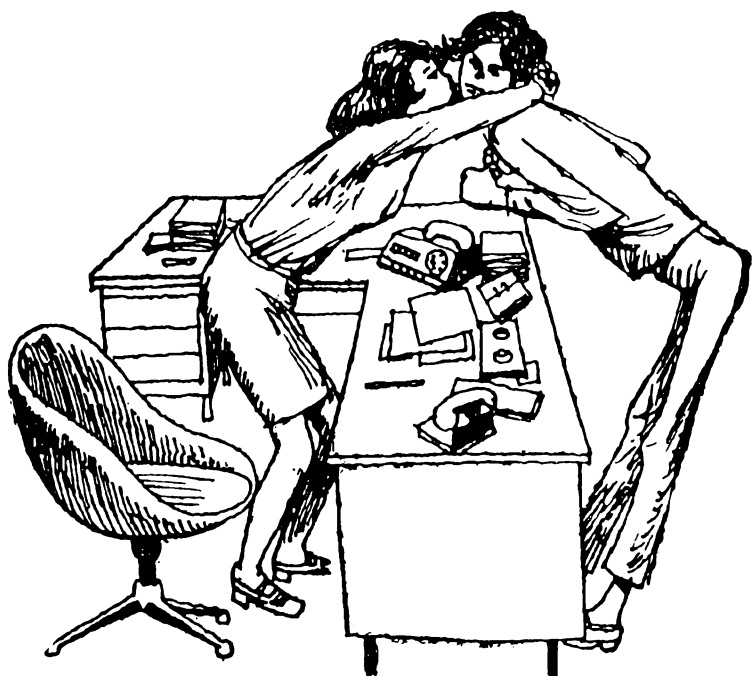

Рис. Г.Блоха.

ДЕЙСТВУЮТ:

ОЛЕГ АНДРЕИЧ, он же ОЛАН, 26

ИРИНА, 19 с половиной

ЛЮСЯ НЕЧАЕВА, 15

СТЕПАН ХОБОТКОВ, 15

ХОБОТКОВ-СТАРШИЙ, около 50-ти

КОСТЯ СЕДЫХ, 15

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА, 53

ПЕТРЯНОВ, за 40

ДВОЕ В БЕЛЫХ ХАЛАТАХ

НЕСКОЛЬКО АКСЕЛЕРАТОВ — ДОЛГОВЯЗЫХ

**СТАРШЕКЛАССНИКОВ (необходимость в них, их
качества — целиком в сфере фантазии режиссера)**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Картина первая

Под оглушительный звонок поднимается занавес, на котором весьма условно изображена Москва в районе Северного порта: парк с худенькими деревцами, шпиль Речного вокзала, хаос новостроек, теплоходы у причалов, метро, светофор, часы, автомобили, знаки «Осторожно, дети!», «Переход» и «Перехода нет». И между всем этим контуры школы, современной, из бетона и стекла, с крытым переходом.

На сцене – вестибюль: часть парадной лестницы, окно, диван. Входишь и сразу ощущаешь биологический уклон: на стене макет сердца в разрезе, коллекция бабочек и лекарственных трав. В вестибюле две двери с надписями: справа «Учительская», слева – «Директор школы». Действие переносится из вестибюля то в кабинет, то в учительскую.

Кончился урок. Вываливаются на сцену обезумевшие от бремени науки старшеклассники. Один изображает брэнчание на гитаре, другой – ударник, третий пляшет что-то ультрасовременное, четвертый, не глядя на них, бежит с мячом и кедами, болтающимся на шее, на ходу отрабатывая баскетбольные броски, и т. п. Девочки с хохотом проносятся мимо. Все исчезают в проходах зала.

Впрочем, сразу выпрыгивает СТЕПАН в куртке, увешанной значками. КОСТЯ выходит на руках и падает. Оба убегают. За ними выскакивает ЛЮСЯ, внезапно замирает.

ЛЮСЯ (*складывает ладони рупором, кричит*). На-до-е-ло-о-о! (*Прислушивается. Приплясывает, поет*). Надоело, надоело, надоело-о-о!.. (*Останавливается, снова складывает ладони, но не успевает крикнуть*.)

Осторожно входит ИРИНА. Она хороша собой, броско и модно одета, юбка могла бы быть короче, да некуда. На плече модный рюкзачок – не чета мятому школьному портфелю. ИРИНА оглядывается, будто попала сюда по недоразумению.

ИРИНА. Надоело? Что?

ЛЮСЯ (*с недоверием*). Неужели не ясно? Учиться! Весна ведь! Трава вылезла ужасно зеленая! Хочу лечь на траву и смотреть на облака...

ИРИНА. Лежишь – а они плывут, плывут, плывут... Ой, как я тебе сочувствую!

ЛЮСЯ. Правда?! (*Огорченно*.) Но – нельзя! Некогда лежать на траве, категорически запрещается смотреть в небо! Только в учебник. Еще два месяца. В Химках теплоходы гудят, а мы... (*Широко раскрывает рот, работает челюстями*.)

ИРИНА. Не поняла.

ЛЮСЯ. Восемь лет грызем гранит науки.

ИРИНА (*заинтересованно*). Так ты – в восьмом?

ЛЮСЯ (*оглядывая себя*). В восьмом.

ИРИНА. В «А» или «Б»?

ЛЮСЯ. В «Б».

ИРИНА. Интересно!

ЛЮСЯ (*подозрительно*). А чего особенного?

ИРИНА. Рослые у вас ребята. Я бы подумала – в десятом.

ЛЮСЯ. Ребята у нас – телебашни, факт! Я-то не очень акселерованная, средняя. Правда, мамы на голову выше. То есть длиннее. (*Неожиданно*.) А тебе восьмой «Б» зачем?

ИРИНА. Преподавать литературу.

ЛЮСЯ. Ты?!.. То есть я хотела сказать – вы?!.. У нас в классе?.. Студентка?

ИРИНА. Угадала! На практику. На ловца и зверь бежит!

ЛЮСЯ. Я что-то не поняла кто ловец, а кто – зверь?

ИРИНА. На уроках разберемся... Литературу любишь?

ЛЮСЯ. Честно?

ИРИНА. Разумеется!

ЛЮСЯ. Ненавижу! А вы любите анатомию?

ИРИНА. Откровенно говоря, все уже забыла. В школе учила...

ЛЮСЯ. Не рассердитесь, если я вам вопросик задам? Почему вы именно к нам в школу пришли? Конечно, у нас учитель литературы уже три месяца как в декрет ушел. Вернее, ушла. Но мы еще не соскучились.

ИРИНА (*недоверчиво*). Как же так?..

ЛЮСЯ. Да вы что – про нашу спецшколу не слышали?! Вся Москва знает: у нас биологический уклон. То есть антигуманитарный. У нас выращивают будущих гениев мировой науки.

ИРИНА. А кто не вытянет в гении?

ЛЮСЯ. Того отсеют как простой талант. Литературу любят стандартные девчонки, а у нас они все... (*крутит пальцем у виска*) свихнулись на биофизике, микробиологии и биохимии, как и мальчики. Нам нужен учитель биолитературы. Вы в ней сечете?

ИРИНА (*осторожно*). Нет!..

ЛЮСЯ. Мы в НИИ ходим на практику по электронной микроскопии.

ИРИНА. А как же другие учителя?

ЛЮСЯ. С ними у нас договор о мирном сосуществовании, поскольку гуманитарные предметы мы пре-зи-ра-ем. Вам не страшно?

ИРИНА. Страшно. Но что поделаешь?

ЛЮСЯ. Кстати, как был ранен Пушкин?

ИРИНА. Что? Разве это так существенно? Кажется, в живот...

ЛЮСЯ. Кажется... А если бы он стрелялся сейчас, с таким ранением его можно было бы спасти? Что должен был сделать хирург? (*Выжидая*.) Может, вам, пока не поздно, отчалить в другую школу? Более среднюю? То есть, я хочу сказать, обыкновенную... Вы у нас и недели не протянете. Снесут!..

ИРИНА (*испуганно*). Это как – снесут?

ЛЮСЯ. Ногами вперед. Шутка такая. Ну, крылатое выражение. А уж любить вас тут не будет. Это точно!

ИРИНА. Даже если...

ЛЮСЯ. Даже если! У нас все обожают учителя биологии Олега Андрейча. Он же классный руководитель. Наш старик – энергоемкий.

ИРИНА. Какой?

ЛЮСЯ. Ну, энергичный. КПД у него, как у МГД-генератора. И еще – неунывающий. С утра до вечера с нами. Души в нас не чаёт, а мы в нем. Кроме зубрил, конечно. С теми у него несовместимость. Для остальных он биобог и биодух святой. Он будет вашим врагом №2.

ИРИНА. Постой-ка! А кто же №1?

ЛЮСЯ. №1 – это мы! Мы его биодети. (*Подходит к стене, включает. Громко слышно биение сердца.*) Вот – его работа. (*Выключает.*) Ваше сердце в разрезе.

ИРИНА. Почему – мое?

ЛЮСЯ. Потому что вы, надо надеяться, не полностью лишены серого вещества и поймете, что...

ИРИНА. А если я все-таки попробую?

ЛЮСЯ. Хм... (*Пристально глядится в Ирину.*) А у вас рефлекс цели развит!

ИРИНА. Спасибо за комплимент... Я пойду, пожалуй. Меня директор ждет. Боюсь, рассердится. И с вашим стариком-учителем хочу познакомиться.

ЛЮСЯ. Еще неизвестно, захочет ли он...

ИРИНА (*изумленно*). То есть?

ЛЮСЯ. Я хочу сказать – доверить свой самый экстраординарный в мире класс – в какие-то неопытные руки.

ИРИНА. Где его взять – опыт?

ЛЮСЯ. А мы – кролики?

ИРИНА. Что ты! Я буду стараться изо всех сил. До встречи!

ИРИНА подходит к директорской двери, останавливается, входит.

ЛЮСЯ. Чао!.. (*Передразнивая походку Ирины.*) Бедненькая! Наивна, как утробный ребенок. Ну и достанется ей! Спецде-тям из восьмого «Б» палец в рот не клади!.. (*Ставит ладони рупором и собирается снова крикнуть, но раздумывает.*) Сбегаю на улицу, мороженого проглочу, чтобы остыть. Всю зиму тепла, гланды берегла. Пора ангиной обзавестись, от школьной

каторги отдохнуть. Но сперва сенсацию – классу. (Опять пере-
дразнивает Ирину.) Обалдеют! (Убегает.)

*Из директорской двери показывается МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Она
размеренна в движениях, спокойна, пожалуй, выглядит просто-
душной, чем есть на самом деле, улыбается. За ней ИРИНА.*

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Значит, вы на Пироговке в педаго-
гическом учитесь?.. Я ведь тоже там физмат кончила. Работа-
ла и училась – в тяжелые годы. Долго вам еще?

ИРИНА. Два года с лишним...

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Ну что же? Практика – дело вре-
менное, а там, как себя зарекомендуете. Понравимся друг дру-
гу – может, и работать к нам придете. А пока знакомьтесь со
школой, постарайтесь скорей привыкнуть к нашим порядкам...
(Подумав.) И к беспорядкам тоже... Стараюсь быть жесткой,
разумно, конечно, но теперь это все меньше помогает. Класс,
предупреждаю, непростой. Самостоятельные, языкастые. Вы
еще не представляете, как с ними стало трудно!

ИРИНА. Уже представила... Когда в школу вошла...

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Увидеть – это цветочки... Ухо при-
ходится держать на слуху! Бойтесь?

ИРИНА. Ужасно! Сама чувствую себя школьницей.

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Срочно перековывайтесь во властите-
ля дум. Буду вам помогать. Если что, обращайтесь безо всяко-
го стеснения прямо ко мне... Классный восьмого «Б» сейчас в
школе.

ИРИНА. Олег Андреич?

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Слышали?

ИРИНА. Успели сообщить. Ему скоро на пенсию?

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Почему на пенсию?

ИРИНА. Старик – ребята говорят.

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА (смеется). Ох, эти ребята! Я же вам
говорила!.. Кстати, учтите: он совершенно не знает тонкостей
нашего ремесла.

ИРИНА. Не справляется?

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. В том и дело – почему-то справля-
ется!

ИРИНА (иронически). Загадочная личность?

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Зря не верите – сами убедитесь. В педагогике ни бум-бум. Ох и трудно мне с ним! Не убедишь, не прикажешь! Словам не верит, опытные учителя для него не указ. Дети – так те от него без ума: есть в нем, есть что-то такое, что их привлекает. Бороду носит, как все нынешние... Вопросы дисциплины его абсолютно не интересуют. Это, говорит, проблема, возникающая от скуки. Что ж мне – жонглера на алгебру звать? Сам он объясняет, что учеников просто заражает его страсть к предмету. Но по-моему...

ИРИНА. Что же?

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА (*доверительно*). Они считают его героем. Личность! Я его фотографию у девочек в дневниках видела. А своей за тридцать два года преподавания что-то ни разу не находила. Во всех классах, да что там – даже в соседних школах, о нем слух. Он ведь врач, хирург, специалист по сердечно-сосудистым операциям. Да еще ученый! Диссертацию чуть не защитил.

ИРИНА. Чуть?

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. В последний момент что-то в его диссертации научному руководителю не понравилось. Дескать, недостаточно проверено. Потребовал заменить, а Олег-то Андрейч уперся. С характером! Поперек пути не попадайся! Хлопнул дверью – и весь разговор. Диссертация-то и провалилась. А я вот рискнула, взяла его. Но, думаю, он при первой же возможности уйдет... Чего вы улыбаетесь?

ИРИНА. Еще раз хлопнет дверью?

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Ну, хлопнет – не хлопнет, видно будет... Ступайте пока в учительскую, он, скорей всего, там. (*Уходит.*)

ИРИНА поспешно прихорашивается, затем решается войти в учительскую. Дверь ее резко распахивается. Навстречу выходит человеческий скелет, лихо размахивает руками и ногами.

ИРИНА. Здра... О господи! Так можно рассудка лишиться... Скажите, уважаемый скелет, живой кто-нибудь в учительской есть?

ОЛЕГ АНДРЕИЧ (*гробовым голосом*). Я был таким, как вы, а вы будете таким, как я... (*Показывается из-за скелета.*) Так у

нас в институте студенты на лбу черепа начертали. Впрочем, извините, я не хотел...

ИРИНА. Вы кем в школе работаете? Водителем скелета?

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. По глазам узнали?

ИРИНА. На лбу написано – сами сказали. Только почему вы не лысый или хотя бы не седой?

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Скоро поседею. А лысина для чего?

ИРИНА. Ребята сказали – старик.

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Так это же должность, а не возраст! За выслугу лет. У меня стаж – восемь месяцев.

ИРИНА. Восемь! А у меня – ноль!

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Я и сам в педагогике руководствуюсь инстинктами. Директриса, оформляя меня на работу, предупредила: «Только убедительно прошу – не считайте себя неудачником. Неудачников в школе и без вас пруд пруди. А дети ущербность учителя сразу чувствуют. Неважно, что вы – незащищенный аспирант. Вы для них академик, не меньше!» «Незащищенный» – так и сказала!.. Так что, с ее легкой руки, можете считать меня академиком.

ИРИНА. Насчет неудачников, по-моему, директор права, уважаемый незащищенный академик!

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Зовите меня Аликом. То есть в школе, для солидности, Олегом Андреечем. Ребята зовут меня сокращенно – Олэн.

ИРИНА. Величественно!.. Пожалуйста, расскажите мне о вашем классе – какой он?

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. О классе? *(Отвечает урок.)* Класс представляет собой искусственно созданный живой организм, который... который...

ИРИНА. Который – что?

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. А вы, собственно, кто – Человек со Стажем Ноль? Для десятиклассницы староваты, а для родительницы слишком молоды. Значит, вы – старшая сестра ученика.

ИРИНА. Не угадали!

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Это становится любопытным. Тогда вы – инспектор из роно.

ИРИНА. Инспектор – со стажем ноль? Я просто практикантка со второго курса педагогического. Почему вы смеетесь?

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Когда я учился в школе, у нас в классе была самая некрасивая девочка – она и пошла в учителя... А вы... Наконец-то в спецшколе появилась красивая женщина!

ИРИНА. И ее направили в ваш восьмой «Б»... Не боитесь?

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Наоборот! Проникаюсь самоуважением: я старый учитель, хотя и с известным вам комплексом неполноценности.

ИРИНА. Я о вас слышала.

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. От Марьи Сергеевны?

ИРИНА. Представьте, раньше... Вообразила себе вас совсем не таким... (*Вспомнив.*) А вы тоже ненавидите литературу?

ОЛЕГ АНДРЕИЧ (*с хохотом*). Пойдите-ка! Ну, дела: вас уже подзарядили?

ИРИНА. Ага!

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Я ведь бывший в употреблении экспериментатор. И теперь учу их делать открытия так, как делал бы сам, если бы умел. Наука, о Прекрасная Практикантка, забирает человека целиком.

ИРИНА. Значит, будет возможность уйти – уйдете?

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Не так-то это просто. Мой бывший шеф – могучий человек. Обзвонил все институты и предупредил, что диссертация будет защищаться только у него. А мне сказал: место держу! Да шут с ней, с диссертацией! Не на ней свет клином! Я из-за нее сам чуть инфаркт не схватил. Три недели в клинике провалялся... Сердце, оказывается, не железное. Чего смешного?

ИРИНА. А вы не знали?.. Но если не железное, может, уступить? Пойти на компромисс?

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Уступить, когда я уверен, что прав? Ну уж дудки! Это не место в трамвае. Науку убивают компромиссы! Так я твержу своим хирургам. И кажется, есть толк. У меня в классе фанатики. Видно, мы с вами на противоположных полюсах.

ИРИНА. Жалко.

ОЛЕГ АНДРЕИЧ (*пристально глядя ей в глаза*). Мне тоже. (*Звонит звонок на урок. ОЛЕГ АНДРЕИЧ растерянно смотрит на ИРИНУ, спохватывается, глядит ни часы.*) Итак: пять, четыре, три, две, секунда – старт!

ИРИНА. Чей старт?

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Ваш старт! Начался отсчет педагогического стажа... (Снимает с себя, надевает ИРИНЕ очки.) Так... (Делает пассы над ее головой.) Сниб – снаб – снурре – флюрре – базелюрре... Вот вы седеете... Ваши ученики обзаводятся семьями... Вот вам и на пенсию пора... (Снимает с ИРИНЫ очки, надевает себе.) Поговорили с вами три минуты, а ощущение, будто знаю вас сто лет.

ИРИНА (машет рукой). Но мне еще нет ста!

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Будет! А пока давайте дружить. Я – классная дама со стажем и буду вашим гидом по школе.

ИРИНА. И Вергилий ввел Данте в ад.

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Не знаю, в какой круг, но на мой класс смело можете положиться!

ИРИНА. Вы даже представить себе не можете, как я боялась. А сейчас цепляюсь за вас, как за спасительную соломинку, и проходит.

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Ни грамма сомнений! Мы с вами практику пройдем!

ОЛЕГ АНДРЕИЧ двигает впереди себя скелет, собираясь уйти. Возвращается МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА.

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Олег Андреич, дорогой! Ирина – новая практикантка. Да вы, я вижу, и без меня уже познакомились? Возьмите-ка ее с собой на анатомию – пускай осваивается в атмосфере класса.

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. А что, идея! Не сообразил. Заодно познакомитесь с устройством своего скелета. Впрочем, это мужчина...

ИРИНА. Откуда вы знаете?

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Из учебника анатомии для восьмого класса.

ИРИНА. Давайте, я вам помогу, Олег! В жизни не ходила под руку со скелетом!

Уходят. МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА не без любопытства провожает их взглядом.

Затемнение.

Картина вторая

Тот же школьный вестибюль. Уроки кончились. Тихо. Входит ИРИНА с классным журналом. Она в новом костюме, и, как всегда, он ей к лицу. За ней ЛЮСЯ с портфелем и СТЕПАН с двумя – своим и Костиным.

ИРИНА. Братцы-кролики, мы знакомы три недели, и я в ужасе. Не от того, что вы не знаете элементарных вещей. Воинственно не хотите знать. Человечество создавало для вас стихи, музыку, живопись, балет. А вам все это не нужно?

СТЕПАН. Если нужно, то в пределах программы.

ИРИНА. Придется нам с тобой, Хоботков, ссориться.

Появляется на руках КОСТЯ.

СТЕПАН. Тут принципиальный разговор, а ты в своем репертуаре – клоун! (*Швыряет ему портфель.*)

КОСТЯ (*падает*). Клоун, между прочим, – серьезная профессия. Требует природных задатков и узкой специализации. А это так, хобби. Как вы считаете, Ирина Павловна, культурный человек должен уметь ходить на руках? Нет? А где же гармоничность развития?

ИРИНА. Костя, я сравниваю тебя на анатомии и на литературе – два человека.

ЛЮСЯ. Он будет хирургом, как Олан.

КОСТЯ. В области литературы я – двоечник по убеждению.

СТЕПАН. Вот я – везде одинаковый. А мне сегодня двойку – за что?

ИРИНА. Есть вещи, которые надо чувствовать. Это не математика.

ЛЮСЯ. Как вы не можете понять простой вещи? Иметь пятерочки по всем предметам – еще ничего не значит! Мне давно ясно: талантливые люди ради того, что им нравится, жертвуют жизнью.

ИРИНА. Зачем крайности?

ЛЮСЯ. Крайности? Потому что у нас на все способностей не хватает.

КОСЯ. Ирина Павловна! Вы, случайно, не были во Франции?

ИРИНА. Не успела. А что?

КОСЯ. У них есть школа – Эколь Политехник. Там, если по какому-нибудь предмету не успеваешь, тебе сразу лепят пятерку, не спрашивая. Вот и вы бы так ставили...

ИРИНА. Эколь – не школа, а вуз, Коса. У них основа есть...

КОСЯ. Основа?! Да наука так развилась, что люди, вроде Ломоносова, знающие все основы, вымирают. Надо углубляться – жизнь коротка!

ИРИНА. А искусство? Еще древние говорили: жизнь коротка – искусство вечно.

СТЕПАН. По-моему, искусство короче жизни. Взять кино: полтора часа – и живи себе дальше!

КОСЯ. Чтобы все узнать, и миллиона звездных лет не хватит. Театр если и нужен, так только анатомический.

ИРИНА. Ничего себе афоризм!

КОСЯ. Не мой – Олана. Смысл: лучше то, без чего обойдешься, не знать и не грустить.

ИРИНА. А по-моему, лучше грустить, и радоваться, и любить – жить с открытым сердцем!

КОСЯ. В открытое сердце можно занести инфекцию.

ИРИНА. Вы юные нигилисты, сухари! Это про вас Пушкин сказал: «Нет ни в чем вам благодати. С счастьем у вас разлад. И прекрасны вы некстати, и умны вы невпопад...» Должна вас огорчить: это временное, возрастное...

КОСЯ. А мы законсервируемся.

ЛЮСЯ. Между прочим, Олан с нами целиком и полностью согласен.

ИРИНА. Значит, и он не прав!

ЛЮСЯ. Ну, это уж слишком!

КОСТЯ. Ладно! Предположим, правы вы. Мы согласны слушать Баха. Тащите в класс рояль. Но время – где взять время? И без Баха перегрузка! А нас, детей, надо беречь! У нас психика слабая, можно... фьють... *(Вращает пальцем у виска.)*

СТЕПАН. Бах – и на тот свет!

КОСТЯ. Мы тут до вас провели один экспериментик. Нечаева подходила ко всем учителям по очереди и спрашивала...

ЛЮСЯ *(перебивая)*. Сколько, по-вашему, нужно времени, чтобы приготовить домашнее на твердый трояк?

КОСТЯ. Географичка сказала – полчаса, англичанка – полтора, математик – алгебру – два с половиной, геометрию – полтора. На историю – сорок минут. На анатомию – час надо – это даже спрашивать нечего... А на литературу – сколько?

ИРИНА *(осторожно)*. Хотя бы часик, а?

СТЕПАН. Слыхали?

КОСТЯ *(иронически)*. Какая скромность. Так вот, получилось, что простой честный троечник, отрубив пять часиков в школе, должен долбить уроки дома восемь часов десять минут.

СТЕПАН. А у родителей рабочий день сколько?..

ИРИНА. Выход?

КОСТЯ. Есть: халтурить! Гармоничность – это перегрузка.

СТЕПАН. В мире мудрых мыслей.

ИРИНА. Я понимаю: сейчас модно прикидываться умственно отсталыми...

КОСТЯ. Мы – не дебилы!

ИРИНА. Тогда давайте вместе подумаем, как выкроить время и сходить в консерваторию...

КОСТЯ. Лучше в уголок Дурова. А вы, Ирина Павловна, тоже в своем роде фанатик. Поймите, мы принципы оттачиваем, на ошибках учимся.

ИРИНА. На каких?

КОСТЯ. Вон, Олан, вместо того чтобы взять профессора за грудки и к стенке, – просто ушел. Да я бы... *(Бьет кулаком Хоботкова так, что тот отлетает.)*

СТЕПАН. Ты что?

КОСТЯ. ...показал!.. Так что перевоспитывать нас – поздно. Надо было начать на нас практиковаться восемь лет назад!

ИРИНА. Погодите! Еще измените вашей биологии! (*Уходит в учительскую.*)

Ребята собираются разойтись, останавливаются.

ЛЮСЯ. Изменим? Ради литературы?.. Думаете почему она такая нервная?

КОСТЯ. Училка – а доказать ничего не может.

СТЕПАН. Какая она училка?! Всего-то студентка. В голове хи-хи. А Седых подавай эрудицию! Занервничаешь!

ЛЮСЯ. Лопух! Это все следствие.

СТЕПАН. А причина?

ЛЮСЯ. Неужели не заметил? Да она того...

СТЕПАН. Как – того?

ЛЮСЯ. Как, как?! Ну, Олан в нее, а она – в него.

СТЕПАН. Откуда ты знаешь?

ЛЮСЯ. Я же девчонка, давно все заметила. Они из школы выходят – вдвоем! И она! Берет! Его! Под руку! Значит, старик ее домой провожать ходит!.. Вчера на скамейке сижу, а они идут, как будто кроме них никого не существует. Даже меня...

КОСТЯ. «Даже меня!» Подумаешь!

ЛЮСЯ (*Косте*). Ты в этой области еще не созрел. Да она на него знаешь как смотрит?!

КОСТЯ. Как?! Как?

ЛЮСЯ. А вот так! (*Смотрит. Пауза.*)

КОСТЯ (*кричит, машет руками*). Ты что?! Что?..

ЛЮСЯ. Не бойся, это тренировка.

СТЕПАН. Смотрит – еще ничего не доказывает.

ЛЮСЯ. Доказательства? Пожалуйста!.. Первое, Олан стал рассеянным. На вопросы отвечает, а думает о другом. Факт! Второе. Изменил своим принципам. Например...

СТЕПАН. Например, двоек раньше никогда не ставил. А сейчас влепил. Я спрашиваю: за что?! Этого в программе нету. А он: сам не чувствуешь? А чувства в программе тоже нету!

ЛЮСЯ. Откуда ты, Хобот, программу знаешь?

СТЕПАН. Программу мне отец купил – для проверки, чтобы лишнее случайно не выучить.

КОСТЯ. Эта пара тебе, Хобот, за умственную отсталость – Ирочка сказала!

СТЕПАН. Сколько раз говорено: я не Хобот! Зовите меня Степан Степанович Хоботков, а то врежу!

КОСТЯ. Сдачи получишь, Степан Степанович!

ЛЮСЯ. Не отвлекайтесь, мальчики... Третье... Не пошел с нами в музей института Склифосовского, сказал, что болит голова. А Кузьмина видела его возле кино «Прогресс».

СТЕПАН. С ней?

ЛЮСЯ. Не с тобой же!.. Четвертое. Она читала Пушкина... Как это там?.. «...Из наслаждений жизни одной любви музыка уступает, но и любовь мелодия...» А Мухин спрашивает: «Мелодия – для кого?» Помните – покраснела? Да вся школа говорит, что он в нее втюрился!

КОСТЯ. Абстрактно говоря, она, в общем, в порядке...

ЛЮСЯ. В порядке? Да ничего особенного. Сексопильная девица, и все...

КОСТЯ (*Степану*). Чего хихикаешь, как недоразвитый? Может, Олану у вас разрешения спрашивать, в кого влюбляться?

ЛЮСЯ. Не в этом дело! Все девочки против того, чтобы он влюбился.

КОСТЯ. А как же: вы все сами в старика влюблены!

ЛЮСЯ. Вот еще! Все! Если и да, то некоторые...

СТЕПАН. Ты, например...

ЛЮСЯ. Хотя бы и я! Не в тебя же влюбляться!

СТЕПАН. Почему?

ЛЮСЯ. Ты посмотри ни свои уши. (*Протягивает ему зеркальце.*)

СТЕПАН. И что? По-моему, уши как уши...

ЛЮСЯ. А по-моему, слишком торчат!.. Олан – необыкновенный человек. У него есть цель. Мужчина без цели – ничтожество... Нет, я в него не влюблена! Просто он – мой кумир, рыцарь в очках и без шпаги. Как артисты на фотографиях. Но все это – было. Теперь ему на нас наплевать. Все внимание – ей! Нас на Иру променял!

СТЕПАН. Ревнуешь!

ЛЮСЯ. Я?! С какой стати?!

СТЕПАН. Женщина всегда ревнует мужчину, который ей нравится.

ЛЮСЯ. Да он классу изменил! А ты – нравится!

КОСТЯ. А мне нравится, когда меня не опекают с удвоенной силой! Она сидит на всех уроках. Анатомию вдвоем проводят – она плакаты развешивает. На собраниях не поймешь, кто классный руководитель: Олан или практикантка...

ЛЮСЯ. Уже требует, чтобы мы толстые журналы читали.

СТЕПАН. А тут на худые – времени нема!

КОСТЯ. Ести поженятся – вообще хана! На литературе аукнется, на анатомии откликнется. Я такое иго терпеть не намерен. Крепостное право сто лет как отменили. С женщинами надо разговаривать сурово: нет, и все!

ЛЮСЯ. Как же, по-вашему, быть?

КОСТЯ. Вы как хотите, а я беру личное обязательство: литературу не учить. Пушкин сказал: «Спи, младенец мой прекрасный, баюшки-баю!» Вот и буду спать на литературе по указанию Пушкина.

ЛЮСЯ. Это, кажется, сказал Лермонтов.

КОСТЯ. Тем более! Ее директриса за наши двойки в два счета выгонит!

СТЕПАН. Лопухи вы! Уши развесили. Ждите, пока выгонит. Да меня отец до этого за двойки живьем съест – тапочки сплюнет. Действовать надо!

ЛЮСЯ (*осторожно*). Как?

СТЕПАН. Очень даже просто: вбить клин между ними – и привет! Пофлиртовали – и хватит!

ЛЮСЯ. Хватит... Легко сказать!

КОСТЯ. А чего? Давай, Хобот, то есть Степан Степанович, выступи на собрании и заяви: «Ирина Павловна! На каком основании вы влюбились в нашего персонального Олана? Этого в программе нету». Ей и крыть нечем.

СТЕПАН. Я не понял: кто выступит? Я?!

КОСТЯ. Ты же летом на Клязьме с камнями во рту дикцию отработывал, как Цицерон, – сам говорил.

СТЕПАН. Как Демосфен, балда!

КОСТЯ. Нет возражений. Выскажись, как Демосфен.

СТЕПАН. Не... Какой же дурак открыто будет выступать? Надо тонко... (*СТЕПАН прижимает к себе головы ребят и что-*

то шепчет. Все смеются.) Еще увидим, у кого умственная отсталость!

ЛЮСЯ (*Степану*). Сам-то трусишь? (*Костя*). И ты тоже? Эх вы! А называется мужчинами!..

СТЕПАН. Стоп: есть еще способ, вполне порядочный: «на морского»!

ЛЮСЯ. Это как?

КОСЯ. Прimitив! Бросим жребий – «на морского». На кого падет – тот и скажет!

СТЕПАН. Согласны? Моя идея – я не участвую.

ЛЮСЯ и КОСЯ складывают пальцы в кулаки и размахивают ими.

КОСЯ. Начинаем с меня. Раз!.. Два!.. Три!..

Разжимают пальцы – кто сколько, КОСЯ подсчитывает сумму, показывает, на кого она выпадает. ЛЮСЯ кричит.

КОСЯ. Прекрасный пол – тебе!

ЛЮСЯ. Это кто – прекрасный пол? Я? Хотя... Вообще-то да. Только...

СТЕПАН. Тише вы! Раскудахтались. Она!

Ребята прячутся – кто где. Из учительской выходит ИРИНА. СТЕПАН выталкивает ЛЮСЮ. ЛЮСЯ выскакивает из укрытия, едва удержавшись от падения, кашляет.

ИРИНА. Ты еще не ушла, Нечаева?.. Пока не забыла. Помнишь, ты спрашивала о ранении Пушкина. Я выяснила у нас в институте у пушкинистов. В 1937 году врач Арендт, потомок Николая Федоровича Арендта, который пытался лечить раненого поэта, установил: современными методами Пушкина действительно можно было бы спасти.

ЛЮСЯ (*равнодушно*). Пуля прошла в брюшину и задела крестцовую кость. Начался перетонит. Из коматозного состояния можно было вывести при наличии антибиотиков. Мы это давно знаем.

ИРИНА. Зачем же тогда спрашивала?

ЛЮСЯ. Вас уж и проверить нельзя?.. Между прочим, Олегу Андреичу на эту операцию потребовалось бы два часа сорок минут. *(После паузы.)* Погода какая! Летом запахло. Наверно, мы с Оланом снова в заповедник поедем на Оку. Прошлым летом полтора месяца там жили. Лекарственные травы собирали. Лягушек оперировали. Купались. Течение там быстрое – песок из-под ног уносит, не устоишь... А вы... поедете с нами?

ИРИНА. Я плохо плаваю.

ЛЮСЯ. Научим!

ИРИНА. Соблазнительно!

ЛЮСЯ *(вдруг)*. Вы детей любите? Маленьких?

ИРИНА. Очень.

ЛЮСЯ. И я – просто страсть! У меня их будет... *(Загибает по очереди все десять пальцев.)* Два. Мальчик и девочка. Когда к старику, то есть Олегу Андреичу, приезжала жена, я целые дни возилась с ребенком.

ИРИНА. С каким ребенком?

ЛЮСЯ. С младшим. Такой симпомпончик, щечки розовенькие! А старший дома остался.

ИРИНА. Чья жена?..

ЛЮСЯ. Его... Ненадолго приезжала, они вроде развелись...

ИРИНА. Чушь какая-то! Но откуда?

ЛЮСЯ. Из Серпухова. Или нет, из Калуги... Что с вами, Ирина Павловна? Побледнели... Жарко?

ИРИНА. Нет... ничего... Глупости!

ЛЮСЯ. Вы не расстраивайтесь! Мужчины, они такие!.. Если разобраться, он вам не пара. Вы похожи на студентку ВГИКа, а он очкарик, сухарь!

ИРИНА. Вот оно как! За меня решила? Я-то думала – ты просто наивная девочка. А у тебя острые коготки! *(Убегает.)*

ЛЮСЯ. Будешь без коготков – тебя поцарапают!

Высыпают ребята.

СТЕПАН. Блеск! Налицо шок. Вернее – на лице!

КОСТЯ. А по-моему, нечисто получается. Запашок есть...

СТЕПАН. Лопух! Нам что ли нужно? Это же в интересах класса!

ЛЮСЯ (*Косте*). Чудачок! Будет Ира уходить из школы, скажем: разыграли. Что у нее – чувства юмора нету? Как же без чувства юмора преподавать русскую литературу?

СТЕПАН. Атаc! Прячьтесь скорей! Олан идет! (*Косте*.) Твоя очередь!..

ЛЮСЯ и СТЕПАН снова поспешно прячутся. КОСТЯ спотыкается о собственный портфель, падает. Входит ОЛЕГ АНДРЕИЧ.

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Седых, так сотрясением мозга обзавестись можно...

КОСТЯ. Это сорок дней полного покоя. Лафа!

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Не для всех. Ты Ирину Павловну не видел?

КОСТЯ. В буфет прошествовала.

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Старик, как протек урок литературы?

КОСТЯ. Нормально. Полная гармония. А что?

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Я беспокоюсь за Ирину Павловну. Она молода, неопытна.

КОСТЯ. Неопытна? Да она опытней вас! В два счета того... Попрактиковалась и... вас окрутила...

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Вон ты о чем! Тогда уж не она меня, а я ее. В твоём возрасте можно быть и погалантной.

КОСТЯ. С какой стати? Она сама смеется, что вы науку на нее сменили.

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Как – смеется?

КОСТЯ. Да так! Цитирует Пушкина про любовь и смеется, что вы за ней... Вокруг нее... Ну, интеллигентно выражаясь, вьетесь...

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Что же смешного?

КОСТЯ. Для меня лично – ничего. Флирт как флирт. А она говорит, что ее жених лучше.

ОЛЕГ АНДРЕИЧ (*после паузы*). Седых, у тебя температура! Какой жених!

КОСТЯ. А тот, который в этой... как ее... в армии служит, на Дальнем Востоке. Скоро вернется, и тогда свадьба. Уже, говорят, назначена. Как думаете: нас с вами позовут?

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Слушай, Седых, поумней ничего не могли сконструировать? Это же шито белыми нитками!

КОСТЯ. Поумней – трудней. Я пойду, а то уроков!.. Одной литературы ваша Ирина задала часа на два... (*Идет, останавливается.*) А температура у меня лично из-за этого никогда не повышается! (*Убегает.*)

ОЛЕГ АНДРЕИЧ стоит в задумчивости, потирая виски. Возвращается ИРИНА, хочет незаметно пройти мимо, но ОЛЕГ АНДРЕИЧ оборачивается.

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Ты когда уходишь домой? Надо поговорить...

ИРИНА. Поговорить? (*Подумав.*) У меня дел много...

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Не глупи! Если на все реагировать...

ИРИНА. Да я и не реагирую. Просто настроение... Я же не кукла, чтобы вечно быть розовощекой, смеющейся и в восторге хлопать глазами... Не жди, я задержусь. (*Уходит.*)

ОЛЕГ АНДРЕИЧ (*обиженно*). Если дел много, конечно... Не жду. (*Уходит в другую сторону.*)

Появляются ЛЮСЯ и СТЕПАН. Переглядываются, застывают на мгновение.

СТЕПАН (*в позе профессионального чтеца*). «Нет ни в чем вам благодати. С счастьем у вас разлад. И прекрасны вы некстати, и умны вы...» Как там?..

ЛЮСЯ. «Невпопад».

СТЕПАН. Будет впопад! Они от нас так легко не отделаются. (*Передразнивает.*) Шито белыми нитками... Ладно! Черными сошьем!

Смеются. ЛЮСЯ убегает. СТЕПАН уходит на цыпочках.

Затемнение.

Картина третья

В своем кабинете работает МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Оттуда слышно радио: «Разведите руки пошире. Вдохните». Это урок производственной гимнастики. Слышна бодрая мелодия из оперетты.

В вестибюле на стене новая доска: «До экзаменов осталось ... дней». Число еще не повесили на гвоздик.

Появляется ХОБОТКОВ-СТАРШИЙ. Он тщательно одет, белоснежная рубашка, модный галстук. ХОБОТКОВ тащит огромный щит. Перед кабинетом директора поправляет манжеты, стучит в дверь, улыбается.

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. А, заходите, товарищ Хоботков. Частенько к нам заглядываете. Удобно работать по соседству со школой?

ХОБОТКОВ. Вот, Марья Сергеевна, все изготовлено в лучшем виде... Попробуйте сказать, что родительский комитет плохо работает! Здравствуйте! (*Почтительно жмет руку.*) Смотрите, какой щит! Не подумаешь, что из отходов. Натуральная синтетика. Лучшие бывшие дети школы – семь докторов и двадцать четыре кандидата – улыбаются все как один. А это – для новых кадров места оставлены. Были бы кадры!

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Кадры будут, не сомневайтесь! (*Рассматривает щит*). Все мои. Смеются, голубчики. А постарели-то!.. Ой, спасибо, отец Хоботков, спасибо! Помогите повесить. Вот молоток – мужская работа.

Выходят в вестибюль. ХОБОТКОВ заколачивает гвозди. Повесив щит, возвращаются.

ХОБОТКОВ. Я для школы – находка, Марья Сергеевна. Таких родителей еще поискать! Всё в порядке шефства. Как говорится, шефство заменяет средства. Пускай детишки смотрят, а то у них одна сирень в голове... *(Доверительно.)* Кстати, у меня к вам разговорчик имеется. Ведь пришел я к вам не только как отец своего сына, но и как администратор к администратору, с делом общественным, которое...

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Вот как? Присаживайтесь!

ХОБОТКОВ. Спасибо! *(Ходит по кабинету.)* Обиды таить – не в моих правилах. Я стою за гласность. Откровенно говоря, причина моего взволнованного состояния является следствием той информации, которая...

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Случилось что-нибудь? Мальчик ваш вроде благополучный...

ХОБОТКОВ. С вами могу поделиться: назревает опасность ухудшения. Дети стремятся в отличники – в институт, сами знаете, как трудно поступить! Гуманно ли крылья подрезать? Учитель ставит по анатомии двойку, в результате чего исказится картина успеваемости. Не о своем ребенке пекусь! Какими будут общие показатели?

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Незаслуженная двойка? Вряд ли...

ХОБОТКОВ. Зря сомневаетесь! Недавно в газете была статья, между прочим, умная. Там пишут: раз двойки – значит педагог не в состоянии научить. У Олега Андреича ведь нет педагогического образования. А Ирина даже вуза не окончила. И это у нас, в спецшколе с уклоном!

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Ирина Павловна у нас на практике. Девушка душевная, искренняя, не без романтики – ребятам все это на пользу. С Олегом Андреичем полный контраст. Что касается биологии, то требования действительно завышенные, да. Плохо ли это?

ХОБОТКОВ. Он таланты ищет, а к Степе Хоботкову – одни придирки. По-моему, талантов слишком много стало, а образования прочного нету. Все верхушки сшибают. Сидеть не учатся, вот что плохо! Мы с женой воспитали Степана усид-

чивым. Чтобы в облаках летал, не хочу. Но перья у него из хвоста выщипывать негоже!

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА (*поморщившись*). Педагогу, должна вам сказать, видней. В данном случае, отец Хоботков, вам трудно быть объективным.

ХОБОТКОВ. В данном случае, возможно. Но все дети должны быть равны!

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Равны. Но не одинаковы!

ХОБОТКОВ. Ладно. Тогда копнем глубже. Истинная причина вам-то, надеюсь, известна?

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Что вы имеете в виду?

ХОБОТКОВ. То, что у учителя мысль теперь направлена не на учеников, а на то, как совратить практикантку.

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Что?? Чепуха какая-то!

ХОБОТКОВ. У меня точная информация. Есть даже русская поговорка: «Устами младенца глаголет истина». Дети не врут!

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Восьмиклассники – не младенцы. В этом возрасте врать умеют!

ХОБОТКОВ. Нет, мой Степан – ребенок незамаренный. Все мне сообщает. Выводы я делаю сам: учителя, понимаете, влюбляются друг в друга и выражают чувства в отметках! Мстят тем в классе, кто за чистую нравственность. Моя семья все делает, чтобы дать сыну образование, как у всех, воспитать достойно – и вот... В газетах пишут, учителя перегружены. Раз разврат, есть досуг! А детей любить – времени в обрез! Лучше бы, чем произвольно ухаживать в рабочее время, давали глубокие и прочные знания.

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Мне все-таки кажется, папаша Хоботков, вы чересчур подливаете масла в огонь.

ХОБОТКОВ. Раз уж откровенный разговор, так я еще не все вылил! По моральному облику прогуляемся. Какой пример молодому поколению? Детям твердим об ответственности и правильно делаем. Я бы еще дозу увеличил. Но где же, позвольте спросить, ответственность учителя? Ученикам специальность нужна, а не шашни, извините за выражение. Я бы народным образованием руководил – ввел бы отметки по моральному облику.

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Интересно. Это за что же?

ХОБОТКОВ. «Моральный троичник» или, к примеру, «моральный двоичник» – кому надо, сразу видно. Школа ведь – не кино. В нее ходят без билетов и завлекать нечего. И секс в ней детям наблюдать незачем. До шестнадцати лет это делать вообще запрещается! А тут? Жениху, понимаете, изменила...

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. У нее – жених?!

ХОБОТКОВ. Вы меня удивляете... Все это знают – военнослужащий, спецназ Минобороны. К сожалению, женихов пока указывать в анкетах не требуют. Вот вам и положительный пример!

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Спасибо за сигнал, товарищ Хоботков. Надеюсь, этот разговор останется между нами?

ХОБОТКОВ. За кого вы меня принимаете?! Само собой!

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Вот и хорошо. А я подумаю.

ХОБОТКОВ. Подумайте, не имею ничего против. Но без мер, уверен, не обойтись. И если любовь потребует воспитания на положительных примерах и прочее, то фильмы я подберу. Милости прошу – коллективную заявочку ко мне в кинотеатр «Прогресс» без очереди, а вам лично – на любую дефицитную ленту. *(Раскланивается, выходит из кабинета, останавливается, за дверь прислушивается.)*

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА *прошлась по кабинету. Она не знает, на что решиться.*

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Только этого не хватало!.. Значит, и до родителей дошло... Учителя, так те давно потихоньку обсуждают. Кто «за», кто «против». А мне-то что делать? Притворяться, будто не замечаю? Не дадут ведь, напомнят, спросят... и не хочется принимать меры... Надо!.. И лучше не затягивать.. *(Снимает телефонную трубку.)* Скажите, у вас в кабинете нет Ирины Павловны? Где видели? На репетиции в актовом? Попросите ее срочно зайти ко мне. И, если не трудно, по дороге постучите в биологический кабинет к Олегу Андреичу. Пускай тоже зайдет.

ХОБОТКОВ-СТАРШИЙ *удовлетворенно кивает, вытирает пот и уходит с чувством выполненного долга. Кабинет затемняется.*

В вестибюле стремительно появляется ИРИНА, следом за ней поспешает ОЛЕГ АНДРЕИЧ.

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Ирэн! Эй, мадемуазель Практикантка! Да Ирина же!..

ИРИНА (*останавливаясь, холодно*). Я слушаю тебя, Алик.

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Пронесишься мимо – не утонишься. Что ты делала вчера вечером – без меня?

ИРИНА. Нескромный вопрос... Допустим, читала...

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Послушай! Мне необходимо с тобой поговорить!

ИРИНА. Сейчас? Не могу: меня срочно вызывает Марья Сергеевна.

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Вот как? Зачем?

ИРИНА. Понятия не имею.

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Странно. И меня... Не знаешь причины?

ИРИНА. Говорю же: понятия не имею!

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Хочешь, я пойду первым?

ИРИНА. Как Матросов? Нет уж!

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Тогда тебя подожду.

ИРИНА пожимает плечами: дескать, как хочешь. Она входит к директору. Олег Андреич уныло бредет. Исчезает в учительской. Высвечивается кабинет директора.

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА (*ласково*). Ириночка Павловна, деточка! Последние дни вы что-то встревожены. Что с вами?

ИРИНА. Трудно объяснить – личное. Не обращайтесь внимания. Вы мне хотели дать поручение?

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Никаких поручений! Просто собралась поговорить.

ИРИНА. По поводу практики? Вам ведь мне характеристику писать. Как вы меня оцените?

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Я была на вашем уроке. У вас чувствуется любовь к предмету, кругозор, эмоциональность! Что касается дисциплины – при мне ребята сидят, а без меня шум. Но... то – другой разговор.

ИРИНА. А этот – о чем?

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. У вас недавно мать умерла, я знаю. Могу я поговорить откровенно, как мать с дочерью? Я вот думала не о работе вашей, а о счастье...

ИРИНА. Моем?

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА (*подходит к Ирине, обнимает, усаживает рядом на диван*). Учителя и родители обратили мое внимание, я сама не знала! Дети на уроках шушукуются. Восьмой «Б» просто с рельсов сошел!

ИРИНА. Из-за чего?

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Не понимаешь? Тогда спрошу прямо. Что у тебя с Олегом Андреичем?

ИРИНА. Вот вы о чем?

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Да, об этом.

ИРИНА (*с печальной улыбкой*). Дети решили?

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Дети.

ИРИНА. Им виднее. А я не знаю!

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Так! Не знаю – и точка! Правильно, девочка! Я тоже самолюбивая и все понимаю. Все-таки двух дочерей замуж выдала, а растила без мужа. (*Пауза. Доносится шум перемены.*) Не для осуждения хочу с тобой с глазу на глаз пошептаться, а подсказать. Я так думаю: не все советы на свете только вредные.

ИРИНА. Вы – о сплетне?

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Шут с ней, со сплетней. Поговорят, да перестанут. Особенно, если дело серьезное. Сама-то как думаешь? Серьезное?

ИРИНА (*глухо*). Не знаю...

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Вот видишь! Сейчас столько легкомыслия вокруг, что не грех молодой женщине и поостеречься. Вы знакомы – и месяца нету. А я с Аликом учебный год вместе. И по-хорошему, и конфликты бывают. Он значительный человек, ничего не возразишь. Таким можно увлечься. Но ведь он одержим своей наукой. Для таких все вокруг – выжженная земля. Сегодня для него не существует, он рвется вперед. Ты – девушка, тонко чувствуешь, а он сухарь. Если один из двоих должен себя приносить в жертву, разве это любовь? Или решила, как мотылек, сгореть на огне? Нет, он тебе не пара!.. Молчишь? Значит, я права!

ИРИНА (*холодно*). Спасибо. Я подумаю.

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА (*начиная сердиться*). Зря обижаешься. Ты еще слишком молода, даже не самостоятельна – еще учишься!

ИРИНА. Я уже давно самостоятельна. Мне скоро двадцать лет! Пойдет третий десяток! И если бы был человек, который... которого я...

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Профессии еще нет, институт не окончен! А он-то, он! По-моему, стал таким же легкомысленным мальчишкой, как его ученики!

ИРИНА. Не волнуйтесь, Марья Сергеевна! Все не так остро, как вам показалось. Мы с ним просто друзья...

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Так я и думала... Как говорится, каков вопрос – таков ответ...

ИРИНА (*вдруг*). Можно вас спросить? Правда, что вы ребят стрижете?

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Я?!

ИРИНА. Мне ребята рассказывали, что у вас... у нас в школе волосы мальчишкам стричь обязательно до челочки.

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА (*смеясь*). Раз в неделю я захожу в класс и говорю: «А ну, мальчишки, кто не подстрижен, с портфелем ко мне в кабинет». Портфель оставляют и дуют в парикмахерскую. У кого нет денег – даю свои. Пострижешься – бери сумку и шагай на здоровье домой. При чем тут стрижка?

ИРИНА (*испуганно*). Ведь это же вмешательство в личное!

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Вон что! (*Сердясь*). Да в их же интересах! И в школе, согласитесь, должен быть порядок... Эдак можно...

ИРИНА (*встает с дивана*). Извините, но если можно это, то можно и другое. Можно указывать, кто кому не должен нравиться. Выходит, Наташе Ростовской можно, а учительница такого права лишена?

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА (*выведена из равновесия, но еще держится в рамках задуманного разговора*). Ты меня не поняла, деточка. Вон как обрушилась, не даешь сказать. Старшекласники у меня такие же ежистые!.. Я ведь не ханжа. Ты вот в брюках в школу ходишь – я молчу. Нет, горе и радость мне не безразличны. И любовь тоже.

ИРИНА. Любовь – разве это не личное?

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Нет! Любовь – дело общее. Потому что семья – частица общества.

ИРИНА. Но разве общество может помочь любить? По-моему, может только помешать!

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Смотря как! Помогать с пользой – разве плохо?

ИРИНА. С пользой – для кого? (*Повторяет с усилием.*) Для кого?

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Ну вот, и глаза на мокром месте. Дочки мои такие: чуть что – в слезы. А я за жизнь свою несладкую научилась не плакать. Слезы из меня не выдавишь. Поверь, девочка, я людей знаю. Ты хороша собой, у тебя впереди жизнь целая! И поклонников будет тыща! Не бери его близко к сердцу!

ИРИНА. Марья Сергеевна, а... Олега вы позвали... на ту же тему?

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА (*срываясь*). И об этом знаешь? Успел уже тебя предупредить?

ИРИНА. Сама его спросила... Я могу быть свободна? Простите, я, кажется, резко говорила...

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА (*успокаиваясь*). Да что уж! Понимаю. Разговор-то неприятный. Но подумать есть о чем!

ИРИНА. Спасибо за науку, Марья Сергеевна. На практике, как ни странно, не столько я учу, сколько меня.

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Почему же странно? У нас полнокровный здоровый коллектив. Не я даю советы – он. Так что его и благодарите. Идите, деточка!

ИРИНА устало выходит из кабинета в вестибюль. ОЛЕГ АНДРЕИЧ вернулся и ее поджидает. ИРИНА шарахается от него в сторону. Он пытается остановить ее. ИРИНА убегает. ОЛЕГ АНДРЕИЧ стремительно направляется в кабинет. Он возбужден. МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА тоже не столь спокойна, как в разговоре с ИРИНОЙ.

ОЛЕГ АНДРЕИЧ (*опершись кулаками о стол, с вызовом*). Что здесь произошло, Марья Сергеевна? Ирина вышла – комок нервов. Я хотел сказать – Ирина Павловна. В чем дело?

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Успокойтесь, Олег Андреич. И спрячьте ваши кулаки – они меня не вдохновляют... Женщины посекретничали – неужели это вам интересно?

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Я закурю, разрешите?

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. И дайте мне сигаретку!.. Говорят, вдвоем покурить – разговор заменяет...

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Ненужный разговор – заменяет... А у вас какой?

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Что с вашим классом, Олег Андреич? Будто подменили... Весна?

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Не замечаю. Работают! Если кто-то может больше, я требую еще больше, так что меру между хорошо и плохо установить трудно. Отметки я бы вообще не ставил – я и без них знаю, кто есть кто.

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. А двойка Хоботкову?

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Так это – за тупость!

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА (*саркастически*). За это, конечно, можно. А чем бы вы заменили оценки остальным – пряниками?

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Оставил бы одну чистую радость познания.

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. А если у детей не будет радости познания?

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Учителя надо гнать в три шеи! Дети ни при чем!

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Ладно, тогда конкретный пример. Вот на литературе у них нет радости. Значит?..

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Знаете – сдвиг есть. Что-то в них зашевелилось. Честное слово! Сам сидел у Ирины на уроках...

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Вы? А говорили, литературу не любите...

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Говорил! А теперь засомневался. Я ведь на французский с десятым классом «А» весь год ходил. Мне второй язык во как нужен! (*Проводит пальцем поперек горла.*)

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Директор узнает последним. Почему это Тамара Генриховна мне не рассказала? (*Решившись.*) Олег Андреич, я хочу вас спросить не о французском. Вы мужчина, с вами я могу говорить прямее, чем с Ириной Павловной. Она – девушка юная, студентка, и ваши отношения на глазах школы... Вы считаете, в порядке вещей?

ОЛЕГ АНДРЕИЧ (с улыбкой). А вы что – против?

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Видите ли... Так не скажу. Это, как мы, математики, говорим, некорректно.

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Согласен!

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Но на ребятах отражается. Не рано ли им вникать в подробности отношений взрослых?

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Разве дома и на улице они изолированы от этих отношений? Скрывать? До какого возраста? Они все равно видят больше, чем мы. Так, может, наоборот? Показывать, что хорошо и что плохо?

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Показывать?! Вы уверены, что ваш пример положителен? За знания роно с нас строго спросит. А любить... любить жизнь научит получше нас. Правда ли, что на уроке анатомии у вас был спор с ребятами: сколько процентов физиологии в любви?

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Правда. Мне кажется, пятнадцатилетние, которые скоро получат паспорта, о некоторых вещах обязаны говорить с врачом...

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Вы – прежде всего педагог!

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Пусть так! Не для того я пришел в школу, чтобы объяснять старшекласникам, что детей приносят аисты и подкладывают в капусту!

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Согласна! Но отношения ваши в школе... Это... тоже наука?

ОЛЕГ АНДРЕИЧ (нахмурившись). Неужели вы серьезно просили Ирину и меня прийти из-за этого?

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Сперва думала с классом переговорить. Объяснить, успокоить. Но что – объяснить? Да и нетактично, минуя вас...

ОЛЕГ АНДРЕИЧ (с остервенением гасит сигарету, отчеканивает слова). Марья Сергеевна! Я с уважением отношусь к вашему опыту, умению справиться с семьями ребятами и сорока учителями, включая меня самого. Я в школе почти что год, многому уже не удивляюсь. Но кое-что... Вы позволите?..

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Разумеется!

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. В школе кое-что удивляет. Например, учителя, преподающие по-старинке. Истины, подающиеся в разжеванном виде, бесспорно. Так учили меня десять лет назад, но в спецшколе в наше напряженное время так нельзя.

Ребята не умеют использовать знания на смежных предметах, не умеют читать ни по-французски, ни по-английски. Проходят сказочки для пятилетних в адаптированном переводе. Назовите мне школу, в которой учат латынь? В медицине без нее пропадешь!

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Разговор-то – о личном, о вас, а вы вон куда!

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Если бы ваша позиция отражалась только на мне и Ирине, я бы стерпел. Но косность отражается на детях!

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. У меня косность? То, о чем вы говорили, – трудно осуществить. Перегрузка! Разве я ее ввела? А что вы предлагаете?

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Думать! Творить! В журналах, по телевизору, по радио ребята узнают больше, чем на уроках. А на уроках скука! Вот и...

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА (*перебивая*). Это трудные проблемы. Можете не сомневаться: я за новое, за молодежь, учителям старой закваски справиться с новым поколением все тяжелей. Вы недовольны вмешательством в личное. Допустим... А девочки восьмого «Б» сегодня в брюках в школу идут – видели? А завтра что же, в трико?

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Занимайтесь, Мария Сергеевна, главным делом!

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. У директора, милый Алик, нет главных и второстепенных дел: все важно. Только на все времени не хватает.

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Почему же тогда хватает на сплетни?

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА (*кричит*). Я запрещаю... (*Продолжает, сдержавшись*.) Я прошу вас не говорить со мной в таком тоне... Вдруг оказалось, что нам трудно понять друг друга. Теперь вам ясно, почему я против того, чтобы в школе работали «не педагоги»?

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Вы сами однажды сказали: воспитатель – не профессия – призвание.

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Поймали меня на слове? Чего это меня сегодня все учат? Считайте это косностью, но вот что я вам скажу. Пока я директор, моя обязанность предупредить: если ваши с Ириной Павловной «дела» будут влиять на детей,

я буду вынуждена вынести вопрос на педсовет. Что же мне остается?

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Вам остается – поумнеть!

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Чт-о-о?! (*ОЛЕГ АНДРЕИЧ резко поворачивается и выходит из кабинета.*) Ну, знаете ли... (*Вдруг обиженно.*) Хочешь сделать как лучше, тактичнее, хочешь помочь, – и ты же виновата! Моя бы воля, неженатых учителей в школу не брала!

Теперь высвечивается вестибюль. У окна тихо плачет ИРИНА. ОЛЕГ АНДРЕИЧ подходит к ней.

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Эй! Разве вам не говорили в институте, что учителя плакать не должны!

ИРИНА. Сейчас перестану. (*Вытирает глаза.*) Я не понимаю что происходит. В чем я виновата?

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Ты? Ни в чем!

ИРИНА. Сперва класс был против, а теперь и учителя, и родители, и даже Марья Сергеевна! Школа сошла с ума, а причина – я!

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Не ты, а я! Это ведь я... Я хочу сказать, ты мне...

ИРИНА (*вдруг найдясь*). Нет, нет! Прошу тебя! Это тебе просто показалось. Я должна тебе признаться, что ничего нет. Просто я поиграла...

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Как поиграла?

ИРИНА. Ну, как кошка с мышкой. Имеет право девушка пококетничать? Или в спецшколе это запрещено? Тогда прости, я больше не буду... Человек, который всем мешает, должен...

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Глупости!

ИРИНА. Нет, не глупости, уважаемый Олег Андреич, это жизнь!

Незаметно появляется СТЕПАН, прячется.

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Что ты надумала?

ИРИНА. Простая логика: осталось заполнить классный журнал, и я ухожу. Попрошусь на практику в более среднюю школу. То есть в более нормальную...

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Уходишь?! А я?

ИРИНА (улыбаясь). И тебе будет лучше. А знаешь, я научилась решительности у тебя!

ИРИНА выходит в учительскую. ОЛЕГ АНДРЕИЧ растерян. Шел, было, за ней, но резко поворачивается, исчезает. СТЕПАН вылезает из укрытия. Появляются ЛЮСЯ и КОСТЯ. За ними вываливается ватага одноклассников.

СТЕПАН. Поняли?

ЛЮСЯ. Чего?

СТЕПАН. Здорово я отцу хвост накрутил. Немного фантазии – и порядок! Победа! Полная и безоговорочная! Ирочка уходит из школы – это раз!

КОСТЯ. Не уходит, а удирает. Позорно провалилась.

ЛЮСЯ. И старик свободен. Он остался один – это два!

КОСТЯ. Не один, а с нами – принципиальная разница.

СТЕПАН. Придет Клавдия Игнатьевна – на литературе устроим мертвый час!

ВСЕ. Ура!

Бесшумно пляшут победный танец дикарей.

СТЕПАН. Вот так-то. А вы боялись!

ЛЮСЯ (оглядывается). Тс-с-с... Между прочим, она девчонкам разрешила в школу в брюках ходить. Ей за это наверняка от директрисы влетело! (Вдруг тихо.) Я подумала, что если она его все-таки?.. Тогда ее жаль...

КОСТЯ. Почему жаль?

ЛЮСЯ. Потому что ты – дурак!

Хохочут.

СТЕПАН. Тс-с! Атас! Сматываем удочки!

Все убегают.

Медленно входит ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Снова подходит к дверям учительской, колеблется, войти ли. В вестибюль энергично вры-

ваётся ПЕТРЯНОВ. Заметив ОЛЕГА, замирает, крадется вдоль стены. Вынув из кармана пистолет, подкрадывается к учителю сзади.

ПЕТРЯНОВ. Ни с места! Поднимите руки вверх. Не оглядываться! Предупреждаю: одно лишнее движение – и я стреляю!

ОЛЕГ АНДРЕИЧ подчиняется. Откуда-то возникает звук – биение сердца. Ритм убыстряется, будто человек бежит. Звук становится все громче, нарастает и вдруг резко обрывается.

Занавес.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Картина четвертая

В школьном вестибюле с поднятыми вверх руками стоит ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Позади него продолжает стоять ПЕТРЯНОВ, нацелив ему в спину пистолет.

ПЕТРЯНОВ. Подойдите к стене и не оглядывайтесь! Повторяю: иначе буду стрелять!

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Стреляй, мне теперь все равно!

ПЕТРЯНОВ. Захотел скрыться, замел следы! Но от меня не уйдешь! У меня нюх, как у немецкой овчарки...

ОЛЕГ АНДРЕИЧ *(договаривая)* ...с профессорским дипломом. Я тебя сразу узнал, Петрянов. От тебя действительно не скроешься!

ПЕТРЯНОВ. То-то же! Так и быть, можешь повернуться. Еле нашел вход в эту кретинскую школу. Дверей много, а какая открыта, не поймешь...

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Открыто всегда со двора.

ПЕТРЯНОВ. А парадное?

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Парадное для почетных гостей. За год парадный вход два раза открывался: для африканского принца и для делегации из Польши.

ПЕТРЯНОВ. Ясно... *(Возмущенно.)* Ты что – днем и ночью в этой школе? Сколько ни звонил – дома тебя нет. Когда будет, родная мать не знает. Почему я вынужден гоняться за

собственным аспирантом по всей Москве? Почему вместо того, чтобы ехать на банкет с французскими врачами, я ищю какую-то спецшколу с уклоном неизвестно в какую сторону... Не перебивай меня, а то буду выражаться более энергично!

ОЛЕГ АНДРЕИЧ (*посмотрев в сторону учительской*). Более энергично – не надо, прошу тебя!

ПЕТРЯНОВ (*вздыхнув*). Ладно, благодари бога, что мне некогда. Приступим к делу. Ты все еще на меня дуешься?

ОЛЕГ АНДРЕИЧ (*принужденно смеясь*). Нисколько! А что?

ПЕТРЯНОВ. Нисколько! Я же вижу. Так вот, я приехал извиниться, Алик. Простишь?

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Разумеется, прошу. Но разве это что-то меняет?

ПЕТРЯНОВ. Очень многое – и кардинально! В тогдашнем нашем споре я оказался слишком осторожным, а твой метод подтвердился.

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Постой, Петрянов! Неужели?.. Я победил! И можно... (*Сникнув*.) Я подумал, что ты заехал просто по-приятельски... Оказывается, я тебе понадобился.

ПЕТРЯНОВ. Наконец-то до него дошло! Остальное – лирика. Защита твоей диссертации уже назначена. Забираю тебя обратно в клинику и даю на доделки ровно месяц. Еще чуть-чуть – и можно твой метод внедрять в клиники! Я приглашен на конгресс в Лондон – там сделаю сообщение о твоей работе.

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Вот что!.. За меня меня женили?

ПЕТРЯНОВ. Твоя женитьба меня не касается... А это – наука! Что – силенок не хватит?

ОЛЕГ АНДРЕИЧ (*уязвленно*). У меня?!

ПЕТРЯНОВ. В таком случае – поехали!

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. А школа?

ПЕТРЯНОВ. Чепуха! Не намерен даже вникать в эту детскую проблему.

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Извини, но я учитель... За это получаю зарплату.

ПЕТРЯНОВ (*с иронией*). Нашел себя?.. Тебя, конечно, здесь ценят, уважают, любят?

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Я в школе белая ворона, экзотика. Им со мной интересно. Ввожу их не в учебник, а в живую науку,

понимаешь? (*Вдруг спустившись на землю.*) Так мне, по крайней мере, казалось.

ПЕТРЯНОВ. Протрезвел?

ОЛЕГ АНДРЕИЧ (*сухо*). Поубавилось розового тумана...

ПЕТРЯНОВ. То-то же! А меня даже испугало твое равнодушие. Чего это он, думаю, эгоистично твердит о себе и даже не спросит о новых данных, которые непосредственно касаются его работы? Поспешил записаться в неудачники... Ты ученый! Между прочим, у нас новое электронное оборудование. Увидишь – пальчики оближешь! Остальное – глупости, поверь! Тебе не до школы – надо закончить диссертацию, и я гарантирую...

ОЛЕГ АНДРЕИЧ (*нетвердо*). Понимаешь, скоро экзамены... Давай, после них, а?

ПЕТРЯНОВ. Ждать месяц?! (*После паузы, неожиданно.*) Да, кстати! Что с твоим собственным сердцем? Забыл, как напугал меня?

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Сейчас вроде все нормально. По-моему, я абсолютно здоров.

ПЕТРЯНОВ. Коллега! Это школа научила тебя измерять состояние такими обывательскими формулами: «вроде», «по-моему», «абсолютно»? Да студенты-медики на первом курсе знают, что абсолютно здоровых людей вообще не бывает. Если надо – всегда можно что-нибудь найти и лечить.

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Надо – кому?

ПЕТРЯНОВ (*со значением*). Тому – кому надо! (*Возбуждается.*) Я кардиолог, черт возьми, и твой лечащий врач. Ты обещал явиться на проверку через полгода? Ждешь, пока шкрабы доведут тебя до инфаркта? (*Раскрывает футляр, которым изображал пистолет.*)

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Что я вижу?

ПЕТРЯНОВ. Фонендоскоп, невежа!.. Раздевайся!

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Здесь?.. Неудобно!

ПЕТРЯНОВ. Предрассудки! Немедленно! И учти, студентом я был чемпионом Москвы по классической борьбе. В полтяжелом весе.

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Ты хорошо сохранился!

ПЕТРЯНОВ (*откланивается, энергично кладет руки на шею Олегу*). Сейчас проверим... (*Из учительской выходит ИРИНА. ПЕТРЯНОВ ее не замечает.*) Раздевайся!..

ОЛЕГ АНДРЕИЧ (*снимая пиджак*). Послушай, здесь...

ПЕТРЯНОВ (*оглядывается, удивлен*). Пардон! Бонжур, мадемуазель!..

ИРИНА. Здравствуйте! Я думала – это кричат дети...

ПЕТРЯНОВ. Почти... Ради бога, извините. Не могу ли я попросить вас ненадолго исчезнуть туда, откуда вы появились? Молодой человек вас стесняется. Ему необходимо обнажить свой могучий торс. (*Указывает Ирине на дверь*.)

ИРИНА. Вот как! Извините, что помешала. (*Снова уходит в учительскую*.)

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Профессор, хотя ты и чемпион по борьбе, почему ты так груб? Учительницу выгнал. Она обиделась, только виду не подала. Я... я вызову тебя на дуэль!

ПЕТРЯНОВ (*смеясь*). В самом деле, старина? (*Хлопает его по плечу. Смеется*.) Как ее зовут?

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Ирина... Павловна...

ПЕТРЯНОВ. Намек понял. У тебя есть вкус! Я бы и сам... Но... Она тебе нравится? Молчишь? Значит, дело еще серьезней, да?.. Я не сомневался, что ты джентльмен. Но дело есть дело! Я жду!..

ОЛЕГ АНДРЕИЧ (*снимая галстук, рубашку*). Тогда быстрее действуй!

ПЕТРЯНОВ (*вставляет в уши фонендоскоп*). Ах, Алик, Алик!.. (*Прослушивает*.) Так... Так... Да!.. А теперь... Дыши. Так... Еще... (*Качает головой*.) Все это мне не нравится...

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Дай, я послушаю!

ПЕТРЯНОВ. Ты что – мне не доверяешь? Повернись спиной!.. Не дыши... Еще...

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Сейчас войдет директор – вот будет картина!

ПЕТРЯНОВ. Директор школы? Ты что – девушка? Дело есть дело! (*Из учительской доносится тихая грустная музыка*.) Итак, я забираю тебя в клинику. Без разговоров!

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Шутка?

ПЕТРЯНОВ. Я абсолютно серьезен. Поехали!

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Зачем?

ПЕТРЯНОВ. Обследуем, тогда решим.

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Сразу?.. Веселенькая музыка!..

ПЕТРЯНОВ (*прислушиваясь*). Индивидуальное восприятие. (*Складывает фонендоскоп. Подходит к учительской, открывает*

дверь. Музыка обрывается.) Ирина... э... Павловна! Разрешите откланяться? Будьте любезны передать директору, что я на некоторое время посажу этого приятного молодого человека в клинику под замок. Школа плохо заботится о его сердце. Учениками он будет руководить на расстоянии. Телепатически. Примите уверения в совершенном к вам почтении. Оревуар! *(Подхватывает пиджак и рубашку Олега.)*

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Петрянов! Отдай одежду!

ПЕТРЯНОВ. Получишь ее в машине. *(Стремительно уходит, по дороге роняет галстук.)*

ИРИНА встает в учительской из-за пианино, выходит в вестибюль.

ИРИНА *(поднимая, холодно)*. Твой галстук...

ОЛЕГ АНДРЕИЧ *(берет ее за руки)*. Умоляю, сходи забери мою одежду! Вечно у этого Петрянова нелепые шутки!

ИРИНА. Он тебя уговорил? Уходишь?

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Да он террорист, насильник. Вот ведь приспичило: немедленно, сейчас, здесь!

Из кабинета вышла МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Увидела полураздетого ОЛЕГА АНДРЕИЧА, держащего за руки ИРИНУ. МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА пятится. ОЛЕГ АНДРЕИЧ поспешно надевает галстук на голое тело.

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Видите ли...

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Что ж у меня – глаз нет?

ИРИНА. Марья Сергеевна, я вам все расскажу.

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Ах, еще и расскажете!

ОЛЕГ АНДРЕИЧ убегает за ПЕТРЯНОВЫМ. Женщины смотрят ему вслед.

ИРИНА. Вы были правы: он – одержимый! Таким, как я, здесь делать нечего! *(Убегает.)*

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. погоди! Куда же ты?! *(ИРИНА замедляет шаги.)* Одного уводят, другая убегает... Куда? Зайди ко мне!

ИРИНА. Я решила уйти, Марья Сергеевна.

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Вот так – бросив все? Тебе ведь для института характеристика нужна... Молчишь?.. Да ты не обижайся, деточка! Может, я тогда перехлестнула, сказала лишнее, отрицать не стану. Но согласись – не для себя. Сейчас, видишь – оказалась права!.. Куда он?

ИРИНА. В клинику...

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Как думаешь, надолго? (*ИРИНА пожимает плечами.*) Понятно! Поманили, пообещали диссертацию – и класс бросил... А мы? А дети? Я вот думаю: что делать? Видишь ли, у Клавдии Игнатьевны маленький ребенок. Она просит еще месяц – за свой счет. Как не дать? А тут еще Олег! Класс и так с ума сходит, теперь вообще остается без руля и без ветрил. Боюсь, как бы пуще того не распустились. Не согласишься выручить школу? Я имею в виду классное руководство...

ИРИНА (*недоверчиво*). Я – после всего, что было, – классным руководителем?

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Что же тут особенного? Ребят знаешь!..

ИРИНА. Знаю... (*В ужасе.*) Один на один с классом?! Нет! Ни за что!..

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. В нашем педагогическом ремесле и не то бывает! Твой, можно сказать, родной класс! И нам помощь, и тебе для окончания практики.

ИРИНА (*после паузы, колеблясь*). Я в затруднении: что ответить?

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Понимаю – смущает. Недолюбливали тебя. Но дети отходчивы. Успокоились. Иди в класс!..

ИРИНА. В классе так силен авторитет Олега Андреича, что...

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Думаю, без Олега тебе даже легче будет найти с ними контакт: конкуренции-то нет! Смелей! Тем более, что ненадолго!

ИРИНА. Видите ли, я сказала Олегу Андреичу, что уйду из школы...

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА (*пристально смотрит на Ирину*). Вот как? Понимаю и это! Гордость в нашем женском деле – не на

последнем месте. Ну, увлекся симпатичной девушкой. Поухаживал и прошло. Для него диссертация важнее и тебя, и детей. О себе уж не говорю... Все же я не поверю, что ты нас в трудную минуту бросишь. Грех на учениках вымещать свои невзгоды! В конце концов, личное – личным, а работа – работой, так ведь? (*ИРИНА кивает.*) Мы-то с тобой без него обойдемся, а вот школа?.. Экзамены без него – как же?.. (*С едва заметной хитрецей.*) Я бы тебя еще попросила съездить с утра к Олегу Андреичу...

ИРИНА. Меня?!.

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. А что такого? Ты его замещаешь. Ты – классный руководитель. Должна ты знать, когда учитель вернется?

ИРИНА. Но я...

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА (*гладит ИРИНУ по голове, как маленькую*). Мы же договорились: школьные дела выше личных, так? Поговори с ним, выясни планы. Чисто официально, конечно! Не от себя – от моего имени! Договорились? Вот и чудненько! Держи нос сарделькой!

Похлопав ИРИНУ по плечу, МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА уходит. Оставшись одна, ИРИНА готова одуматься, взять свое согласие назад.

ИРИНА (*идет, останавливается, говорит, ни к кому не обращаясь*). Господи, ну почему ты не сделал меня сильным мужчиной, решительным, уверенным в себе? Или ладно, пусть женщиной, но на полметра выше и с грозным басом? Почему?

Затемнение

Картина пятая

Палата в клинике, которой командует Петрянов. Утро. Стены, увешанные диаграммами, залиты солнцем. Большое окно со шторами, кровать, ширма. На тумбочке транзистор – звучит нечто джазовое. ОЛЕГ АНДРЕИЧ в пижаме самозабвенно работает на пишущей машинке.

Осторожно входят ДВОЕ В БЕЛЫХ ХАЛАТАХ – санитары. Один из них высокий, второй маленький, оба крепыши. Несут чай, бутерброды, ставят перед ОЛЕГОМ. Большой проводит носовым платком по плинтусу, качает головой. Второй вносит пылесос, включает, тщательно вылизывает пыль. Уходят.

ОЛЕГ АНДРЕИЧ (потягиваясь, идет вслед за ними). Эй, ребята! Скажите Петрянову, что я не верблюд! Сам же говорит, что я болен! А развлечения для больного! (Машет рукой, возвращается.)

Пауза. В дверь неуверенно входит ИРИНА. Она взволнована. Чувствуется, ей стоило большого напряжения прийти.

ИРИНА. Олег Андреич, вот вы где?! Еле уговорила, чтобы меня к вам пропустили. У входа церберы...

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Здравствуйте, Ирина Павловна! Вы меня не забыли?

ИРИНА (удивленно). Простите, что помешала... Как здоровье?

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Спасибо... Обследуют вот. Но времени даром я не теряю. Работать в таких условиях – чистое наслаждение!

ИРИНА. Я, собственно, по поручению...

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Ах вот что! Ну, конечно, не от себя, а от общественности.

ИРИНА. Марья Сергеевна послала, Олег Андрейч. Дело в том, что она попросила меня поработать в вашем классе до конца года, если...

ОЛЕГ АНДРЕИЧ *(включает музыку)*. Что – если?

ИРИНА. Если вы не вернетесь...

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. А вы, Ирина Павловна, хотите, чтобы я вернулся?..

ИРИНА. Марья Сергеевна очень хочет!

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. А вы?

ИРИНА *(подумав)*. И я тоже! *(ОЛЕГ АНДРЕИЧ идет к ней, намереваясь обнять. ИРИНА, отстраняя его, холодно.)* Ты меня не понял, Олег. Я имею в виду школу. Вернешься – я смогу уйти.

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Что с тобой?

ИРИНА *(уклоняясь от ответа)*. Так... Ничего особенного.

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Ах да, я забыл: как кошка с мышкой...

ИРИНА. Да при чем тут кошка... Ну, сказала глупость!

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Твой голос доносится из другой галактики.

ИРИНА. Другой галактики?.. А ты – на земле?

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Ты о детях? Неужели обиделась? *(ИРИНА отрицательно качает головой.)* Тогда о Марье Сергеевне?

ИРИНА. Нет, Алик, и не о Марье Сергеевне. О тебе!

ОЛЕГ АНДРЕИЧ *(после паузы)*. Обо мне?.. *(Закуривает.)*

ИРИНА. Ты куришь? Не знала...

ОЛЕГ АНДРЕИЧ *(с улыбкой)*. Когда говорят обо мне – курю... Слушаю – о себе. Это так расширяет кругозор!

ИРИНА. Я не хотела говорить, но ты сам напророчил! Только, чур, не обижаться! В твоём классе практики! Надо дело делать, некогда слюни размазывать. Один хороший естествовед стоит легиона гуманитариев. Но это уже было! Было сто лет назад. А у них-то откуда?

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. И поняла?

ИРИНА. Поняла! Это – ты!

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Я?

ИРИНА. В каждом из них сидишь ты. Они – твои тени. Костя Седых – юный циник. Надо всем готов издеваться. Он – твое второе «я»! Бесцеремонный Степа Хоботков – тоже ты. Я объясняю самое несложное, поверхностное, поскольку глубина им пока что вообще недоступна. Да они читают, что написано, и ничего не видят между строк! Вся поэзия мира делится у них на «задано» и «не задано». А у тебя – надо для диссертации или не надо! А самоуверенность? Что за люди – эти твои таланты и гении, если даже не хотят понять чувств незнакомого человека? Где уж уважать мысли!

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Нам просто некогда, Ира!

ИРИНА. Горите и сжигаете других? Эффектно. Но хотят ли другие, чтобы их сжигали? Ведь рационалы личностями считают только себе подобных. Если кто-то думает иначе – значит, он уже неполноценный! И твой Петрянов – это тоже ты! Решил – делай и мнения другого не выясняй. Я прав потому, что я прав всегда! Вот такая логика! Но ведь раз так, можно и сплетню, и примитивную подлость «с пользой для дела». Да, самую настоящую подлость!

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Неужели ты этому веришь? А говорила...

ИРИНА (*перебивает*). Представь себе, верю. Не словам, нет! Поступкам! Принципам таким!

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Ну, повторили чью-то глупость. Пошутили...

ИРИНА. В шутку влезть в чужую душу, наследить! За такую шутку люди на дуэли стрелялись. Сегодня – маленькое свинство. А если завтра им понадобится для самоутверждения большее – и на него пойдут!

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Что ты! Они еще дети!

ИРИНА. Биодети! Думаешь, дашь им биологию, а людьми станут сами собой? Биолюдьми! Все подонки тоже вышли из детей. Их научили ненавидеть, им объяснили физиологию любви. Но не научили любить!

ОЛЕГ АНДРЕИЧ (*машет руками*). Это все художественная литература!

ИРИНА. Это жизнь! Помнишь, ты сказал: в современной науке результат ученому часто не виден? Умей делать свое дело, иди к цели, хотя ее не увидишь.

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Допустим, я это говорил...

ИРИНА. Так вот: если не понимаешь, если руки холодные, – страшно! Я так не могу.

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Ирина Павловна... Мадемуазель Практикантка! Я же не хотел...

ИРИНА (*вдруг абсолютно спокойно*). И при всем при том, знаешь, я им благодарна.

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Да?

ИРИНА. Они помогли мне понять тебя. Да, да! Если бы я была их учительницей, а не временно исполняющей обязанности!.. Я пытаюсь открыть им глаза. Им! Но тебе? Нет на свете глупее той женщины, которая всерьез хочет образумить мужчину...

ИРИНА не оглядываясь идет к выходу.

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Ира!

ИРИНА. Что мне сказать Марье Сергеевне, Олег Андреевич? Вы вернетесь в школу?

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. После всего, что услышал?! Нет уж! Завтра начну оперировать морских свинок. Они, по крайней мере, не подложат свиньи.

ИРИНА. Тогда прощайте, Олег Андреевич...

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Ира, погоди!

ИРИНА не оглядываясь уходит. ОЛЕГ АНДРЕИЧ садится за стол, вскакивает, в остервенении захлопывает книгу, включает и выключает транзистор. Не найдя себе места, выходит из палаты, хлопнув дверь. В окне появляется ЛЮСЯ. Она прыгает внутрь.

ЛЮСЯ. Здравствуйте! (*Расстерянно оглядывается.*)

Из окна высовываются головы КОСТИ и СТЕПАНА. Ребята влезают на подоконник, прыгают в палату.

КОСЯ. Где Олан?

ЛЮСЯ. Да тише вы, слоны! Услышат – в два счета выгонят!

СТЕПАН. Ну и день сегодня. Стоило сматываться с урока, чтобы его даже не увидеть!

КОСТЯ. Стоило!

СТЕПАН. Что делать-то будем?

ЛЮСЯ. Ждать. Чего же еще!

КОСТЯ. Да я не об этом! Радовались: она уходит. Олег снова наш. А в результате – наоборот. Олега нет, а Ирина – классный руководитель. Допрыгались!

СТЕПАН (*Люсе*). О чем она с тобой вчера говорила?

ЛЮСЯ. Спрашивала, понимаю ли я, почему ушел Олан. Само собой, говорю. Чего ж тут не понять? Клиническое обследование. Сделают кардиограмму, может, зонд введут в вену по благу...

КОСТЯ. А Ирина – что?

ЛЮСЯ. Она на меня посмотрела внимательно и вздохнула. Думаю, говорит, что это только повод. Он ушел из школы потому, что вашу позицию понял как предательство.

КОСТЯ. Брешешь!..

ЛЮСЯ. Крест на пузо! Могу вас еще обрадовать, говорит. Как только Марья Сергеевна найдет вам нового учителя биологии и классного руководителя, я тоже сразу уйду.

СТЕПАН. Скатертью дорожка! А то гайки затягивает. Хоботков, спрашивает, когда твой отец дома бывает? Хочу зайти, познакомиться. А может, я не хочу?!

КОСТЯ. погоди! Придет на место Олана какая-нибудь мымра... (*Изображает.*) Дети! Дисциплина – залог всех ваших успехов!.. Запоёте!.. Олан – человек!

СТЕПАН. Незаменимых людей нет!

КОСТЯ. Эта формула для таких роботов, как ты, Хобот. Олан – незаменим! Уж лучше пускай влюбляется. Недостатки гения масса обязана терпеть, а то гений обидится и уйдет.

ЛЮСЯ. Что и произошло! А выход?

КОСТЯ. Может, вернуть его?

ЛЮСЯ. Вернуть? Легко сказать!.. А приктически? Степочка, у тебя природный дар к махинациям. Чего молчишь?

СТЕПАН. Я не трясогузка, как некоторые. У меня принципы.

За дверью слышен шум передвигаемой мебели.

ЛЮСЯ (*выглядывая в дверь*). Тревога!..

КОСЯ. Олег?

ЛЮСЯ. Делегация из мебельного магазина.

Ребята мечутся по палате. КОСЯ забирается под кровать. СТЕПАН прячется за штору. ЛЮСЯ, опоздав, укрывается за дверь. Входят ДВОЕ В БЕЛЫХ ХАЛАТАХ. Вносят оборудование, приборы, рулоны бумаги. За ними появляется ПЕТРЯНОВ. Он в белоснежном халате и шапочке.

ПЕТРЯНОВ. Ставьте к окну, боком, вот так. Это слева, чтобы не загоразивало свет. Кровать передвинем, чтобы не мешала. Пусть работает! (*ДВОЕ В БЕЛЫХ ХАЛАТАХ берутся за спинку кровати, приподнимают. Виден распластавшийся на полу КОСЯ.*) Впрочем, нет, кровать пускай остается на месте... Диаграммы повесьте на стены: сюда и вот... (*Наталкивается на ЛЮСЮ.*) Простите... (*Спихватывается.*) Это что за банда?

ЛЮСЯ. А вы кто, завхоз?

ДВОЕ В БЕЛЫХ ХАЛАТАХ беззвучно смеются.

ПЕТРЯНОВ. Завхоз?! (*Двоим в белых халатах.*) Не тратьте времени – несите остальное! Ах да, простите, я не представился: профессор Петрянов. А вы – из какого детского сада?

ЛЮСЯ. Мы? То есть я... Я не из сада – из школы...

ПЕТРЯНОВ. Здесь клиника! Понимаете? Кли-ни-ка!.. Почему тут гуляют дети, как на Бродвее?

ЛЮСЯ. Между прочим, на Бродвее дети не гуляют. Там взрослые. И я – не дети.

ПЕТРЯНОВ. Что?! Мне делают замечания, я не ослышался? Кто тут хозяин, позвольте выяснить: я или эта тростиночка?

ЛЮСЯ. Я не тростиночка. Я Людмила Нечаева.

ПЕТРЯНОВ. Как вы сюда проникли? Через трубу?

ЛЮСЯ. Что вы! Через окно.

ПЕТРЯНОВ. Ах, через окно! Завтра же прикажу все окна первого этажа закрыть решетками. Надеюсь, вы не будете лазить через второй этаж?

ЛЮСЯ. А мы и лазим через второй – по пожарной лестнице.

ПЕТРЯНОВ. Так... Кто вам работающий здесь человек? Брат? Дядя? Тетя?

ЛЮСЯ. Наш учитель!

ПЕТРЯНОВ. Вот что, Людмила Нечаева. Если бы вы были одна, это я бы пережил. Но завтра в палату ворвутся таких, как вы, человек тридцать...

ЛЮСЯ. Тридцать два...

ПЕТРЯНОВ. Счастье, что у него было тридцать два ученика, а не триста два! Разнесли бы клинику. Марш отсюда, чтобы я вас больше никогда не видел! И весь ваш класс тоже...

ЛЮСЯ. Хорошо. (*Идет к выходу. Оборачивается.*) Вы сказали, «было»... Он... не вернется?

ПЕТРЯНОВ (*кричит*). Во-первых, он больной. Мы его обследуем. Во-вторых, для вашей школы он не только больной, – его просто не существует. Летальный исход!

ЛЮСЯ. Летальный – это не страшно. Нельзя летать, будет ездить поездом!

ПЕТРЯНОВ. У вас там в спецшколе все такие эрудиты? Летальный – значит смерть! Он испарился! Улетел на Марс! Ясно?! (*Успокоившись.*) Пускай школа на него не рассчитывает! Так и передайте! Проживете!..

ЛЮСЯ. Можно мне дождаться Олега Андреича? Я только попрощаться...

ПЕТРЯНОВ (*подумав, махнул рукой*). Так и быть. С условием больше не появляться никогда! (*Уходит.*)

КОСТЯ начинает вылезать из-под кровати. *ЛЮСЯ* отчаянно машет ему руками, и он прячется снова. Входят *ДВОЕ В БЕЛЫХ ХАЛАТАХ*, вносят две гигантские стопы книг. *ДВОЕ В БЕЛЫХ ХАЛАТАХ* выходят. Из-за шторы появляется *СТЕПАН*. *КОСТЯ* выбирается из-под кровати, разминается.

КОСТЯ. Хорошая клиника: под кроватью ни пылинки. А то бы расчихался, как пить дать!

Энергичной походкой в палату входит ОЛЕГ АНДРЕИЧ.

ОЛЕГ АНДРЕИЧ (*сдержанно*). А, это вы? (*Пожимает всем руки.* *СТЕПАН* сует первым, но *ОЛЕГ АНДРЕИЧ* сперва здоро-

вается с ЛЮСЕЙ. ЛЮСЯ показывает СТЕПАНУ язык.) Как там в школе?

КОСТЯ. Да как вам сказать? С одной стороны, конечно, в целом, можно считать, в некотором роде... Однако имеются, в частности, кое-какие...

ОЛЕГ АНДРЕИЧ (*перебивая*). Умение, не краснея, нести вздор – негативная сторона образования. Этому все научились.

ЛЮСЯ. В школе все нормально! (*Спохватившись*.) То есть просто ужасно, из рук вон!

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Вы почему не на уроке?

КОСТЯ. Смылись. Ради вас.

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Ну, это вы бросьте!

ЛЮСЯ. Распустились цветочки. А впереди ягодки.

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Что скажете, цветочки? Какие ко мне претензии?

ЛЮСЯ. Как всегда: где мы, там и претензии... Без вас скучно...

ОЛЕГ АНДРЕИЧ (*сердясь*). Чего это вас вдруг сентиментальность одолела? За что боролись – то и получили.

ЛЮСЯ. Глупо все! Олег Андрейч! Ирине без вас очень трудно.

ОЛЕГ АНДРЕИЧ (*иронически*). И вы о ней – в заботе? Скажите пожалуйста!

ЛЮСЯ. Возвращайтесь, а?..

СТЕПАН (*мрачно*). Не вернетесь, ей ребята урок сорвут...

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Что?!

СТЕПАН. Точно! Погорит ее практика!

КОСТЯ. Вы же нас знаете! Мы – не сахар.

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Я-то вас знаю!

ЛЮСЯ. Без вас мы еще хуже. Совсем распустились...

ОЛЕГ АНДРЕИЧ (*смотрит на часы, нервно ходит по палате*). А расписание у вас сегодня какое?

СТЕПАН. Сейчас география, потом литература...

ОЛЕГ АНДРЕИЧ (*вспомнив*). Проклятое обследование! Си-дишь, как в тюрьме!

КОСТЯ. По-моему, этот ваш Петрянов что-то темнит!..

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Уже познакомились? Петрянов – деловой человек. Если задумал – сделает. Говорю: «Покажи мою историю болезни!» Отвечает: «Больным читать не полагается». Все равно, говорю, выпрошу! У меня полклиники – друзья.

ЛЮСЯ. А он?

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Попробуй, говорит. Каждого, кто нарушит дисциплину в клинике, немедленно уволю.

ЛЮСЯ. Он – говорит об этике. А сам! Скажите, где... история болезни?

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Через дверь отсюда, в шкафу. Но там всегда дежурят санитары. Так что...

ЛЮСЯ. Так что... Халат у вас есть?

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Халат? Конечно! *(Вынимает из тумбочки.)* Однако нормальному человеку это не...

ЛЮСЯ *(надевает халат)*. А я не нормальный человек. *(Гордо.)* Я – девчонка! *(Исчезает.)*

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Что сейчас будет!..

КОСТЯ. Ну чо! Профессор будет метать икру. Икры будет больше.

Вбегает ЛЮСЯ с историей болезни.

ЛЮСЯ *(сияя)*. Вот!..

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Неужели достала! Ай да Нечаева!

ЛЮСЯ. Очень просто: сказала дежурному, что его в вестибюле девушка спрашивает. Между прочим, симпатичная... *(Смотрит в тетрадь.)* Ой! Здесь написано что-то страшное. Что это за болезнь такая? *(Пауза. Читает.)* Sanus magna...

ОЛЕГ АНДРЕИЧ *(вырывая у нее историю болезни)*. Так я и знал! Sanus magna – значит «Здоровье хорошее». Сейчас я закачу шефу небольшой скандалчик! *(Идет к двери.)*

СТЕПАН *(бросается к Олегу Андреичу)*. Скандалчик?.. Разве не вы говорили, что надо быть умней других? Умственное соревнование? А сами?

КОСТЯ *(поняв)*. Ай да Хобот! В обезьяне пробудилось сознание, и она...

ОЛЕГ АНДРЕИЧ *(перебивая)*. Допустим. И что же?

КОСТЯ. А то, что пока вы будете ходить и кланчить одежду, урок вашей Ирине сорвут, это как пить дать!

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. В таком виде? Неудобно.

СТЕПАН. Дело поправимое!

ЛЮСЯ подходит к тумбочке, включает транзистор. Музыка заглушает разговор.

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. А ну, Хобот, быстрее!
ЛЮСЯ (*взбираясь на подоконник*). Я пошла, догоняйте!

Затемнение.

У окна в палате стоит СТЕПАН, одетый в больничную пижаму Олега Андреича.

СТЕПАН. Порядок! Как пишут в газетах, меры приняты!

Входит в палату ПЕТРЯНОВ. СТЕПАН поспешно задергивает шторы, поворачивается к окну, в щель смотрит на улицу.

ПЕТРЯНОВ. Алик, я принес тебе еще немного статистики – пригодится... Послушай, от кого ты прячешься? Раздвинь шторы! (*Подходит к окну. СТЕПАН шарахается в сторону. Палату заливают солнце. ПЕТРЯНОВ, жмурясь от света, протягивает палку.*) Постойте, молодой человек! А где... где Алик? (*СТЕПАН мечется по комнате, лезет под кровать. ПЕТРЯНОВ устремляется было за ним, на тумбочке, возле кровати, замечает историю болезни.*) Так!.. Значит, выкрали?

СТЕПАН (*из-под кровати*). Не выкрали! А выяснили истину!

ПЕТРЯНОВ. Где мой аспирант? (*Подходит к двери, распахивает, кричит.*) Дежурные!.. Есть здесь кто-нибудь живой, мать вашу за ногу?!

В холле появляются ДВОЕ В БЕЛЫХ ХАЛАТАХ. Они вбегают в палату, пытаются поймать СТЕПАНА. Он прыгает на подоконник.

СТЕПАН. Не подходите! А то сейчас прыгну со второго этажа и сломаю все ноги! Sanus magna! (*Последние слова произносит как ругательство.*)

Затемнение

Картина шестая

Снова знакомый школьный вестибюль. Тихо. Идут уроки. В кабинете директора за столом МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА.

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА (*заканчивая разговор по телефону*). Поняла, поняла... Отчетность представим... Процент общей успеваемости, ясно!

Появляется ХОБОТКОВ-СТАРШИЙ. Он в резиновых сапогах, с рюкзаком и удочками. ХОБОТКОВ смотрит на доску, предупреждающую об экзаменах, качает головой, решительно входит в кабинет директора.

ХОБОТКОВ. Приветствую вас, Марья Сергеевна. Извините за беспокойство, но кого ни спроси – никто в школе ничего не знает. Может, вы?

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. А, это ваш бас, папаша Хоботков? Опять что-нибудь случилось?

ХОБОТКОВ. Сами решите, случилось или нет. Дети пропадают!

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Всегда вы преувеличиваете! Ну, какие дети?

ХОБОТКОВ. Да Степан мой! Дома нет, в школе отсутствует. Я себе выходной взял, на рыбалку собрался, с сыном культурно время провести. И вот... Спрашиваю: где его класс? Исчез. Что в школе творится в отчетный период?!

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. В школе нормально! Только в одном классе действительно сложности в этом году. И моя тут вина! Ох, моя!.. Прямо не знаю что и делать... Но погодите волноваться, товарищ Хоботков, посидите. Пойду узнать... *(Выходит в вестибюль, на доску «До экзаменов осталось...» вешает число «22». Уходит.)*

ХОБОТКОВ ходит по кабинету, с любопытством разглядывает лежащее и вывешенное. В вестибюле появляется ОЛЕГ АНДРЕИЧ в джинсах и куртке СТЕПАНА, со значками на груди и воротнике.

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Где она может быть? *(Открывает дверь, заглядывает в учительскую.)* Никого! *(Пожимает руку скелету.)* Здорово, брат! Что-то ты похудел, а? В одиночестве стоишь? Ты Ирину не видел? *(Входит в кабинет директора.)*

ОЛЕГ АНДРЕИЧ *(кивая Хоботкову).* Простите, вы не видели здесь Ирину Павловну?

ХОБОТКОВ *(мрачно).* Не встречал...

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. А Марья Сергеевна далеко?

ХОБОТКОВ. Директор школы не пропадет! А вот дети...

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Какие дети?

ХОБОТКОВ. Ваши! Куда вы их спрятали?

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Мы в биологическом кабинете заперлись.

Поговорили по душам.

ХОБОТКОВ. Прорабатывали их, значит?

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Скорей, отношения выясняли...

ХОБОТКОВ. Выяснили?.. *(Вдруг обратив внимание на одежду Олега Андреича, обходит его вокруг, разглядывает значки на груди.)* А это что? Что?!

В кабинет возвращается МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА.

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Олег Андреич! Вернулся! Живой и здоровый. Вот радость-то! *(Жмет ему руку.)* Нашла детей, товарищ Хоботков! Нашла! Уже расходятся.

ХОБОТКОВ *(все еще осматривая Олега Андреича).* Как расходятся?

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Обыкновенно – по коридору...

ХОБОТКОВ (*кричит*). Да в одежде, спрашиваю, какой?! Ребенка моего раздели!.. Что с ним?! Анатомию на нем изучали? Или, может, скелет хотят сделать?

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Погодите, папаша Хоботков! Не могу в толк взять, в чем дело. Олег Андреич, объясните, пожалуйста!

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Очень просто: я удрал из клиники.

ХОБОТКОВ. А сына моего, выходит, под залог оставили?

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА (*обходит Олега вокруг*). Олег Андреич, что за клоунада?

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Пьер Оже, Марья Сергеевна, заметил, что раньше была большая дистанция между учеником и учителем и маленькая – между учителем и ученым. Теперь учитель становится ближе к ученику, но дальше – от науки. Мы с вами пытаемся сократить ту и другую дистанции!

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Не мы с вами, а вы! Ночью не сплю – думаю. Еще неизвестно, во что это выльется. Сегодня зовут «старик», завтра по плечу похлопают, а послезавтра?..

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. А послезавтра сами будут думать! Я против дутого авторитета.

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Учитель должен быть высок перед детьми. И в личной жизни, само собой! Учитель, как актер на сцене, всегда на виду, так, товарищ Хоботков?

ХОБОТКОВ. Точно!

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Разве учитель – не простой человек?

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Нет, особый. Он на пьедестале. Учитель – Бог.

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. А дети – ангелы! Я не хочу быть Богом. Я человек, и ничто человеческое...

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА (*задумчиво*). Дети – ангелы...

Слышится шум и топот ног. В вестибюле появляется, как всегда на руках, КОСТЯ. За ним выскакивает, пританцовывая, ЛЮСЯ.

КОСТЯ. Доказали, что мы все можем? Доказали! Олана вернули. Ирина на урок не пришла!

ЛЮСЯ. И не придет. А Олан какой-то растерянный. Похож на мальчишку.

КОСТЯ. Тебя переодеть и ты будешь похожа... на...

ЛЮСЯ. На кого – скажи!

КОСТЯ. На папу римского!

ЛЮСЯ. Сейчас ты у меня за это получишь! (*КОСТЯ отпрыгивает в сторону. Люся гонится за ним. Вбегает ПЕТРЯНОВ, останавливается незамеченным, наблюдает. Внезапно КОСТЯ поворачивается и, поймав ЛЮСЮ, целует ее.*) Пусти, слышишь? Пусти же, а то...

КОСТЯ. Что ты, старуха! Что ты?

ЛЮСЯ. Какое ты имеешь право? Этого я тебе никогда не прошу! Ненавижу тебя, так и знай.

КОСТЯ. Ну, хочешь, прощения попрошу?

ЛЮСЯ. Отойди от меня на пять шагов и в жизни не подходи ближе!

КОСТЯ отмеряет пять шагов. ЛЮСЯ замечает ПЕТРЯНОВА, смущена.

ПЕТРЯНОВ. Простите, я, кажется, помешал. Вы – Людмила Нечаева?.. А где Алик? Что за поколение растет? Подумать только: воруют учителей!

ЛЮСЯ. Мы? А вы? Это вы у нас его украли!

ПЕТРЯНОВ. Я? Забрать его из школы необходимо. Поймите: высокие научные цели. И это в его же интересах! Куда вы его дели?

Из кабинета директора появляется МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. За ней – ХОБОТКОВ-СТАРШИЙ и ОЛЕГ АНДРЕИЧ.

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Что за шум? Не школа – базар! И опять в школе посторонние!

ПЕТРЯНОВ (*победно*). Вот он!

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Кто – он?

ПЕТРЯНОВ три раза хлопает в ладоши, направляется к ОЛЕГУ. Появляются ДВОЕ В БЕЛЫХ ХАЛАТАХ. Подходят к ОЛЕГУ АНДРЕИЧУ с двух сторон.

ПЕТРЯНОВ (*Олегу*). Конечно, ты имеешь право передумать, но бежать?! Возмутительно! А я-то с ним нянчусь, верю в него!..

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА (*Петрянову*). Простите, гражданин Нянькин! Почему вы командуете в нашей школе? Олег Андрейч, кто этот полковник в штатском?

ОЛЕГ АНДРЕЙЧ. Извините, я забыл вам представить. Мой научный руководитель, профессор...

ПЕТРЯНОВ (*с достоинством*). Я – Петрянов.

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Вы в школе учились когда-нибудь?

ПЕТРЯНОВ. Я? Я – доктор наук, профессор, главный врач, заведующий кафедрой, почетный член...

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА (*перебивая*). Понятно! Высшее образование залепило среднее.

ПЕТРЯНОВ. То есть?!

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. То есть: школы у вас нет!.. Хорошо-го воспитания!.. (*Указывая на санитаров*). А эти? Они вооружены?

ПЕТРЯНОВ. Наше оружие – медицина!

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Простите, по-моему, ваше оружие – самоуверенность. У нас – школа. И здесь ваши методы...

ПЕТРЯНОВ. Скажите мне, уважаемые педагоги! Разве этично бросить научную работу, подвести коллег?

ОЛЕГ АНДРЕЙЧ (*возмущенно*). Ты говоришь об этике?! Запер меня в клинике, приставил, извините за выражение, санитаров...

ПЕТРЯНОВ (*смеясь*). Голуба, в твоих же интересах!

ОЛЕГ АНДРЕЙЧ. А мои вундеркинды?

ПЕТРЯНОВ. С твоими вундеркиндами можно стать умственно отсталым! (*Вбегает СТЕПАН. Он в больничной пижаме, тяжело дышит. Обнаружив скопление людей, хочет смыться.*) Вот он, кстати, твой вундеркинд!

СТЕПАН (*растерянно*). Чего?.. Здравсте! Я... в общем...

ХОБОТКОВ (*устремляясь к нему*). Сын, ты где был? Я тут, понимаешь...

ПЕТРЯНОВ. Держите его!

Санитары бросаются к СТЕПАЛУ.

ХОБОТКОВ. Не смей! Милицию вызову. (*Бросается к телефону*).

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Прекратите немедленно!

Никто не замечает, как тихо вошла ИРИНА. Некоторое время она стоит возле парадной лестницы, по которой никто не ходит. Первым замечает ее ОЛЕГ АНДРЕИЧ, бросается к ней. Все молча наблюдают за ним.

ОЛЕГ АНДРЕИЧ (*Ирине*). Я тебя по всей школе ищу!

ИРИНА (*улыбаясь*). Школа – это еще не вся вселенная. Что-нибудь случилось?

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. У тебя урок в моем классе!

ИРИНА. Первый раз слышу. Пришла просто так. А раз ты в школе, я вообще не нужна.

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Разве сегодня по расписанию нет литературы? (*Смотрит на ребят.*) Все ясно! Опять махинации... (*Тихо.*) Ира! Мне надо с тобой поговорить!

ИРИНА. Разве мы не все выяснили? Ведь ты оказался прав: мы – противоположные полюса!

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Но противоположные – притягиваются. Закон!

ИРИНА. Притягиваются? Спроси у своего эрудированного класса – так ли это?

СТЕПАН (*прислушался к разговору и теперь вдруг вмешивается*). Ладно, чего там! Валяйте!.. Да хоть трахайтесь на уроках!

Пауза. ИРИНА, вздрогнув, направляется к СТЕПАНУ.

ИРИНА. Ну-ка, Хоботков, повтори, что ты сказал?

СТЕПАН. А что? Я ничего! Могу и повторить!

ИРИНА останавливается, мгновение колеблется и, размахнувшись, бьет СТЕПАНА по щеке. Немая сцена.

СТЕПАН. За что? Подумаешь!

ЛЮСЯ. Подумаешь – поймешь! Я бы добавила.

СТЕПАН (*замахивается на Люсю*). А ты, Нечаева, молчи, пока тебе не досталось!

КОСТЯ бросается на защиту ЛЮСИ. Драка. В нее ввязывается еще несколько парней. СТЕПАН оказывается на полу. ИРИНА в

растерянности стоит, не зная что делать. МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА устремляется разнимать.

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Нечаева! Седых! Хоботков! Да что же это? Прекратите немедленно!

ЛЮСЯ (*выбираясь и поправляя платье*). Пускай дерутся – мужской разговор!

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Хорош разговор! Кулаками!

СТЕПАН (*Косте*). Убери руки, чего пристаешь?

КОСЯ. Топай отсюда!

СТЕПАН (*пятясь*). И уйду! Вы еще за все ответите!

КОСЯ. Катись колбаской по Малой Спасской!

СТЕПАН (*отбегая*). Думаете, не знаю, почему на их сторону переметнулись? Да у вас самих, извиняюсь за выражение, любовь!

КОСЯ бросается за СТЕПАНОМ.

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Степан, подойди ко мне!

СТЕПАН. А я что? Я ничего!..

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. Дитя грудное! Выплевывает сосочку на пол и не знает, что с пола брать в рот нельзя. (*В ярости.*) Да я бы на месте Ирины не так влепил!..

ХОБОТКОВ-СТАРШИЙ (*выходя вперед*). Все слышали?.. Сейчас всех запишу – будете свидетелями. Ребенка моего избивают агрессоры-одноклассники... Учительница наносит телесное повреждение! А классный руководитель грозит добавить!.. Это что же творится? Я вас спрашиваю, Марья Сергеевна?!

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА (*колеблется, не зная что предпринять, потом решительно подходит к Ирине*). Ирина Павловна! Если бы такое произошло в другой школе, не поверила бы... Учительница ударила ученика!..

ХОБОТКОВ. А я про что!

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Помолчите, папаша Хоботков!.. Степа, эти хамские слова сказал ты – без пяти минут взрослый?! Что же оставалось сделать Ирине Павловне?! Гордись теперь! Она отнеслась к тебе, как к мужчине... Пощечина за грубость – святое право женщины!

ХОБОТКОВ. Ах, так! Значит, вы учительницу еще и выгораживаете?.. Нет, я вижу, дело это только с одной стороны моральное, а с другой... (*Оглядывается.*) Почему общественность не вмешивается? После скажут: Хоботков, ты где был? Я своевременно предупреждал: начинается с любви, а кончается Уголовным кодексом! Я к юристу пойду, в суд, сообщу в инстанции...

СТЕПАН (*отцу*). Замолчи ты! Без тебя тошно!

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Можете жаловаться куда пожелаете, Хоботков!

СТЕПАН. Ну что ты вечно лезешь не в свое дело? Вот опять в школу приперся... Я же просил!

ХОБОТКОВ. Ты, сынок, меня не одергивай! Не для себя стараюсь... Я полжизни прошел, а ты четверти не справил. У меня, между прочим, два аттестата зрелости: один утерян, я дубликат получил и старый нашел. А тебе до одного еще трубить да трубить. Если за себя не постоишь, никто не поможет. Останешься без образования, в институт не попадешь, первый к отцу прибежишь.

КОСТЯ подбегает к ИРИНЕ.

ИРИНА. Что ты, Седых?

КОСТЯ. Раз так – тогда и мне валийте! (*Изображает пощечину*). Или, может, у нас в классе один Хобот – мужчина? Что же вы? Испугались? Ну!

ИРИНА (*отстраняясь*). Нет, Костя, нет! Что ты?..

ЛЮСЯ. Хочешь, я тебя ударю?

КОСТЯ. А ты молчи, тебя не спрашивают! Без жалостей обойдемся! (*Убегает.*)

ПЕТРЯНОВ (*выходя на середину*). Ну, вот что, друзья! С вами безумно весело, но нам с Олегом пора. Все остальное – извините, Ирина, – подождет... Поехали, Алик!

ОЛЕГ АНДРЕИЧ. А мои биодети?

ПЕТРЯНОВ. Ты в своем уме? Да этих недорослей и без тебя научат считать, сколько рук и ног у человека!

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА. Нет уж, уважаемый профессор! Ваш аспирант тут такую кашу в школе заварил, что пусть теперь сперва ее сам расхлебывает! А то говорить все мастера!..

ОЛЕГ АНДРЕИЧ (*Петрянову*). Вот видишь?.. Что же мне – раздвоиться?

ЛЮСЯ (*подходит к Петрянову*). Можно вам задать один вопрос?

ПЕТРЯНОВ. Разумеется!

ЛЮСЯ. Как вы думаете, что главное – любовь или наука?

ПЕТРЯНОВ. Конечно, наука! Ведь наука – это всё, в том числе и любовь.

ЛЮСЯ. Я раньше тоже так думала. А теперь думаю наоборот: любовь все-таки главнее! Какая же наука – без любви?

Снова, как лейтмотив, возникает, становясь все громче, бие-ние человеческого сердца. Оно ускоряет бег. Этот звук заполняет зал.

Занавес.

Конец.

ОТЕЦ НА ЧАС

Комедия

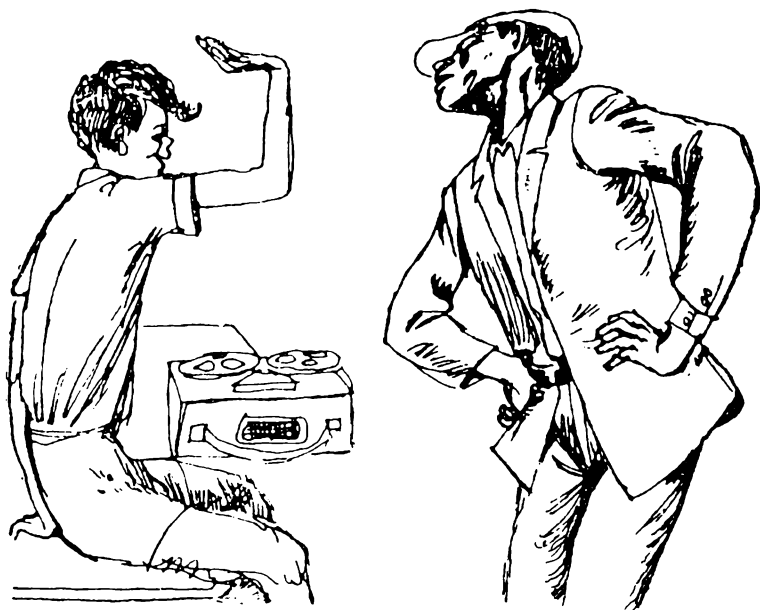

Рис. Г.Блоха.

ДЕЙСТВУЮТ:

ЛАРИСА ЯКОВЛЕВНА, 39

ГРИША, около 16-ти

АНЯ, того же возраста

НИНА ГРИГОРЬЕВНА, 59

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ, 42

БОРОДКИН, 44

ПРОХОЖИЕ

События происходят в Москве.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Обыкновенная квартира, разве что старомодный письменный стол нарушает современные мебельные стандарты. Да еще ваза на столе, тоже старинная, в ней большие оранжевые кленовые листья.

Утро. НИНА ГРИГОРЬЕВНА, сидя, подтянутая, собирается на работу, на ходу доедая завтрак. Входит ЛАРИСА.

НИНА ГРИГОРЬЕВНА. Чего ты в такую рань?

ЛАРИСА. У нас на Сахалине уже вечер... Никак не могу привыкнуть к смещению времени.

НИНА ГРИГОРЬЕВНА. Гришка спит?

ЛАРИСА. Он-то дрыхнет... Пускай в последний день.

НИНА ГРИГОРЬЕВНА. Бред – спать в последний день ка-никул.

ЛАРИСА. Ты ему тут все лето дохнуть не давала?

НИНА ГРИГОРЬЕВНА. Бедная крошка! Скоро паспорт получит, а ты готова его в колясочке возить. Для этого не стоило сюда приезжать.

ЛАРИСА. Ну, знаешь! Сама бомбила меня письмами – одинокая, старая, больная женщина...

НИНА ГРИГОРЬЕВНА. Разве не так? Сколько здоровья мне стоило получить разрешение на вашу прописку!

ЛАРИСА. Одной пропиской сыт не будешь. Если бы Станислав вдруг совершенно неожиданно не предложил мне работу в своей школе... Да известно ли тебе, как это трудно – устроиться в Москве преподавателем литературы?

НИНА ГРИГОРЬЕВНА. Представь, известно.

ЛАРИСА. Думала, нам всем троим теперь полегче будет. А ты опять мне жизнь осложнила.

НИНА ГРИГОРЬЕВНА. Я? Вот новость! Всегда ты усложняла себе сама...

ЛАРИСА. Зачем тогда записала Гришку в ту же школу, в которой буду работать я? Что, в городе – школ мало?

НИНА ГРИГОРЬЕВНА. Тише, ребенка разбудишь!

ЛАРИСА. Извини, мама, это привычка. Боюсь, не услышат на последней парте.

НИНА ГРИГОРЬЕВНА. Я не на последней парте. И вообще – давай, доченька, без нервов. Это чепуха!

ЛАРИСА. Мои нервы – чепуха?

НИНА ГРИГОРЬЕВНА. Те нервы, которыми ты себя сама обматываешь добровольно, как колючей проволокой, – безусловно. Мальчик всегда учился с тобой в одной школе. Можно подумать, сыном учительницы быть грешно.

ЛАРИСА. В одной школе – непросто.

НИНА ГРИГОРЬЕВНА (*смотря на Ларису в упор*). А насчет отца? (*После паузы*.) Когда же когда кончится твое детство? Вместе с Гришкиным?

ЛАРИСА. Глупо сдаваться, стоя на вершине, с которой, как сказал кто-то из мудрых, уже виден конец пути.

НИНА ГРИГОРЬЕВНА. Конец? Что же тогда петь мне? Я в старухи не собираюсь. Что касается нынешних детей, их нянчат до пенсии.

ЛАРИСА. До чьей?

НИНА ГРИГОРЬЕВНА. До их пенсии. (*Набивает в огромный портфель вещи, книги.*)

ЛАРИСА. Собрания сочинений с собой носишь?

НИНА ГРИГОРЬЕВНА. Шутить, моя милая, будешь с завтрашнего дня в классе. Сегодня еще каникулы, отдохни.

ЛАРИСА. Мне уже сегодня в школу надо. А ты когда вернешься?

НИНА ГРИГОРЬЕВНА. Как всегда, около полуночи. Если не улечу в командировку по одному скандальному делу. Но вроде обойдется. Меня теперь жалеть стали. Словом, не ждите, ложитесь спать... (*Уходит.*)

ЛАРИСА раздвигает шторы, и комнату заливают солнце. Только теперь видно, как Лариса Яковлевна хороша собой. Она поворачивается – в дверях стоит ГРИША в одних трусах. В руках – тяжелая гиря.

ЛАРИСА. Встал, наконец?

ГРИША. Пора привыкать к нагрузке. *(Выжимает гирю.)*

ЛАРИСА. Небо, как в первый день творенья!

ГРИША. А ты день творенья видела?

ЛАРИСА. Намек женщине на ее возраст?

ГРИША. Вы, Лариса Яковлевна, не женщина. Вы – мать... Бабуля отчалила?

ЛАРИСА. Она тебе нужна?

ГРИША *(не сразу)*. Разговорчик ваш я слышал. Правда, иногда приходилось напрягать уши.

ЛАРИСА. Чепуха, не обращай внимания.

ГРИША. Почему же чепуха, ма? Ты железно права. До каких пор мне быть маменькиным сыночком? Надоело! Я в старой школе устал называть тебя на «вы», а дома на «ты». Вечно соображай, когда говорить «Лариса Яковлевна», когда «мать»... Тут и робот бы перегрелся.

ЛАРИСА. Можешь и на уроке: «Мама, я не выучил!»

ГРИША. Тебе-то ведь тоже противно, когда кто-то думает, будто ты мне пятерочки по благу ставишь? Поэтому и боишься прийти к своему директору с дитятей! А с меня шкуру сдираешь. Повезло в жизни, нечего сказать! У всех матери, как матери, а у меня – училка. Учительница, учительница!.. Знаешь что? Давай не будем говорить в новой школе, что я твой отпрыск!

ЛАРИСА. Обманывать? Кого?

ГРИША. Молчание – не обман. Взаимовыгодные сделки и на международном уровне проходят. Тебе ведь тоже без хвоста лучше! Меньше забот, свобода и независимость. *(С намеком.)* Красота, кто понимает.

ЛАРИСА. Не унижай себя пошлостью.

ГРИША. Какая же это пошлость? Может, замуж выйдешь... Ну, ладно, ладно, не буду. Но мне-то хватит, наконец, держаться за твою юбку. Факт! Договорились? Слово? Тогда по рукам!

ЛАРИСА. Но и ты, в свою очередь, даешь мне слово: не подводить! Натворишь что-нибудь – сразу поставишь меня в нелепое положение.

ГРИША. Трусиха! Чего всегда боишься?

ЛАРИСА. Ты мужчина, а я слабая женщина...

ГРИША. Слабая? Шутишь!

ЛАРИСА. Имей в виду, раз уж ты сам международные отношения вспомнил. Обязательства, нарушенные одной стороной, освобождают другую, – таков закон.

ГРИША. Законы святы! Значит, с завтрашнего дня ты для меня просто Лариса Яковлевна, одна из многих мучительниц, а я... Зовите меня просто Гришей.

ЛАРИСА. ...Одним из многих мучителей...

ГРИША. Не трусь! У нас, говорят, класс ничего подобрался... В общем, установка ясна?

ЛАРИСА. Ясна, раз ты этого хочешь, но... В любом варианте, впрочем, я делаю большую глупость.

ГРИША (*со значением*). Не в первый раз!

ЛАРИСА. Это, к сожалению, правда... Но предположим, завтра выяснится, что ты мой сын. Тогда?

ГРИША. Ерунда! Скажешь, что случайно забыла об этом обстоятельстве.

ЛАРИСА. Стало быть, с завтрашнего дня на мои похвалы особенно не рассчитывай.

ГРИША. Вот видишь, Лариса Як... то есть мать! Даже ты меня блатирем считаешь!

ЛАРИСА. Сам в себе разберись. Не маленький. (*Начинает собираться.*) Ну, я бегу пред светлые очи директора. Купи колбасы, десяток яиц, хлеба.

ГРИША. Стандарт!

ЛАРИСА. Вешалку новую приберй – обещал.

ГРИША (*о другом*). А ты что обещала – помнишь?

ЛАРИСА. Сравнил тоже!

ГРИША. Слово дала! Осталось три месяца... А может, не будем тянуть?

ЛАРИСА. Нет, Гриша, нет! Подожди... (*Поспешно выходит.*)

Затемнение.

Кабинет директора школы. На шкафу чучела птиц, рулоны плакатов. За окном парк, новый кинотеатр. Последний день каникул, тишина перед сражением. СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ слегка прихрамывает, носит красивую палку, но на нее почти не опирается. Сейчас он на стремянке, вешает на окно гардины. Звонит телефон.

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ (*снимает трубку*). Привет! Сколько раз говорил себе: пора относиться к явлениям действительности спокойнее. Спо-кой-нее. Особенно учитывая гипертонию. Да, начинаем год. А чего волноваться? Ремонт кое-как закончили, всё успели. Осталось натереть полы. И нечего прикидываться стариком. Лучше, когда у директора настроение, как у пятиклассника. Начинаются каникулы – ура! Кончаются... Прощай! (*Изображая духовой оркестр, напевает похоронный марш.*)

Входит ЛАРИСА.

ЛАРИСА. Извините! Я, кажется, помешала. У вас репетиция?

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ (*слезая с лестницы и натягивая пиджак, кладет трубку*). Угадали. Духового оркестра в школе нет, заменяю в торжественных случаях, Лариса...

ЛАРИСА (*поспешно*). Яковлевна. Буравская.

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Фамилию, представьте, помню... А без отчества нельзя?

ЛАРИСА. Наверное, уже поздно – без отчества...

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ (*разглядывая Ларису*). И на «ты» уже нельзя?

ЛАРИСА. Надо ли?

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Ладно, так и запомним теперь на всю жизнь.

ЛАРИСА. На всю? Может, и не потребуется... Еще пожалеете, Станислав Петрович.

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Почему?

ЛАРИСА. Ох, Стас, Стас! Зови меня на «ты» и вообще как хочешь. Все не верится... Будто не было этих шестнадцати лет разлуки, и мы снова в одной школе, как на педпрактике. Только я рядовая учительница, а ты – мой директор!

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Да, крашу стены, подтягиваю радиаторы. Что такое в наше время директор? Правая рука завхоза.

ЛАРИСА. А в кино с уроков, как с лекций, не срываешься?

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Помнишь?.. Теперь нет, положение обязывает.

ЛАРИСА. Тяжелый у тебя состав...

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Да уж не легкий: восемьсот двадцать три пассажира... Впрочем, теперь и у тебя...

ЛАРИСА. Мне легче. (Пауза.) Что ты так смотришь?

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Ты совсем не изменилась. Как была первой красавицей в институте...

ЛАРИСА. Изменилась, Стас, очень изменилась... И морщин хватает, и рубцов... на сердце.

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Когда же мы виделись в последний раз?

ЛАРИСА. Забыл? И слава богу...

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Помню... На перроне Казанского вокзала, когда я уезжал на Алтай.

ЛАРИСА. Чего ж ты замолчал? Договаривай... А я должна была приехать следом, через месяц. Взяла вот и не приехала в твою Белокуруху. Струсила забираться в глухомань.

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Нет, ты не струсила!

ЛАРИСА. Сейчас скажешь, что причиной была твоя хромота? Чушь!

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Согласен. Тоже мне несчастье: одна нога чуть короче другой от рождения. У других, вон, уши разные, и то ничего!

ЛАРИСА. Думаешь, считала тебя неудачником, да?

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Может быть и это, но не главное. Конечно, директор школы – это ведь величина только с точки зрения учительницы. Но... не поехала ты по другой причине... Сказать? Дело-то прошлое...

ЛАРИСА. Говори!

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Ты не поехала, Лора, просто потому, что не очень меня любила... Только не возражай! Теперь ведь это проверить невозможно. Да и не нужно... У тебя был целый грузовик поклонников. Да, грузовик! Я помню, как ездили на картошку... Ради тебя выигрывали на соревнованиях, сдавали экзамены. Ты была звездой первой величины...

ЛАРИСА. Не слишком-то великодушно напоминать мне о том, что и я не стала, кем мечтала. Стихи оказались посредственными. Можешь мне не верить, но я уже давно рада, что стала училкой, как называет меня... *(Поправляется.)* Как называют нашего брата. *(Помолчав.)* Ты не спрашиваешь меня о моем муже? О бывшем муже... С этого обычно начинают.

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Захочешь – сама расскажешь. Ты еще не жалеешь, что я тебя к себе в школу выманил?

ЛАРИСА *(не отвечая)*. Мама стареть стала, ей одной трудно.

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Знаю. Встретил ее, когда в наш район переехала.

ЛАРИСА. Вот как? Она мне ничего не написала... Ты здесь уже года три?

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Точно, четвертый год.

ЛАРИСА. Видишь, как я издалека за тобой следила. Ты вот очень изменился. Седина, солидность... Никак к тебе не привыкну. Даже побаиваюсь. *(Меняет тему.)* Школа хорошо расположена. *(Подходит к окну.)* Вчера я прошлась парком, листья собирала. Девчонки на скамейках шушукаются, с прохожими кокетничают. Может быть, мои?

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. А ты бы спросила...

ЛАРИСА. Никогда не видела кленов с такими большими листьями. Помнишь, мы ведь раньше в Замоскворечье жили, на Пятницкой, там деревьев не было. А теперь я привыкла к шуму океана и отвыкла от шума цивилизации.

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ *(идет к Ларисе)*. Клены у нас старинные. Вон там, где сейчас кино «Дружба», было кладбище. Могилы засыпали, а клены остались. Они видели всех классиков, кто мимо проезжал из Петербурга в Москву.

ЛАРИСА. Сколько же людей кончило школу за эти годы?

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Я однажды подсчитывал. До того, как мы стали директором, 1351 человек. И при нас – 212. Не так много. Но ведь это люди. Каждый – человек.

ЛАРИСА. Каждый? Ты уверен?

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Ты еще ни с кем не познакомилась?

ЛАРИСА. Не успела. Все жадно догуливают каникулы.

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Поговори с Лидией Александровной Шлыкковой, она их из восьмого выпустила. Такая маленькая, седая. Ребята зовут ее Колобком, а она в нашем деле волк.

ЛАРИСА. Я была у нее дома, пила чай с ватрушками. Она их потрясающе печет.

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Да ну! Надо будет попроситься... Ты-то как устроилась?

ЛАРИСА. Тоже напрашиваешься?

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. А если?

ЛАРИСА. У матери новая двухкомнатная квартира – и устраиваться нечего.

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Понятно. Не попросился. (*Натянутое молчание.*)

ЛАРИСА. Стас, как ты относишься к Бернарду Шоу?

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. В общем положительно...

ЛАРИСА. Я его ненавижу! Тебя не унижают его слова: тот, кто способен, – творит, кто не способен, – учит? Выходит, я – второй сорт...

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Есть еще и третий сорт: те, кто учат учителей. То есть начальники, которые говорят: вы должны воспитывать детей так, как это делал бы я сам, если бы умел. Вот и я это говорю. Но обижаться на парадоксы? Кто тебе мешает их опровергнуть? Делай, твори, лепи людей!

ЛАРИСА. Легко сказать! Творить – это ломать пальцы от неудач и снова приклеивать. И думать сосредоточенно об одном. А женщине приходится, мягко говоря, отвлекаться: кастрюли, очереди, пуговицы. Вся жизнь – сплошное отвлечение!

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. У тебя?! Ты же считала, что этого не будет – никогда! Стихи об этом писала! Песню твою про Сахалин я и сейчас иной раз в электричке слышу, – туристы поют.

ЛАРИСА. Успела написать, пока семьей не обзавелась. (*Пауза.*)

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Что же стряслось у тебя с мужем?

ЛАРИСА. Увы, то же, что у многих. Он геолог, месяцами в разъездах. Я к этому привыкла, а он – отвык. От меня. Однажды он уехал и больше домой не вернулся. Прислал письмо с объяснениями... и без которых все ясно... У тебя-то дома, вероятно, все идеально? Кастрюли не отрывают...

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Не отрывают: я обедаю в школьной столовой.

ЛАРИСА. А жена?

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Она у себя в институте.

ЛАРИСА. Кто она?

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Инженер. Химик.

ЛАРИСА. Тебе повезло. Химик – это как-то надежнее гуманитария, основательнее: материя первична. (*Меня тему.*) А что у меня за класс?

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Твои от детей уже отплыли, а к взрослым еще не причалили. Это состояние, по-моему, похоже на невесомость. А вообще-то класс неплохой, спокойный, без «чепе». Все наши, не какая-нибудь сборная солянка из разных школ, когда отдают по принципу «на тебе, убоже, что мне негоже». В классе всего один новичок, из новостроек с той стороны парка...

ЛАРИСА. Сама там живу.

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Присмотрись к новенькому, чтобы быстрее освоился. У нас жесткое правило: с родителями самый тесный контакт. У меня на этот счет и корыстные цели. Сами-то мы не слишком богаты. Родители, кто чем может, помогают школе. Пускай мать или отец новенького зайдут ко мне.

ЛАРИСА. Может быть... Может, лучше я схожу к нему домой?

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Это само собой. Тем более, живешь рядом.

ЛАРИСА (*решившись*). Стас! Я думала, ты сам поймешь... Я должна тебе сказать... В общем, я утаиваю от тебя... один момент моей биографии. Потому что связана словом...

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Тебя завербовала иностранная разведка?

ЛАРИСА. Нет.

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Тогда разрешаю утаивать дальше. Мне ваша искренность мила, но у какой женщины нет моментов в биографии? Особенно у такой, как ты...

ЛАРИСА быстро выходит. СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ смотрит ей вслед. Затем снимает пиджак, кряхтя, лезет на стремянку дошивать гардины.

Затемнение.

Перед вторым занавесом – тихий уголок парка неподалеку от школы. На аллее оранжевые листья кленов.

ГРИША по дороге из магазина лениво волочит хозяйственную сумку. Присел на скамью, листает журналчик. Быстро подходит ЛАРИСА.

ГРИША. Мать, куда спешишь?

ЛАРИСА (*остановившись*). И он еще спрашивает? Так вот! Директор попросил меня срочно посетить новенького из моего девятого «Б». Кажется, его зовут Григорий Лосев.

ГРИША (*хохочет*). Кажется... Только его дома нет. Мать за продуктами угнала.

ЛАРИСА. Очень смешно. Не крути сумку, будет гоголь-моголь. Ты втянул меня в авантюру.

ГРИША. Будет о чем вспоминать в старости...

ЛАРИСА. Это еще не все. Директор просил меня передать твоим родителям, чтобы они зашли к нему познакомиться. Срочно!

ГРИША. Врешь!.. Вот это уже хуже... Где ж я их возьму – родителей? Ну, мать туда-сюда... А за твоего бывшего мужа тоже я должен отвечать?

ЛАРИСА. Григорий!

ГРИША. Скажи, для чего ты носишь кольцо? Давно пора снять. (*Повторяет ее слова.*) Обязательства, нарушенные одной стороной, освобождают другую. Разве не так?

ЛАРИСА. Просто я к кольцу привыкла. Знаешь, зачем птиц кольцуют? Чтобы о доме помнили.

ГРИША. Но ведь кольцо им мешает!

ЛАРИСА. Орнитологи говорят, птицы его совершенно не чувствуют.

ГРИША. Эх вы, птицы!.. Не чувствуешь – зачем носить?

ЛАРИСА. Трудно объяснить. Понимаешь, женщине нужна защита, иногда хотя бы иллюзорная...

ГРИША (*взрывается*). А мне никто не нужен, тем более – иллюзорный.

ЛАРИСА (*холодно*). Взял бы да и родился у матери полуще.

ГРИША (*смягчившись*). Ладно, ма! Не трепыхайся! Подумаешь, родителей вызывают! В случае чего скажу, что я и с матерью разошелся.

ЛАРИСА. Не глупи, пусть к директору ходит бабушка.

Или... я пойду и все скажу ему сама. Станислав Петрович – человек. Я его больше двадцати лет знаю.

ГРИША. Может, он и хороший, но какое ему дело до твоих переживаний? У него своих навалом. Сама мне твердишь: ты взрослый, взрослый...

ЛАРИСА Что же из этого следует?

ГРИША. То, что решать я буду сам! И выпутаюсь из дурацкого положения у директора – тоже сам! Вот тебе колбаса, яйца, хлеб. Питайся. Я прошвырнусь немного.

Оставив сумку, ГРИША убегает. ЛАРИСА в растерянности садится на скамью, обняв хозяйственную сумку.

Затемнение.

Перед вторым занавесом. Та же аллея парка. Сентябрь, бабье лето в городе. ГРИША и АНЯ бредут из школы. ГРИША несет портфели – свой и АНИ.

АНЯ (*пританцовывает вокруг Гриши*). Отдай! Пожалуйста! Лосев, я требую! Приказываю, слышишь?.. Хорошо, прошу. Умоляю, Лосеночек, миленький, отдай мой портфельчик... Ну, хочешь, исполню танец маленьких лебедей.

ГРИША. Это уже кое-что! (*Садится по-восточному на портфели, поджав ноги.*)

АНЯ, подпевая, танцует вокруг него, приподнимает ГРИШУ за руки. ГРИША как загипнотизированный. АНЯ берет свой портфель, ГРИША спохватывается, хочет отнять, хватается АНЮ за плечи, останавливается в смущении.

ГРИША. А ты ничего!.. То есть я хотел сказать: твоя конструкция с точки зрения технической эстетики соответствует требованиям... (*Смолкает.*)

АНЯ. Слушай, а требованиям эстрадно-циркового училища эта конструкция соответствует? Как ты думаешь? (*Принимает позы.*) Да не смейся! Понимаю ведь, что помимо внешних данных нужны внутренние. Я акробатикой занимаюсь, жонглировать могу. Хочешь, на руках пройду?

ГРИША. Пройди, а что же! Товарищи прохожие! Девушка желает пройтись на руках до остановки и войти в троллейбус. А билет чем будешь отрывать?

АНЯ. Зубами. (*Готовится стать на руки.*) Нет, не буду. (*По-правляет платье.*) И вообще, чего я с тобой разоткровенничалась? Девчонкам не рассказывала, не говоря уже о матери. Новенький, а сумел втереться в доверие. (*Передразнивает.*) Конструкция с точки зрения технической этики...

ГРИША. Эстетики, темнота!

АНЯ. Пускай эстетики, мне не жалко. Сам ты конструкция!

ГРИША. Я не конструкция – продукт.

АНЯ. Какой продукт?

ГРИША. Продукт высокоорганизованной материи.

АНЯ. Все равно ты произошел от обезьяны.

ГРИША. Я?.. Вообще – то верно. (*Про свое.*) От обезьяны – и точка. Надо вырвать с корнем инстинкты! Никаких родственных чувств – только общечеловеческие. Их нужно математизировать и уложить в формулы. Вот это была бы действительно высокоорганизованная материя. Рассчитал – и все ясно: кого в степень возводить, из кого корень извлекать.

АНЯ. А если из тебя извлечь корень?

ГРИША. Операция «икс». Извлечение корня из джентльмена.

АНЯ. Ты – джентльмен? Первым будешь в нашем классе.

ГРИША. А что ж? И обезьянам суждены благие порывы...

АНЯ. Но свершить ничего не дано. Интересно, насколько хватит твоего джентльменства?

ГРИША. Насколько надо, настолько и хватит!

АНЯ. Если ты считаешь завоевать этим мое расположение, ничего не выйдет. Ах, Евгений Онегин, ах, Ленский, ах, Вронский, ах, Форсайт, ах, Витя Котиков!

ГРИША. Кто это – Котиков?

АНЯ. Парень с нашего двора. Очень, между прочим, симпатичный. И я ему нравлюсь, это точно.

ГРИША. Вот и нравься на здоровье! Много ты о себе понимаешь. (*Пародирует танец маленьких лебедей.*) Ах, Витя Котиков! Я ему нравлюсь!

АНЯ (*смеется*). Это не танец маленьких лебедей, а танец больших бегемотов.

ГРИША. Пускай хоть чертей на сковороде.

АНЯ. Счастливый ты!

ГРИША (*насмешливо*). Догадалась или вычислила?

АНЯ. Это сразу видно.

ГРИША. А ты?

АНЯ. У меня отец, пока трезвый – человек. Напьется – лучше бы вообще его не было.

ГРИША. Лучше бы? Неизвестно. И потом, чтобы вообще не было – так вроде бы не может быть.

АНЯ (*с издевкой*). Правда? Чем плохой, лучше никакого. Твой-то отец не пьет?

ГРИША. Не знаю...

АНЯ. Как – не знаешь?

ГРИША. Да уж так – не знаю.

АНЯ (*догадалась*). Не живет с вами?

ГРИША (*прорвавшись*). Отец всю жизнь матери испортил! И мне тоже. Мать бы его, конечно, простила... Но если бы он вернулся, я бы ушел. Пускай они с матерью голубятся! (*Делает вид, что читает афишу на тумбе*.)

АНЯ. Дурак ты! А захочет он вернуться?

ГРИША (*подумав*). Нет... Ладно! У тебя свои заботы, у меня свои. Двушка есть?

АНЯ. Кажется. (*Находит*.) Вот! Куда тебе звонить?

ГРИША. Секрет.

АНЯ. Как ее зовут?

ГРИША. Не знаю.

АНЯ. Она с твоего двора?

ГРИША. Секрет – мужского рода. (*Заходит в телефонную будку, Аня за ним*.) Отпрянь! Подслушивание – мать всех пороков.

АНЯ. А кто отец?

ГРИША (*поколебавшись*). Отца нет, безотцовщина. Отвались!

АНЯ отходит к авансцене, разыгрывает пантомиму: разворачивает газету, читает, ничего не находит интересного. Вдруг что-то нашла, прочла, снова зевает. Гуляет за деревьями.

ГРИША (*плотно закрывает дверь телефонной будки и тут обнаруживает, что стекло выбито. Набирает номер, отворачивается, старается говорить тихо*). Справочное? Телефон Службы

быта можно? Ага! (*Снова набирает, старается говорить басом.*) Служба быта? Вот... мы переехали... новая квартира и нужно передвинуть мебель. Пере... да! Можно нанять грузчика? Таких услуг не оказывайте? А какие? Все остальные... Полы натереть можно? А это мужская работа? Надо! Адрес? Песчаный переулок, дом десять, квартира семьдесят три... Метраж? Тридцать два, примерно. Когда? Спасибо! (*Выходит из будки.*)

АНЯ. Ну как? Договорился? Придет?

ГРИША. А как же!

АНЯ. Куда?

ГРИША. Много будешь знать...

АНЯ. ...состарюсь? Глупо! Стареют как раз от недостатка знаний.

ГРИША. Мне пора, эстрадный философ. Чао!

АНЯ. Хочешь, я тебя провожу?

ГРИША (*испуганно*). Зачем?

АНЯ. Охота пройтись с джентльменом.

ГРИША. Слушай, как бы мне от тебя отвязаться?

АНЯ. Ах, отвязаться?! Еще пожалеешь! (*Расходятся.*)

Затемнение

Вестибюль школы. Уютный уголок в стороне от главных магистралей. Кактусы на окне. Рядом бюст Пушкина. На шее Пушкина дощечка: «Осторожно, окрашено!» Пушкин словно прислушивается к разговорам. Впрочем, может, наоборот: абсолютно равнодушен. Звонок с урока. Взрыв шума: топот, смех, крики, вавилонское столпотворение где-то рядом. Словом, перемена. Появляется АНЯ, прячется за Пушкиным. Из класса в учительскую идет ЛАРИСА. В руках журнал, плакаты. АНЯ выходит из-за бюста Пушкина.

ЛАРИСА. О господи! Ты меня испугала. Засада?

АНЯ. Я хотела вас застать один на один. Вернее, одна на одну. Посоветоваться, как мужчина с женщиной.

ЛАРИСА. Лучше, как женщина с женщиной.

АНЯ. Нет, правда... Вы нашим девчонкам показались... В общем, ничего особенного, смотрели, наш вы человек или нет.

ЛАРИСА. Вот так ничего особенного! И каков же вывод?

АНЯ. Вроде наш.

ЛАРИСА. Если вы хотите предложить мне в чем-то вам потакать, не выйдет. Complimentами меня не купите.

АНЯ. Что вы! Я по личному вопросу.

ЛАРИСА. По личному? Это хорошо, я сама хотела с тобой поговорить. Ты рассеянна на уроке. В чем дело? Что-нибудь случилось?.. Мальчишки?..

АНЯ. С ними все понятно! Двинешь поддых – и ходят как шелковые.

ЛАРИСА. А дома у тебя как?

АНЯ (*мнетя, колеблется, говорит ли*). Да так...

ЛАРИСА. Может, я помочь могу?

АНЯ. Вы? Мама-то ничего не смогла.

ЛАРИСА. А где она?

АНЯ. Уехала в санаторий. Отец при ней стеснялся... Ну, держался. А теперь почти каждый день выпившим приходит. Не знаю, что с ним делать. Мама приедет и обязательно будет говорить, что это я его тут распустила. А как мне его в руках держать?

ЛАРИСА. Держать в руках – трудно, руки у тебя слабенькие. Да и в сильных-то...

АНЯ. Я вот подумала... Может, скажу, что вы его в школу вызываете? Пускай придет. Вы его тут... А?

ЛАРИСА. Я?

АНЯ. Припугните его, пожалуйста! Скажите, что у меня дела плохи, что воспитывать меня надо, а то... Пускай пример мне показывает. Возраст-то у меня опасный, сами знаете! Мало ли чего я могу...

ЛАРИСА. Ты меня-то не пугай, не нагнетай страстей. Без этого попытаюсь поговорить. Попроси его зайти ко мне.

АНЯ. Обязательно! (*ЛАРИСА хочет уйти*). И еще, знаете, у нас в классе новенький – Лосев...

ЛАРИСА. И что же?

АНЯ. Так, ничего... Вы с ним больно строго сегодня разговаривали. Уж и мнения высказать нельзя?

ЛАРИСА. Можно! Только если «Евгения Онегина» цитируешь, не перевирай. И еще так развязно.

АНЯ. Да мы «Онегина» еще в прошлом году прошли, что же – до гроба помнить?

ЛАРИСА. Лосев – любитель авторитетно заявлять, не очень-то глубоко вникнув в суть.

АНЯ. Откуда вы его знаете?

ЛАРИСА. Так мне кажется.

АНЯ. А по-моему, он юноша. Ему самоутверждаться надо. Это его суть. Я с ним на одной парте и вижу, как он нервничает. А вы его...

ЛАРИСА. Нервничает?

АНЯ. У него отец с матерью не живет. И мать виновата.

ЛАРИСА (*растерянно*). В чем виновата?..

АНЯ. Почему я знаю! Моя мама говорит: если пар не спускать, все развалится.

ЛАРИСА. Какой пар?

АНЯ. Если не прощать... Она говорит, всегда бабы сами виноваты.

ЛАРИСА. Ты считаешь, в этом дело?

АНЯ. Не знаю. Я вот за своего отца знаете как переживаю... А когда совсем без отца?..

ЛАРИСА. Думаешь, Лосеву жалость нужна?

АНЯ. Может, не жалость... Просто добрей с ним?

ЛАРИСА (*задумавшись*). Ты права. Доброта и жалость – это разное. Только пожалеть легко, а быть доброй... ой как трудно!

Затемнение

Снова квартира Нины Григорьевны. ГРИША дома один, штудирует поваренную книгу.

ГРИША. Закуска: холодная курица с соусом из грецких орехов и паштет из говяжьей печени по-домашнему... На первое будем есть луковый суп по-парижски. Или лучше нет: суп Сен-Жермен из зеленого горошка. А может, примитивных щей?.. На второе подайте индейку по-рыцарски. (*Читает.*) «Индейка обязательно с грудкой, морковь, чеснок, две горошины черного перца, полстакана белого вина, белые грибы, белое сало шпиг». (*Отбрасывает книгу.*) Красок нету – все белое... Будем есть желтую яичницу с коричневой колбасой. Надежно, выгодно, удобно. (*Принюхивается.*) Дымком тянет... Вот она уже и

готова! (Убегает, возвращается со сковородкой.) Чуть-чуть порозовела. Теперь надо долить белой воды и положить белого хлеба. Получится... Забыл что, но что-то наверняка получится.

В дверь настойчиво звонят. ГРИША спешит открыть. Входит БОРОДКИН с импортным саквояжем и пластмассовым футляром для чертежей. Молча протягивает ГРИШЕ саквояж и футляр, по-хозяйски оглядывается. Элегантно вешает шляпу, плащ, пиджак. Со значительностью вынимает из саквояжа аккуратно сложенный халат, причесывается перед зеркалом, массирует колени, не обращая внимания на ГРИШУ.

ГРИША. Извините, вы к кому? Может, ошиблись этажом?

БОРОДКИН (закончив массаж, включает приемник, находит подходящую музыку, открывает футляр, из частей свинчивает швабру.) Служба быта никогда не ошибается, начальник. Полотера вызывали? То-то! (Из саквояжа вынимает ведро, из ведра – ведро поменьше, из него – еще поменьше, оттуда – банку с мастикой.) Какая имеется в наличии квадратура?

ГРИША. Чего?

БОРОДКИН. Ну, доступно говоря, метраж какой?

ГРИША. А!.. Тридцать два. С половиной.

БОРОДКИН. Так-с, проверим документацию... Плохо дело: вот, в квитанции ровно тридцать два.

ГРИША. Дело в том...

БОРОДКИН. Дело в том, начальник, что это переработка. А у нас наряды со второго полугодия сего года планирует компьютер. Доступно говоря – ай-би-эм. Я-то тебя могу понять, как человек человека. А компьютер – железка. Ему задали план, он его гонит. Выходит, из-за тебя мне идти на конфликт с искусственным разумом? Соображаешь?

ГРИША. Что ж теперь делать?

БОРОДКИН. Ты же не машина. Что делать? Мыслить! Раз переработка не в плане, требуется...

ГРИША. Понял! Конечно! Это будет, я понимаю...

БОРОДКИН. Слава тебе Господи, осознал. А то, бывает, на вид грамотный, а в суть явления проникнуть не может... Паркетик хорошо вымыли? Ну-ка зажги свет, темновато.

ГРИША. Дело в том... (Нехотя нажимает выключатель.)

БОРОДКИН (*быстро подходит к приемнику, резким движением выключает музыку*). А где паркет?! Не вижу!

ГРИША. Паркета нет.

БОРОДКИН. Где паркет, я тебя вежливо спрашиваю, начальник?! Это же линолеум. Чешский линолеум на шерстяной подкладке. Или ты дальтоник? У меня простой оборудования! (*Развинчивает швабру, укладывает ведра.*) Нет, это тебе даром не пройдет! Бывает, балуются, скорую вызывают или пожарную, так они теперь засекают, с какого телефона. В газетах уже было... Я в милицию пойду. (*Подумав.*) Или лучше в школу.

ГРИША. Правильно! Я вас за тем и вызвал!

БОРОДКИН. Без поллитры не разберешься. Зачем? Говори! Яичницу кушать? (*Нюхает.*) Горелую...

ГРИША. Но вы не даете мне сказать!

БОРОДКИН. Могу дать слово. Говори! Я бытовик широкого профиля: слесарь, плотник, газосварщик. Хочешь – трубы достану, водопровод на улицу выведу? Будешь с ведром по воду ходить. Хочешь – дверь пробью в соседнюю квартиру? Будет коммуналка. Но ты первым делом учти мой простой.

ГРИША. Учту, учту! (*Решившись.*) Я вас вызвал, потому что мне нужен отец.

БОРОДКИН (*после паузы*). Кто?

ГРИША. Отец.

БОРОДКИН. То есть папа?! А... твой где?

ГРИША. Понимаете, он... У него инфаркт, и ему нельзя волноваться.

БОРОДКИН. Бывает. У меня вот не сердце – мотор. Но и то болит, когда недопьешь и переспьешь. Полы бы твоему отцу натирать почаще – и порядок.

ГРИША. Так вы согласны?

БОРОДКИН. Таких услуг Служба быта не оказывает.

ГРИША. Да вам только в школу сходить.

БОРОДКИН. Зачем мне – в школу?

ГРИША. Когда вы учились, ваших родителей вызывали?

БОРОДКИН (*подумав, гордо*). Никогда! Я, сынок, был отличником. Не круглым, но почти. На второй год только раз остался и то не по справедливости. Учителя свою неспособность на меня свалили.

ГРИША. А если что-нибудь другое... Драка, например?

БОРОДКИН. Я в школе не дрался. Только на улице. Какой мне резон драться в школе, когда я первый разряд по футболу имел и еще боксом занимался?

ГРИША. Первый – по футболу?

БОРОДКИН. Да я в силу мастера играл! Мог в юные годы таких, как ты, десяток штабелем уложить и всех обвести. А ты в школе дерешься? Детей бьешь!..

ГРИША. Да не дрался я!

БОРОДКИН. А чего же ты натворил, раз отца требуют?

ГРИША. Ничего.

БОРОДКИН. Со мной крутить не надо. Ничего – так не бывает.

ГРИША. Бывает! Просто я новенький. Директор познакомиться хочет с отцом. Прочитает вводную лекцию – и все.

БОРОДКИН. И вся любовь? Конфликта нету? Ладно, говори быстро, начальник, что конкретно говорить.

ГРИША. Сходить к директору, будто вы мой отец. Ну, там выслушать, сказать, мол, все нормально и те-де, как в таких случаях говорят.

БОРОДКИН. Ага... Такое мы сказать можем... Но ты, значит, идешь на обман общественности? За это – знаешь что?

ГРИША (*испуганно*). Что?

БОРОДКИН. За это – дороже. Какая будет пойдá? Это показуха вроде как благодарность. Надо изучать иностранные языки.

ГРИША. Пойдá будет. Сколько?

БОРОДКИН. Если по тарифу, то на бутылку. И... еще четвертинку за вызов на дом.

ГРИША. Ого!

БОРОДКИН. А ты что хочешь? За копейку канарейку и чтоб пела басом? Вообще-то положена еще пеня за простой. Но пени брать не стану, сбегай по дружбе в продовольственный за пивком. Бутылочку!

ГРИША, поколебавшись, уходит. БОРОДКИН, напевая нечто бодро-спортивное, по-хозяйски лезет в холодильник, готовит бутерброд, хочет откусить, раздумывает, торжественно кладет на стол. Облизывает пальцы. Ждет пива.

БОРОДКИН. Сфера услуг с каждым годом расширяется. Задачи растут. Почему, собственно говоря, няню можно вызывать по телефону, а папу нельзя? Не будем стоять на месте. Пойдем навстречу растущим запросам потребителя. *(Подходит к окну.)* Во сколько понастроили! Бородкин, шевелись, перевыполняй, Бородкин! Вздохнуть, доступно говоря, некогда. Так по нарядам находишься, что и за получкой сил нет сходить. А тут еще тебя внепланово эксплуатируют. И приходится культурно обслуживать. Потому что клиент всегда прав. Сервис – это значит: проси что хочешь. Я – твоя золотая рыбка.

Вбегает ГРИША, размахивая бутылкой пива.

ГРИША. Лифт пустили! Здорово!

БОРОДКИН. Тише, пену взобьешь. Свежее? *(Берет бутылку, ловким движением открывает.)* Ясно, на лифте за пивом быстрее.

ГРИША. Это вы чем пробку снимаете?

БОРОДКИН. Авторучкой, чем же еще? *(Пьет из горлышка, закусывает.)*

ГРИША. Так что? Пошли?

БОРОДКИН. Сейчас? Уже надвигается обеденный перерыв. Трудовая дисциплина, понял? Давай аванс, я в стекляшку забегу...

ГРИША. Вот...

БОРОДКИН. Давай, давай, мелочь тоже сгодится. За тобой еще...

ГРИША. Я вам потом отдам.

БОРОДКИН. Смотри, не обмани папу! Ну, я побежал. Через полчаса ожидай меня у стекляшки, вон там. *(Показывает в окно.)* Аппаратуру мою не забудь! *(Убегает.)*

ГРИША. Ага!.. *(Звонят в дверь.)* Мама! *(Прячет имущество полотера, идет открыть.)*

Входит ЛАРИСА. Она взволнована.

ЛАРИСА. Какой-то псих чуть с ног не сбил... *(Оглядывается.)* У нас никого не было?

ГРИША. А что?

ЛАРИСА. Так, ничего!.. У меня кошки на душе скребут, а тебе весело.

ГРИША. Почему кошки – на душе? Без пол-литры не разберешься.

ЛАРИСА. Без чего?

ГРИША. Без пол-литры, Лариса Яковлевна.

ЛАРИСА. О боже, лексикон! Но тогда уж – без полулитра!.. И тут – я твоя мать, мог бы...

ГРИША. Тут мать, там не мать. А я кто тут и кто там?

ЛАРИСА (*обнимает его, целует, он отстраняется*). Не сердись, Гришенька! Ты сейчас в таком возрасте...

ГРИША. В каком – таком?

ЛАРИСА. Боюсь за каждый твой шаг.

ГРИША. Не надоело бояться?.. (*После паузы.*) Ма, дай денег, не спрашивая зачем.

ЛАРИСА. Завтра зарплата... Ты так это сказал – можно подумать ужасное.

ГРИША. Ничего серьезного. Заходил мастер – надо заплатить.

ЛАРИСА. Какой мастер?

ГРИША. Мастер... своего дела... Я скоро вернусь. (*Исчезает.*)

ЛАРИСА начинает прибираться в квартире. ГРИША тихо возвращается, незаметно забирает инвентарь Бородкина и выбегает.

Затемнение

Снова перед вторым занавесом аллея парка неподалеку от школы. На скамье ГРИША поджидает БОРОДКИНА.

ГРИША. Удивительная все-таки штука – школьная парта... И Эйнштейн, и Гитлер учились в одинаковых школах в одно время. Когда они были детьми – их воспитывали взрослые. А когда выросли? Кому вообще-то воспитывать, если получился брак?

Появляется БОРОДКИН. Вытирает рукавом рот.

БОРОДКИН. Ну, теперь можно и отдохнуть. (*Усаживается.*) Принял дозу для согрева и скушал две половинки харчо.

ГРИША. Почему две половинки, а не целое?

БОРОДКИН. Молодежь! Всему вас учить приходится. Перенимай опыт, не жалко. Потому что в двух половинах больше положат мяса, чем в одной целой порции, ясно?

ГРИША. Учту.

БОРОДКИН. Закурим?

ГРИША. Спасибо, не балуюсь.

БОРОДКИН. И правильно! А я вот имею этот отдельный недостаток... Давай, сынок, малость подремлем на солнышке. На последнем, на осеннем, подремлем, примем дозу лечебного сна. (*Устраивается поудобнее, закрывает шляпой глаза.*) Жизнь, сынок, борьба. По-грузински, брдзоли. До обеда брдзоли с голодом, после обеда – брдзоли со сном.

ГРИША. Вам в школу нужно.

БОРОДКИН. Мне? Что-то не помню... Так это тебе нужно! Это твоя брдзоли. А я должен расхлебывать, рисковать, можно сказать, своей честью, своей незапятнанной репутацией. Я – лучший полотер участка, так я считаю. Надо понимать! Пойду к твоему директору, буду нервную энергию затрачивать. А нервные клетки в организме не восстанавливаются. Лично читал в «Науке и жизни» и на себе проверил. Получается, ты меня посылаешь на вредные условия трудовой деятельности. Соображаешь?

ГРИША. Мы же договорились...

БОРОДКИН. Договорились! (*Обиженно.*) Добавлять надо, начальник.

ГРИША. Сколько добавлять?

БОРОДКИН. Сколько? За расход нервных клеток – еще на бутылку. Итого ты мне должен две.

ГРИША. Ладно, только сейчас нету.

БОРОДКИН. Отдашь! Не тяни – курс фунта стерлинга в Англии падает – читал? Поспать ты мне не дал, разгулял. Пошли! Где твоя школа?

ГРИША. Да вон, через улицу. Как в дверь войдете, налево канцелярия, а рядом кабинет директора. Только не забудьте, вы мой отец.

БОРОДКИН. Не бойсь! Как же я забуду, когда ты мне на две бутылки должен? Карауль тут аппаратуру. (*Идет, возвращается.*) Да, имя-то с фамилией у тебя есть?

ГРИША. Фамилия Лосев. Гриша.

БОРОДКИН (*смеется*). Лосев...

ГРИША. Лосев. А что?

БОРОДКИН. Выходит, на сегодняшний день я тоже Лосев? Я тебя вроде усыновил.

ГРИША. Это я вас у... упапíл... Упаперíл.

БОРОДКИН. Только без матерщины... Я пошел. Разбирайся пока. (*Крестится. Уходит.*)

Затемнение

Кабинет директора школы. СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ за столом напевает свое любимое, изображая духовой оркестр. Листает бумаги. В дверь стучит и входит БОРОДКИН.

БОРОДКИН. Извиняюсь за беспокойство, вы будете директор? Очень приятно. Я, можно сказать, прибыл, явился, одним словом. Вызывали, начальник? Я хотел сказать, товарищ директор. Я являюсь папой Лосева Григория из этого... как его... Сами знаете, чего мне вам объяснять?

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Вы – отец Лосева?

БОРОДКИН. Вот именно. Такая нагрузка. Извиняюсь, может, не вовремя?

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Нет, очень даже вовремя. Да, нагрузка у вас тяжелая. Хорошо, что зашли, я хотел с вами посоветоваться.

БОРОДКИН (*обретая твердость*). Правильно делаете. С народом надо советоваться. Мой-то Лосев натворил чего? Верно, что родителей на помощь призываете. Родители – это сила. (*Показывает кулак.*) Мы мобилизуемся и примем все меры!

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Нет-нет, товарищ Лосев. Все меры принимать – зачем же? Для беспокойства пока нет оснований.

БОРОДКИН. Когда основания будут, тогда поздно. Надо сейчас, сразу бить по основанию. Будьте спокойны, я ремешок берегу, солдатский. И если что, не сомневайтесь...

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Ни в коем случае! Прошу: никаких таких мер. Просто ваш сын – человек в нашей школе новый. В коллектив еще не вошел. Новенький – всегда кот в мешке.

БОРОДКИН. Значит, мой сын – кот?

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Это просто образ... Я вас пригласил познакомиться со школой. Школа наша, должен сказать, в районе на очень хорошем счету. И нам хотелось бы выяснить, какая обстановка у вас в семье?

БОРОДКИН. Обстановка нормальная. Гарнитур чешский за семьсот двадцать пять, холодильник ЗИЛ сделал, стиральная машина «Рига», швейная...

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ (*перебивая*). Я про обстановку в ином смысле. В духовном.

БОРОДКИН. Намек понял. И в духовном – ажур. Телевизор цветной «Сони», транзистор, конечно, импортный, проигрыватель, пластинки имеются, есть одна симфоническая. Сонат на балалайках исполняют.

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. А отношения у вас в семье? Не бывает похолоданий, грубости?

БОРОДКИН. Грубости? Никогда. Я домой пришел – с женой лишнего слова не говорю. Дай, убери – и никакой грубости. Она, правда, грубит. Это бывает, если под дозой придешь.

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Как?

БОРОДКИН. Неужели не понимаешь? (*Показывает.*)

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Ах вот что! Ясно...

БОРОДКИН. Но ты не думай, я свою меру знаю... Раньше, правда, бывало...

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Грубость?

БОРОДКИН. Бывало, и посуду бить приходилось. Приходишь – а она тебе мороженое подает. Она у меня мороженым торгует, а сейчас как раз в санатории профзаболевание излечивает – радикулит. Я, значит, мороженое в рот не беру, мясо уважаю, а она... Зачем мне мороженое? Пускай ребенок кушает.

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Я вижу, жизненные условия у вас весьма хорошие, а вот...

БОРОДКИН (*настороженно*). Это как понимать ваши слова – хорошие? Выходит, если хорошие, школе и делать нечего? Парень лентяй, труда чурается. Чтоб курил, этого, правда, нет, но моральный облик...

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. То есть?

БОРОДКИН. А кто его знает, где он вечерами с приятелями шляется. Может, и выпивает с приятелями, разве уследишь? Алкоголь в молодом возрасте не полезен. Я, понимаешь, требую, чтобы школа не чикалась. По всей строгости закона с ними надо. Забалуете, а мы, родители, отвечай. Они ведь разные вещи вытворяют, обманывают нас, как малых детей...

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Сын вас обманывает?

БОРОДКИН. А ты что думал? Еще как!

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. У вас есть факты?

БОРОДКИН (*одумавшись*). Не, фактов нету. Но вы тут, понимаешь, дисциплину крепите, а то...

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ (*устало*). Ладно, ладно, товарищ Лосев, обещаю вам крепить в школе дисциплину. Обещаю исправиться и мягко с детьми не поступать. И насчет вашего сына я буду иметь в виду. Но и вы, пожалуйста, имейте нас в виду... Скованы мы с вами одной цепью.

БОРОДКИН (*с опаской*). Какой цепью?

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Детьми. У меня к вам, как к родителю, просьба. Школа испытывает некоторые трудности. Это касается внутришкольных дел: оборудования кабинетов, оформления коридоров, уборки. Не готова выставка наших работ, паркет до сих пор не натерт... Не всё могут ребята сами, тут важно родителям на общественных началах...

БОРОДКИН. Натирать паркет? На общественных началах? Мне? (*Изображает полотера*.)

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Ну, зачем вам? Каждый может сделать, что ему по силам. Вы чем занимаетесь?

БОРОДКИН. Я?.. Я в сфере бытового обслуживания населения.

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Замечательно! Мы бы вам нашли применение. Было бы только у вас желание.

БОРОДКИН. Знаю! На общественных началах... Дело в том, начальник, что с желанием в этой области у меня как раз туго. Доступно говоря, времени дефицит... Вот и сейчас я тут у вас прохлаждаюсь. А работа горит. Я пошел, если все в ажуре...

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Понимаю! Спасибо, что зашли, давайте держать контакт, помогать друг другу. Не забывайте про нас, у нас ведь с вами цели одни.

БОРОДКИН. Ясное дело, будем держать! Ладно, директор, дай пять! (*Жмет руку.*) Покедова! Будь! (*Поспешно уходит.*)

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ трубит нечто грустное.

Затемнение

Перед вторым занавесом аллея парка. Появляется БОРОДКИН. Тяжело топает к сидящему на скамье ГРИШЕ с кулаком, поднятым над головой.

ГРИША. Как дела, папа?

БОРОДКИН. Своего отца с инфарктом бережешь, а меня, значит, чуть до инсульта не довел?!

ГРИША. Да нет у моего отца никакого инфаркта! Просто не живет он с нами. Зачем отец, когда их и так сколько угодно? Заплатил за вызов – и вся любовь. Верно?

БОРОДКИН. У, парень! Я думал, у тебя так, шуточки. А ты всерьез... Я стараюсь, конфликты заглаживаю, на сделку с совестью из-за него иду, а он... Но ты учти: если что, я тебя покрывать не стану, нет! Так и знай! И на кой ляд я в это дело ввязался? Вредная работа. Нервные клетки не возобновляются. А у меня их и так мало. Все на учете. Когда долг отдашь?

ГРИША. Завтра достану – отдам.

БОРОДКИН. Доставай больше. Еще добавить надо – сверхурочные, понял?

ГРИША. Я давно все понял.

БОРОДКИН. Правильно! Ладненько, давай сюда аппаратуру. Рабочий день кончается, а у меня еще четыре наряда. (*Листает.*) Двухкомнатная... Двухкомнатная... И две однокомнатные. Придется встать на трудовую вахту. Одной ногой – двухкомнатную, другой – однокомнатную. (*Зевает. Уходит.*)

Затемнение.

Квартира Бородкина. Вечер. Много мебели, тесно. АНЯ сидит на тахте, закутавшись в кусок пестрой материи, как в шаль. Играет на гитаре, поет страстный цыганский романс о безумной любви, встает, пританцовывает.

Танцую, достает тетради, в руках пляшут учебники. Входит БОРОДКИН, с любопытством останавливается у двери, ставит инвентарь, держит в руках газету.

АНЯ (*продолжая петь*). Уравне-енья, и-эх, не решены-ы!..

БОРОДКИН (*зажигает свет, обнаружив себя*). Уравне-енья, и-эх, не решены-ы! Оно и видно. Стоило матери уехать – началось.

АНЯ складывает шаль, кладет гитару. БОРОДКИН замечает, что Аня в шортах, свертывает газету трубочкой, действует как указкой.

БОРОДКИН. Это что?

АНЯ. Ничего особенного – модные шорты, только и всего. Сама сделала...

БОРОДКИН. Сама?! Но из чего? Из моих брюк, на которые я всю премию ухлопал. А ну, стягивай!

АНЯ. Ты их не носил.

БОРОДКИН. Стягивай! Приказываю!

АНЯ. Все равно уже поздно: я их немножко укоротила... Скажи лучше, почему от тебя опять пахнет?

БОРОДКИН. Это скипидар.

АНЯ (*берет у него газету, обмахивается, как веером*). Это портвейн! (*Вдыхает*). Ты, наверное, голодный? Садись, обед разогрею, хотя ты и не заслужил. Мама велела кормить тебя каждый день. А я ее послушная дочь.

БОРОДКИН. А мне ты – не дочь?

АНЯ (*пожав плечами*). Не знаю... Но купила тебе даже лимонада.

БОРОДКИН. Мне – лимонаду?

АНЯ. Тебе – лимонада.

БОРОДКИН. Ладно, перетерпим.

АНЯ. Но мое терпение может кончиться. Для чего полы натираешь?

БОРОДКИН. Не ведаешь, для чего? (*Смеется*). Не могу же я сам деньги печатать. Стало быть, натираю для денег.

АНЯ. Вот и видно, что для денег, а не для людей. И пьешь поэму. Ничего у тебя, папка, святого не осталось, рубле-

гонцем стал. Смотри, посколькунешься на бумажке!.. (БОРОДКИН машет рукой: *отвяжись!*) Иди руки мыть. Не зря мама говорит, что тебе лень рубаху вывернуть, если надел наизнанку.

БОРОДКИН. Оставь свои джентль-ментели! Отдай газету и готовь поесть.

АНЯ (*щелкает каблуками*). Слушаю, начальник! (*Убегает.*)

БОРОДКИН *включает репродуктор, передают известия: «В мире интересного. Чилийка Маргарита Рейес родила двадцать третьего ребенка. Ей шестьдесят один год. Она жена сельскохозяйственного рабочего. Мать и новорожденный чувствуют себя хорошо. В беседе с корреспондентом газеты «Сигло» Маргарита Рейес сказала, что желала бы иметь еще больше детей».*

БОРОДКИН (*разворачивая газету*). Отца бы спросили...

АНЯ (*входя*). А я бы не отказалась иметь столько детей. Это же просто счастье!

Звучит музыка. АНЯ продолжает метаться из кухни в комнату и обратно, накрывая стол. Собирает учебники и тетради, разбросанные по всей комнате. Садится напротив отца.

АНЯ. Прошу, месье! Тебе радио не мешает?

БОРОДКИН. Пускай поет, раз заплачено. (*Откладывает газету, ест.*) Слышала, что пишут: детям в этом году надо уделять внимание.

АНЯ удивленно смотрит на отца, прокрадывается к репродуктору, выключает музыку так, чтобы отец не заметил, садится за уроки.

АНЯ. У меня детей еще нет...

БОРОДКИН. Почитай, говорю, полезно! (*Показывает газету.*) Вот, статья: «Дети чужие – дети свои», автор Н.Ятаган... Смелый мужик... Ну, пишет! Хулиганство долбаит. Подростки такое вытворяют! Куда смотрит общественность?.. (*Вспоминает.*) Давай второе!.. Вообще-то ничего, вкусно. Кто тебя научил?

АНЯ. Мама, конечно. Не ты же!

БОРОДКИН. Не я. Это точно.

АНЯ (*смотрит газету*). А у нас в школе мальчишки учатся готовить. Директор сказал, это каждому пригодится. Даже соревнования устраиваем: кто сварит вкуснее. И есть такие ребята, что лучше девочек варят.

БОРОДКИН. И харчо могут?

АНЯ. Харчо в программе нет.

БОРОДКИН. И шашлыка нету? Чему же вас учат?

АНЯ. По шашлыку у нас мальчишки факультатив провели, когда мы в поход ходили. Вечером выкопали яму, угли раздули, а на них положили палочки с мясом. Вкуснотища! Не сравнишь с твоей стекляшкой!

БОРОДКИН. Вечером... выкопали? А домой? Домой когда же?

АНЯ. Домой? На другой день. Чтобы не холодно было, мы огромный костер разожгли и, когда земля прогрелась, песком засыпали. Спали в палатках, как на печке.

БОРОДКИН. А эти... Мальчишки?

АНЯ. Тоже спали – что же им делать?..

БОРОДКИН. Где они спали?

АНЯ. В палатке. Не под кустом же! Ты наелся?

БОРОДКИН. Сыт по горло. (*Закуривает. АНЯ молча собирает грязную посуду, уносит на кухню.*) Спину гнешь, создаешь блага, а они там шашлык в спальном мешке! И матери, как назло, нету. Дочь болтается, а ей и забот мало. Ей радикулит дороже... А поет! Нет, что ребенок поет?! (*Повторяет слова из романса о безумной любви. АНЯ возвращается, удивленно смотрит на отца, вытирает стол, начинает петь с ним дуэтом. БОРОДКИН входит в раж, потом спохватывается.*) Стань здесь! Как у тебя в смысле ученья?

АНЯ. Что это с тобой? Здоров?.. В жизни не спрашивал. (*Прикладывает ладонь к его лбу.*)

БОРОДКИН. Не спрашивал, но теперь спрошу. Отец я тебе, нет?

АНЯ. Ты? Мама – точно, мать. Она даже в школу на родительские собрания ходит. А ты? Это надо подумать... Ну, допустим, отец...

БОРОДКИН. Видали? Допустим... Во, поколение прет! Воспитываешь их днем и ночью, здоровья не щадишь. А они? Не только харчо, а черт те чо! Может, и ты звонишь, отца заказываешь?

АНЯ. Как – заказываю?

БОРОДКИН. Тут один деятель нашелся – вызвал паркет натирать, а на деле, чтобы я, значит, вместо его отца в школу... Слыхала такое?

АНЯ. И ты пошел?

БОРОДКИН (*патетично*). Как ты можешь подумать?! Видали, какие дети?!

АНЯ (*равнодушно*). Какие отцы – такие дети. (*Меняет тему.*) Ты уже поел, а телевизор еще не смотришь. Заболел? (*Целует отца в лоб, включает телевизор, садится за уроки.*)

БОРОДКИН (*про себя*). Подлизывается... Рыльце в пушку.

АНЯ (*искусственно*). Ах да, чуть не забыла... Тебя, между прочим, просила зайти Лариса Яковлевна.

БОРОДКИН. Это еще кто?

АНЯ. Наша новая классная.

БОРОДКИН. Зачем? Говори, что натворила?

АНЯ. Ничего! Сама удивляюсь...

БОРОДКИН (*после паузы*). Анна, а школа твоя где?

АНЯ. Не знаешь?

БОРОДКИН. Не поучай – говори дело.

АНЯ. Да у парка, против кино.

БОРОДКИН (*встает, ходит по комнате*). Так-так-так... По новой знакомиться... Ребенок распустился, а мать там моционит... (*Крадется к холодильнику, вынимает одну бутылку, другую – в них кефир.*) Опять расход нервных клеток, а они не восстанавливаются...

АНЯ. Ты мне говоришь?

БОРОДКИН (*сердито*). Нет, это телевизор. (*Выходит на авансцену.*) Что ж это я – многосерийным папой сделаюся? (*Включает джаз на полную громкость.*)

Занавес

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Перед вторым занавесом – аллея парка. Деревья голые, ветер. Пасмурно.

Сутулясь, входит БОРОДКИН, придержививая воротник, поеживается, долго глядит на небо. Укладывает на скамейку инвентарь. Садится рядом, открывает газету, просматривает.

БОРОДКИН. Во, Службу быта хвалят. Давно пора!.. О-хо-хо!.. Вот так всегда: учинишь чуткость, и сам же от этого страдаешь. Нарядов полный карман, а у тебя вынужденный простой оборудования. Ребенок дополнительные хлопоты создает. Девке грозит шестнадцать, а мать радикулит отдыхать повезла. Приедет – такую бучу закатит, я те дам! А я дочь уважаю, люблю, можно сказать... Человечка бы, чтобы вместо меня в школу забежал. В чем, мол, дело? Не волнуйтесь. Примем меры, соберемся с силами, налягем... Если что не так, виноваты, исправимся...

Появляется прохожий. БОРОДКИН вскакивает со скамьи.

Товарищ, эй!.. Чего спешит, будто где лишнюю зарплату дают? Вот еще...

Прохожий исчезает. Появляется другой.

Гражданин, минуточку! Слушай, друг... Нет, это женщина. Подумает, пристаю...

Так всю жизнь просидеть можно... Покуда ты в форме, ты, Бородкин, незаменим. А чуть сошел – на тебя верхом... Десять лет назад я еще за «дубль» играл. На скамейке сидел запасным. Здоровье было хоть куда. И сейчас осталось, но поубавилось. В магазине «Спорттовары» подорвал. Мне говорили: или, говорят, спорт, или, говорят, деньги – выбирай, Бородкин! Выбрал по любви, ан осечка. Завсекцией трудился – чуть не посадили. Образования не хватило. Всё бумажки разноцветные, купюры.

Появляется третий прохожий.

А может, с вами договоримся? Не, серьезно... Вот вы – вид у вас ничего, представительный... Сходите в школу, а? Сходи, друг, с учительницей побалакать, только и делов! Школа вон – за деревьями видать.

Другие прохожие возвращаются, смотрят.

Или вы – который даже на меня похож... Полчасика не жаль потратить – выйти на дело? Я в долгу не останусь. Кому какие услуги требуются, доступно говоря? Кому сделать чего? Можем проводку скрытую вывести для красоты наружу. Или потолок паркетом покрыть, чтобы гулять шире было. А то санузел перенесем на балкон – окрестности обозревать... Как Бородкин нужен, он всех готов выручить. А его обслужить – все взгляд отворачивают. И Бородкин отдувайся. Заслоняй всех своим широким профилем. И заслоняю. (*Влезает на скамью, митингует.*) А может, пойдá требуется? Будет. Ну, кто? Не могу я идти – вишь, запах какой? Не озон! Никак не выветрится... Боятесь? У самих рыльце в пушку? Так я вам скажу: вот вы тут сидите, а ваши-то, доступно говоря, дети, знаете что сейчас вытворяют? Где? И с кем? А Бородкин, он цельный день на улице, по дворам да подъездам... Такого наглядисься!.. Сидите, сидите... Вы еще ко мне обратитесь, спрашивать будете. Но я хорошее отношение так понимаю: ты мене, я тебе. А нет – я окаменеваю. Завтра сына или дочь вашу встречу, хоть что делай, не буду их воспитывать. Не буду – учтите!

Проходит еще один человек.

Эй, гражданин! (*Бежит вслед.*) Хоть ты-то помоги! Даже не обернется, дягья! Ну, и не надо! Вы Бородкина недооцениваете. Думаете, у него у самого совести нет? Есть! Есть всё! Я и сам управлюсь. При помощи общественности. (*Потрясает газетой.*)

Прохожие надвигаются на скамью.

Нет, покрывать не стану! А что? Бородкин – не человек? (*Забирает в охапку инвентарь, пятится, грозит всем кулаком, влезает в телефонную будку.*)

Затемнение.

Знакомый кабинет директора.

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ (*в дверях*). Лариса Яковлевна, можно вас на минутку? Ты тетради проверяла, я оторвал, извини.

ЛАРИСА. Ничего, мне немножко осталось. На следующей перемене успею... Что-нибудь важное?

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Ну как твой класс? Освоилась? Не кусаются?

ЛАРИСА. Я и сама кусаться умею. Так что мы квиты.

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. А как новенький?

ЛАРИСА. Лосев? Ученик как ученик. (*Помолчав.*) Почему он тебя занимает?

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Я с ним разговаривал дважды. Целеустремленный парень, математикой интересуется. Мой старший сын Иван такой же. Видно, время – для точных наук... Так вот насчет Лосева. Приходил его отец.

ЛАРИСА (*испуганно*). Кто приходил?

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Отец Лосева. Так он...

ЛАРИСА. Подожди... К тебе приходил отец Лосева?

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Чему ты удивляешься? Сама поручила Лосеву привести отца – по моей просьбе. Забыла?

ЛАРИСА (*сдержавшись*). Нет, я так... Да, конечно, отец. Что же тут особенного? Как он выглядит?

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Да так... (*Рисует в воздухе.*) Энергичный человек. У него такое выражение лица, будто он лично помнит чудное мгновенье. Только вот какое – сразу не поймешь.

ЛАРИСА. Я бы очень хотела с ним познакомиться.

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Непременно. Мы договорились держать контакт.

ЛАРИСА. Интересно, что он говорил о... сыне?

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Жаловался. Лентяй, говорит, труда чурается, сделать что-нибудь не допросишься. Возможно, плохая компания. Есть подозрение, что выпивает с приятелями.

ЛАРИСА. Выпивает? Чушь какая-то...

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Я тоже так думаю. Не похоже. Но смотри, пока не поздно, как бы он кривую дисциплины в твоём классе не загнул в другую сторону. Сходи-ка к ним домой. С матерью познакомься, чтобы не запускать. Она, кажется, мороженым торгует. По-видимому, педагогики никакой.

ЛАРИСА. Я не поняла: кто торгует мороженым?

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Мать Лосева. Что тут особенного?

ЛАРИСА. Да нет, ничего, конечно... (*Решительно.*) Стас! У тебя так бывает? Сделаешь глупость, а потом не знаешь куда деваться?

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. А куда денешься? Глупость – она всегда с тобой... Я хотел сказать – со мной!

ЛАРИСА. Перестань, я серьезно.

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. К серьезному разговору о глупостях я сейчас не готов, тороплюсь на комиссию по делам несовершеннолетних.

ЛАРИСА. У тебя в кабинете есть подпол?

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Подпол? Хм...

ЛАРИСА. Я бы туда охотно провалилась.

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Будет тебе!.. Я могу помочь? Ты же знаешь, как я к тебе отношусь...

ЛАРИСА. Я в тупике, дорогой директор. Скажи, можно идти на поводу у детей?

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. На поводу у детей? Хм-м... Если они умней нас...

Звонит звонок.

ЛАРИСА. Я давно должна была тебе сказать...

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Да что, наконец, произошло?

ЛАРИСА (*встает, приводит себя в порядок*). Извини, у меня урок... Я поговорю с ним. К тебе еще зайду. (*Стремительно выходит.*)

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ *удивленно смотрит ей вслед.*

Затемнение.

Вестибюль школы. Взрывы смеха, беготня, крики прокатываются волнами, как прибой. Входят ЛАРИСА и ГРИША.

ЛАРИСА (*кладет руку Грише на плечо, тот высвобождается*). Может, все-таки объяснишь мне, чтобы я не выглядела круглой дурой?

ГРИША. О чем ты?

ЛАРИСА. Не играй со мной в жмурки, я не твоя одноклассница!

ГРИША. Это не жмурки, а шахматы. Ты ходишь так, я так. Каждый по очереди. В прятки играют дети. Я не дети, начальник... То есть, мать... Ты объясни мне – я тебе, и вся любовь.

ЛАРИСА. Опять начинаешь меня мучить. Но что? Что я могу прибавить к тому, тебе известному?

ГРИША. Все остальное. Только не повторяйся. (*Скороговоркой.*) Отец – геолог, вы разошлись, ты сама себе хозяйка, так даже лучше, независимость женщине так же необходима, как мужчине, – все это я уже слышал. Слышал сто раз. Он с нами не живет – сам вижу. Раньше я был телком, мне всего этого хватало. А теперь – нет. Нет! Где мой отец? Не он сам мне нужен. Я хочу знать правду, только и всего.

ЛАРИСА. Но, может, сперва ты объяснишь, что произошло вчера у директора? Скажи, ради всего святого, кого ты привел?

ГРИША. Ничего особенного – отца.

ЛАРИСА. Но какого?

ГРИША. Какого? Ну, святого не нашлось... Привел... временного. Закрывать амбразуру...

ЛАРИСА. Очень мило. Очень! Прежде чем делать, мог...

ГРИША. Что? Что мог?!

ЛАРИСА. Не знаю. Посоветоваться!

ГРИША. А ты со мной советовалась, когда выбирала мужа? Тоже, между прочим, временного... Учти: мне просто прекрасно без отца. Он мне вообще не нужен! Отцов на свете сколько угодно. Только плати по таксе. Бери – не хочу!

ЛАРИСА. Что такое ты говоришь? Что с тобой? Твой отец – честный, хороший человек...

ГРИША. Да если бы он, например, вернулся, ноги моей в вашем доме не было бы! Знаем эту честность! Любите друг друга сколько хотите. Готовь ему каждый день индейку по-рыцарски. А я...

ЛАРИСА. Какую индейку? Гриша, Гришенька! (*Плачет.*)

ГРИША. Хороший? Честный? Да он тебя бросил! Жениться надо совсем. Когда не можешь без человека дышать, есть, спать! Я-то уж никогда не женюсь. На внуков – не рассчитывай. Он мне всё испортил.

ЛАРИСА. Почему – всё?

ГРИША. Почему? Да потому! Если бы не твоё легкомыслие, моим отцом стал бы другой человек, который не бросил бы меня!

ЛАРИСА. Я! Мне! Меня! Какой пещерный эгоизм! Отец – бесплатное приложение к тебе. А обо мне ты подумал? Тебя еще не было, но мы-то были! Любовь, семья, ребенок – это не одно. Это разное, не всегда бывает слито... Легко говорить, а понимаешь это не сразу, с годами, с опытом. И не все зависит от людей, есть обстоятельства, удачи, неудачи, судьба... Как просто подгонять все под один стандарт, давать советы и придумывать афоризмы. У нас с тобой не получилось, как у всех, – что же теперь?.. И потом, я думала, я верила, что так будет лучше...

ГРИША. А он? Что он? Пора, наконец, выяснить, кто виноват. Может, это не он бросил, а ты? (*Звонит звонок на урок. Школа затихает.*) Молчишь? Так я и думал. Значит, виновата ты! Ты сделала этот ход. Ты виновата, что он с нами не живет!

ЛАРИСА. Мне... надо на урок... И ты должен идти...

ГРИША. Нет, сперва ответь! Где он? В Сибири? На присках? На секретной работе? Я должен знать. В конце концов ты не имеешь права скрывать!

ЛАРИСА. Хорошо, хорошо... Я скажу, обещала, значит, скажу. Но мы ведь договорились – в шестнадцатилетие!

ГРИША. Сколько раз ты мне твердила про это шестнадцатилетие. Осталось два года, год, три месяца... Что изменится? Я поумнею? Или ты? Разве дело в числе?

ЛАРИСА. Нет, не в числе. Но должна же быть хоть какая-то условная граница – начало взрослости.

ГРИША. Граница... Опять граница... Я в кино через эту границу давным-давно перехожу – и ничего.

ЛАРИСА. Жизнь – не кино. Паспорта у тебя еще нет.

ГРИША. Паспорта?.. Некоторым его и в двадцать пять рано давать... А некоторым...

ЛАРИСА. Возможно, ты прав. Но дай мне собраться с духом. Прошу тебя.

ГРИША. Последний раз спрашиваю: скажешь? Нет? Тогда мне и не нужно твоего ответа. Тоже не с луны свалился, понимаю что к чему. Я это давно подозревал. Только сам себе не хотел признаваться. А теперь... теперь начинаю вообще о тебе думать иначе. И о себе тоже. Нет, я-то простачок, а? Конечно! Я обыкновенный нагулянный ребенок. А ты... ты...

ЛАРИСА. Подлец! (*Бьет Гришу по щеке. Он хватается за щеку. Лариса бьет его по другой.*) Даже если бы... Если бы! Все равно я твоя мать. И не временная!

ГРИША (*шепотом*). Можешь ударить еще. Что же ты?.. Все равно я тебе не верю. И не поверю! Слышишь? Поверю только самому себе. Сам найду отца, сам с ним поговорю начистоту, по-мужски!.. Домой меня вечером не жди! (*Убегает.*)

ЛАРИСА идет в одну сторону, возвращается. Наконец, берет себя в руки, уходит. Пауза. В вестибюле тишина, в классах идут уроки.

Появляется ГРИША, скрывается за Пушкиным. Входит АНЯ. Она в прекрасном настроении. Крадется, прячется за портьеру, видя, что никого нет, читает записку.

АНЯ. Срочно! Восклицательный знак. Я за Пушкиным!! Два восклицательных знака. Сорваться можешь? Вопрос. Подпись: Г.Л. (*Вытягивает из-за бюста Пушкина ГРИШУ.*) Гел, ты почему не на уроке? Англичанка рвет и мечет икру...

ГРИША. Тс-с-с... Отпросилась?

АНЯ. Элементарно. Записку как подкинул – сразу выдавила из авторучки все чернила на руку. Англичанка увидела, говорит: «Бородкина! Это не гигиенично. Пойди немедленно вымой!» Пришлось подчиниться... (*Показывает руку – всю синюю.*) Уже высохло, можно не мыть. (*Только теперь замечает, что Гриша мрачен.*) Ты чего хмурый? Случилось что?

ГРИША. Ничего особенного... Я возвращаюсь в старую школу.

АНЯ. На Сахалин? (*После паузы.*) Шутка?

ГРИША. Нашутился уже! Хотел с тобой попрощаться...

АНЯ. А деньги?

ГРИША. Деньги у меня есть. Скопил – как раз хватит. А там заработаю – грузчиком в порту.

АНЯ. Ты псих.

ГРИША. Не исключено.

АНЯ. А в чем все-таки дело? Мне можешь сказать, раз уж позвал?

ГРИША. Да тут... Отца липового привел, когда вызывали. В общем, заварушка.

АНЯ. Отца? Липового?

ГРИША. Ага, но не в этом дело.

АНЯ. А в чем же?

ГРИША. Мать крутит! Я ее на голову выше – нечего меня манной кашей кормить. Хватит! Поеду – найду отца. Уж ему-то вертеть ни к чему, раз он с нами не живет. А не найду, тогда гипотеза подтвердится. Сам проживу. Чего замолчала?

АНЯ. Так... Между прочим, что это за липовый отец?

ГРИША. Один подработать согласился. Полотер.

АНЯ. Полотер? (*Всё поняла, но решает пока не говорить.*) Учтем. Зачем же бежать? Я ведь тоже вопреки родителям расту – и ничего. Своя голова на плечах. А с матерью что будет, когда узнает? А с Ларисой Яковлевной?

ГРИША. До чего мне все надоели! Разжевываю: Лариса и есть... (*Запинается, потом уже уверенно.*) ...моя мать. Так что нервов будет вдвое меньше.

АНЯ. Дай лоб потрогаю! Холодный... Поклянись, что не валяешь дурака! Поклянись... Пушкиным!

ГРИША (*кладет руку Пушкину на плечо*). Ну, клянусь, клянусь.

АНЯ. Чего же ты скрывал, идиот? Матери стыдишься...

ГРИША. Смотри какая мать...

АНЯ. Она где?

ГРИША. На уроке – где ж ей еще быть?

АНЯ. Остроумный ход придумал: поедешь искать отца, который ее бросил, и сам ее бросишь? Пусть вообще останется одна! Все вы такие – эгоисты. А после чуть что – женщина виновата!

ГРИША. Не кричи, первоклассников испугаешь – заплачут.

АНЯ. Пускай закаляются.

ГРИША. Ты себя считаешь взрослой?

АНЯ. Я и есть взрослая. Доказать? Ты не поймешь.

ГРИША. Это почему?

АНЯ. Потому что ты – еще не взрослый. Вот ты ни с кем не здороваешься из принципа, так? И говоришь, что современный деловой человек – не попугай, чтобы повторять слово «здрасьте!» сто тысяч раз. Что глупо тратить столько слов и времени ни на что. И «до свиданья» тоже не говоришь. Экономить еще сто тысяч слов. А тратить время на человеческое отношение к людям – тоже предрассудок? Да твой деловой человек – обыкновенный хам.

ГРИША. Не возводи в степень мелочи.

АНЯ. Наоборот! Твоим методом: извлекаю из них корень. К другим предъявляешь жесткие требования, а сам? Вот и выходит, что я взрослей тебя. Можешь обижаться. Ты же мужчина, а я – слабая женщина.

ГРИША. Вы что – сговорились? Все мне это твердите...

АНЯ. Кто все?

ГРИША. Мать, ты...

АНЯ. Уж такие мы есть. Не думаю, что ты – как все! Тех, кто сам не думает, а поступает, как все, я просто презираю.

ГРИША. Решение принято, ясно?

АНЯ. Вы только послушайте! Нет, это фантастический индвидуум. «Решение принято... Сам решаю, сам голосую, сам выполняю». А каково другим, ему наплевать! Эх ты, продукт высокоорганизованной материи! Разве самостоятельность в том, чтобы смыться?

ГРИША. Послушай: всем известно: настоящие друзья помогают, липовые дают советы. Я начинаю думать...

АНЯ. Ничего я не советую! (*Вдруг.*) Просто... Мне будет плохо, если уедешь... Никогда не увидимся... Поцелуй меня!

ГРИША (*Растерянно*). Сейчас? Здесь?

АНЯ. А что – боишься?

ГРИША. Я?!

АНЯ. Не я же!

ГРИША (*оглядываясь*). Пожалуйста! (*Целует.*)

АНЯ. Ну вот! Теперь прощай.

ГРИША. Я тебе напишу.

АНЯ. Можешь выполнить просьбу, первую и последнюю?

ГРИША. Допустим.

АНЯ. Ты решил. Ты едешь. Ты сильный. Ты никого не боишься?..

ГРИША. Допустим...

АНЯ. А я за тебя боюсь. Перед тем как ехать, сходи к Станиславу Петровичу.

ГРИША. Зачем?

АНЯ. Он – голова, что-нибудь посоветует. Справочку даст. Вместо паспорта. Он и денег ребятам давал, когда взяли в поход в прокате транзистор и под деревом его оставили.

ГРИША. Обойдусь!

АНЯ. Тогда – прощай. Мне остается ждать, чем кончится история с моим отцом.

ГРИША. При чем тут твой отец?

АНЯ. А это он – твой персональный полотер... Я пошла на урок – опрос уже кончился. Привет, начальник! (*Уходит.*)

ГРИША. Подожди! Как же так!.. (*Бежит за ней.*)

Затемнение.

Перед вторым занавесом – аллея парка. На скамье сидит НИНА ГРИГОРЬЕВНА. Она сосредоточенно вяжет – нитка выползает из ее огромного портфеля.

Входит БОРОДКИН – с инвентарем. Садится на противоположном конце скамьи, складывает аппаратуру.

Пауза.

БОРОДКИН (*откашлявшись*). Мамаша... Гражданочка!..

НИНА ГРИГОРЬЕВНА не реагирует. БОРОДКИН деликатно трогает ее за плечо.

НИНА ГРИГОРЬЕВНА (*оторвавшись от вязания*). Что вам угодно?

БОРОДКИН. Виноват, отвлекаю... Но я так наблюдаю: вы как есть пенсионерка. Не могли бы вы кислород на другой лавочке поглощать? А то у меня аккурат на этой совещание назначено.

НИНА ГРИГОРЬЕВНА. У меня – тоже.

БОРОДКИН (*насмешливо*). Интимное?

НИНА ГРИГОРЬЕВНА. Нет, деловое.

БОРОДКИН. Не деловой моего. Я представителя жду оттуда. (*Присаживаясь, показывает пальцем вверх.*)

НИНА ГРИГОРЬЕВНА. Из космоса?

БОРОДКИН. Из органа печати. (*Значительно.*) Печать – знаешь что такое? Оружие. Как пальнет, два выхода: или снят, или уволен. Читать надо газеты, мамаша, они расширяют!

НИНА ГРИГОРЬЕВНА (*без эмоций*). Я иногда читаю. Это вы писали в редакцию, Бородкин?

БОРОДКИН. Шутка юмора?

НИНА ГРИГОРЬЕВНА. Вот мое служебное удостоверение. (*Показывает.*)

БОРОДКИН (*вскочив*). Вы – Н.Ятаган?! А это? (*Изображает вязание.*) Для конспирации? У меня сразу подозрение возникло, что это вы, но виду не подал.

НИНА ГРИГОРЬЕВНА. Я так и поняла.

БОРОДКИН. Вот-вот, на всякий случай обознался. Так вы, значит...

НИНА ГРИГОРЬЕВНА. Старуха, хотите сказать?

БОРОДКИН. Я думал, мужчина.

НИНА ГРИГОРЬЕВНА. Уж извините, какая есть. Садитесь, пожалуйста! По телефону вы сказали, что хотите сообщить вопиющий факт, касающийся облика молодежи. И дело не терпит отлагательства.

БОРОДКИН. Точно так! Являясь сам отцом, доступно говоря, папой... В том смысле, чтобы другим неповадно было... Ну и, сами понимаете, как это у вас там, принять меры, пропесочить...

НИНА ГРИГОРЬЕВНА. Прошу ближе к сути. Излагайте!
БОРОДКИН (*осторожно*). Извините за нескромный вопрос: какая у вас в печатном органе пойдá?

НИНА ГРИГОРЬЕВНА. То есть?

БОРОДКИН. По-вашему – гонорар...

НИНА ГРИГОРЬЕВНА. Разумеется, всякий труд оплачивается. Что вас больше заботит, Бородкин, – моральный облик или гонорар?

БОРОДКИН. Облик – нет вопроса! Это я так, на всякий случай.

НИНА ГРИГОРЬЕВНА. Тогда, если можно, перейдем к фактам. Там и с гонораром видней будет.

БОРОДКИН. Слушаюсь и повинуюсь. Доступно говоря, живет тут в нашем микрорайоне, в новостройке, пацан и учится вон в той школе. Директор отца его вызвал, а маленький этот за трешку нанял постороннего, чтобы тот, значит, удар на себя принял, а он – сухим из воды.

НИНА ГРИГОРЬЕВНА. Для чего же столько сложностей? Свой-то отец... дешевле.

БОРОДКИН. Парнишка этот – безотцовщина, понятно? Нет чтобы прийти к директору и прямо заявить: так, мол, и так, имеет место недовоспитанность по причине отсутствия пятидесяти процентов родителей, – он на обман пустился. А ежели каждый отцов и матерей нанимать будет...

НИНА ГРИГОРЬЕВНА (*вынимая диктофон, блокнот и ручку*). Имя?

БОРОДКИН (*осторожно*). Чье?

НИНА ГРИГОРЬЕВНА. Парня вашего.

БОРОДКИН. Э, нет! Ничего себе, добрая услуга!

НИНА ГРИГОРЬЕВНА. Тогда этого человека, которого он нанял...

БОРОДКИН. Это еще труднее вспомнить... Вы ведь все равно обобщать будете. Ну, там: некоторые школьники доходят до того, что... И так далее... Или придумайте сами фамилию какую-нибудь.

НИНА ГРИГОРЬЕВНА. Что у вас за ампула? Вы кто по профессии, Бородкин?

БОРОДКИН. Бытовик широкого профиля.

НИНА ГРИГОРЬЕВНА. Образование?

БОРОДКИН. Вышее. Начатое... Шутка юмора.

НИНА ГРИГОРЬЕВНА. Как же вы, сами отец, да еще широкого профиля, согласились на предложение этого парня?

БОРОДКИН. Минуточку! Откуда вы знаете, что это я и что согласился?

НИНА ГРИГОРЬЕВНА. Предполагаю. Вы ведь клиента не хотите подвести?

БОРОДКИН (*после паузы, перестраиваясь на ходу*). Взвалил ношу, да... Но почему? Чтобы был налицо состав пр... хм... проступка. А иначе – как их махинации разоблачишь? (*Воодушевляясь*.) Я специально пошел на это дело для уяснения и разоблачения его морального облика.

НИНА ГРИГОРЬЕВНА. Оставлять случай нельзя. Факт есть, надо разобраться не торопясь.

БОРОДКИН. Только уговор: фамилию этого Лосева надо заменить.

НИНА ГРИГОРЬЕВНА. Как вы сказали? Лосева?!

БОРОДКИН. Проговорился. Вижу, вы человек свой... Лосев... Лось с рогами...

НИНА ГРИГОРЬЕВНА. Лосев?! А зовут – Гришей!

БОРОДКИН (*изумленно*). Точно! Уже кто сообщил?

НИНА ГРИГОРЬЕВНА (*садится*). Никто! Профессия такая... Гришей его в честь прадеда назвали.

БОРОДКИН. Вот прадеду не повезло!

НИНА ГРИГОРЬЕВНА. Не только прадеду... Дело в том, что я Нина Григорьевна Лосева. С рогами, его бабушка. Ятаган – мой псевдоним. Такие наши дела, бытовик широкого профиля...

Затемнение

Снова кабинет директора. СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ, чуть прихрамывая, ходит по кабинету. ГРИША сидит, наклонив голову, за ним стоит АНЯ.

АНЯ. Понимаете теперь?!

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Семнадцать лет в школе работаю, а такого не слышал. Ай да Лосев! Мне казалось, что вы человек с развитым рефлексом цели. Не плывете по течению, а правите сами! Вот так направил!.. Ну, что будем делать?

ГРИША (*поднимает голову*). Не знаю, что вы, а я насчет себя решил.

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. То есть?

АНЯ. Он решил уехать обратно на Сахалин.

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Вот оно что!.. И чем же намереваетесь там заняться?

ГРИША. Не пропаду!

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Не сомневаюсь. Если всё обдумал и решил твердо... Но – зачем?

ГРИША. К отцу!

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Вот что! Значит, к настоящему отцу... А мать и Лариса Яковлевна – знают?

АНЯ. Его мать и есть Лариса Яковлевна! Конечно, знает. Из-за нее...

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ (*выбегая из кабинета*). Где же Лариса Яковлевна? Целый день ее ищу!.. (*Останавливается. Грише.*) А в школу тебя записывала...

Стремительно входит НИНА ГРИГОРЬЕВНА с портфелем, за ней ЛАРИСА.

НИНА ГРИГОРЬЕВНА (*заканчивая реплику Станислава Петровича*). ...В школу его записывала бабушка. Вы тогда были в отпуске, Станислав Петрович. Здравствуйте!

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ (*автоматически*). Здравствуйте. Очень приятно. (*Узнав.*) Нина Григорьевна, вы?

НИНА ГРИГОРЬЕВНА. Я! А с дочерью вы, кажется, знакомы.

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. С дочерью – да.

ЛАРИСА. Мама, прошу тебя...

НИНА ГРИГОРЬЕВНА. Видите ли, Станислав Петрович...

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ (*перебивает*). Минуточку! Лариса! Дело, видите ли, в том, что... Словом, я хочу вас познакомить...

ЛАРИСА (тихо). Да, Стас, это мой сын.

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Наконец-то и до директора школы дошло!

ГРИША (*бросается на защиту матери*). Это я просил ее не говорить! Я!..

НИНА ГРИГОРЬЕВНА (*решительно*). Гриша и девочка, – не знаю твоего имени, – могу я вас попросить оставить нас?

(Ждет пока Гриша и Аня уйдут.) Лора! Стас! Объясните мне, что здесь происходит?

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Видите, Нина Григорьевна...

НИНА ГРИГОРЬЕВНА. Вижу. И удивляюсь своей дочери. Вы, Стас, порядочный человек... Погодите, я не договорила. А Лариса...

ЛАРИСА. Мама, замолчи!

НИНА ГРИГОРЬЕВНА. Нет, я почти семнадцать лет молчала. Больше не намерена!

ЛАРИСА. Мама, ради Гриши!..

НИНА ГРИГОРЬЕВНА. Нет уж, именно ради Гриши! Нельзя же семнадцать лет измываться над человеком. От перенапряжения даже в металле появляются усталостные трещины. Это называется, кажется, сопромат. Такого предмета в пединститутах не проходят, а зря! Так вот, Стас! Я обязана вам это сказать. Гриша носит мою фамилию, да мою... И вообще наш женский монастырь ему должен был рано или поздно надоесть.

ЛАРИСА. Мама, ты не имеешь права!

НИНА ГРИГОРЬЕВНА. Ты говоришь о праве? Но теперь оно не твое. Вернее, только наполовину твое – сын вырос. Вырос!.. И вы должны знать, Стас! В любом случае должны, как бы вы к этому не отнеслись! Вам в жизни не повезло. Попалась вам на пути так называемая независимая женщина, гордячка. К несчастью, это моя дочь. И скрыла... Словом, беру грех на душу, разглашаю государственную тайну. Грише надо ехать искать отца, которого его родная мать выдумала. А уж нанимать за две бутылки водки – тем более. Его отец... (Указывает на Станислава Петровича.)

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Лариса, это правда?

ЛАРИСА. Прости... Стас...

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ отступает к стене.

НИНА ГРИГОРЬЕВНА. Я все сказала, Стас, чтобы вы с Ларисой сами теперь решили, говорить ли это Грише. И, если говорить, то когда: сейчас, после шестнадцати, после школы? А может, вообще не говорить? Как вы решите, так и будет. Я всё сказала, и я умываю руки.

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ как-то сразу постарел. Он резко поворачивается и, прихрамывая, выходит.

Пауза.

ЛАРИСА. Зачем ты это сделала, мама?

НИНА ГРИГОРЬЕВНА (*будто не слышит*). У меня в кармане билет до Тюмени, мне пора. Там склочная история, не чета вашей. Дальше разбирайтесь сами, а меня увольте... Жаль, домой зайти не успею.

НИНА ГРИГОРЬЕВНА (*прежде чем уложить в портфель вязание, разворачивает в воздухе спинку будущего свитера*). В самолете Гришке довяжу... За окном-то слякоть, бррр... Чует мое сердце, рейс отложат, и придется сидеть в Домодедове. Тогда свяжу быстрее.

НИНА ГРИГОРЬЕВНА уходит. Снова пауза. Крадучись, появляется БОРОДКИН. В руках у него саквояж.

БОРОДКИН (*обрадованно*). Здравия желаю!

ЛАРИСА. Ох, вы меня испугали...

БОРОДКИН. Виноват. Вызывали, начальник... Хм... Вроде, так сказать, учительница... Я хотел у вас выяснить насчет Бородкиной Анны... Вытворяет чего?

ЛАРИСА. Вы – ее отец?

БОРОДКИН (*радостно*). Отец! Отец! Натуральный!..

ЛАРИСА. Ну что же? Девочка самостоятельная. Ничего не вытворяет. А вот... Я могу говорить откровенно?

БОРОДКИН. Как же – всю правду-матку!

ЛАРИСА. Вот семья ее меня беспокоит...

БОРОДКИН. У нас мать – того... Уехала. По радикулитному делу. А я несу бремя. Но если что, не сомневайтесь: ремешочек берегу. Солдатский.

ЛАРИСА. Ремешочек? Про воспитание почитайте лучше...

БОРОДКИН. Пока читать будем, они загремят туда, куда и Макаренко телят не гонял.

ЛАРИСА. Хочу вас спросить, папаша Бородкин: вы дочь любите?

БОРОДКИН. Да у меня, кроме нее, ничего святого нет! Она меня к вам сейчас и привела. Вы что думаете, Бородкин – человек конченный? Да я, если хотите знать, сегодня сам харчо сварил... Она у меня уже невеста на вид... У нее данные цирковые, говорят. А я зевнул. Встрял в историю... Это всё Лосев! Но теперь всё, завязал!

ЛАРИСА. С моим сыном разговор будет особый.

БОРОДКИН (*пятится*). Сын?! Я думал, у него одна бабка... С рогами!..

Затемнение.

Вестибюль школы с бюстом Пушкина. Уроки кончились. ГРИША и АНЯ.

АНЯ. Подожди до школьного вечера!

ГРИША. Нет! А зачем?

АНЯ. Затем. Потанцуем!

ГРИША. Я не умею...

АНЯ. Хочешь, научу? Правда, ты нескладеха.

ГРИША. В принципе я не такой уж неспособный, как это кажется...

АНЯ. Девушку держат вот так. (*Берет его руку.*) И крепче. Чтобы она не потерялась в толпе. Третья позиция. Оркестр, музыку, пожалуйста! Нет оркестра – не надо. И... раз-два-три! Раз-два-три!..

ГРИША (*смущенно*). Ну как? Подаю надежды?

АНЯ. Такая учительница, как я, и гиппопотама научит.

ГРИША. А долго надо учиться танцевать?

АНЯ. Хорошо – наверно, всю жизнь.

ГРИША. Тогда проще траекторию танца рассчитать математически и выпустить робота.

АНЯ. Робота? Но ведь он и будет танцевать, как робот!

АНЯ танцует вокруг Гриши, имитируя робота.

ГРИША. Здорово у тебя получается!

АНЯ (*простоудушно*). Ага!.. Я... хотела узнать твое мнение. Бывает любовь с первого взгляда?

ГРИША (*категорически*). Нет! Конечно, нет!

АНЯ. А со второго?

ГРИША. Ты серьезно?

АНЯ. Абсолютно. Если не бывает с первого, то с какого же бывает? С восьмого? С тридцать третьего? По-моему, бывает даже с первого. Только... надо угадать, какая... (*Неожиданно*.) Говорят, девчонкам и то нельзя, и это. Я так решила: все могу сама. Полюблю – сама предложение сделаю...

ГРИША. Кому?

АНЯ. Никому! Вообще...

ГРИША. А если он тебя бросит?

АНЯ. Разорвусь! Как граната, когда ее бросают... Почему так получается? Труднее всего делать то, что проще всего. Жить дружно, говорить правду... Ведь сколько калорий тратят на вранье, на то, чтобы идти не прямо, а зигзагами! Я поняла: надо жить проще. Легко и ясно, как цветы живут. И всегда поступать естественно. Тянуться вверх, к солнцу, и всё.

ГРИША. Если не получается просто, а все получается сложно?

АНЯ. А вдвоем?.. Уже чуть-чуть легче...

ГРИША (*упрямо*). Я вообще в любовь не верю.

АНЯ. Ну да?! Любовь – это крылья, несущие тебя... (*Неопределенно крутит пальцем в воздухе*.) Я читала...

ГРИША. Ты читала, как орлы разбиваются о скалы? Орлы! А люди тем более... (*Задумывается*.) Так я считал еще вчера. А сегодня – не знаю... Тс-с-с...

Прячутся за бюст Пушкина. К нему медленно приближается СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ. Он снимает дощечку «Осторожно, окрашено!»

АНЯ за руку вытаскивает из-за Пушкина ГРИШУ.

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ (*увидев ребят*). Вы здесь? (*Поколебавшись*.) Гриша, я вас ищу. У меня к вам мужской разговор. Извините, Аня...

АНЯ. Я понимаю. Пожалуйста... (*Уходит*.)

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ (*кладя руку Грише на плечо*). Пройдем ко мне в кабинет, там нам никто не будет мешать. (*Уходит в другую сторону*.)

В пустой школе появляется БОРОДКИН с саквояжем. Оценивающие осматривает Пушкина, крутит пальцем у его виска.

БОРОДКИН. Гипс... (Оглядывается.) А в школе паркетик того... не зеркало...

БОРОДКИН степенно разворачивает и подготавливает аппаратуру, надевает халат, посыпает пол восковой стружкой, в общем священнодействует.

Возникает тихий барабанный ритм. БОРОДКИН начинает натирать полы, ритмично двигаясь под музыку вдоль рампы. Музыка становится громче и быстрее. ВСЕ участники спектакля выходят из-за кулис и смотрят, как работает БОРОДКИН.

Занавес.

Конец.

ПРИМЕЧАНИЯ

Роман для детей «Каникулы по-человечески» и повести, входящие в пятый том, написаны молодым Дружниковым в Москве в шестидесятые, начале семидесятых годов, когда серьезная проза писателя, за исключением рассказов, изредка появлявшихся в журналах, практически не издавалась. При полной невозможности высказаться была предпринята попытка проташить кое-какие мысли через детскую литературу, в которой, казалось, существуют запреты иного рода и «взрослые» намеки останутся незамеченными. Так начала писаться проза с двойным дном: текст для маленьких читателей, а подтекст для больших, юмор для детей, а сатира для взрослых.

КАНИКУЛЫ ПО-ЧЕЛОВЕЧЕСКИ. Роман был анонсирован в издательских планах, набран, начал печататься в урезанном виде в издательстве «Советская Россия» (1973), а затем вообще запрещен. Позже роман распространялся в рукописи,— уникальный случай детского Самиздата, о котором в 1979 году писала газета «Вашингтон пост».

НЕОБЫЧАЙНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЛИНЕЙКИНА-СЫНА В КАЛОШАХ БЕЗ ЗОНТИКА. Современная сказка с волшебником и посрамлением зла; но в то же время это попытка сказать сатирическое слово о прославлении липовых героев и выжившей из ума старой гвардии, поклоняющейся памятнику тореадора Эскамилью.

ЗАЙЦЕМОБИЛЬ. Рассказы из этой повести были частично опубликованы в книге рассказов (издательство «Молодая гвардия», 1971), а также в коллективных сборниках произведений разных авторов.

УЧИТЕЛЬ ВЛЮБИЛСЯ. Комедия была издана для театров ограниченным тиражом. Премьера спектакля состоялась не в Москве, а в Астраханском ТЮЗе (1975); вскоре пьеса была запрещена. Снова пошла на сцене в России после августовского переворота 1991 года.

ОТЕЦ НА ЧАС. Комедия была принята к постановке (1976), а затем запрещена.

СОДЕРЖАНИЕ

КАНИКУЛЫ ПО-ЧЕЛОВЕЧЕСКИ. Роман	7
Первая история. Дядя Витя соскучился	11
Вторая история. Рано утром в аэропорту	14
Третья история. Носите на здоровье!	16
Четвертая история. Самый сладкий рейс	18
Пятая история. Вот мы и дома	20
Шестая история. Специалист ниже нуля	22
Седьмая история. Начинаются неприятности	25
Восьмая история. Елка-палка	27
Девятая история. Мама работает папой	30
Десятая история. «Наполеон» с приветом	32
Одиннадцатая история. Волга впадает не туда	34
Двенадцатая история. Я или она?	36
Тринадцатая история. У Кольцовых гости	38
Четырнадцатая история. Странный Новый год	42
Пятнадцатая история. Капуша	44
Шестнадцатая история. Мороженое для лейтенанта Кислицы	49
Семнадцатая история. Это просто безобразия	52
Восемнадцатая история. Девочка с ребенком	54
Девятнадцатая история. Во дворе злая собака	56
Двадцатая история. Жора загорелся	58

Двадцать первая история. Ключ	60
Двадцать вторая история. Ошибка клоунов	63
Двадцать третья история. Руки, ноги, голова	67
Двадцать четвертая история. 5:3 в пользу обезьяны	70
Двадцать пятая история. Поход	73
Двадцать шестая история. Фото на память	76
Двадцать седьмая история. Оля уезжает	79
Двадцать восьмая история. Как стать красивой	81
Двадцать девятая история. Обезьяний вопрос	83
Тридцатая история. Шутки в сторону	84
Тридцать первая история. Маэстро выходит на дело	87
Тридцать вторая история. Новая мода	89
Тридцать третья история. Караул!	91
Тридцать четвертая история. Разбойник с большой дороги	93
Тридцать пятая история. Заявление в милицию	94
Тридцать шестая история. Виктор спешит в газету	96
Тридцать седьмая история. Человекообразный заяц	97
Тридцать восьмая история. Жору ограбили	100
Тридцать девятая история. Заговор	103
Сороковая история. Коллеги за решеткой	104
Сорок первая история. Трудно быть артистом	108
Сорок вторая история. Слезы	111
Сорок третья история. От звезд на такси	113
Сорок четвертая история. Куда делась Оля?	115
Сорок пятая история. Верхом на мотоцикле	117
Сорок шестая история. Погоня	120
Сорок седьмая история. Кислица получает приказ	123
Сорок восьмая история. Тридцать восемь и две десятых	124
Сорок девятая история. Скандал у перекрестка	126
Пятидесятая история. Капуша вернулась	130
Пятьдесят первая история. В школу вместо Оли	132
Пятьдесят вторая история. Очень обидно	136
Пятьдесят третья история. Фигурное кривляние	137
Пятьдесят четвертая история. Серьга в носу	140
Пятьдесят пятая история. А как же свадьба?	143
Пятьдесят шестая история. Жора сматывает удочки	145
Пятьдесят седьмая история. Остается пять минут	148

Пятьдесят восьмая история. Гости из Африки	152
Пятьдесят девятая история, очень похожая на эпилог. Каникулы кончились	160
НЕОБЫЧАЙНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЛИНЕЙКИНА-СЫНА В КАЛОШАХ БЕЗ ЗОНТИКА. Повесть	
Приключение первое. Человека обидели	165
Приключение второе. В однокомнатной квартире Линейкиных	171
Приключение третье. Вот это да!	178
Приключение четвертое. Еще не чемпион, но...	190
Приключение пятое. Завертелось, закружилось	197
Приключение шестое. С милицией лучше не ссориться	206
Приключение седьмое. Калоши оставляют следы	214
Приключение восьмое. Пока не поздно	220
Приключение девятое, в котором героя награждают дыркой от бублика	228
ЗАЙЦЕМОБИЛЬ. Повесть из рассказов, веселых и грустных	
Дверь	241
Таблетки от хулиганства	249
«А у вас есть квитанция?»	256
Не выше четверки!	266
Хромой Дед Мороз	273
Требуются кошки	278
Зайцемобиль	286
Генка, флора и фауна	293
Меченый лещ	300
Семь автобусов и грузовик	307
Обойдемся без Джульетты	315
Нет велосипеда, есть велосипед	322
Таинственные письма	329
Родная стена	334
УЧИТЕЛЬ ВЛЮБИЛСЯ. Комедия	343

ОТЕЦ НА ЧАС. Комедия	405
ПРИМЕЧАНИЯ	457